3 1761 08820949 9

LR
56396

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

В.В.ВЕРЕСАЕВА

Epsend.J

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

4

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

46 0105
1.4.47

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1913.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1913 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

РАЗСКАЗЫ О ВОЙНѢ.

I.

ИЗДАЛИ.

Съ полудня войска отступали. Въ горячемъ, липкомъ воздухѣ неподвижно стояла пыль. Она хрустѣла на зубахъ, забивалась въ глаза. Солнце пылало и жгло.

А справа, въ голубоватой дымкѣ, непрерывными цѣпями тянулись сопки. Казалось, будто на нихъ снова движутся зловѣщія точки, вспыхиваютъ струистые огоньки. Такъ было два часа назадъ: вдругъ оттуда, изъ смутной дали, на отступавшихъ полетѣли шрапнели, и сыпались, и били въ густыя кучи людей, лошадей и повозокъ; медленно двигавшійся потокъ отступавшихъ всколыхнулся и ринулся впередъ, а шрапнели все сыпались и били вслѣдъ... И съ пугливымъ ожиданіемъ всѣ теперь посматривали туда, на эти загадочно-молчавшія сопки. Вполголоса передавался слухъ, что за сопками спѣшитъ впередъ японская колонна, чтобъ отрѣзать армію съ сѣвера.

Въ густой, желтовато-сѣрой тучѣ пыли шла по краю дороги кучка солдатъ Пожарскаго полка. Они шли, какъ всѣ, вяло волоча ноги, съ вяло болтающимися на плечахъ винтовками. То одинъ, то другой забѣгалъ за кустъ, оглядывался и поспѣшно сбрасывалъ съ себя скатанную шинель и вещевой мѣшокъ. Потомъ радостно расправлялъ свободную, мокрую отъ пота спину и нагонялъ товарищей.

Среди нихъ ковылялъ, опираясь на винтовку, рядовой Василій Лобановъ. У него была прострѣлена пулею мякоть бедра. Тонкое, слегка надменное лицо было угрюмо. Онъ сосредоточенно работалъ винтовкою, держа ее обѣими руками и упираясь прикладомъ въ землю.

Рядомъ развалистою походкою шелъ рябой, приземистый Алешка Семерухинъ. Винтовка на плечѣ лѣниво ѣздила вправо и влѣво, штыкъ чертилъ по воздуху зигзаги. Ухмыляясь своею потною, широкою рожею, Алешка говорилъ, обращаясь въ воздухъ, неизвѣстно къ кому:

— Знаешь, какъ въ пѣснѣ арестанты поютъ: «Не плачь, матушка родная! Дальше солнца меня не угонятъ, а Сибирь— нашего царя!..» Вотъ то же и мы. Дальше солнца не угонятъ насъ, а въ Сибири мы ужъ были... Раньше Сибирью пугали, а теперь мы тамъ ужъ были!

Лобановъ хмуро косился на Алешку и молчалъ. У него не было въ душѣ смѣха; была глухая, застывшая ненависть къ врагу, былъ стыдъ за себя, а больше всего—гнетущее, томительное недоумѣніе. Онъ по собственной волѣ перевелся изъ Россіи на войну, ждалъ боя съ удалымъ, немного жуткимъ чувствомъ,—и вотъ бой произошелъ. Но что̀ же такое было?

Что̀ такое было?

Сначала нѣсколько дней они сидѣли въ окопахъ, среди поля съ наскоро скошеннымъ каоляномъ. Сзади на горкахъ чернѣли хоботы нашихъ батарей, а спереди и съ боковъ было что-то грозное и неизвѣстное. И изъ этого неизвѣстнаго, изъ невидимой дали, изъ ненаходимыхъ мѣстъ,—отовсюду со свистомъ и ревомъ неслись снаряды. Они были какъ будто живые, какъ будто съ высоты сами выбирали, куда упасть,—и били въ окопы, били въ батареи, крушили и рвали на куски людей, блиндажи и зарядные ящики. Кругомъ шипѣло, жгло и пахло. И никого не было видно!.. Наши орудія средь дыма и треска рвавшихся снарядовъ, казалось, безпомощно шевелили своими дулами, недоумѣло выискивали и не находили врага. И когда, сверкнувъ струистыми огнями, батарея давала залпъ, и надъ окопами, свирѣпо завывая, какъ будто проносилась вдаль стая злобныхъ духовъ,—казалось, что стрѣляютъ такъ себѣ, наудачу, и ни въ кого тамъ не попадутъ, въ этой неизвѣстной дали.

А они все сидѣли въ окопѣ, блѣдные, серьезные и сосредоточенные. Самое ужасное было сидѣть, ничего не дѣлая, подъ рвавшимися въ воздухѣ шрапнелями. Когда съ короткимъ стономъ падалъ рядомъ товарищъ, всѣ крѣпко стискивали винтовки, и руки нервно хватались за затворы. День смѣнялся ночью, за ночью приходилъ день, изъ окопа уносили новыхъ раненыхъ. А они все сидѣли, ничего не дѣлая. И никого не было видно.

Ночью полкъ подняли и куда-то повели въ темнотѣ. Всю ночь ихъ передвигали съ мѣста на мѣсто. Въ долинахъ заклу-

бились туманы, небо за сопками побледнѣло, встало солнце. А ихъ все передвигали, сонныхъ, усталыхъ и голодныхъ. Опять неизвѣстно откуда летѣли снаряды, отъ нихъ свиста какъ будто завывала мятель. Рота пожарцевъ залегла межъ китайскихъ могилъ и за межевымъ валомъ. На равнинѣ, освѣщенной косыми лучами солнца, показались наступающія японскія цѣпи; онѣ шли наискось, по направленію къ ханшинному заводу, сѣрѣвшему за деревьями. Пожарцы встрепенулись, командиръ роты повеселѣлъ. Пожарцы дали залпъ во флангъ цѣпи, за нимъ—другой, третій... И сразу, на ихъ глазахъ, цѣпи исчезли, какъ будто ушли въ землю. Только видно было, какъ земля шевелилась и взлетала на воздухъ подъ быстро работавшими лопаточками. А среди пожарцевъ, сверкнувъ, вдругъ оглушительно взорвалась шимоза, и на нихъ посыпались снаряды. Снаряды прилетали изъ неизвѣстной дали, какъ будто радуясь, что наконецъ нашли притаившихся пожарцевъ, и съ грозно-веселымъ аханьемъ рвались среди деревьевъ, кустовъ и людей.

И окровавленные, обожженные люди корчились на землѣ, вскакивали на колѣни и валились обратно. Отъ кустовъ пробѣжалъ, наклонившись, блѣдный адъютантъ и хрипло крикнулъ:

— Капитанъ! Отведите людей назадъ, за фанзы!

И солдаты по одиночкѣ стали перебѣгать назадъ.

Вскорѣ полкъ опять куда-то двинулся. У Лобанова была только одна мысль: въ какую минуту придетъ смерть? Стыдно было, но временами охватывалъ дикій, мутящій голову страхъ. И хотѣлось бѣжать, бросить все и бѣжать подальше. А между тѣмъ еще завлекательнѣе, еще радостнѣе было бы бѣжать прямо впередъ, со штыками наперевѣсъ, съ бѣшенымъ «ура!», не останавливаясь, не прячась за прикрытія. О, тогда, казалось, они все бы впереди разнесли и разбили. И не было бы силы, которая бы ихъ остановила.

И одно такое яркое, жутко-радостное мгновеніе развернулось передъ ними сегодня утромъ. Широкою, растянутою цѣпью они наступали на китайскій хуторъ, окруженный окопами. Этотъ хуторъ отбилъ за утро ужъ три русскихъ атаки. Поле было усѣяно нашими трупами. Кругомъ свистѣли тучи пуль, люди падали, но пожарцы перешли поле и начали смыкаться.

Ротный выхватилъ шашку, коротко и рѣзко крикнулъ:

— Ура!!

Бурный, громовый вопль вырвался изъ сотенъ глотокъ, и пожарцы ураганомъ бросились въ штыки. Алешка Семерухинъ бѣжалъ рядомъ съ Лобановымъ и свистѣлъ пронзительнымъ,

разбойничьимъ свистомъ. Вокругъ кувыркались и падали раненые, но всѣ неслись впередъ въ томъ же грозно воющемъ ураганѣ. Это былъ мигъ бѣшенаго, яраго восторга. Всѣ были одно цѣлое и могучее. Передъ ними несся ужасъ. А за брустверами настала мертвая тишина.

И вотъ, сжимая винтовки, они подбѣжали къ брустверамъ, готовые крушить, колоть, бить прикладами...

Окопы были пусты. Совсѣмъ-таки пусты, ни одного японца тамъ не было,—ни живого, ни мертваго. А стояли лужи крови, блестѣли разсыпанные патроны, валялись чугунные стаканы нашихъ шрапнелей и фуражки съ желтыми околышами.

Опять загремѣло «ура», и пожарцы бросились впередъ, къ глинянымъ оградамъ съ черными, молчаливыми бойницами.

И тамъ все было пусто. У ракитовой рощи за оврагомъ равномѣрно трещали пулеметы:

— Та-та-та!.. Та-та!.. Та-та-та-та!..

Какъ будто большія швейныя машины сосредоточенно работали тамъ свою никого не касавшуюся работу. А кругомъ падали люди, и о стѣны щелкали пули. Остро хлопнуло что-то наверху, словно воронкообразный дождь коротко ударилъ оттуда. И снова надъ пожарцами пошли лопаться шрапнели.

Была суета. Сзади вливались резервы. Солдаты, наклонившись, разбѣгались по хутору, ища прикрытія. Лобановъ впопыхахъ не могъ понять, отчего такъ трудно найти мѣсто, куда залечь. И вдругъ сообразилъ, что всѣ стѣнки, обращенныя на японскую сторону, тщательно срыты. Онъ бросился за кучу щебня, слѣдомъ за нимъ Алешка и еще двое. И они стали стрѣлять въ рощу по пулеметамъ.

Спереди и съ боковъ на хуторъ сыпались пули и снаряды. Вездѣ въ каолянѣ трещали выстрѣлы. И никого не было видно. Чувствовалось, что какая-то зловѣщая, невидимая стѣна тѣсно облегаетъ хуторъ. Въ этой невидимости было что-то грозно-увѣренное и предательское. И мелькали волнующія мысли: не въ ловушкѣ ли они всѣ на этомъ полуразрушенномъ хуторѣ, съ наклономъ холма въ сторону японцевъ, съ отлого срытыми задними стѣнками окоповъ? То ли дѣлаетъ начальство, что нужно?.. Давя вздымавшіяся мысли, они лихорадочно стрѣляли по рощѣ, стрѣляли въ каолянъ и въ перебѣгавшія вдали темныя фигурки.

По хутору какъ будто крутился кровавый вихрь, полный грохота и сверкающихъ вспышекъ. Изъ-за угла полуснесенной фанзы донесся протяжный крикъ:

— Отступа-ать!..

Кругомъ его подхватили.

— О-отступа-а-ать!..—жалуясь и зловѣще пугая, понеслось по дворамъ и огородамъ.

По одиночкѣ пожарцы стали выбѣгать изъ хутора. Но когда выбѣжали первые, вдругъ повскакали всѣ и бросились бѣжать. И какъ это случилось,—Лобановъ не зналъ. Сразу вскочили на ноги Алешка и уцѣлѣвшій ихъ товарищъ. Тогда, пугаясь, и Лобановъ быстро вскочилъ, словно отъ толчка. Второй ихъ товарищъ, прижимая руку къ окровавленному боку, мутящимися, скорбными глазами слѣдилъ за ними. Безкровныя губы безъ надежды шептали какую-то просьбу. А они, наклонившись, побѣжали во всю мочь, перепрыгивая черезъ трупы и опрокинутыя стѣнки.

И отовсюду толпами выбѣгали солдаты. Опять, какъ часъ назадъ, словно общимъ ураганомъ подхватило всѣхъ. Но ураганъ былъ темный и безумный, мутившій головы безоглядным ужасомъ. Дикими толпами всѣ бѣжали по полю. И земля дрожала отъ топота. Лобановъ чувствовалъ, какъ сзади въ его ногу ударила пуля, видѣлъ, что лѣвая штанина все больше чернѣетъ отъ крови, но продолжалъ бѣжать со всѣми...

Въ лощинѣ за холмами взволнованные офицеры поспѣшно строили порѣдѣвшія роты. Перевязавъ простр'ленную ногу, Лобановъ сталъ въ строй. Алешка, съ блѣднымъ и серьезнымъ лицомъ, вполголоса спросилъ его:

— Слыхалъ?

— Что такое?

— Обошли. Въ тылъ зашелъ японецъ.

— Да что-о ты?!

Лобановъ стоялъ, широко раскрывъ глаза: опять почувствовалось это неуловимое, грозное и таинственное, чему въ бѣшеной злобѣ хотѣлось грозить кулаками.

— Приказъ казакъ привезъ,—отступать.

И вездѣ войска отступали. Тянулись пѣхотныя колонны, обозы. Проносились батареи и артиллерійскіе парки. Въ первый разъ теперь Лобановъ видѣлъ, какъ много войскъ было въ бою. Лица смотрѣли растерянно и недоумѣвающе. Никто не понималъ, какъ это вдругъ случилось. А пушки гремѣли сзади, сбоку и гдѣ-то впереди. И чувствовалось,—то грозное и невидимое надвигается на армію, загибается по концамъ и грозитъ охватить кольцомъ.

И колонны шли въ тучахъ сѣро-желтой пыли. Поднимались на горы, спускались въ долины. Солнце пылало. Гремѣвшія спереди пушки остались назади, ужъ не было ощущенія, что кольцо замыкается. Но все чувствовалось что-то грозно надвигающееся. Все что-то ждалось, неожиданное и предательское.

У Лобанова кружилась голова. Нечѣмъ было дышать отъ жары и пыли, хотѣлось пить. Болѣла нога, и руки устали работать винтовкою. Ему казалось, что онъ топчется все время на мѣстѣ, а мимо него медленно отходятъ назадъ кусты, фанзы, вершины сопокъ. И не было имъ конца. Повсюду межъ здоровыхъ ковыляли и тащились раненые. Казалось, никто о нихъ не зналъ и не думалъ.

Въ лощинѣ протекалъ ручеекъ. Завидѣвъ его, солдаты сѣрыми толпами спускались къ нему. Какъ мухи облѣпляютъ кусокъ сахара, такъ со всѣхъ сторонъ люди облѣпляли скудный ручеекъ, впивались въ него черными, потрескавшимися губами и пили теплую, взбаламученную колесами воду.

Напились и пожарцы. Обтирая рукавами рты, выбрались по откосу изъ оврага и вошли въ рощицу. Въ тѣни солнце не жгло. Лобановъ коротко сказалъ:

— Покуримъ.

Сѣли на китайскую могилку, густо поросшую травой. Стали крутить изъ газетной бумаги папироски. Лобановъ сидѣлъ, понуривъ голову, и поддерживалъ руками раненую ногу. Его лицо, покрытое густымъ слоемъ желтовато-сѣрой пыли, казалось лицомъ трупа.

Алешка, прищурившись, смотрѣлъ на тянувшіеся по дорогѣ обозы.

— Ишь, казенное добро спасаютъ!.. А солдатъ для нихъ не казенное добро. Ранили тебя, — ложись подъ могилку и издыхай, все равно, что̀ собака!

У Лобанова все кружилась голова. Онъ осторожно легъ бокомъ на могилку и закрылъ глаза. На сосѣдней могилкѣ сидѣлъ сфрейторъ Сергѣевъ съ двумя артиллеристами и тихо, охваченный недоумѣніемъ, разсказывалъ:

— ...Вбѣжали мы въ деревню, видимъ, во рву трое копошатся. Привалили ихъ воротами, — ну, проклятые, попались, теперь не уйдете!.. Подняли ворота,—что̀ же это? Братъ мой милый! Никого нѣту...

Артиллеристъ вздохнулъ и молчалъ, думая свою думу. Другой артиллеристъ сказалъ:

— Потому, изъ окоповъ онъ никакъ не вылазитъ. Кабы вылѣзъ, его бы въ минуту раздѣлали. А онъ окопы большіе себѣ сдѣлалъ и сидитъ. И окоповъ-то не видать, вотъ какое дѣло. А наши батареи на горкахъ стояли. Онъ съ ранняго утра какъ пошелъ крушить, — Боже мой, что̀ было! На пѣхоту и не смотритъ. Все въ насъ — шрапнелью, шимозой ихней. Народу сколько побилъ, орудій! А самого не видать. Офицеры въ бинокль всѣ глаза проглядѣли, — не

видать, откуда стрѣльба. А то бы мы имъ вотъ какъ бы показали!

И другіе всѣ стали разсказывать. Разсказывали, какъ *онъ* боится штыка. Какъ удираетъ, лишь только дойдетъ до дѣла. Вдругъ появляется тамъ, гдѣ его никто не ждалъ, и, — далекій, неуловимый, — засыпаетъ нашихъ пулями и снарядами. И въ голосѣ разсказчиковъ звучало, какъ будто они оправдывались передъ кѣмъ-то невидимымъ, который слушалъ и насмѣшливо улыбался.

Алешка шумно вздохнулъ, поднялъ брови и почесалъ въ затылкѣ.

— Нѣтъ, турка была куда попридурковатѣе! А эта попалась,—никакимъ средствомъ не возьмешь!

Лобановъ угрюмо смотрѣлъ на дорогу. Безъ конца тянулись батареи, обозы, колонны пѣхоты. Сквозь пыль сверкали подъ солнцемъ острыя иглы штыковъ, и въ ихъ грозной щетинѣ было теперь что-то обидно-безсильное... Сергѣевъ сказалъ:

— Гляди, что̀ это? Никакъ плѣнные!..

Отъ ручья поднималась къ рощѣ кучка невысокихъ людей въ черныхъ курткахъ, въ прямыхъ, какъ будто дѣтскихъ картузикахъ съ желтыми околышами. Кругомъ шелъ конвой.

Всѣ повскакали съ могилокъ и поспѣшили къ нимъ.

Густымъ кольцомъ солдаты тѣснились вокругъ плѣнныхъ. Японцы сидѣли на травѣ,—худые, маленькіе, какъ мальчики, съ черными отъ загара лицами. Солдаты напирали другъ на друга, вытягивали шеи и съ жаднымъ, пожирающимъ любопытствомъ смотрѣли. Пять дней они бились съ японцами—и видѣли ихъ теперь въ первый разъ!..

Плѣнные словно не замѣчали взглядовъ и вполголоса равнодушно перекидывались непонятными словами. И эти грозные, таинственные враги,—такіе они были маленькіе, ничтожные, съ такими обычными, ничего не выражавшими лицами! Какъ будто изъ тѣхъ пучинъ моря часто звучало загадочное, могучее пѣніе, трепетомъ смутнаго ужаса оно охватывало души. И вотъ извлекли кого-то изъ глубины,—и были странно осязаемы, необычны именно своею обычностью эти маленькія существа, совсѣмъ не подходившія къ представленію объ нихъ.

Алешка въ изумленіи воскликнулъ:

— Да я бы на этакихъ одинъ противъ десятка вышелъ!

Лобановъ съ сосредоточенною ненавистью оглядывалъ японцевъ. Онъ угрюмо возразилъ:

— Да нешто онъ валитъ? Пуля валитъ. Волъ семи четвертей, а и того пуля валитъ... Я бы вотъ всѣхъ этихъ однимъ прикладомъ перебилъ бы. И штыка не сталъ бы марать.

И у всѣхъ была одна мысль: если бы только добраться до нихъ, неуловимыхъ и далекихъ!..

Они побрели дальше.

Подъемы стали теперь выше, спуски круче. Съ высокихъ мѣстъ видно было, какъ слѣва межъ горъ блистало море. По-прежнему тучи пыли стояли надъ дорогою. Попрежнему было душно и хотѣлось пить. Солнце садилось. Лобановъ и Алешка шли теперь среди какихъ-то чужихъ солдатъ. Лобановъ ковылялъ, опираясь на винтовку, и въ мутившейся головѣ ему опять представлялось, что онъ топчется на мѣстѣ, а горы и деревья медленно движутся назадъ.

У дороги, на покатомъ склонѣ горы, стояла большая роща. Они вошли подъ густыя, развѣсистыя деревья. Солнце сѣло, на западѣ сверкалъ подъ зарею краешекъ моря. Въ рощѣ стоялъ непрерывный смутный шорохъ.

Лобановъ остановился.

— Ну, Алеша, ты... этого... Ты, братъ, иди! А я тутъ посижу, отдохну маленько.

Алешка удивился.

— А съ чего жъ мнѣ-то не посидѣть? Одинъ останешься,— не дойдешь... Чудакъ! Ты думаешь, онъ съ тобой разговаривать станетъ? Сейчасъ кишки выпуститъ, больше ничего.

— Думается, не обидно ли тебѣ будетъ.

Алешка беззаботно повелъ плечами.

— Ну, чего тамъ! Какая обида!

Лобановъ медленно опустился на землю. Алешка сѣлъ рядомъ, глубоко вздохнулъ и сталъ крутить папироску.

Съ моря тянуло легкою прохладою. Смутные, странные шорохи шевелились и ползали въ густой листвѣ. Гдѣ-то далеко бухали пушки. Съ юга медленно поднималась черная туча. По пустынной, шедшей въ сторону дорогѣ порывомъ пронесся вѣтеръ, пыль весело и задорно взвилась кверху. Роща вздохнула, и по ней пошелъ угрюмый ропотъ.

Лобановъ, сидя, прислонился спиною къ пню, закрылъ глаза,—и сразу глубоко заснулъ, какъ будто упалъ въ темную и мягкую яму.

— Василей!.. Вася!!.

Алешка осторожно дергалъ Лобанова за рукавъ. Голосъ его былъ странно-серьезный и срывался.

— Ва-ася!.. Вставай. Гляди...

— Что такое?!

Лобановъ встряхнулся и сѣлъ. Было темно. Тотъ же смутный, трепещущій шорохъ стоялъ въ рощѣ, и творилось въ ней что-то странное: въ темнотѣ медленно ползали какія-то

голубоватыя полосы, яркія пятна скользили по листвѣ, гасли и вспыхивали опять.

Лобановъ успокоительно сказалъ:

— Что это? Надо-быть, молнія.

Но и самъ этому не повѣрилъ. Упавшимъ голосомъ Алешка возразилъ:

— Грому-то не слыхать.

Было тихо, жутко. И вдругъ въ рощѣ все погасло. Огромный голубой лучъ беззвучно метнулся вверхъ, пробѣжалъ по низкимъ, лохматымъ тучамъ и опустился на дальнюю сопку.

Средь деревьевъ затопали лошади. Изъ темноты взвились черныя, хранящія тѣни. Одна перепрыгнула черезъ Алешку и шарахнулась въ сторону. Сдерживая испуганную лошадь, казакъ сердито выругался:

— Черти! На дорогѣ разлеглись!

Лобановъ крикнулъ:

— Земляки! Что это тамъ?

— Свѣтъ-то энтотъ? Прожекторъ японскій, съ моря... Канонерки въ бухту вошли.

Разъѣздъ помчался дальше. По дорогѣ сплошнымъ потокомъ двигались черные обозы. Слышались хриплые крики, ругательства.

Опять по чернымъ, лохматымъ облакамъ пробѣжалъ лучъ. И опять все кругомъ страшно освѣтилось. Изъ темной, зловѣщей дали по рощѣ шарилъ какъ будто чей-то загадочный, свѣтящійся взглядъ. Онъ перекидывался на сосѣднія сопки, на перевалы. Медленно скользилъ по дорогамъ. И опять шарилъ въ рощѣ. По чернымъ, мѣшавшимъ другъ другу обозамъ проносился безпокойный трепетъ. Крики и ругательства звучали напряженнѣе, озлобленнѣе.

Лобановъ и Алешка сидѣли тѣсно другъ возлѣ друга. Въ душахъ медленно нарасталъ острый, сосредоточенный ужасъ. Всего ужаснѣе было то, что лучъ шарилъ такъ зловѣще-молчаливо, что не видно было, откуда онъ идетъ, а между тѣмъ чувствовалось, что гдѣ-то тамъ, въ темной дали, кто-то *все* видитъ,—видитъ все и готовитъ что-то. Что? Объ этомъ мысли не было. Было только смутное, безконечно-жуткое ожиданіе. И исчезли изъ памяти видѣнные сегодня маленькіе люди въ дѣтскихъ картузикахъ. Въ недоступной дали таился кто-то огромный, всевидящій и безмѣрно-могучій.

Далеко за рощею чуть слышно бухнулъ выстрѣлъ. Въ темнотѣ зародился непрерывно-тянущійся, свистящій звукъ. Какъ будто медленно разрывалась какая-то воздушная завѣса. Звукъ

почти не усиливался, онъ только равномѣрно становился все выше, выше, выше...

— Баа-àхъ!..

На отрогѣ сосѣдней сопки ярко блеснулъ огонь, и оглушительно треснуло. Лобановъ и Алешка вскочили на ноги и бросились бѣжать. Вдали межъ деревьевъ ярко и жгуче тоже сверкнуло что-то. По рощѣ пронеслось:

— Ба-àхъ! — И роща ахнула въ отвѣтъ. Въ взвившихся клубахъ огненнаго дыма съ трескомъ валились на землю суки деревьевъ.

Лобановъ и Алешка въ слѣпомъ ужасѣ мчались отъ рощи. Лобановъ забылъ про свою рану и бѣжалъ, какъ только мальчишкою бѣгалъ вперегонки. По дорогѣ бѣшено бился и крутился огромный черный потокъ людей, лошадей и повозокъ. Люди съ безумными лицами нахлестывали лошадей. Фуры мчались, толкались, цѣплялись другъ за друга. На козлахъ накренившейся повозки мелькнула фигура солдата съ хватающимися за воздухъ руками. Раздался отчаянный крикъ:

— Браа-аа...

И крикъ оборвался внизу въ черной гущѣ катившихся колесъ.

— Ба-àхъ!.. Бахъ! Бахъ!..

Разорвалась еще шимоза, за нею двѣ другія. Откуда-то сзади донесся протяжный вопль. Лобановъ и Алешка въ толпѣ другихъ солдатъ карабкались вдоль откоса надъ дорогою. Лобановъ цѣплялся за камни и со страхомъ чувствовалъ, что повязка на ногѣ становится все мокрѣе и горячѣе.

Дорога суживалась, прижимаясь къ откосу. По другую сторону чернѣлъ крутой обрывъ. По дорогѣ мчались гуськомъ повозки, а сбоку, стараясь врѣзаться въ ихъ рядъ, неслись на трехъ парахъ лошадей артиллеристы съ зарядным ящикомъ. На всемъ скаку они столкнулись съ повозкою. Зарядный ящикъ качнулся. Лошади вздымались на дыбы надъ краемъ обрыва, ѣздовые злобно ругались, и ящикъ, люди, лошади,—все посыпалось съ кручи.

Снизу изъ темноты неслись стонущіе крики:

— Братцы!.. Помоги-ите!..

Алешка усмѣхнулся подъ носъ и пробормоталъ:

— Пора тамъ!.. А, ч-чортъ! — Онъ со злобою отшвырнулъ свою винтовку, она покатилась въ темноту.

За откосомъ шелъ спускъ, поросшій кустами, потомъ опять подъемъ. Лобановъ взбирался вдоль глубокой промоины и хватался слабѣющими руками за траву. Повязка на ногѣ совсѣмъ промокла, по бедру непрерывно бѣжала горячая, лип-

кая струйка. На склонахъ сопокъ сверкали и лопались снаряды. Въ головѣ мутилось, смертная тоска охватила сердце. Лобановъ хотѣлъ крикнуть Алешкѣ: «Прощай, братъ!»—вдругъ странно всхлипнулъ, какъ будто икнулъ, и повалился лицомъ въ траву.

Все заволоклось въ сознаніи. Только снаряды словно все продолжали лопаться, чаще, громче. Теперь это были непрерывные раскаты. Какъ будто сопки вокругъ взлетали на воздухъ, сталкивались и разбивались въ куски. А самъ онъ будто бы несся въ холодной рѣкѣ, мучительно хотѣлось пить, и никакъ не удавалось захватить губами воды.

Лобановъ очнулся и медленно поднялъ голову. Лилъ дождь, черное небо бороздили молніи, громъ гремѣлъ непрерывными раскатами. По промоинамъ неслись въ долину пѣнистые потоки.

Кругомъ было пустынно. На дорогѣ при вспышкахъ молніи тоже никого уже не было видно. И зловѣщій лучъ вдали погасъ, какъ будто его залилъ дождь. Лобановъ напился изъ потока и осмотрѣлъ свою рану: она была крѣпко перевязана тряпкою, и кровь ужъ не шла. Одежда промокла насквозь, его трясла дрожь. На душѣ было чувство одиночества и полнаго безразличія. Опираясь на винтовку, Лобановъ поднялся и побрелъ къ дорогѣ.

Изъ-подъ куста торчала пола шинели и двѣ скорченныхъ ноги въ стоптанныхъ, намокшихъ сапогахъ. Лобановъ тронулъ ногу прикладомъ. Нога зашевелилась и подтянулась подъ шинель.

Лобановъ хмуро крикнулъ:

— Эй! Землякъ!

Отвѣта не было. Онъ заглянулъ въ кустъ. Сверкнула молнія. Подъ вѣтвями, свернувшись калачикомъ, безмятежно спалъ Алешка.

— Алешка! Братъ!

Лобановъ радостно бросился его расталкивать.

Алешка потянулся и, зѣвая, сѣлъ. А Лобановъ, радостно смѣясь и плача, цѣловалъ его милое, рябое, мокрое отъ дождя лицо. Онъ понялъ, кто перевязалъ ему ногу, понялъ, что подъ сыпавшимися снарядами, охваченный ужасомъ, Алешка все-таки не бросилъ его.

— Братъ!.. Бра-атъ!..—всхлипывая, повторялъ Лобановъ. И слезы текли по безкровному лицу.

Алешка поежился отъ холода и поднялся на ноги.

— Время итти,—сумрачно сказалъ онъ.

Лицо у него было блѣдное, усталое и помятое.

Они поднялись на дорогу. Гроза уходила, сѣялъ мелкій дождь, небо на востокѣ свѣтлѣло. Алешка вздохнулъ.

— Покурить бы раньше, что ли?

Они сѣли на камень около дороги. По дорогѣ никто ужъ не ѣхалъ. Въ грязи лежала опрокинувшаяся тяжело нагруженная фура; виднѣлась голова солдата, придавленнаго кладью; дождь сѣялъ на его мертвое, грязно-восковое лицо. Дальше, на поворотѣ дороги, чернѣлъ уродливый, втоптанный въ грязь трупъ, исполосованный колесами. Изъ обрыва, куда свалились артиллеристы, все неслись протяжные стоны.

По намокшей, вязкой дорогѣ медленно плелся разъѣздъ казаковъ.

— Землячки, вы чего тутъ разсѣлись? Вставайте! Мы послѣдніе, за нами японецъ идетъ съ пулеметами.

Теперь ихъ это совсѣмъ не испугало. Было все равно. Хотѣлось только согрѣться и спать, спать... Они вяло поднялись и побрели, волоча ноги по вязкой грязи.

На востокѣ становилось все свѣтлѣе.

1905.

II.

ВРАГИ.

Стрѣлявшій рядомъ ефрейторъ Мухинъ вдругъ ткнулся лицомъ въ брустверъ, всею грудью скользнулъ по краю земляной стѣнки и грузно упалъ на дно окопа. Слѣдомъ за нимъ, качаясь, поползла винтовка. Штабсъ-капитанъ Березниковъ подхватилъ винтовку, припалъ къ брустверу и сталъ стрѣлять вмѣстѣ съ ротою.

Далеко внизу, отъ подошвы сопки, медленно и грозно взмывала на гору широкая, трещавшая выстрѣлами волна японцевъ. Безъ числа ползли и перебѣгали маленькія муравьиныя фигурки. Надъ ними вспыхивали бѣлые дымки шрапнелей. Березниковъ стрѣлялъ. Въ головѣ шумѣло отъ коньяку, отъ безсонной ночи, отъ рвавшихся кругомъ снарядовъ. Онъ стрѣлялъ—и вдругъ увидѣлъ: далеко впереди цѣпей, уже на половинѣ горы, прямо на ихъ окопъ бѣжалъ японецъ. Съ винтовкою въ рукѣ, нагнувшись и вытянувъ впередъ свободную руку, онъ бѣжалъ, странно напоминая куропатку, — и былъ одинъ.

— Вотъ кан-палья! — изумился Березниковъ. Онъ быстро

измѣнилъ прицѣлъ, выстрѣлилъ — и промахнулся. Отдернулъ затворъ, выстрѣлилъ второй разъ—и опять промахнулся.

Японецъ продолжалъ бѣжать увѣренно и смѣло, какъ будто его окружала толпа невидимыхъ товарищей.

— Ну-ка, Спинжаръ!.. Видишь? Кувыркни-ка его!

Спинжаръ, лучшій стрѣлокъ роты, приложился и выстрѣлилъ,—мимо. За нимъ, состязуясь, выстрѣлили еще трое,—мимо. А японецъ все бѣжалъ.

Скрывая вдругъ охватившее его волненіе, Березниковъ громко и протяжно скомандовалъ:

— Постоянный—по человѣку—залпомъ... Пли!!..

Грянулъ залпъ. Вокругъ ногъ японца забили струйки пыли. А онъ пригнулся ниже и побѣжалъ еще быстрѣе.

Непонятный, волнующій трепетъ пронесся по окопу. Въ воздухѣ лопались шрапнели, шимозы рвали скалы, трещавшая выстрѣлами волна взмывала снизу все выше. Но никто этого не замѣчалъ; всѣ безпорядочно стрѣляли по человѣку, который бѣжалъ на нихъ. Было жутко и странно,—что же онъ можетъ сдѣлать одинъ, и зачѣмъ онъ бѣжитъ?

И вдругъ всѣ перестали стрѣлять.

Тогда случилось самое странное. Японецъ былъ уже шагахъ въ тридцати отъ окопа. Онъ замедлилъ бѣгъ и неожиданно сѣлъ наземь, раскинувъ ноги. Сидѣлъ такъ, опираясь сзади на руки, неподвижно смотрѣлъ на солдатъ, и вся его фигура вырисовывалась на синемъ осеннемъ небѣ. Видимо, онъ не былъ раненъ. И тѣмъ удивительнѣе было, что онъ сидитъ такъ спокойно, всею грудью противъ направленныхъ на него дулъ, и какъ будто широко, во весь ротъ, улыбается.

Березниковъ выскочилъ изъ окопа и, выхватывая на бѣгу шашку, побѣжалъ къ японцу. Какъ, для чего онъ это дѣлалъ, Березниковъ не зналъ; въ головѣ шумѣло, въ немъ какъ будто пропала вѣра, что и теперь можно застрѣлить японца.

Японецъ все сидѣлъ, раскинувъ ноги и опираясь сзади на руки,—сидѣлъ и не двигался, и широко открытыми глазами смотрѣлъ на подбѣгавшаго офицера. «Чего онъ смотритъ? Чего не защищается?»—смутно подумалъ Березниковъ. Подъ желтымъ околышемъ со звѣздочкой, на побѣлѣвшемъ, коричневомъ лицѣ онъ видѣлъ устремленные на него мутные глаза. Японецъ былъ въ припадкѣ той острой, смертной усталости, которая не разъ въ эту войну наблюдалась при быстромъ взбѣганіи на высокія горы. Онъ широко открывалъ ротъ, какъ выброшенная на берегъ рыба, медленно дышалъ и смотрѣлъ непонимающими, задернутыми дымкою глазами. Сѣдина и не-

доумѣвая, Березниковъ подбѣжалъ и тяжелою шашкою съ размаху ударилъ японца по головѣ.

Голова сухо хрястнула, японецъ быстро опрокинулся навзничь, — странно-быстро, безъ крика, безъ судорогъ. Какъ будто онъ и раньше былъ мертвъ и только притворялся живымъ. И сейчасъ же изъ окопа поднялась стрѣльба пачками по карабкавшимся на сопку цѣпямъ.

Березниковъ пошелъ назадъ. Онъ было-наклонился, чтобъ обтереть о траву окровавленную шашку, — и не обтеръ; въ смутномъ туманѣ, наполнявшемъ голову, ярко мелькнуло лицо Зиночки въ пансіонскомъ платьицѣ, какъ она большими, любопытными глазами будетъ разсматривать отцовскую шашку съ запекшеюся японскою кровью.

Вдругъ что-то острою болью пронизало правую сторону груди. Странно-перекосившіяся цѣпи наступающихъ побѣжали въ небо. Сосѣдняя сопка опрокинулась на бокъ. И все исчезло.

Березниковъ очнулся. Былъ вечеръ, и было тихо. Гдѣ-то далеко бухали пушки, снизу неслись долгіе, протяжные стоны. Онъ пошевелился, — острая боль схватила бокъ. И въ лѣвой ногѣ было больно. Хотѣлось пить, ужасно хотѣлось пить. И хотѣлось, чтобъ кто-нибудь нѣжный наклонился, положилъ руку на простр ѣленную грудь, а ему чтобъ лежать и не шевелиться.

Морщась отъ боли, Березниковъ медленно приподнялся на рукахъ, сѣлъ и оглядѣлся. Кругомъ вперемежку валялись русскіе и японскіе трупы. Была, должно-быть, жестокая рукопашная схватка. Въ двухъ шагахъ лежалъ навзничь Спинжаръ съ огромной штыковой раной въ груди и то раскрывалъ, то закрывалъ тускнѣющіе глаза. Внизу, по широкой равнинѣ, стлался бѣловатый туманъ. Сосѣдняя сопка, громадная, черная и твердая, тяжело стояла на колебавшемся морѣ тумана. Вдаль длинными рядами уходили другія сопки, тихія, ясныя подъ свѣтомъ зари.

Вдругъ Березниковъ почувствовалъ, что съ боку кто-то смотритъ. Онъ быстро повернулъ голову. Шаговъ за десять, надъ трупами темнѣло залитое кровью лицо, и съ лица смотрѣли два черныхъ глаза, — смотрѣли пристально, какъ будто цѣлились въ Березникова. Красный воротникъ, чуждый покрой мундира... Березниковъ торопливо схватился за револьверъ.

Японецъ, съ ружьемъ на руку, все смотрѣлъ на него пристальными, цѣлящимися глазами. Съ минуту они выжидающе глядѣли другъ на друга, — молча, сжимая въ рукахъ оружіе. Вдругъ японецъ махнулъ рукою въ сторону, вопросительно

взглянулъ на Березникова и отложилъ винтовку. Березниковъ нерѣшительно опустилъ револьверъ.

Японецъ улыбнулся, кивнулъ головою и поползъ къ Березникову.

Онъ осмотрѣлъ раны офицера, туго перетянулъ бинтомъ его грудь и перевязалъ прострѣленную голень. Березниковъ вглядывался и все яснѣе соображалъ, — это тотъ самый японецъ, котораго онъ хватилъ шашкою по головѣ.

— Ну, теперь... этого... Теперь моя тебѣ,—хрипло сказалъ онъ и показалъ пальцемъ на голову японца.

Японецъ поднялъ брови, слабо улыбнулся и наклонилъ голову съ короткими и жесткими черными волосами. Березниковъ поспѣшно срывалъ обложку съ перевязочнаго пакета, а самъ смотрѣлъ, морщился и закусывалъ губы: края раны были набухшіе, съ слипшимися въ крови волосами; бѣлѣла разсѣченная кость; а изъ черной трещины выползало что-то мягкое и сѣрое, на что было страшно смотрѣть. Онъ поспѣшно прикрылъ трещину марлею и наложилъ повязку. Японецъ выпрямился и сѣлъ на пятки.

Березниковъ жадно и нерѣшительно косился на алюминіевую флягу на его боку. Японецъ поймалъ его взглядъ и предупредительно протянулъ флягу.

— Ахъ, братецъ, во-отъ спасибо! — обрадовался капитанъ. Онъ припалъ губами къ горлышку.

Японецъ смотрѣлъ и улыбался залитымъ кровью лицомъ.

— Хао (хорошо)? — спросилъ онъ по-китайски.

— Хао,—отвѣтилъ Березниковъ, возвращая флягу. И тоже улыбнулся бѣлыми, безкровными губами.

Лицо японца улыбалось, но глаза смотрѣли скорбно, и въ нихъ была смерть. Онъ надѣлъ фуражку на повязанную голову, шатаясь, всталъ и сдѣлалъ Березникову подъ козырекъ. Березниковъ протянулъ руку, крѣпко пожалъ руку японца и задержалъ ее въ своей рукѣ. Въ груди у него задрожало. Онъ сказалъ:

— Маманди (погоди)!

И за руку потянулъ японца къ себѣ. Японецъ, внимательно глядя въ его глаза, присѣлъ. Березниковъ обнялъ его за плечи, вдругъ всхлипнулъ и крѣпко поцѣловалъ его въ губы съ рѣдкими, жесткими усами.

Березниковъ ползъ. Больно было въ ногѣ, больно было въ боку. Все въ душѣ слилось въ одно ощущеніе боли, все въ мозгу слилось въ одну мысль,—доползетъ ли онъ куда-нибудь? Передъ глазами неизмѣнно были два шага сухой, потреска-

вшейся земли съ рѣдкою желтоватою травкою. Догорала заря,— тускло-оранжевая, странно-расплывчатая. Колыхавшееся по равнинѣ бѣловатое море тумана потемнѣло и притихло; смутный, мышино-сѣрый, онъ мрачно и неподвижно приникъ къ землѣ; былъ жутко-таинственень этотъ необычайный и такой тихій туманъ.

Ужъ давно бы пора быть мѣсяцу,—отчего его нѣтъ? Березниковъ оглядывалъ горизонтъ, но мѣсяца не было. Становилось все темнѣе, и только бѣлесыя, слабо свѣтящіяся полосы тянулись въ молчаливомъ сѣромъ туманѣ.

Березниковъ ползъ внизъ по полю, межъ двухъ грядокъ съ острыми, косо-срѣзанными стеблями каоляна. Охватывало сыростью. Мышино-сѣрый туманъ подступалъ ближе и становился бѣловатымъ. Но отчего же нѣтъ мѣсяца? Небо за отрогомъ сопки какъ будто посвѣтлѣло,—должно-быть, всходитъ... Острыя, рвущія боли при каждомъ движеніи, два шага земли передъ глазами... Будетъ ли конецъ пути?

Канава, поросшая по краямъ ирисомъ, за нею — дорога. Березниковъ прилегъ на невысокій валъ и закурилъ. И вдругъ онъ справа увидѣлъ мѣсяцъ, — высоко, совсѣмъ не тамъ, гдѣ искалъ. Какъ будто мѣсяцъ сразу вылетѣлъ откуда-то изъ горъ. Но онъ былъ не въ небѣ. Выпуклый, ярко-оранжевый шаръ висѣлъ гдѣ-то вдали, въ золотившемся туманѣ. И все было смутно, необычно. И смутно было въ душѣ. И весь міръ кругомъ былъ другой, не всегдашній. А мѣсяцъ, — странный, выпуклый, — смятенно несся на дорогу. Онъ какъ будто заблудился въ мутномъ туманѣ, безпомощно плылъ въ немъ, искалъ и не находилъ неба.

Березниковъ затянулся папироской.

— Кто идетъ?—раздался въ туманѣ грозный и испуганный голосъ.

Это былъ казачій разъѣздъ.

Носилки тихо и плавно качались. Выпуклый мѣсяцъ пожелтѣлъ, но попрежнему безпомощно и недоумѣло плылъ въ золотистомъ, прозрачномъ туманѣ, искалъ и не находилъ неба.

Все хорошо. Нѣтъ болей, конецъ пути. Но отчего же нѣтъ счастья и успокоенія? Что незабытою тяжестью давитъ душу?

Ахъ, да... Подъ шашкою сухо хрястнулъ черепъ, изъ черной трещины выползало что-то сѣрое и мягкое, залитое кровью лицо улыбалось, а изъ глазъ скорбно смотрѣла смерть... Милый, милый япоша! Спасибо ему. И какъ онъ хорошо перевязалъ ногу. Дай ему Богъ!.. Но нѣтъ, не то. Отчего же такъ тяжело въ душѣ, такъ смятенно и необычно?

И Березникову вдругъ вспомнилось, какъ они цѣловались. Вотъ. Вотъ это... Кроваво-пьяный хмель, исковерканныя тѣла, тяжелые удары, раскалывающіе черепъ, — пускай. Само по себѣ это бы все ничего. Выше души, выше жизни можетъ стоять дѣло великое и свѣтлое, передъ нимъ ничтожною покажется и собственная жизнь, и всѣ чужія; неистовою ненавистью замутится душа противъ того темнаго, что встаетъ навстрѣчу, въ этой ненависти все забудется. И, умирая, враги будутъ рваться навстрѣчу, не видя другъ въ другѣ человѣка,— иначе они вѣдь увидѣли бы и раньше. А такъ, какъ здѣсь... Сейчасъ рубили и увѣчили другъ друга, потомъ перевязывали другъ другу раны и цѣловались. Что же это такое?. На-дняхъ Сергѣй Ивановичъ говорилъ: «наше ремесло—умирать и убивать»... Развѣ возможно дѣлать это во имя ремесла, а не во имя того безмѣрно-великаго, что одно только способно освятить и кровь, и смерть?

Въ перевязочномъ шатрѣ горѣлъ огонь. Шла спѣшная работа. Кругомъ стояли подъ открытымъ небомъ носилки съ ранеными. Санитары подносили все новыхъ и новыхъ. Рядомъ съ Березниковымъ лежалъ стрѣлокъ, раненый осколкомъ шимозы въ голову. Онъ метался въ бреду, ворочалъ окровавленною головою и твердилъ:

— Ой, пустите мене на білый світь!

Мѣсяцъ давно нашелъ небо и равнодушно сіялъ на немъ всегдашнимъ, плоскимъ кружкомъ. Но попрежнему смутно и необычно было въ душѣ.

— Мамонько!.. Ридная!..—звалъ въ бреду стрѣлокъ.

Хотѣлось плакать отъ этого дѣтскаго призыва большого человѣка къ матери. И отовсюду неслись оханья, всхлипывающіе стоны. Какъ будто громадное, отвратительное колесо прокатилось по окровавленнымъ, изувѣченнымъ тѣламъ. И были въ душѣ только стыдъ и отвращеніе.

1906.

III.

ЛОМАЙЛО.

Четвертый день по всему фронту гремѣли пушки. Говорили, что начинается новый бой, что японцы ко дню рожденія микадо хотятъ овладѣть Мукденомъ и Портъ-Артуромъ.

Мы стояли безъ дѣла въ китайской деревнѣ. Деревня была

большая и богатая, но въ ней и вокругъ нея были расположены войсковыя части, и на нашихъ глазахъ она разрушалась и оголялась. Вѣковыя деревья на священныхъ кладбищахъ валились подъ топорами саперовъ, солдаты тащили изъ фанзъ все, что̀ попадалось подъ руку, завѣдующіе хозяйственною частью разоряли самыя фанзы и снимали на дрова могучіе переметы и стропила.

Стояла благодатная, вѣчно-ясная маньчжурская осень. Была теплынь. Фанзы зіяли черными квадратами выломанныхъ оконъ. Изъ дворовъ выходили солдаты и уносили на топливо ящики, оконныя рамы, деревянные плуги. Китайцы давно уже перестали протестовать. Въ своихъ синихъ куртках̀ъ, они неподвижно стояли у воротъ и молча глядѣли на хозяйничанье солдатъ.

Въ одномъ только мѣстѣ несмирившійся еще китаецъ бѣгалъ вокругъ рябого казака, который выламывалъ дверь въ его хлѣвѣ. Бѣгалъ, безпомощно замахивался руками и кричалъ плачуще-угрожающимъ голосомъ:

— Цуба (прочь)!

Казакъ спокойно и равнодушно продолжалъ ломать, какъ будто вокругъ него вилась муха. Я вошелъ во дворъ.

— Ты что̀ тутъ дѣлаешь?

Казакъ вытянулся.

— Щепочекъ, ваше благородіе, зашелъ поискать. Чайку погрѣть.

— Зашелъ щепочекъ искать, а ломаешь дверь?.. Пошелъ вонъ! Негодяй!

Казакъ неохотно ушелъ. Просіявшій китаецъ низко поклонился, коснувшись рукою земли, и льстиво заговорилъ:

— Шанго̀ (хорошо)! Люсска капитанъ шибко шанго!.. Люсска солдата пу-шанго (не хорошо), хунхуза... Тхунъ-тхунъ (все) ломайла!..

Онъ негодующе сталъ что-то разсказывать, жаловался мнѣ и указывалъ на выломанныя окна, на осколки разбитыхъ кувшиновъ у двери... Все, все «ломайло»,—оригинальный русско-китайскій терминъ, первое русское слово, которому на горькомъ опытѣ научились здѣсь китайцы.

Я ушелъ съ противнымъ чувствомъ стыда и безсилія. Черезъ полчаса, все равно, дверь его утащитъ не этотъ, такъ другой казакъ.

И опять отовсюду шли солдаты, и тащили на себѣ окна, сундуки и выломанныя изъ лежанокъ бревна.

— Капитанъ!.. Капитанъ!..

Высокій китаецъ вѣжливо улыбался и указывалъ рукою въ

поле: тамъ зеленѣлъ длинный рядъ фуръ, солдаты нагружали ихъ снопами каоляна и чумизы.

— Капитанъ!.. Ломайло!..

И желтые, кривые зубы китайца скалились все тою же вѣжливою, сдержанною улыбкою.

Закусивъ губу, я молча повернулъ въ сторону. Вначалѣ, на свѣжую душу, каждый изъ насъ въ подобныхъ случаяхъ въ негодованіи бросался на защиту китайцевъ. Каждый думалъ, что передъ нимъ—отдѣльная кучка негодяевъ-мародеровъ, потихоньку обдѣлывающихъ свое темное дѣло. Но очень скоро пришлось махнуть рукою: все равно—ничѣмъ не поможешь!

Стыдъ за себя и свое безсиліе превращался въ злобу и презрѣніе къ этимъ удивительнымъ людямъ съ длинными косами, съ вѣжливо-улыбающимися, сдержанными лицами. Господи! Если бы что-нибудь такое случилось у насъ,—бабы встрѣчали бы вилами каждаго грабителя, изъ каждой копны его ждала бы пуля, цѣлая армія понадобилась бы на одну охрану обозовъ, полевыхъ телеграфовъ и тыловыхъ учрежденій. И тогда,—о, тогда какъ бы скоро и легко были найдены самыя дѣйствительныя мѣры къ прекращенію творившагося! А они, эти странные, тихіе люди, только улыбались непроницаемыми улыбками и молча смотрѣли, какъ расхищалась и гибла ихъ благодатная страна.

И невольно глаза обращались къ тихо-красивой кумирнѣ, сѣрѣвшей у перекрестка. За нею, въ засохшемъ, несрѣзанномъ каолянѣ, валялся трупъ казненнаго на зарѣ хунхуза. Я былъ на казни. Казакъ взмахнулъ шашкою; китаецъ смирно стоялъ на колѣняхъ, склонивъ голову, и вдругъ быстро, испуганно занесъ руку надъ затылкомъ; шашка отсѣкла наискось руку и вонзилась въ затылокъ. Китаецъ ахнулъ и рванулся, всѣ кругомъ ахнули. Поблѣднѣвшій казакъ, закусивъ губу, схватилъ окровавленнаго китайца за другую руку и страшнымъ взмахомъ снесъ ему голову на высотѣ рта; черепъ запрыгалъ по грядкамъ, тѣло спалось и, подергиваясь, свалилось въ сторону. Штабный офицеръ-любитель фотографировалъ казнь.

Трупъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ, до сихъ поръ неубранный. Синѣла запачканная въ пыли ватная куртка. Надъ запекшимся срѣзомъ копошились жирныя, синевато-черныя мухи. Каолянъ тихо шуршалъ кругомъ, и алыя пятна на его блѣдныхъ листьяхъ казались брызгами живой крови.

Кто онъ былъ, этотъ хунхузъ? Рѣдкій ли среди китайцевъ

человѣкъ съ сильною и смѣлою душою, способный на великую ненависть и въ одиночку, на свой рискъ, пошедшій противъ разбойниковъ-пришельцевъ? Или, вѣрнѣе, здѣсь была жертва недоразумѣнія, непониманія языка, глухихъ подозрѣній въ предательствѣ и шпіонствѣ?

Кругомъ было странно-тихо. Какъ будто съ утра все здѣсь замерло въ недоумѣвающемъ ужасѣ и упорно думало какую-то неподвижную думу. Только каолянъ тихо вздрагивалъ своими словно окровавленными листьями.

Вдругъ гдѣ-то послышался протяжный, негромкій звонъ колокола. Таинственный, непонятный въ своей неожиданности, онъ, жалуясь, пронесся въ тихомъ, напоенномъ солнцемъ воздухѣ и поплылъ въ даль. Откуда онъ? Что это? Гдѣ тутъ могутъ быть колокола? И солдаты вдали, шедшіе по дорогѣ, тоже съ удивленіемъ оглядывались... Звуки шли отъ кумирни,— медленные, протяжные; а потомъ понесся перезвонъ, совсѣмъ какъ у насъ въ церквахъ, но только не могучій и громкій, а воздушный, легкій. Какъ будто въ глубокой дали звучали смутныя, родныя воспоминанія о чемъ-то кроткомъ и чистомъ.

Я вошелъ въ кумирню. По плитамъ двора, подъ кедрами, слонялись солдаты. Молельня зіяла выбитыми дверями, въ ней тоже толклись солдаты и шарили по алтарямъ. Направо отъ воротъ, въ сѣрой башенкѣ съ причудливой черепичатой крышей, висѣлъ гонгъ. Солдатъ въ косматой папахѣ, смѣясь, билъ палочками по лопастямъ гонга, два другіе солдата быстро обернулись ко мнѣ смѣющимися лицами... Вотъ была причина таинственнаго звона, который такъ серьезно напоминалъ о чемъ-то чистомъ и кроткомъ.

Завидѣвъ меня, солдаты въ молельнѣ поспѣшно приняли позы любопытствующихъ и начали глазѣть на разставленныхъ по стѣнамъ идоловъ. Поодиночкѣ они стали уходить изъ кумирни.

Молельня была поругана кощунственно, обидно-безсмысленно. У однихъ боговъ были отбиты головы и руки, другіе были совсѣмъ сброшены съ пьедесталовъ и валялись на кирпичномъ полу. Посреди нѣ сидѣлъ на возвышеніи гигантскій Сакья-Муни. Видимо, солдатъ ударилъ бога коломъ въ верхнюю часть груди: головы не было, на мѣстѣ лѣваго плеча и шеи желтѣли осыпающіеся комки сухой глины, и только правая рука была поднята вверхъ съ благословеніемъ; дальше внизъ шли ярко-окрашенныя одѣянія бога. Оттого, что головы у него не было, казалось, лицо его должно было выглядѣть важнымъ и прекраснымъ.

Рядомъ со мною стояли три солдата. Одинъ сказалъ:

— Видно, наши золота искали. Они, говорятъ, въ боговъ своихъ прячутъ золото.

Другой отозвался:

— Ну, гдѣ! Глина одна, больше ничего! Золото у нихъ въ подземельяхъ, по погребамъ.

Изъ сумрака смотрѣли кирпично-красныя и оливково-темныя рожи уцѣлѣвшихъ боговъ. Наклейные усы и бороды были сорваны, стеклянные глаза выковырены; у одного торчалъ изо рта окурокъ папиросы, другому была сунута въ руку каолиновая трость. На всемъ была печать того же безудержнаго «ломайла», непостижимаго въ своей безсмысленности и ненужности.

Я съ упрекомъ сказалъ:

— Ну, для чего вы это?

Солдаты поспѣшно отвѣтили:

— Это не мы!

Я сталъ имъ доказывать, что эти боги для китайцевъ—святыня, что они молятся имъ такъ же, какъ мы—нашимъ иконамъ. Что чувствовали бы сами они, если бы очутились въ положеніи китайцевъ, и китайцы то же самое стали бы продѣлывать въ русскихъ церквахъ? Солдаты соглашались со мною, отвѣчали: «такъ точно!».

Скуластый стрѣлокъ въ папахѣ ворошилъ носкомъ сапога глиняные осколки поверженнаго, разбитаго въ дребезги бога. Онъ юмористически поднялъ брови и протянулъ:

— Да-а... Придетъ теперь китай своему богу молиться, а его бога на кирпичи замѣсили!

Солдаты взглянули на меня и дружно захохотали, ожидая и моего смѣха...

Они ушли. Стало тихо. Изъ сумрака смотрѣли косоглазыя рожи боговъ, равнодушно-безсмысленныя или свирѣпыя, съ злобно-сдвинутыми бровями. И мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль: среди этихъ чудовищно-безобразныхъ боговъ послѣ нашего ухода появится новый богъ, такой же свирѣпый и безобразный; будетъ онъ въ низкой и косматой черной папахѣ, съ чертами русскаго солдата, и имя этому богу будетъ «Ломайло».

Вдали изрѣдка бухали пушечные выстрѣлы. А кругомъ было странное ощущеніе какой-то глубокой тишины. И странны были безвкусно-безобразные боги среди тихой красоты кумирни, подъ серьезными кедрами. Здѣсь, въ глухой деревенской церковкѣ, я испытывалъ то же, что мѣсяцъ назадъ испыталъ на императорскихъ могилахъ подъ Мукденомъ. Пораженные, мы тогда ходили по дворамъ, въ тѣни гигантскихъ

кедровъ, глядя на башни, стѣны и храмы. Тихо золотился осенній день, тихо тянулись извилистые, гладкіе суки кедровъ. И звонъ нашихъ шпоръ по плитамъ странно звучалъ среди глубокой, неслучайной тишины. Эта поразительная тишина пропитывала весь духъ сооруженія. Чувствовалось какое-то громадное успокоеніе, величавое и безмолвное. И казалось, была тутъ не тишина смерти, а было разрѣшеніе какой-то огромной жизненной загадки. Какая загадка рѣшена, какъ,—нельзя было понять, и это мучило, волновало и притягивало... Такъ вотъ онъ, Китай,—эта страна глупыхъ церемоній, бамбуковыхъ палокъ, ошія и блюдъ изъ вареныхъ улитокъ!..

То же самое испытывалъ я теперь въ убогой, разграбленной кумиренкѣ. И здѣсь на всемъ чувствовалась печать той же глубокой тишины духа, которая такъ поражала въ роскошныхъ мукденскихъ гробницахъ.

Когда я воротился къ себѣ, у насъ шелъ молебенъ. Подъ развѣсистой осокорью съ порѣдѣвшею, сѣро-зеленою листвою стоялъ столикъ съ иконой. Священникъ въ старенькой ризѣ махалъ кадиломъ. На столикѣ слабо мерцали въ дневномъ свѣтѣ двѣ восковыхъ свѣчки. Густо тѣснились солдаты и крестились, море обнаженныхъ головъ волновалось. Хоръ пѣлъ акаоистъ:

„Молю, дѣво, душевное смущеніе и печали моея бурю разорити: ты бо богоневѣстная, начальника тишины Христа родила еси, едина пречистая“.

Мимо проѣзжала батарея. Солдаты соскакивали съ передковъ, клали на тарелочку монету и, перекрестившись, бѣжали догонять свои орудія. Подходили и присоединялись къ толпѣ солдаты другихъ частей. Рябой казакъ, котораго я выгналъ изъ китайскаго двора, стоялъ у дерева съ дѣтски-благоговѣйнымъ, прислушивающимся лицомъ и, встряхивая волосами, крестился.

Вдали, у глиняной стѣнки, сидѣли на корточкахъ китайцы, прятали руки въ длинные рукава и съ любопытствомъ смотрѣли.

Хоръ пѣлъ:

„Спаси отъ бѣдъ рабы твоя, Богородице, яко вси по Бозѣ къ тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству. Призри благосердіемъ, всепѣтая Богородице, на мое лютое тѣлесе озлобленіе, и исцѣли души моея болѣзнь!“

И всѣ молились. И словно не понимали, о чемъ молятся, и какъ странно должны тутъ звучать ихъ молитвы. Какъ бы вытаращили глаза смотрѣвшіе издали китайцы, если бы имъ

разсказали, о чемъ молятся ворвавшіеся въ ихъ край свирѣпые люди!..

Къ тремъ часамъ дня пальба усилилась. Съ позицій несся размѣренный, прерывисто-раскатывающійся грохотъ. Какъ будто тамъ на громадныхъ станкахъ катали бѣлье. Шли слухи, что японцы штурмуютъ нашъ центръ, что ихъ трупами устланы отроги сопокъ и биткомъ набиты волчьи ямы. Я дремалъ послѣ обѣда въ душной палаткѣ. Сквозь тяжелый сонъ все слышны были эти глухіе раскаты,—«тру-ўхъ-тухъ!.. тру-ўхъ-тухъ!..»—и казалось, будто гиганская машина размалываетъ окровавленное, корчащееся и хрустящее человѣческое мясо... «Лютое тѣлесе озлобленіе», вдругъ пришло въ голову изъ акаѳиста... Что тамъ еще было? Тамъ было еще точно отмѣчено что-то... Ахъ, да, — «начальникъ тишины»... Гдѣ это ему молились, этому «Начальнику тишины»?.. Шпоры звенѣли по тихимъ плитамъ. Окровавленныя головы прыгали по грядкамъ. Свирѣпый богъ въ косматой папахѣ лѣзъ на пьедесталъ и сталкивалъ съ него благословляющаго Будду...

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!.. Вставайте скорѣй!.. Хотите посмотрѣть? Еще хунхуза ведутъ!

Денщикъ съ радостно-оживленнымъ лицомъ заглядывалъ въ палатку.

Я вскочилъ и вышелъ.

Черезъ поле, по грядамъ съ срѣзаннымъ каоляномъ, шли три солдата съ винтовками, между ними — старый, сморщенный китаецъ. На спинѣ у китайца было два большихъ узла, онъ хромалъ и шелъ невѣрною, колеблющеюся походкою.

Конвойные повернули къ фанзамъ. Китаецъ, какъ будто не замѣчая, попытался итти прямо. Задній конвойный, не спѣша, взялъ его за косу и потащилъ за собою,—безъ злобы, равнодушно и дѣловито, какъ вола. Отъ биваковъ подходили любопытствующіе солдаты. У воротъ фанзъ толпились взволнованные китайцы, вытягивали шеи и что-то быстро говорили между собою. Только одинъ старикъ, съ рѣдкою сѣдою бородкою клинышкомъ, стоялъ молча и смотрѣлъ въ угрюмой неподвижности.

Плѣннаго ввели во дворъ фанзы, гдѣ помѣщался штабъ дивизіи. Вокругъ тѣснилась толпа солдатъ. Китаецъ стоялъ посерединѣ, что-то говорилъ и вынрастывалъ содержимое своихъ мѣшковъ. Глаза у него были слезящіеся, красные, съ оттянутыми нижними вѣками.

Онъ выкладывалъ изъ мѣшковъ шерстяные чулки, рваные валенки, какія-то тряпки. Солдаты говорили:

— Шшь, сволочь! Японцамъ несъ, чтобы ножки у нихъ не озябли!

Подошелъ поручикъ, командиръ охранной роты. Онъ лѣниво спросилъ конвойнаго:

— Гдѣ поймали?

— На позиціяхъ, ваше благородіе!.. Зашелъ невѣдомо откуда, сначала по всѣмъ нашимъ окопамъ прошелся, потомъ повернулъ — и прямо къ японцамъ. Батальонный приказали задержать. Онъ, какъ завидѣлъ насъ, пустился бѣжать. Поймали, представили въ полковой штабъ, тамъ велѣли сюда отвесть.

Китаецъ вытрясъ оба мѣшка, чтобъ показать, что въ нихъ ничего больше нѣтъ, и сталъ укладывать вещи обратно. Онъ былъ изжелта-блѣденъ, все время говорилъ что-то по-китайски и, поминая слово «хунхуцзе», пожималъ плечами.

Увидѣвъ золотые погоны поручика, китаецъ замолчалъ, сталъ передъ офицеромъ на колѣни и приложился лбомъ къ землѣ. Поручикъ зѣвнулъ и пошелъ прочь.

Китаецъ всталъ съ колѣнъ. Оглядѣлся, удовлетворенно вздохнулъ, взвалилъ мѣшки на плечо и собрался итти.

— Эй, ходя (пріятель), куда?

Конвойный сурово взялъ его за плечо.

— Куда тебѣ, ходя, спѣшить? Ты погоди, не уходи! — ласково заговорилъ молодой солдатикъ съ дѣтски-хорошимъ лицомъ.—Скоро твоя сыши-сыши (спи-спи). Тамъ,—дале-еко... дале-еко...—задумчиво протянулъ онъ, выразительно ударилъ себя краемъ ладони по затылку и засмѣялся.

И другіе засмѣялись. Только одинъ солдатъ не смѣялся. Лѣтъ подъ сорокъ, съ больною, лохматою бородою и въ короткомъ полушубкѣ, онъ выглядѣлъ совсѣмъ какъ мужикъ, только-что слѣзшій съ дровней. Его глаза съ упорною, неутолимою ненавистью слѣдили за китайцемъ.

— У-у, св-волочь!—процѣдилъ онъ.

Конвойный солдатъ съ позицій, въ рваной шинели, испачканной сухою грязью, съ сильно погнутымъ штыкомъ на винтовкѣ, улыбался и разсказывалъ:

— Хитрый такой, шельма! Ведемъ мы его,—какъ завидитъ, китайцы у фанзъ стоятъ, сейчасъ начнетъ вопить и падаетъ наземь. А то плакать начнетъ. Плачетъ, сволочь, а глаза сухіе!

Китаецъ прислонился лбомъ къ стѣнѣ фанзы и замеръ.

— Цуба (прочь)! — свирѣпо гаркнулъ бородатый солдатъ, для чего-то схватилъ китайца за плечо и заставилъ его сѣсть на узлы.

— Хитрѣе народу нѣту, какъ эти китаи,—подтвердилъ другой солдатъ.—Вонъ за рѣчкой деревня. Заѣхали туда казаки соломы взять рисовой. Китай на костыляхъ: «шанго! шанго!»—думали, никудышный. И не смотрятъ на него. А онъ вдругъ изъ винтовки какъ стрѣльнетъ въ казака и, словно заяцъ, въ кавыльянъ. Такъ и не поймали.

И всѣ стали разсказывать. Разсказывали, какъ китайцы сигнализируютъ японцамъ зеркалами и флажками, какъ они затопятъ въ фанзѣ печь, чтобы побольше было дыму,—и сейчасъ же японскіе снаряды начинаютъ сыпаться на эту деревню; разсказывали, какъ хунхузы на кусочки рѣзали попадавшихся имъ въ руки русскихъ... Слушалъ я, и мнѣ вспоминалось время, когда я ѣхалъ сюда. Ѣхалъ я со смутнымъ ужасомъ передъ загадочными, холодно-свирѣпыми китайцами, какъ ихъ описывали газетные корреспонденты. А теперь, при видѣ этихъ упорныхъ, полныхъ тяжелой ненависти взглядовъ окружавшихъ солдатъ, я вдругъ подумалъ: если бы ихъ воля, они такъ же безтрепетно разложили бы на землѣ этого старика и стали бы рѣзать на куски, смѣясь его мукамъ и стонамъ.

А лица у всѣхъ были такія славныя, родныя... И у солдатика съ дѣтскими глазами, и у бородача, отъ котораго такъ и вѣяло тихою деревнею, и у оборваннаго конвойнаго съ погнутымъ штыкомъ. Я спросилъ, отчего у него погнутъ штыкъ.

— Шрапнелью погнуло, нынче утромъ надъ нами разорвалась. И шинель вотъ всю порвала.

Изъ сѣней фанзы, гдѣ былъ штабъ, вышелъ адъютантъ. Онъ мелькомъ взглянулъ сквозь пенснэ на китайца.

— Какой? Вотъ этотъ?

— Такъ точно!

Старикъ, увидѣвъ офицера, снова опустился на колѣни. Адъютантъ скучающими, чиновничьими глазами оглядѣлъ его склоненную фигуру.

— Гавриловъ! Караулъ къ нему назначить... Вы можете итти, — обратился онъ къ конвойнымъ и ушелъ назадъ въ фанзу.

Солдаты съ довольными лицами стали расходиться.

— Завтра на зарѣ кантрами ему сдѣлаютъ,—говорили они.

Солнце садилось; за околицей, по дорогѣ, лѣниво бродилъ поручикъ охранной роты. Я спросилъ его:

— Неужели и этого казнятъ?

— Обязательно. Нашъ генералъ миндальничать не любитъ. Завтра же въ каолянъ.

— А не производитъ онъ впечатлѣнія шпіона.

Поручикъ беззаботно отозвался:

— Д-да, пожалуй... Не разберешься тутъ, непонятны они намъ. Только гдѣ жъ тутъ судебное слѣдствіе наводить, время горячее, спѣшное. А разумѣется, многіе попадаютъ ни за что, ни про что: глупы, языка не понимаютъ. Подъ Шахе было,— наняли китайцевъ отнести въ госпиталь нашихъ раненыхъ. Возвращаются китайцы, а наши тѣмъ временемъ отступили. Китайцы, понятно, стараются пробраться къ себѣ сквозь нашу линію; много ихъ тогда перехватали, какъ шпіоновъ.

Поручикъ зѣвнулъ и сѣлъ на китайскую могилу.

— Нѣтъ, докторъ, вотъ когда тяжело было, это подъ Ляояномъ, — сказалъ онъ, помолчавъ.—Я, знаете, не сантиментальный человѣкъ, а это мерзко какъ-то вспоминать. Отступали. Велѣно было сквозь линію никого не пропускать. А тоже масса китайцевъ была нанята для переноски раненыхъ. Возвращаются они,—орутъ, лопочутъ, прутъ, дурье, никакихъ окриковъ не слушаютъ. Солдаты, и тѣ плакали, когда ихъ прикалывали.

— Прикалывали?

— Да, такой приказъ былъ...

Мы замолчали. На бивакахъ загорались костры. По дорогѣ отъ деревни прошелъ солдатъ, неся на рукахъ большой лакированный красный ящикъ. Поручикъ проводилъ его глазами.

— Вѣдь вотъ, подлецы какіе! — замѣтилъ онъ, возмущаясь прямо эстетически.—Ну, тащи, чортъ съ тобою! Не замерзать же ночью безъ костра. Но вѣдь вотъ дѣло какое: лежитъ тутъ же на дворѣ, рядомъ, великолѣпный сухой отрѣзокъ бревна. Взялъ топоръ и въ пять минутъ накололъ дровъ. А онъ нѣтъ, — выламываетъ изъ фанзы окно или вотъ этакій ящикъ тащитъ, которому въ Россіи цѣны бы не было!

Вдали, у околицы, послышались крики. Изъ воротъ китайскаго двора выбѣжалъ солдатъ въ полушубкѣ, отмахиваясь палкою отъ насѣдавшаго на него китайца. Китаецъ безсильно-плачущимъ голосомъ, какъ обиженный маленькій ребенокъ, кричалъ «цуба!» и бросался на солдата. Тотъ отмахнулся палкою и побѣжалъ назадъ въ ворота, китаецъ за нимъ. Я быстро сказалъ:

— Пойдемте, поручикъ! Поскорѣе!

Поручикъ усмѣхнулся.

— Э, докторъ, полноте! Охота вамъ!

Однако пошелъ за мною. Солдатъ издали завидѣлъ насъ, перемахнулъ черезъ низенькій глиняный заборъ и побѣжалъ по грядамъ капусты влѣво. Китаецъ устремился за нимъ. Мы

видѣли, какъ солдатъ вдругъ остановился и изо всей силы ударилъ подбѣгавшаго китайца въ ухо. Китаецъ кувыркнулся на гряды, а солдатъ исчезъ въ темнотѣ.

Поручикъ засунулъ руки въ карманы и покрутилъ головою.

— Разбойники!.. Форменные разбойники!

Мы повернули къ деревнѣ. Поручикъ вдругъ весело расхохотался.

— Воображаю, что̀ будетъ, какъ все это наше христолюбивое воинство воротится въ Россію!.. Полмилліона этакихъ мальчиковъ налетитъ,—прекрасное тутъ воспитаніе получили! Держись тогда всѣ...

Солнце сѣло. Въ сумеркахъ все тянулись отъ деревни мародеры, стыдливо обходя насъ. Разрушенныя фанзы, съ выломанными окнами, безъ крышъ, смотрѣли, какъ могилы. По опустошеннымъ полямъ сновали стаи бездомныхъ собакъ. Онѣ не лаяли на идущихъ мимо и рыскали, какъ будто не замѣчая людей. Казалось, это рыщутъ тѣни изъ другого, умершаго міра, и живыхъ людей онѣ ужъ не замѣчаютъ. Все тонуло въ смутныхъ сумеркахъ. И только у перекрестка ярко, побѣдно бѣлѣли подъ отсвѣтомъ зари три новыхъ деревянныхъ креста на братскихъ могилахъ.

1905.

IV.

НА ОТДЫХѢ.

Въ фанзѣ офицеровъ второго батальона играли въ макао, пили чай съ ромомъ и шумно разговаривали. Въ темной дали бухали пушки, и слышался тонкій свистъ снарядовъ.

Подпоручикъ Рѣзцовъ тоже пилъ и игралъ. Ему упорно не везло, онъ ужъ проигралъ больше шестидесяти рублей, но старался казаться равнодушнымъ; крутилъ вытянутые въ стрѣлку усики и напѣвалъ себѣ подъ-носъ:

Тебя, мой другъ Коко,
Я долго не забуду
И вѣчно помнить буду...
Коко!.. Коко!..

Металъ банкъ казначей полка, поручикъ Леденевъ.

— Вы... рубль?— небрежно обратился онъ къ Рѣзцову и, не глядя, бросилъ ему карту.

— Рубль,—беззаботно отвѣтилъ Рѣзцовъ.

— Вы?

Поручикъ Волковъ, длинный и костлявый, съ маленькою головою, быстро снялъ съ запасной таліи, взглянулъ на открывшуюся карту и отвѣтилъ:

— Пять рублей.

Леденевъ открылъ восьмерку.

— Девятка! У меня девятка!—радостно крикнулъ Волковъ.

Всѣ платили, и одинъ только Волковъ торжествующе взялъ изъ банка пять рублей. Поручикъ Гавриловъ, смѣясь глазами, вздохнулъ и сказалъ:

— И везетъ же тебѣ, Волчокъ!

Волковъ пугливо взглянулъ на него, махнулъ рукою и поспѣшно, съ ироническою улыбкою, отвѣтилъ:

— «Везетъ»!.. Да-а, «везетъ»!..

Кругомъ засмѣялись, а Волковъ еще разъ испуганно повторилъ, качая головою:

— «Везе-етъ», нечего сказать!

Рѣзцовъ все проигрывалъ. Онъ недавно былъ выпущенъ изъ училища, на-дняхъ пріѣхалъ въ армію на пополненіе состава и только въ дорогѣ научился играть; игралъ нѣсколько разъ и выигрывалъ. А теперь—хоть бы одна спосная карта! Какъ странно. Вѣдь въ игрѣ все случайность, а случайность должна бы бить въ обѣ стороны.

Волковъ сочувственно спросилъ:

— Не везетъ вамъ?

— «Тебя, мой другъ Коко»... Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ Рѣзцовъ.

— Вы пропустите очередь.

— Не все равно? Была случайность, и останется случайность.

Въ маленькихъ, быстрыхъ глазахъ Волкова мелькнуло недоумѣніе.

— Какъ же все равно? Вамъ будутъ итти другія карты!

Рѣзцовъ пожалъ плечами, но все-таки попробовалъ, пропустилъ очередь. И опять его карту убили.

Волковъ все время былъ въ движеніи. Передъ каждою ставкою онъ гадалъ по колодѣ, то ставилъ полтинникъ, то пять рублей, то пропускалъ очередь, то ставилъ одновременно на свою карту и карту другого. Слѣпая случайность стояла передъ нимъ божествомъ, исполненнымъ разумной тайны, и, какъ гадалецъ-жрецъ, онъ словно вѣрилъ, что возможно проникнуть въ замыслы этого темнаго божества.

Проигрышъ Рѣзцова уже подходилъ къ ста рублямъ. Онъ рѣшилъ,—дойдетъ до ста и встанетъ. На время ему было-по-

везло; но банкъ перешелъ къ Леденеву, и Рѣзцовъ опять сталъ проигрывать. Скоро ушли всѣ сто рублей.

Рѣзцовъ пересталъ играть и вышелъ на дворъ фанзы. Было тихо и морозно. За глиняными оградами солдаты жгли костры, огненный дымъ медленно уходилъ въ голые сучья ракитъ. Денщикъ ставилъ на дворѣ самоваръ, огонь съ шумомъ рвался изъ помятой желѣзной трубы. Вдали какъ будто ѣхала тряская телѣга, равномѣрно гремя по мерзлой землѣ.

Денщикъ, улыбаясь, сказалъ:

— Пачками, ваше благородіе, пошли стрѣлять!

Рѣзцовъ сообразилъ, что шумъ былъ не отъ телѣги, а отъ далекой ружейной пальбы, и поспѣшно, авторитетнымъ тономъ, подтвердилъ:

— Да, да.

А самъ, широко раскрывъ глаза, сталъ вслушиваться. Ружейная пальба перекатывалась, то усиливаясь, то ослабѣвая. Бухъ!—раздался пушечный выстрѣлъ. Бухъ! Бухъ! Бухъ!—покатилось одно за другимъ. Жуткое творилось въ темной дали; Рѣзцову чудились крики «ура!», представлялось, какъ въ темнотѣ валятся на мерзлыя каоляновыя грядки окровавленныя тѣла.

Сквозь бумагу окопъ слышны были громкіе голоса офицеровъ въ фанзѣ. Волковъ взволнованно кричалъ:

— Я же знаю, что̀ я сказалъ! Я рубль ставилъ!

— Нѣтъ, вы сказали пять рублей!—грубо возражалъ Леденевъ.

— Я сказалъ, что пять рублей моихъ за банкомъ, въ банкѣ не было съ десяти сдачи. Можно припомнить всѣ ставки, вы увидите, что еще въ банкѣ моихъ пять рублей... Чортъ знаетъ, что̀ такое! Какъ вы смѣете мнѣ не вѣрить? На-те, вотъ вамъ десять рублей! Я больше не играю.

Леденевъ хладнокровно отвѣтилъ:

— Зачѣмъ десять, вы должны только пять.

— Это чортъ знаетъ, чортъ знаетъ, что̀ такое!.. Я съ вами больше никогда не играю!

Волковъ взволнованно вышелъ изъ фанзы, напяливая шинель на узкія плечи.

— Кто тутъ? Это вы, Рѣзцовъ? Чего это вы здѣсь?

Волковъ остановился и дрожащими руками сталъ закуривать папиросу. Онъ прислушался.

— Пачками японцы стрѣляютъ. Ромодановцы пошли въ ночную атаку,—разсѣянно сказалъ онъ.—Слышали вы, какую сейчасъ штуку выкинулъ Леденевъ? Ч-чортъ знаетъ, что̀ такое!

Онъ сталъ возмущенно разсказывать. Рѣзцовъ слушалъ ру-

жейную трескотню, и ему страннымъ казалось возмущеніе Волкова рядомъ съ тѣмъ важнымъ и грознымъ, что творилось тамъ. Страннымъ казалось—и понравилось: да, вотъ именно такъ и нужно! Пусть тамъ, что угодно,—сегодня они, завтра мы. Что объ этомъ думать?..

Рѣзцову стало весело. Онъ расправилъ свои закрученные усики и молодцевато пошелъ назадъ въ фанзу.

Тебя, мой другъ Коко,
Я долго не забуду...

Офицеры сидѣли за столомъ и пили. Въ углу кхана *), на походной кровати, храпѣлъ пьяный ротный командиръ Рѣзцова, Катарановъ. Гавриловъ, покачиваясь, дергалъ его за высунувшійся изъ-подъ шинели сапогъ.

— Ну, вставай, ты!.. Въ макашонъ играть!.. Эй, пѣтухъ! Курицынъ мужъ!

Катарановъ подтянулъ ногу подъ шинель. На грязной подушкѣ виднѣлась его коротко-остриженная, лысѣющая голова. Рѣзцовъ смотрѣлъ и умиленно улыбался. Катарановъ былъ гордостью полка; объ его дерзко-удалыхъ развѣдкахъ упоминалъ въ своихъ донесеніяхъ Куропаткинъ, онъ былъ представленъ къ Георгію.

— Да вставай же! Не слышишь, что ли?.. Въ ма-ка-шку и-гра-ать!!.—завопилъ Гавриловъ ему въ ухо.

Катарановъ вдругъ быстро сѣлъ на постели и коротко спросилъ:

— Чай есть?.. Эй, денщицкая сила! Чаю стаканъ, покрѣпче!

— Вотъ тебѣ рому!

— Нѣтъ, я съ похмелья только чай пью... Грѣй самовары, Никитка!.. Уу-ухъ! Сорокъ стакановъ выпью!

Онъ соскочилъ съ кхана и, потирая руки, подошелъ къ столу.

Игра сразу оживилась. Катарановъ ставилъ рублей по двадцать, по тридцать, то срывалъ банки, то сразу обогащалъ ихъ. И всѣ другіе стали понемногу повышать ставки. Только старичокъ-батальонный спокойно продолжалъ ставить по рублю.

Метка перешла къ Леденеву. Ему упорно везло, очень скоро въ банкѣ было уже больше ста.

— Сколько вы?—обратился Леденевъ къ Катаранову.

Катарановъ, съ мелкими морщинками вокругъ глазъ, молча смотрѣлъ на него; глаза его засвѣтились весело и лукаво.

— Вотъ, у меня тутъ тряпочка грязная завалялась, на

*) *Кханы*—широкія, въ длину человѣческаго роста, лежанки, тянущіяся вдоль стѣнъ китайской фанзы.

нее!—Онъ разгладилъ на столѣ смятую сторублевую бумажку и опять взглянулъ на Леденева.

Леденевъ дрогнулъ и задержалъ въ рукѣ карту.

— Нѣтъ, лучше сниму банкъ. Не хочу рисковать.

— То-есть какъ это «не хочу»?—возмутился Гавриловъ.—Началъ ужъ раздавать, а потомъ струсилъ и на попятный?

Леденевъ высокомѣрно отвѣтилъ:

— Я имѣю право снять, когда хочу!

Горячо заспорили. Леденева заставили-таки продолжать.

Катарановъ съ размаху ударилъ картою о столъ: Леденевъ, торжествуя, открылъ девятку.

— Чортъ возьми!!. Ну, и везетъ ему! Нѣтъ, должно-быть, жена моя дома не спитъ, все проигрываю!

Леденевъ укладывалъ въ бумажникъ пачки денегъ и украдкою пересчитывалъ ихъ.

— Ничего, сегодня я хорошія суточныя заработалъ,—самодовольно сказалъ онъ.

Гавриловъ презрительно слѣдилъ за нимъ.

— А все-таки играешь ты, не какъ офицеръ. Настоящая уѣздная чиновница: въ первый разъ увидѣла кучу денегъ и ожидовѣла, боится, какъ бы не отняли... Вотъ за что Ѳедьку люблю,—львомъ играетъ, молодчина!.. Ѳедька, выпьемъ!

Рѣзцову все больше нравился Катарановъ. У него былъ удивительно ординарный видъ, но теперь его глаза свѣтились весело и задорно, и отъ этихъ глазъ все лицо свѣтилось мягкимъ свѣтомъ. Рѣзцовъ потянулся къ нему съ стаканчикомъ рома.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, позвольте съ вами чокнуться!

Старичокъ-батальонный сдержанно говорилъ:

— По-моему, вы идете на вѣрный проигрышъ. Вы одинъ изъ всѣхъ дѣлаете большія ставки; и вашъ рискъ не покрывается рискомъ другихъ.

Катарановъ беззаботно махнулъ рукою.

— Эка!.. А на что мнѣ деньги? Здѣсь съ голоду не помру; живъ останусь, домой на казенный счетъ повезутъ. Я въ сорочкѣ родился, мнѣ во всемъ удача. Въ этомъ году книжку про Китай прочелъ, и вотъ какъ разъ въ Китай попалъ.

— Когда насъ сюда погнали, онъ себя даже по лбу ударилъ: «Какъ это кстати! Какъ разъ я книжку про Китай прочелъ!»—сказалъ Гавриловъ.—Погоди, братъ, и въ Японію еще попадешь.

— Токійскимъ генералъ-губернаторомъ.

— Нѣтъ, голубчикъ... Будешь ты тамъ работать на поляхъ орошенія, въ одныхъ штанахъ и соломенной шляпѣ. А тебя по голой спинѣ будутъ бить китовымъ усомъ.

Катарановъ почесалъ въ затылкѣ.

— Собственно, мнѣ бы тебя за это слѣдовало вызвать на дуэль... Ну, да не стоитъ! Пріятели мы съ тобою давнишніе, сражаемся за одно дѣло...

— За какое, оба не знаемъ, — въ тонъ ему продолжилъ Гавриловъ.

— Да-а...—Катарановъ помолчалъ и усмѣхнулся. — Нынче утромъ солдаты говорятъ мнѣ: «Ваше благородіе! Вотъ, въ «Вѣстникѣ Маньчжурской Арміи» пишутъ, что мы тутъ за вѣру воюемъ, за царя и отечество. Какъ это такъ? Вѣдь вѣры нашей никто не трогаетъ, царя не обижаетъ. А отечество—китайское».

Всѣ засмѣялись, только Рѣзцовъ враждебно насторожился.

Батальонный спросилъ:

— Что же вы?

— Ну, что! Сталъ имъ что-то про Тихій океанъ объяснять, да самъ спутался...

— Какъ вы имъ позволяете разсуждать?—удивился Рѣзцовъ.

— А нельзя?—съ любопытствомъ спросилъ Катарановъ.

— Что же это, если всякій рядовой будетъ разсуждать, что война, какъ, изъ-за чего!..

— Головъ имъ не срѣжешь! — вздохнулъ Катарановъ и отвернулся отъ Рѣзцова.

Батальонный сидѣлъ, положивъ голову на руки.

— Оо-о-хо-хо!.. Да, господа, всѣ мы отсюда генералами уѣдемъ. Конца войнѣ не будетъ!

Катарановъ скороговоркою возразилъ:

— Ну!.. Дайте, балтійская эскадра придетъ, освободитъ Артуръ, сразу дѣло перемѣнится.

— Ихъ только разъ одинъ разбить, тогда такъ и побѣгутъ, — поддержалъ Гавриловъ.

Но всѣ замолчали и задумались. Стало тихо. Бухали пушки, снаряды съ тонкимъ завываніемъ уносились вдаль.

— Господа, что жъ, мы больше играть не будемъ?—теряя терпѣніе, недовольно спросилъ Леденевъ.

— Чей чередъ метать?—встрепенулся Катарановъ.

Рѣзцовъ налилъ себѣ въ стаканъ рому и одинъ, ни съ кѣмъ не чокаясь, выпилъ. Онъ съ вызовомъ поглядывалъ кругомъ. Тоже, офицеры!.. Что его раздражало, онъ не смогъ бы ясно высказать, но чувствовалось ему, что въ душѣ у всѣхъ есть что-то скрытое и невысказанное. Было совсѣмъ не то, что должно быть, чего онъ ждалъ, когда ѣхалъ сюда.

Игра кипѣла, деньги кучками лежали на столѣ. Было удивительно, какъ легко онѣ переходятъ отъ одного къ другому.

Рѣзцовъ рѣшительно подсѣлъ къ столу, поставилъ на карту и взялъ; еще разъ поставилъ,—опять взялъ.

Онъ началъ выигрывать. Какъ раньше карта странно не шла ему, такъ теперь вдругъ пошла. Большія ставки онъ бралъ, свои банки снималъ. Въ головѣ шумѣло, и было, какъ иногда бываетъ во снѣ: все происходило невѣроятно-удачно, но чувствовалось, что иначе и не можетъ быть. Какъ будто волна какая-то вдругъ взнесла его наверхъ.

Вошелъ Волковъ.

— Господа, помните, вчера съ нами тутъ игралъ одинъ поручикъ Ромодановскаго полка? Острякъ такой?.. Сейчасъ провезли транспортъ раненыхъ ромодановцевъ, я спрашивалъ о немъ: убитъ. Прямо въ лобъ.

— Да что-о вы?.. — разсѣянно спросилъ Катарановъ. — Смотрите, опять всѣхъ бьетъ!—въ изумленіи прервалъ онъ себя.

— Снимаю банкъ,—объявилъ Рѣзцовъ и загребъ со стола награнныя деньги.

Въ головѣ кружилось отъ рома, было весело отъ выигрыша. А поручикъ вчерашній—убитъ!.. У него были блестящіе, внимательно вглядывающіеся глаза, въ тонкихъ губахъ пряталась веселая насмѣшка, всѣ смѣялись, когда онъ говорилъ, — и убитъ! Какъ это все такъ быстро измѣняется?.. Бухали пушки, тонко пѣли снаряды. «А завтра мы!» — мелькало въ головѣ Рѣзцова.

Волковъ присѣлъ къ столу, погадалъ на таліи и опять сталъ играть. Теперь всѣ ставили на карту десятки рублей, смѣшно было вспомнить, что всего часъ назадъ могли быть ставки въ рубль. Рѣзцовъ острилъ, то и дѣло задорно шелъ «по банку», то выигрывалъ, то проигрывалъ.

И вдругъ денегъ у него больше не оказалось. Какъ это случилось? Исчезъ выигрышъ, исчезли всѣ его собственныя деньги... Рѣзцовъ растерянно оглянулся.

Игра равнодушно кипѣла, какъ будто полнымъ ходомъ работала молотилка. Выигрывать было такъ удивительно-легко и просто, онъ это только-что испыталъ; легко—и такъ безнадежно-трудно! Надъ головами беззаботныхъ людей наклонялось что-то темное, загадочное и державное; трудное оно дѣлало сказочно-легкимъ, легкое—неодолимо-трудными, и хотѣнія его были непонятны. Вотъ Леденевъ, ему все время неизмѣнно везетъ, онъ выигралъ ужъ больше двухъ тысячъ.

Деньги непрерывно двигались по столу. Но это были не всегдашнія деньги съ опредѣленною, устойчивою цѣнностью. Это было что то призрачное, текучее и измѣнчивое; въ минуту оно могло исчезнуть, въ минуту могло разрастись до

громадныхъ размѣровъ. Рѣзцовъ смотрѣлъ. Люди съ красными отъ вина лицами играли, острили, смѣялись. Вчера за этимъ же столомъ поручикъ тоже игралъ и острилъ, — сегодня онъ съ пробитою головою валяется въ темнотѣ на мерзлыхъ грядкахъ, голодныя собаки отдираютъ отъ челюстей весело улыбавшіяся вчера губы. А пуля легко могла пролетѣть на два вершка правѣе или лѣвѣе,—и тогда онъ завтра опять сидѣлъ бы здѣсь, игралъ бы и смѣялся.

Катарановъ, расправляя ноги, всталъ. Онъ спустилъ восемьсотъ рублей. Его ли все это были деньги, или тутъ были и казенныя?.. Глаза его попрежнему смотрѣли весело и задорно.

Денщикъ подскочилъ къ Катаранову съ платяною щеткою.

— Ты чего?

— Брюки, ваше благородіе, почистить... Мѣломъ измазали...

— Не надо... И такъ вычистили!

Кругомъ засмѣялись. И громче всѣхъ, довольнымъ, удачливымъ смѣхомъ, смѣялся Леденевъ. А Рѣзцовъ съ ненавистью думалъ: въ то время, какъ товарищи Леденева мерзнутъ на позиціяхъ и подвергаются опасностямъ, онъ спокойно живетъ себѣ въ обозѣ второго разряда и пріѣзжаетъ въ полкъ разъ въ мѣсяцъ для выдачи жалованья.

Металъ Леденевъ. Катарановъ не игралъ. Онъ пилъ чай пополамъ съ ромомъ и смотрѣлъ.

Дверь качнулась и затрещала, кто-то шарилъ въ сѣняхъ по рѣшетчатой стѣнѣ, оклеенной бумагою. Хриплый голосъ грубо и грозно обругалъ денщика, и въ комнату ввалился капитанъ въ потертой шинели, съ тусклыми, выцвѣтшими погонами. Онъ былъ очень пьянъ, бѣлесые, взлохмаченные волосы падали на наклоненное лицо, весь онъ былъ какой-то тусклый и вошелъ, какъ будто никого не видя.

— Тутъ я, что ли... папаху забылъ? — пробормоталъ онъ, какъ будто спрашивая самого себя.

Офицеръ былъ чужой. Катарановъ вспомнилъ, что днемъ много пилъ съ нимъ, объяснялся въ любви, что выпили на «ты», и что звать его Женькой.

Капитанъ непослушными руками перебиралъ сваленныя на кханахъ шинели и папахи, и все казалось, что онъ не подозрѣваетъ присутствія въ фанзѣ людей.

Катарановъ крикнулъ:

— Женька, садись въ макашку!

Капитанъ продолжалъ рыться въ шинеляхъ и что-то бормоталъ. Леденевъ вѣжливо обратился къ нему:

— Вамъ дать карту?

Офицеръ, не оборачиваясь, буркнулъ:

— С-со... со входящими!

Леденевъ взглянулъ на него и предупредилъ:

— Въ банкѣ четыреста съ лишнимъ рублей.

Капитанъ утвердительно кивнулъ самъ себѣ головою и повторилъ:

— Со входящими!

Держа въ рукахъ папаху, пришедшій тяжело сѣлъ на табуретку около стола. Онъ поникъ головою и молча, не открывая, смотрѣлъ на свою карту.

— Вамъ еще карточку прикажете?

Капитанъ посмотрѣлъ свою карту, подумалъ.

— Своя!

Леденевъ роздалъ всѣмъ, прикупилъ себѣ... Капитанъ, не поднимая головы, открылъ девятку. Леденевъ поблѣднѣлъ.

Всѣ ставили въ банкъ, и всю эту кучу деньжищъ потянулъ къ себѣ пришлый офицеръ.

Игра пошла дальше. Капитанъ сидѣлъ сгорбившись, съ нависшими на лобъ волосами, и смотрѣлъ въ столъ; такъ, не глядя на банкомета, онъ называлъ и размѣръ своихъ ставокъ. И все казалось, что онъ никого кругомъ не замѣчаетъ, какъ будто играетъ съ невидимыми духами. Катарановъ встрепенулся и повеселѣлъ; онъ отозвалъ Леденева, занялъ у него двѣсти рублей и опять сѣлъ играть.

Очередь метать перешла къ пришлому капитану.

— Въ банкѣ... пятьсотъ рублей,—про себя сказалъ онъ и, не выкладывая денегъ, сталъ раздавать карты; какъ будто само собою разумѣлось, что платить ему изъ банка не придется. И карты онъ раздавалъ, даже не спрашивая о ставкахъ,— понтеры называли ихъ, а онъ какъ будто даже не слушалъ. Было во всемъ этомъ что-то безсмысленно-увѣренное и подавляющее, и всѣмъ показалось естественнымъ, когда онъ открылъ себѣ восьмерку.

Деньги потекли въ банкъ. Капитанъ невѣрною рукою пересчиталъ ихъ и поморщился.

— Десяти рублей, кажется, не хватаетъ... Ну, да пускай! Дальше мечу.

Отъ его словъ потянуло темнымъ притономъ. Офицеры переглянулись.

— Виноватъ! Тогда будьте добры провѣрить, — попросилъ его батальонный.

Капитанъ пробормоталъ:

— Ничего... я довѣряю. Прошу извиненія!.. Считаю *инцидентъ* исчерпаннымъ... Мечу дальше.

И опять онъ побилъ какъ разъ самыхъ крупныхъ понтеровъ.

— Господа... я не считаю!.. Я, господа, довѣряю вамъ. Я до-вѣ-ряю!.. Дальше!..

Леденевъ, сильно поблѣднѣвъ, поставилъ триста рублей. Капитанъ побилъ его карту. Въ банкѣ горою лежали бумажки и золотые.

— Снимаю,—коротко объявилъ капитанъ.

Тяжело дыша, Леденевъ хрипло спросилъ:

— Сколько въ банкѣ?

Пересчитали. Оказалось тысяча четыреста.

— Покупаю банкъ,—сказалъ Леденевъ.—Сколько идете?—обратился онъ къ капитану.

Капитанъ, глядя въ столъ, буркнулъ:

— Семьсотъ.

Стало тихо. Многіе уже отстали отъ игры, тутъ происходило состязаніе счастья Леденева съ счастьемъ пришлаго офицера. Играли еще только Катарановъ, Волковъ и Гавриловъ.

Все болѣе страннымъ и страшнымъ казался Рѣзцову этотъ пьяный, лохматый офицеръ. Ввалилось къ нимъ что-то темное, тупо-безсмысленное, не знающее ни страсти, ни разсужденія. Изъ другихъ игравшихъ одни горько печалились въ душѣ о проигрышѣ, другіе шли на него съ дерзко-веселою улыбкою; а тутъ было что-то стихійное, безконечно-безразличное ко всему, безъ радости и безъ печали. Да, безъ радости, безъ печали. Великая, слѣпая сила, отъ которой все зависитъ; можно ей грозить, можно вопить, умолять,—все равно!..

Волковъ попрежнему волновался, мѣнялъ мѣста, пропускалъ очередь и гадалъ, гадалъ безъ конца. Онъ былъ смѣшонъ и жалокъ. Какъ будто рабъ метался и корчился передъ могучимъ властелиномъ.

Смутный взглядъ капитана упалъ на Волкова.

— Что вы тамъ дѣлаете съ таліей?—подозрительно спросилъ онъ.

Катарановъ нетерпѣливо сказалъ Волкову:

— Да будетъ вамъ, ей-Богу! Бросьте!

Волковъ недовольно нахмурился и отодвинулъ отъ себя талію.

— Пять очковъ у меня... У васъ?—нетерпѣливо спросилъ Леденевъ.

— Шесть,—медленно произнесъ капитанъ и потянулъ къ себѣ деньги.

Леденевъ, мучительно стараясь удержать на лицѣ безразличное выраженіе, далъ ему новую карту.

— Сколько идете?

Капитанъ пьяно-насмѣшливымъ взглядомъ посмотрѣлъ исподлобья на блѣднаго Леденева, помолчалъ и, поднявъ брови, коротко отвѣтилъ:

— Рубль!

Въ слѣдующую очередь онъ опять поставилъ рубль, потомъ полтинникъ. Леденевъ все больше блѣднѣлъ: купилъ онъ банкъ, конечно, лишь въ расчетѣ на большія ставки капитана.

Капитанъ поставилъ сто рублей и проигралъ.

— Дальше! — лихорадочно говорилъ Леденевъ, оживая надеждою. Онъ быстро протянулъ карту капитану.—Сколько?

Капитанъ, наклонившись надъ столомъ, предостерегающе грозилъ самъ себѣ пальцемъ.

— Эй, Женька, Женька!.. Зарываешься, братъ! Сто рублей проигралъ, еще, каналья, проиграешь!

Леденевъ нетерпѣливо переспросилъ:

— Сколько ставите?

Капитанъ исподлобья взглянулъ на Леденева, и опять въ его пьяныхъ глазахъ пробѣжала насмѣшка.

— По банку!

Леденевъ раздалъ карты.

— Вамъ еще надо?

— Дайте.

Капитанъ взялъ одну карту, другую, и покрутилъ головою:

— Только подгадилъ себѣ!

Леденевъ дрожащими руками сталъ открывать свои карты: дама, король, десятка,—форменный «жиръ», ни одного очка! Капитанъ взялъ весь банкъ на два очка.

— Довольно! Пора ѣхать!—пробормоталъ онъ и всталъ.

Онъ горстями бралъ со стола кучи денегъ и невѣрными руками пихалъ ихъ въ карманы брюкъ и шинели.

— До свиданія!—Ни на кого не глядя, капитанъ нахлобучилъ папаху и, шатаясь, съ торчащими изъ кармана скомканными кредитками, вышелъ.

Леденевъ сидѣлъ, мертвецки-блѣдный. Всѣ украдкою поглядывали на него. И у всѣхъ на душѣ было странно отъ мимолетнаго появленія незнакомаго офицера. Прошло и исчезло что-то лохматое, шатающееся, съ смутно-различаемымъ взглядомъ, и никто даже не могъ себѣ представить, какое у него было лицо.

Игра продолжалась, но капитанъ унесъ съ собою все счастье Леденева. Ставки его бились, банки расхватывались. И Рѣзновъ давно уже пересталъ видѣть въ этомъ случайность: неодолимый рокъ наложилъ на Леденева свою тяжелую руку,

и всякій могъ теперь пользоваться случаемъ. И всѣ пользовались. Даже Волковъ почти пересталъ гадать и увѣренно дѣлалъ большія ставки. Катарановъ, смѣясь, перебросилъ Леденеву черезъ столъ занятые у него и отыгранные имъ двѣсти рублей.

А Леденевъ все продолжалъ играть, и ясно было, что онъ готовъ поставить послѣднее, лишь бы отыграться. Онъ тяжело дышалъ и тщетно старался проглотить густую, вязкую слюну.

Вошли два артиллерійскихъ офицера и тоже стали копаться въ наваленной одеждѣ. Одинъ сказалъ:

— Нѣтъ папахи моей... Куда она завалилась?

— Тутъ сейчасъ былъ одинъ офицеръ, тоже искалъ папаху,—не вашу ли онъ взялъ?—отозвался батальонный.

Леденевъ, съ злыми глазами, поднялъ голову.

— Господа, посмотрите тамъ, не пропала ли, чего добраго, и моя папаха!—Голосъ его былъ такой хриплый, что артиллеристы съ удивленіемъ отлянулись. — Зачѣмъ вы талію трогаете?!—вдругъ закричалъ онъ на Волкова, который потянулся было погадать по колодѣ.

— А вамъ что за дѣло?

— Таліи потрудитесь не трогать, ею мечутъ! Васъ сегодня разъ ужъ поймали на этомъ!

Голосъ Леденева былъ съ грознымъ рокотомъ, рвавшимся на оскорбленіе, на скандалъ. Волковъ вскочилъ.

— Что-о-о?!.

Товарищи съ трудомъ успокоили ихъ.

Офицеры разошлись во второмъ часу, а передъ зарею въ полкъ пришла телефонограмма съ приказомъ немедленно выступить на позиціи, на поддержку тѣснимымъ ромодановцамъ.

Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ солдаты молча и сосредоточенно шагали по дорогѣ; сквозь глухой топотъ ногъ изрѣдка слышалось покашливаніе, или штыкъ звякалъ о штыкъ. А вдали непрерывно трещала ружейная стрѣльба, и спѣшно бухали пушки.

Рѣзцовъ шелъ возлѣ своей полуроты, пристально вглядывался вдаль и давилъ бившую его нервную дрожь. Небо на востокѣ свѣтлѣло, надъ ракитовою рощею вспыхивали огоньки шрапнелей, и полкъ направлялся прямо туда.

Шедшій передъ ротою Катарановъ остановился и подождалъ Рѣзцова.

— Василій Петровичъ, спички есть у васъ? Дайте закурить... Спасибочко!

Его глаза опять горѣли лукаво-задорнымъ, веселымъ огонь-

комъ, какъ тогда, когда онъ проигрывалъ послѣднія деньги, и опять все его сѣрое лицо освѣщалось этимъ милымъ свѣтомъ. И Рѣзцову вспомнилось все, что было сегодня ночью,— вспомнилось загадочное появленіе темнаго офицера безъ лица, загадочные пути случайности...

Передъ рощею, саженъ за двѣсти отъ нихъ, рѣзко сверкнулъ въ воздухѣ огонекъ, донесся трескъ разорвавшейся шрапнели, — звукъ, остро и тонко завиваясь, хлопнулъ и замеръ. Шедшій рядомъ унтеръ-офицеръ сказалъ:

— Ишь, подлые! Сквозь ночь видятъ, все равно, что кошки!

Сверкнулъ другой огонекъ, третій, все ближе. Какъ будто кто-то невидимый издалека нащупывалъ ихъ. Цѣпи молча разсыпались по полю.

Начиналась другая игра, огромная и грозная.

1904.

V.

ВЪ МЫШЕЛОВКѢ.

Была глубокая ночь. Ярко и молчаливо сверкали звѣзды. По широкой тропинкѣ, протоптанной поперекъ каоляновыхъ грядокъ, вереницею шли солдаты. Они шли тихо, затаивая дыханіе, а со всѣхъ сторонъ была густая темнота и тишина. Рота шла на смѣну въ передовой люнетъ. Подпоручикъ Рѣзцовъ шагалъ рядомъ со своимъ ротнымъ командиромъ Катарановымъ, и оба молчали. Рѣзцовъ блестящими глазами вглядывался въ темноту, Катарановъ, противъ обычнаго, былъ хмуръ и нервенъ; онъ шелъ, понуривъ голову, кусалъ кончики усовъ и о чемъ-то думалъ.

Шагъ за шагомъ, все дальше назади оставались окопы, гдѣ вокругъ были свои, гдѣ чувствовалась связь со всѣми. Отъ міра и жизни рота какъ будто отходила въ одинокій, смертно-тихій мракъ. Тропинкѣ не было конца, и, когда они подошли къ люнету, казалось, они прошли версты двѣ, хотя до люнета было только семьсотъ шаговъ.

Завидѣвъ смѣну, въ окопѣ облегченно зашевелились. Командиръ вышелъ изъ окопа и, расправляя отекшія ноги, молча протянулъ руку офицерамъ. Онъ тоже былъ угрюмъ и золъ.

Катарановъ шопотомъ спросилъ:

— Что хорошаго?

— Пострѣливаютъ... Направо, за могилкою, должно-быть, японскій секретъ. Шаговъ полтораста.

Его солдаты осторожно вылѣзали изъ люнета. На носилкахъ вынесли что-то вытянувшееся и неподвижное. Катарановъ кивнулъ на носилки и спросилъ:

— Сколько?

— Одинъ убитъ, трое ранено... Тише вы, черти!—зашипѣлъ офицеръ на солдата, который зацѣпилъ прикладомъ за котелокъ.

Пришедшая рота тихонько размѣщалась въ окопѣ. Катарановъ и Рѣзцовъ тоже спустились внизъ.

Назади съ глухимъ шорохомъ удалялась смѣна. И казалось,—вотъ порывается послѣдняя связь съ міромъ. Кто-то тамъ сзади сдавленно раскашлялся. И сейчасъ же гдѣ-то сбоку темноту пронзилъ струистый огонекъ, по молчаливымъ полямъ прокатился выстрѣлъ. Люди разомъ встрепенулись, винтовки въ ихъ рукахъ зашевелились.

— Безъ команды не стрѣлять!—грозно протянулъ Катарановъ.

Еще сверкнули двѣ струйки. Двѣ пули, ноя, пронеслись мимо окопа. И все замолкло. Кольцомъ сдвинулась вокругъ живая, подстерегающая тишина. Она отовсюду смотрѣла изъ темноты, и всѣ напряженно вглядывались ей навстрѣчу.

Люнетъ, который занимала рота, былъ громко извѣстенъ во всемъ корпусѣ. Офицеры называли его «Сумасшедшимъ люнетомъ», потому что, продежуривъ въ немъ сутки, два офицера сошли съ ума и прямо съ позиціи были отправлены въ госпиталь; солдаты прозвали люнетъ «Мышеловкой». Для чего онъ существовалъ, какое было его назначеніе,—никто не могъ понять. Люнетъ лежалъ совсѣмъ одиноко въ чистомъ полѣ, на полверсты впередъ отъ нашихъ позицій и всего за четыреста шаговъ отъ японскихъ; съ фланговъ японскія позиціи загибались вокругъ него, а справа и нѣсколько сзади сѣрѣла вдали грозно укрѣпленная японцами деревня Л.; кромѣ того, люнетъ былъ подъ косымъ обстрѣломъ одного изъ нашихъ люнетовъ. И отовсюду въ него летѣли пули.

Начальникъ дивизіи рапортомъ указывалъ корпусному командиру на полную ненужность этого люнета, на то, что въ любой моментъ японцы шутя могутъ перебить всѣхъ его защитниковъ. Корпусный положилъ на рапортѣ резолюцію: «Умереть въ окопахъ—это значитъ одержать побѣду». И всѣ знали,—онъ очень гордился, что въ районѣ его корпуса линія укрѣпленій выдается впередъ больше, чѣмъ въ сосѣднихъ корпусахъ; и всѣ знали также, что самъ онъ ни разу не риск-

нулъ самолично побывать въ этомъ люнетѣ. Японцы спокойно предоставляли русскому вождю тѣшить свое честолюбіе; наши два раза очищали люнетъ, и японцы его не занимали; видимо, онъ былъ имъ ненуженъ и нестрашенъ.

Морозило. Солдаты, сжимая винтовки, пристально вглядывались въ темноту. Было очень тихо. И звѣзды,—густыя, частыя,—мигали въ небѣ, какъ онѣ мигаютъ только, когда на землѣ всѣ спятъ. Казалось, вотъ-вотъ прекрасною, прозрачною тѣнью пронесется молчаливая душа ночи,—спокойно пронесется надъ самою землею, задѣвая за сухую траву, безъ боязни попасть подъ людскіе взгляды. А въ этой землѣ повсюду прятались насторожившіеся люди и зорко вглядывались въ темноту.

Рѣзцовъ глубже засовывалъ руки въ рукава полушубка. Впереди люнета смутно шевелился сухой, несрѣзанный каолянъ, слышался шорохъ его листьевъ. Отчего они шуршатъ? И повсюду что-то чернѣло, осторожно шевелилось и старалось спрятаться въ тишину. Вдругъ, беззаботно въ этой тишинѣ, злобно и хрипло огрызнулась во мракѣ собака; другая, молоденькая, жалобно завизжала. Тамъ, въ каолянѣ, онѣ гложутъ неубранные трупы. И опять стало тихо.

Внутри тѣла мелко и часто трепетала невидная снаружи дрожь, воздухъ выходилъ изъ ноздрей прерывистою струею. И Рѣзцовъ глубже засовывалъ руки въ мѣхъ рукавовъ. Поползли предательскіе шорохи, ихъ осторожно душила живая, подстерегающая тишина. Вотъ сейчасъ эта тишина вздрогнетъ, развернется, и съ ярымъ воплемъ изъ нея ринутся на люнетъ темныя толпы. Что тогда дѣлать?

Рѣзцовъ думалъ,—и на душѣ становилось вызывающе-весело и нестрашно. Ну, подкрадутся японцы и бросятся на на нихъ въ штыки. Ясно, поддержки сзади не пришлютъ. Ясно, придется выскочить изъ окопа и схватиться въ рукопашную. И ясно, исходъ будетъ одинъ—смерть. Все было ясно и просто. Хотѣлось беззаботно улыбаться.

Изъ темной дали, съ лѣваго фланга, слабо донесся ружейный выстрѣлъ, отдавшійся въ горахъ короткимъ эхомъ: та-ахъ-та!.. Другой, третій,—и затрещала частая, сливающаяся пальба пачками. Тишина кругомъ еще больше насторожилась, стала еще болѣе жуткою. На темномъ небѣ, казалось, вспыхивали слабые отсвѣты. Пальба трещала спѣшно и лихорадочно, потомъ стала ослабѣвать. Донеслось еще нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ. Замолкло.

Опять еще сердитѣе огрызнулась въ темнотѣ хриплая со-

бака, и еще жалобнѣе завизжала молодая собачонка, и повизгивала долго, обиженно. Было странно: кругомъ—огромное, притаившееся, всеобщее ожиданіе, а тутъ же, чуждыя всему, сосредоточенно копошатся свои отдѣльныя, маленькія злобы и обиды.

— Оо-о!..—Кто-то сладко зѣвнулъ въ темнотѣ.—Холодно, морозы пошли. Какая-то будетъ матушка весна-красна?

Солдаты давно уже перестали вглядываться въ темноту и стояли,—равнодушные, беззаботные къ тому, что̀ кругомъ. Рѣзцовъ сталъ себѣ противенъ, съ своими копошащимися въ мозгу, пугливо вздрагивающими мыслями. Въ этомъ окопѣ сошло съ ума два офицера,—именно офицера: такъ же они стояли, такъ же спрашивали себя: «Что̀ тамъ?.. А что̀, если?..» А вотъ кругомъ люди,—равнодушно-спокойные и бездумные; придетъ мигъ, и они съ свѣжими, вдругъ вспыхнувшими душами схватятся за винтовки.

Рѣзцовъ пошелъ сдѣлать обходъ своей части люнета. Капитанъ Катарановъ стоялъ въ серединѣ люнета. Положивъ голову въ папахѣ на руку, онъ облокотился о брустверъ и о чемъ-то думалъ. За послѣднія двѣ недѣли Катарановъ сталъ совсѣмъ другимъ, чѣмъ прежде: былъ молчаливъ и угрюмъ, много пилъ; въ пьяномъ видѣ ругалъ начальство, восхвалялъ Куроки, Ояму, Нодзу, оглядывалъ всѣхъ злыми, вызывающими глазами и какъ будто ждалъ возраженій; а то плакалъ, билъ себя кулаками въ грудь и лѣзъ цѣловаться.

Онъ очнулся отъ задумчивости и разсѣянно взглянулъ на Рѣзцова.

— Ну, что̀? Не спятъ у васъ люди?

— Нѣтъ.

Катарановъ опять молча облокотился о брустверъ. Рѣзцовъ пошелъ къ себѣ.

Медленно двигались по небу звѣзды, однѣ заходили, слѣва изъ-за сопокъ появлялись другія. Вдали изрѣдка слышались одиночные выстрѣлы. Солдаты стояли, неподвижно опершись о винтовки. Временами то одинъ, то другой топалъ озябшими ногами.

Небо надъ сопками чуть засвѣтилось. Катарановъ прошелъ по окопу и позволилъ желающимъ ползти въ каолянъ за топливомъ и назадъ, къ ручью, за водой.

Солдаты оживились и поползли. Стало весело и жутко. Слышался острый хрустъ срѣзываемаго каоляна, шопотъ и сдержанный смѣхъ.

Изъ темноты выдѣлилась фигура солдата съ огромною связ-

кою каоляна за плечами. Солдатъ шелъ къ люнету, согнувшись подъ тяжестью, медленно и неспѣшно, какъ дворникъ, несущій дрова. Рѣзцовъ возмущенно слѣдилъ за нимъ; всею своею огромною, медленно движущейся фигурою онъ какъ будто намѣренно выставлялъ себя подъ выстрѣлы. И правда, въ японскихъ окопахъ засверкали огоньки, и пули зажужжали въ воздухѣ.

— Хрѣновъ! Да бѣги же скорѣй, чего ползешь!—сердито прошипѣлъ Рѣзцовъ.

Хрѣновъ, исполняя приказаніе, неуклюже пробѣжалъ десятокъ шаговъ и опять пошелъ неспѣша. Его бородатая, наклонившаяся подъ связкою голова показалась у окопа.

— Да иди ты скорѣй, сукинъ сынъ! Прыгай въ окопъ!.. Подстрѣлятъ тебя!

— Ни-икакъ нѣтъ!—Хрѣновъ медленно влѣзъ въ окопъ.— Пули ихъ, ваше благородіе, добрыя!—объяснилъ онъ Рѣзцову и сбросилъ вязанку.—Ну, ребята, грѣйся теперь, сколько влѣзетъ.

Свѣтлѣло. Запоздавшіе поспѣшно сползались къ люнету. Пули жужжали чаще.

Солдаты разжигали въ земляныхъ печуркахъ каолянъ и кипятили въ котелкахъ воду. Бѣловато-синіе дымки вились надъ окопомъ. И назади, впереди, у нашихъ и у японцевъ, вездѣ закурились дымки. Въ воздухѣ запахло гарью, напоминая о теплѣ и горячемъ чаѣ. Съ середины люнета донесся голосъ Катаранова:

— Ребятушки! Глубже въ окопѣ сидѣть. Кромѣ часовыхъ, не высовываться!

На днѣ окопа, подъ лѣсомъ торчавшихъ во всѣ стороны штыковъ, весело копошились черныя папахи и нагольные, заглянцовѣвшіе отъ носки полушубки. Каляновые стебли въ печуркахъ потрескивали.

— Матрехинъ, гдѣ у тебя вода запасена?

— Вонъ она на краю стоитъ, въ жестянкѣ.

Хрѣновъ подошелъ къ жестяному ящику изъ-подъ патроновъ, наполненному водою; посмотрѣлъ на посудину, подумалъ:

— Ну-ка, балтійская эскадра! Иди, покупнтися!—вздохнулъ онъ и бережно поднялъ посудину.

Солнце выплыло изъ-за сопокъ, косые лучи сквозь напитанный дымомъ воздухъ били по запидѣвѣвшимъ былинкамъ, по грядамъ полей. Солдаты пили изъ кружекъ чай, острили и смѣялись. Низенькій и старообразный Василій Матрехинъ съ отлогимъ, глупымъ лбомъ, отхлебывалъ изъ кружки чай, заѣдалъ его мерзлымъ хлѣбомъ и недовольно говорилъ:

— Какъ, значитъ, на дѣйствительной службѣ служилъ я, то былъ отдѣленнымъ, н-да!.. А теперь изъ запаса взяли, ни одного рядового подо мною нѣту.

— Ничего, милый, не горюй!—утѣшалъ его стройный и худощавый Безпаловъ, съ Георгіемъ на полушубкѣ.—Ты человѣкъ женатый. Только знай, посиживай тутъ. А жена ужъ для тебя дома постарается, цѣлое отдѣленіе пока нарожаетъ. Пріѣдешь, будетъ, кѣмъ командовать.

Безпаловъ говорилъ, и его красивое лицо вспыхивало быстрою, какъ будто свѣтящеюся улыбкою.

Рѣзцовъ снисходительно улыбался въ свои закрученные усики, на душѣ было немножко одиноко: хотѣлось, какъ равному, замѣшаться въ эту кучу тѣсно жавшихся другъ къ другу тѣлъ, смѣяться остротамъ, острить самому.

Катарановъ прислалъ ему приглашеніе пить чай. Рѣзцовъ пошелъ, пробираясь межъ жавшихся къ стѣнкамъ солдатъ. Часовой оживленно обратился къ нему:

— Ваше благородіе! Японецъ орудія перевозитъ съ сопки въ деревню. Близко, можно пулей достать.

Рѣзцовъ выглянулъ. Всего за тысячу шаговъ отъ нихъ, за линіей окоповъ, медленно ѣхали два тяжелыхъ орудія; ѣздовые спокойно сидѣли на лошадяхъ и даже не оглядывались на ихъ люнетъ. Чувствовалось полное пренебреженіе и презрѣніе.

Мимо уха Рѣзцова коротко зыкнула пуля. Онъ быстро втянулъ голову въ плечи и поспѣшилъ къ Катаранову. Катарановъ, припавъ къ брустверу, смотрѣлъ въ бинокль.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, видите орудія?—радостно спросилъ Рѣзцовъ.

Катарановъ оторвался отъ бинокля. Его глаза смотрѣли хмуро.

— Вижу.

— Дать бы по нимъ пару залповъ.

— Не дамъ ни одного выстрѣла.—Лицо у него было странное,—сосредоточенное и сѣрое.—Сядемъ чай пить!—рѣшительно произнесъ онъ.

Они опустились на дно окопа. Катарановъ наливалъ изъ эмалированнаго чайника чай.

— Водки нѣту, здорово бы я сейчасъ выпилъ! — вдругъ сказалъ онъ.

Рѣзцовъ отхлебывалъ изъ своей кружки и съ осужденіемъ молчалъ. Потомъ не выдержалъ, всталъ и посмотрѣлъ: орудія скрывались за выступомъ равнины. Онъ опять сѣлъ. Катарановъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Слѣдовало бы ихъ обстрѣлять?

— Слѣдовало,—сумрачно отвѣтилъ Рѣзцовъ.

Катарановъ, съ злыми глазами, усмѣхнулся и замолчалъ.

— Подлецы, сколько сала напустили въ воду. Нѣтъ, чтобы сполоснуть котелокъ!.. — Онъ сердито хмурился, заглядывая въ свою кружку; потомъ продолжалъ о прежнемъ, какъ будто убѣждая самого себя:—Ну, а что бы было? Подстрѣлили бы мы пару лошадей, а они бы въ отвѣтъ въ нашу мышеловку, какъ по клавишамъ, дюжинку шимозъ. И весь бы люнетикъ съ ротою полетѣлъ къ чорту. Разстояніе до вершковъ измѣрено, терпятъ насъ, пока сидимъ смирно... Охъ, тяжело мнѣ!..—Катарановъ съ страданіемъ покрутилъ головою.

Рѣзцовъ пробирался назадъ къ себѣ. Густо шевелились солдаты, къ нему оборачивались смѣющіяся лица. Пили чай изъ кружекъ, грѣли у печурокъ руки и ноги. Охватывало беззаботнымъ весельемъ.

Рѣзцовъ сѣлъ на своемъ концѣ. Солдаты поднимались, раскладывали на брустверѣ чайники, котелки, полушубки. И, какъ только высовывался край папахи, надъ бруствероиъ сейчасъ же проносилось нѣсколько пуль.

— Ваше благородіе! Имѣю честь доложить: мой башлыкъ ранили... Въ трехъ мѣстяхъ!..

Безпаловъ, съ своею быстро проносящеюся по лицу улыбкою, развертывалъ передъ Рѣзцовымъ пробитый пулями башлыкъ.

— Въ другой разъ, ваше благородіе, нужно больше лопать брать для хлѣба,—мрачно замѣтилъ Хрѣновъ.

— Для хлѣба?

— Такъ точно! Никакъ ножомъ его не урѣжешь, замерзъ.

— Лопатой ударишь, и то одни искры сыпятся, — прибавилъ Безпаловъ.

Было весело. Рѣзцовъ думалъ: вотъ, это настоящіе солдаты. Всѣ они прекрасно также понимаютъ, что сидятъ въ мышеловкѣ, а не ворчатъ, не ропщутъ. Покорные и смѣющіеся, они копошатся на днѣ этого рвика, надъ которымъ воздухъ насыщенъ подстерегающею смертью. И имъ нѣтъ дѣла, почему это, для чего.

Съ запада ровною полосою поднимались густыя бѣлыя тучи. Оттуда подулъ вѣтеръ. Стало еще холоднѣе. Солдаты кутались въ полушубки. Матрехинъ, съ серьезными, глупыми глазами подъ отлогимъ лбомъ, разсказывалъ про волчиху, у которой его дядя увезъ волчатъ. Онъ разсказывалъ солидно, томи-

тельно-медленно. Солдаты посмѣивались, потѣшаясь надъ тѣмъ, какъ онъ разсказывалъ.

— Щенятъ этихъ забралъ, потомъ, значитъ,—ходу! Дядя-то мой родной, у него я жилъ... Да... Во весь карьеръ поскакалъ. Глядь, она катитъ... Н-да!.. Катитъ. А онъ, дядя мой родной, домыслилъ,—мостомъ не поѣхалъ, а черезъ воду поскакалъ. Я только забылъ, цѣловальникъ какой былъ... Ну, хорошо! Привезъ къ нашему ко двору...

Недалеко отъ Рѣзцова стоялъ на часахъ Безпаловъ. Онъ прислушивался къ разсказу Матрехина и слегка улыбался своимъ красивымъ, худощавымъ лицомъ.

— Глядь, вечеръ подошелъ, сѣли чай пить... А она—оретъ, дьяволъ, н-да!.. Зашла съ плетня, значитъ, и давай плетень ломать... Онъ хочетъ пойти, сказать нашимъ, и боится...

Хрѣновъ грубо спросилъ:

— Кто *онъ*-то?

Солдаты захохотали.

— Да цѣловальникъ, я же сказалъ!.. Н-да... Какъ разъ, она, какъ подскакиваетъ, какъ приткнула,—въ родѣ какъ бы на двѣнадцать голосовъ закричала корова...

Безпаловъ вдругъ пересталъ улыбаться. Его лицо стало строгимъ и серьезнымъ. На внутренней сторонѣ бруствера комокъ мерзлой глины щелкнулъ и распался; потомъ, по другую сторону Безпалова, тоже что-то слабо хрустнуло, комочки глины посыпались въ окопъ.

Лицо Безпалова становилось все блѣднѣе и строже. Онъ переступилъ съ ноги на ногу, немного подался къ брустверу и сталъ разсѣянно смотрѣть въ другую сторону. Рѣзцовъ понялъ: справа и немного сзади, изъ занятой японцами деревни, къ часовому пристрѣливались. Новая пуля съ сердитымъ, прерывистымъ жужжаніемъ рикошетомъ перелетѣла черезъ окопъ.

— Безпаловъ, присядь! — взволнованно крикнулъ Рѣзцовъ.

Безпаловъ медленно опустился на корточки.

— Зачѣмъ тебѣ все время стоять? Выглянешь, осмотришься—и садись назадъ.

— Слушаю-съ!

Съ его лица медленно сходила строго-серьезная тѣнь заглянувшей въ глаза смерти. Матрехинъ продолжалъ разсказывать. Безпаловъ прислушивался и опять сдержанно улыбался.

Бѣло-сѣрыя тучи росли и вздувались, изъ-подъ нихъ дуло сухимъ, колющимъ холодомъ. Безпаловъ осторожно поднялся и, сдвинувъ брови, сталъ осматриваться.

Вдругъ, слабо зазвенѣвъ штыкомъ, брякнула о землю упа-

вшая винтовка. Безпаловъ дернулся, схватился за шею и грузно сѣлъ на дно окопа.

Онъ коротко и тяжело харкалъ, во рту клокотала кровавая слюна; грудь съ спѣшнымъ испугомъ расширялась и напрасно старалась вобрать воздуху.

— Кликните скорѣй фельдшера! — распорядился Рѣзцовъ, стараясь казаться спокойнымъ.

Горло было прострѣлено на вылетъ, въ кровавыхъ ранкахъ свистѣлъ воздухъ. Фельдшеръ безпомощно пожалъ плечами, наложилъ на шею повязку. Безпаловъ, съ тоскою въ мутящихся глазахъ, сейчасъ же сорвалъ повязку; онъ показывалъ руками, что не хватаетъ воздуху. И въ ранкахъ свистѣло; кровь, пузырясь, поднималась надъ ранками и алою пѣною стекала къ затылку.

Солдаты молча смотрѣли. Безпаловъ метался на землѣ, грудь тяжело дышала, какъ туго работающіе мѣхи. Творилось страшное и страшное: красивое, худощавое лицо Безпалова на глазахъ распухало и раздувалось, распухала и шея, и все тѣло. Какъ будто кто-то накачивалъ его изнутри воздухомъ. На днѣ окопа въ тоскѣ ерзало теперь чужое, неуклюже-толстое лицо, глаза исчезли, и только узенькія щелки темнѣли межъ бѣловатыхъ пузырей вздувшихся вѣкъ.

Подошелъ Катарановъ.

— Помогъ бы ты ему какъ-нибудь,—сумрачно сказалъ онъ.

Фельдшеръ опять безпомощно пожалъ плечами.

— Никакъ, ваше благородіе, невозможно! Только отъ операціи была бы помощь. Кабы въ госпиталь его свезть. А тутъ гдѣ же?

Катарановъ постоялъ, засунувъ руки въ карманы полушубка.

— Нечего тутъ, ребята, смотрѣть!.. Расходись! По мѣстамъ! — приказалъ онъ и, понуривъ голову, пошелъ обратно.

Безпаловъ метался, перекладывалъ голову со стороны на сторону, изъ ранокъ, пузырясь, со свистомъ выползала кровавая пѣна. Онъ распахнулъ полушубокъ, разстегнулъ мундиръ, разорвалъ на груди рубашку. И всѣмъ тогда стали видны его раздувшіяся бѣлыя плечи, какъ будто плечи жирной женщины. И онъ все метался, и на лицѣ была смертная тоска.

— За что страдаетъ? Неизвѣстно, за что!—вполголоса сказалъ Хрѣновъ, не спуская глазъ отъ раненаго.

Матрехинъ покосился на Рѣзцова и поучающе возразилъ:

— Богъ, Онъ знаетъ, за что!

И вздохнулъ.

Бѣло-сѣрыя тучи покрыли небо, кругомъ стало мрачно; рванулъ вѣтеръ, и изъ тучъ посыпалась мелкая, частая крупа. Крупинки метались въ воздухѣ, прыгали по брустверу, по плечамъ и папахѣ новаго часового. Сухіе листья каоляна жалобно ныли вокругъ стеблей.

Рѣзцовъ, скорчившись, сидѣлъ въ углу окопа и старался не смотрѣть на Безпалова, которому нельзя было помочь. Солдаты теперь молча сидѣли, стиснувъ зубы,—озябшіе, угрюмые и ушедшіе въ себя. И никто не смотрѣлъ на Безпалова. А Безпаловъ, одинокій въ своихъ мукахъ, все хрипѣлъ и метался; бѣлыя крупинки прыгали по вздувшемуся лицу, и было это лицо страннаго, темно-прозрачнаго цвѣта, какъ намокшій снѣгъ.

Сбоку, сквозь разрывъ тучъ, неожиданно сверкнуло солнце. Оно заглядывало на землю въ дыру межъ тучъ и весело смѣялось, какъ маленькій, непонимающій ребенокъ. Тучи сердито задернули дыру, кругомъ опять стало мрачно.

Крупа перестала падать, но сдѣлалось еще холоднѣе. Стыли ноги, холодъ забирался внутрь тѣла. Какъ будто душа сама застывала, было въ ней неподвижно и мрачно.

Опять прошелъ по окопу Катарановъ. Онъ шелъ, не пригибая головы, что то сказалъ солдатамъ. Солдаты дружно захохотали; смѣющіяся, скуластыя лица поднимались къ нему, тоже говорили что-то смѣшное. Еще съ остаткомъ улыбки на губахъ, не глядя на хрипящаго Безпалова, Катарановъ подошелъ къ Рѣзцову.

Улыбка была на губахъ, но глаза смотрѣли невнимательно, и за ними чувствовалась упорная дума. Упорная и тяжелая. Было неловко и грустно смотрѣть на него.

— Что это вы такой?—разсѣянно спросилъ Катарановъ.

— Какой?

— Голова, что ли, болитъ?

— Да, разбаливается отъ чего-то.

— Легли бы, поспали. Я вамъ бурку приплю... Ребята, кому спать охота, спи, пожалуйста, сейчасъ!—обратился онъ къ солдатамъ.—А ночью если кто спать будетъ, тутъ же всѣ зубы выбью... Дай, посижу съ вами... Подвинься ты, болванъ!! — рявкнулъ онъ на Матрехина. — Мало, что ли, мѣста тебѣ?

Онъ подвернулъ подъ себя полушубокъ и сѣлъ тѣсно рядомъ съ Рѣзцовымъ. Передъ ними была сѣро-желтая стѣнка окопа. Оба молчали.

— Жалко Безпалова, хорошій былъ солдатъ,—равнодушно заговорилъ Катарановъ.

И вдругъ губы его задергались, искривились, какъ у маленькаго мальчика, и слезинки запрыгали по рѣдкой бородѣ. Онъ поспѣшно оперся локтемъ о колѣно и закрылъ рукою лицо отъ солдатъ.

— Ничего! «Умереть въ окопахъ — это значитъ одержать побѣду»... У-у, с-сукинъ сынъ!.. — Катарановъ смаргивалъ слезы, а его тонкія губы злобно кривились и растягивались.— Вы еще мало видѣли въ бою нашего солдата. Какіе молодцы! На смерть идутъ, какъ на работу, спокойно и безъ дрожи... Русскій человѣкъ умѣетъ умирать и будетъ умирать, но, — господа! Дайте же, *за что* умереть!..

Онъ ближе придвинулся къ Рѣзцову, чтобъ не слышали солдаты, и, съ страдающею ненавистью въ голосѣ, зашепталъ:

— Знаете вы про дѣло нашего полка на Шахе?.. Шли мы на деревню безъ развѣдокъ, безъ артиллерійской подготовки. Господинъ полковникъ, Дениска нашъ, вбилъ себѣ въ голову, что деревня пустая стоитъ. Проѣзжій казачишка пьяный, видите ли, сказалъ,—какъ не повѣрить? И шли мы въ атаку съ *незаряженными ружьями*. Офицеры верхомъ... Японки подпустили насъ, да сразу и ахнули, — изъ ружей, изъ пулеметовъ... Боже мой, что было!.. Восемьсотъ человѣкъ легло. Дениска напередъ всѣхъ ускакалъ... Мы ждали, его отдадутъ подъ судъ,—какое! У корпуснаго въ реляціи это вышло такъ великолѣпно: «при атакѣ легло восемьсотъ человѣкъ»... И Дениска получилъ золотое оружіе!.. А командиръ Ромодановскаго полка,—умница, дѣльный,—почти безъ потерь взялъ три укрѣпленныхъ деревни, — корпусный не подалъ ему руки! — «Отчего у васъ такъ мало потерь? Вы трусъ! Вотъ слесарцы,— восемьсотъ человѣкъ потеряли!..» И никто изъ его полка не получилъ награды... Знаете вы все это?

— Знаю. — Рѣзцовъ слабо улыбнулся и вполголоса пропѣлъ:

Одинъ полковникъ умный былъ,
И тотъ немилость заслужилъ:
Убитыхъ мало!
Убитыхъ мало!..

— И это знаете... — Катарановъ охватилъ руками колѣни и угрюмо задумался.

Тучи уходили, проглянуло солнце, но вѣтеръ дулъ, и было холодно. Безпаловъ все хрипѣлъ и метался подъ наброшеннымъ на него полушубкомъ; его вздувшееся лицо было теперь почти черное.

Катарановъ глубоко вздохнулъ и покрутилъ головою.

— Тяжело мнѣ! Охъ, какъ тяжело!.. Пошли у меня въ послѣднее время разныя мысли, нѣтъ отъ нихъ нигдѣ мѣста. Ничего мнѣ теперь не надо, ни о чемъ я не молюсь, пусть будетъ, что будетъ... Недѣльки двѣ назадъ разсказалъ мнѣ адъютантъ изъ штаба корпуса... Видите, вотъ передъ нами, за рѣчкой, японская сопка; укрѣплена она,—не подступишься, форменная крѣпость. Такъ вотъ Юрагинъ, корпусный нашъ, изъ всѣхъ силъ выбивался на военномъ совѣтѣ, доказывалъ, что непремѣнно нужно ее взять въ лобъ.—«Это,—говоритъ,—стратегическій ключъ. Придется положить десятокъ тысячъ, но что же дѣлать? На то и война!..» Десятокъ тысячъ! А почему ему это нужно? Передъ сопкою какой корпусъ стоитъ? Нашъ. Если сопку возьмемъ, какъ ее назовутъ? Юрагинскою. Путиловская сопка есть, будетъ еще Юрагинская...

Рѣзцовъ слушалъ насторожившись. Катарановъ, передъ которымъ онъ такъ еще недавно благоговѣлъ, теперь колебалъ въ немъ то, что для Рѣзцова было основою всего ихъ дѣла: не критиковать, не копаться въ распоряженіяхъ, а съ бодрою вѣрою дѣлать то, что приказано. Враждебно глядя Катаранову въ глаза, онъ возразилъ:

— А можетъ-быть, это вправду необходимо. Какъ мы можемъ разсуждать? Развѣ мы знаемъ ихъ планы?

— Нѣтъ, не знаемъ. Можетъ, и необходимо! Уѣхалъ тогда адъютантъ, я это и самъ подумалъ. Съ чего ему было вѣрить? Баронишка, болтунъ и враль... А я вотъ повѣрилъ. Стой, почему? И пошли у меня мысли. И увидѣлъ я, что давно ужъ оттуда не жду ничего,—только глупостей и пакостей. Можетъ, нечаянно что и хорошее придумаютъ, да нѣтъ ужъ вѣры... Голубчикъ, вы только подумайте въ своей головѣ: вотъ, сидимъ мы въ этой чортовой мышеловкѣ, мерзнемъ; вотъ солдатъ умираетъ,—золото-солдатъ, цѣны ему не было... Что такое? Для чего? Какой смыслъ? Вѣдь и вы, и я, и солдатъ, всякій знаетъ, что смыслу нѣту. Что же это такое?—Поднявъ брови, Катарановъ удивленно осматривался, какъ будто только-что проснулся въ незнакомомъ мѣстѣ. — Вѣдь это все кругомъ люди, не мѣшки съ пескомъ. Взяли, ткнули сюда, говорятъ: «Не разсуждай»... О, Господи! Приди сейчасъ сюда Скобелевъ, скажи: «Капитанъ Катарановъ! Поднимите роту и тихимъ шагомъ, сомкнутою колонною, идите впередъ!»—и поднялъ бы, и повелъ бы... Всю бы роту уложилъ до единаго человѣка, самъ бы умеръ,—съ блаженствомъ, съ восторгомъ бы умеръ. Вѣрилъ бы я, вѣрилъ, что это такъ нужно, что наше дѣло не разсуждать, а умирать. А теперь,—голубчикъ! Нѣту этой вѣры.

Мы, какъ бараны, умираемъ, на верху сидятъ, реляціи пишутъ. Для этихъ реляцій мы и умираемъ...

Рѣзцовъ холодно и враждебно смотрѣлъ на него.

— Просто, вы устали и изнервничались,—пренебрежительно сказалъ онъ. — До сихъ поръ были неудачи, вы и упали духомъ. И у Скобелева бывали неудачи, и онъ дѣлалъ ошибки. Только тогда офицеры наши не ныли, а дѣлали свое дѣло, и все было хорошо. А мы только критикуемъ и разсуждаемъ о томъ, чего не знаемъ.

Катарановъ съ колючею, злою усмѣшкою слушалъ. И въ этой усмѣшкѣ Рѣзцовъ почувствовалъ, что Катарановъ съ вызовомъ рветъ все свое прошлое, и что они теперь враги.

— И въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ разсуждать! — ядовито протянулъ Катарановъ. — Нашего ли это ума дѣло? Умишко у насъ плохенькій, армейскій. Ясное дѣло, для кого стараемся,—«для оте-ечества!»...

Убитыхъ мало,
Убитыхъ ма-ало!..—

фальшиво пропѣлъ онъ, нелѣпо оттягивая нижнюю губу. — Вѣрьте, мальчикъ, въ начальство, вѣрьте, что и тутъ япошекъ разобьемъ, и Портъ-Артуръ удержимъ, и балтійскую эскадру доведемъ...

— Прежде всего, господинъ капитанъ, я вамъ не «мальчикъ»! — крикнулъ Рѣзцовъ, вдругъ краснѣя и выкатывая глаза.

Глаза Катаранова вспыхнули весело и задорно, но неожиданно потухли. Какъ будто онъ былъ на какой-то серьезной, жутко-тихой высотѣ, съ которой все казалось пустяками. Онъ мягко улыбнулся и положилъ руку на рукавъ Рѣзцова.

— Голубчикъ, не сердитесь! Вѣрно, — не къ чему все это было говорить... Ну, прощайте, я пойду. Спите, пока свѣтло. Я вамъ бурку пришлю. И не сердитесь... Хорошій мой!

Катарановъ всталъ и потопалъ озябшими ногами.

Солдаты, скорчившись на днѣ окопа, угрюмо дремали. Безпаловъ пересталъ хрипѣть, его застывшій трупъ былъ съ головою покрытъ полушубкомъ. Бородатый солдатъ въ башлыкѣ, втянувъ голову и странно высоко поднявъ руки, мрачно и сосредоточенно устанавливалъ на брустверѣ свой котелокъ,— устанавливалъ и никакъ не могъ установить.

— Андреевъ!!—грозно крикнулъ Катарановъ.

Солдатъ въ башлыкѣ повернулъ на окрикъ свое озябшее, посинѣлое лицо. Катарановъ молча и выразительно смотрѣлъ ему въ глаза. Андреевъ тоже молча смотрѣлъ и медленно

мигалъ. Рѣзцовъ понялъ: онъ нарочно выставлялъ руки надъ бруствером, чтобъ получить въ нихъ пулю.

— На полпенсіи захотѣлось?—спросилъ Катарановъ, грозя пальцемъ.

— Ни-какъ нѣтъ!

— Смотри у меня! Будешь раненъ, — прямо подъ судъ отдамъ!.. Садись!

Андреевъ медленно опустился на корточки. Катарановъ пошелъ на свой конецъ. Вокругъ его папахи зажужжали пули,— Рѣзцовъ слышалъ ихъ, — но Катарановъ шелъ, какъ будто нарочно не пригибая головы. Рѣзцовъ морщился и закусывалъ губы, и слѣдилъ за двигавшеюся папахою, пока она не исчезла за изгибомъ люнета.

Вдругъ все ему стало противно. Все кругомъ было сѣро, скучно и глупо. Погасъ огонекъ, освѣщавшій изнутри душу. Холодъ все глубже вбирался въ тѣло. И болѣла голова. И стыли неподвижныя ноги.

Катарановъ прислалъ бурку. Рѣзцовъ подобралъ ноги подъ полушубокъ, покрылся буркою и, надвинувъ на лицо папаху, прислонился къ стѣнкѣ окопа. Онъ сердился, что нѣтъ въ душѣ прежней ясности, онъ не хотѣлъ принять того, чѣмъ былъ полонъ Катарановъ: съ этимъ здѣсь невозможно было жить и дѣйствовать, можно было только бѣжать или умирать въ черномъ, тупомъ отчаяніи.

И ему вспомнилось, какъ мѣсяцъ назадъ они шли въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ въ бой, какъ подъ лопавшимися шрапнелями весело и задорно свѣтились милые глаза Катаранова. Ихъ рота дерзко пробралась почти въ тылъ наступавшимъ, захватывало духъ отъ жуткой радости, и вдругъ подъ неожиданными залпами одной ихъ роты побѣжали назадъ наступавшіе батальоны. Тогда было хорошо и свѣтло.

Когда Рѣзцовъ проснулся, былъ вечеръ. Справа, надъ рощею, блестѣлъ тонкій серпъ молодого мѣсяца, западъ свѣтился прозрачно-зеленоватымъ свѣтомъ. Загорались звѣзды. Было тихо и морозно.

Въ сумракѣ темнѣли неподвижныя фигуры солдатъ. Понуренныя головы въ папахахъ прислонились къ холоднымъ штыкамъ, лица были угрюмыя и ушедшія въ себя, съ скрытыми, невѣдомыми думами. Неподвижно лежалъ трупъ Безпалова. За изгибомъ люнета, невидно для Рѣзцова, протяжно охалъ новый раненый.

Рѣзцовъ кутался въ полушубокъ. Въ сонномъ мозгу было ощущеніе тепла внутри тѣла, и желаніе покоя, и любовь къ

себѣ; чувствовалось, что страшно, невыразимо-страшно сидѣть въ этомъ одинокомъ ровикѣ подъ стерегущимъ взглядомъ смерти. И была грустная любовь ко всѣмъ, потому что такъ хорошо человѣку ощущать безопасность кругомъ и теплоту внутри себя, и такъ хорошо бы всѣмъ сладко вытянуться подъ теплымъ мѣхомъ, расправить отекшія ноги, и чтобъ сонный мозгъ опять погрузился въ теплое, бездумное забытье.

И звѣзды въ зеленоватомъ небѣ сіяли тихо, ясно. Человѣческія жизни, ясныя звѣзды — все равно. Каждую ничѣмъ нельзя замѣнить, каждой нѣтъ цѣны. Если только любить себя, то это такъ легко почувствовать и понять! Кругомъ холодно, темно, людямъ нужно бы жаться другъ къ другу. А они всѣ, сами застывъ отъ холода, высматриваютъ изъ-за насыпей, какъ бы всадить другъ въ друга пулю...

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!

Дрожащая рука сильно трясла Рѣзцова за плечо.

— Въ чемъ дѣло?!—Онъ быстро вскочилъ на ноги.

— Ротнаго убило!

Взволнованно двигались спины и затылки подъ папахами, солдаты тѣснились къ серединѣ люнета, напирали другъ на друга и вытягивали головы. Новымъ, твердымъ и властнымъ голосомъ начальника Рѣзцовъ крикнулъ:

— Куда поперли?.. По мѣстамъ!

Солдаты отхлынули. Рѣзцовъ пробрался на середину люнета. Катарановъ полусидѣлъ на днѣ окопа, прислонившись вискомъ къ мерзлой стѣнкѣ; во лбу надъ глазомъ чернѣла круглая дырка, кровь струилась по щекѣ и бородѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за подходившимъ Рѣзцовымъ. Глаза были ясные и тихо-задумчивые.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ!..—обрывающимся голосомъ воскликнулъ Рѣзцовъ.

— Вправо... за могилками... опять... японскій... секретъ...

Катарановъ говорилъ свободно, но необычайно-медленно, равномѣрно растягивая звуки. Сказалъ и замолчалъ, и смотрѣлъ, какъ будто все еще задумавшись. Но глаза подъ пробитымъ лбомъ становились стеклянными и мертвыми.

Рѣзцовъ съ настойчивымъ, жуткимъ вопросомъ вглядывался въ эти глаза. Они не дали отвѣта.

1906.

VI.

ИСПОЛНЕНІЕ ЗЕМЛИ.

Солдаты-носильщики внесли обоихъ раненыхъ въ фанзу, отдѣланную подъ офицерскую палату госпиталя. Врачъ въ пенснѣ, съ обмерзшими усами, стоялъ съ дежурнымъ врачомъ въ полутемныхъ сѣняхъ и разсказывалъ, какъ были ранены привезенные имъ офицеры: на бивакѣ, за полторы версты отъ позиціи, они играли въ землянкѣ въ винтъ; изъ-за сопки прилетѣлъ шестидюймовый снарядъ и ударилъ прямо въ землянку; одного офицера разорвало на куски, этихъ двоихъ ранило, а четвертый остался невредимъ.

Въ фанзѣ одиноко горѣла висячая лампа. Раненые лежали въ носилкахъ, укутанные одѣялами и полушубками.

— Что, графъ, какъ дѣла?—смѣющимся, сиплымъ голосомъ спросилъ одинъ.

— Ну-хао (нехорошо)! — улыбаясь, отвѣтилъ другой и помолчалъ.—Вамъ, капитанъ, только головку ушибло?

— Нѣтъ-съ, и ручку задѣло...

И оба засмѣялись. Графъ Раменскій, подполковникъ генеральнаго штаба, былъ съ красивымъ, тонкимъ и интеллигентнымъ лицомъ. Штабсъ-капитанъ Надеждинъ выглядѣлъ сѣрымъ армейскимъ офицеромъ изъ польскаго мѣстечка. Оба они лежали, забрызганные кровью, въ кровавыхъ повязкахъ, съ грязновато-блѣдными, спавшимися и опаленными лицами. И оба не думали и не вѣрили, что они ранены тяжело, — слишкомъ все случившееся было глупо, неожиданно и ненужно.

Капитанъ вдругъ сказалъ:

— А мы съ этимъ прикупомъ навѣрняка бы сыграли пять.

— Никогда бы не сыграли. На чемъ?

— На чемъ! На бубнахъ, конечно. У меня съ прикупомъ образовалось восемь бубенъ.

Подполковникъ тихо разсмѣялся.

— А Венцковскій разнесъ бубны.

— Не мо-ожетъ быть!.. — Капитанъ приподнялъ отъ подушки окровавленную голову.—Вѣдь ясно, игра была на бубнахъ. Ну, подвелъ бы онъ меня! И главное, ужъ нельзя бы на трефы перейти,—играй-ка малый шлемъ... А что-то онъ теперь?

Оба замолчали. Раменскій, когда послѣ взрыва вошли съ фонаремъ въ землянку, видѣлъ, какъ изъ бревенъ и глины торчала опаленная голова поручика Венцковскаго, съ снесен-

пымъ черепомъ и однимъ только оставшимся глазомъ. А капитанъ, очнувшись въ околоткѣ, изъ разговоровъ врачей понялъ, что Венцковскій убитъ. Но оба они скрывали другъ отъ друга то, что̀ знали.

Раменскій неподвижно смотрѣлъ въ закоптѣлый потолокъ фанзы. Капитанъ сказалъ:

— А что̀, графъ, вѣдь теперь, пожалуй, наши портретики появятся въ «Новомъ Времени»?

— Ну-у! Наврядъ ли... А впрочемъ, пожалуй, помѣстятъ,— задумчиво отозвался Раменскій.—А вѣдь какъ все глупо вышло!

— Глупо!

Въ фанзу вошли врачъ и двѣ сестры. Врачъ пощупалъ у офицеровъ пульсъ и велѣлъ нести Раменскаго въ перевязочную.

Въ перевязочной, обтянутой новыми, золотистыми цыновками, было уютно и весело отъ яркаго свѣта трехъ лампъ. Раменскаго положили на перевязочный столъ. Онъ стоналъ и стискивалъ зубы, когда его клали. Вокругъ толпились врачи, сестры, фельдшера, всѣ въ бѣлыхъ халатахъ.

Давно не видавшій женщинъ, Раменскій остановилъ взглядъ на сестрѣ, наклонившейся надъ его ногою. Были милы и трогательны черные завитки волосъ надъ молодымъ овалomъ щеки, засученныя по локоть тонкія дѣвическія руки, красный крестъ на выступѣ груди.

Сестра держала въ рукахъ его правую голень. Фельдшеръ осторожно снималъ съ ноги шерстяной чулокъ. Перебитая нога моталась. Раменскій морщился, съ шипѣніемъ втягивалъ воздухъ сквозь стиснутые зубы и конфузливо говорилъ:

— Свинство! Все кряхчу, стону, а раны пустячныя!

Подъ первымъ носкомъ былъ другой. Когда фельдшеръ хотѣлъ снять и его, Раменскій вдругъ заволновался и быстро сказалъ:

— Этого носка не нужно снимать!

— Почему?—удивился докторъ.

Раменскій замялся.

— Простите, очень ужъ ноги грязныя. Все на позиціяхъ, больше мѣсяца не былъ въ банѣ.

Онъ стѣснялся сестеръ.

— Ну, пустяки, чего тамъ!

Раненаго раздѣли, сняли повязки,—и лица всѣхъ страдальчески наморщились. Все мясо на бедрахъ и лѣвомъ боку было развороченo или сорвано, изъ лѣвой пятки торчалъ стальной осколокъ снаряда, правая голень была разбита въ дребезги. Въ живыхъ рукахъ фельдшера лежала трупно-блѣдная, грязная

ступня. И все это кровавое, размозженное мясо было забито землею, щепами и бѣлыми осколками костей.

Солдатъ, державшій лампу, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ отвернулся, передалъ лампу фельдшеру и, шатаясь, вышелъ изъ перевязочной. А Раменскій, заложивъ руки подъ затылокъ, смотрѣлъ въ потолокъ и съ безпокойствомъ спрашивалъ:

— Ну, что, докторъ, цѣла кость?

Ему не отвѣтили. Докторъ осторожно вытягивалъ изъ раздробленной пятки осколокъ снаряда. Раменскій дрожалъ и стискивалъ зубы.

— Ну-у, я теперь вижу, пятка у меня разбита, — жалующимся, притворно-убѣжденнымъ голосомъ говорилъ онъ, ожидая возраженія.

Докторъ вытащилъ осколокъ, — изогнутый, съ зубчатыми, какъ у пилы, краями.

— Вынули? Покажите, докторъ, я хочу посмотрѣть.

Осколокъ сполоснули и поднесли Раменскому.

— Угу!..—Онъ помолчалъ и вдругъ оживился.—Докторъ, я васъ попрошу: оставьте мнѣ этотъ осколокъ на память. Можно?

— Можно, конечно.

— Пожалуйста!.. Послушай, голубчикъ, заверни это въ бумагу и положи на окно. Только пожалуйста, чтобъ не пропалъ,—съ безпокойствомъ обратился онъ къ фельдшеру.

А смерть медленно накладывала на его лобъ свою блѣдную печать.

Вошелъ главный врачъ госпиталя, высокій старикъ съ сѣдыми усами. Онъ взглянулъ на Раменскаго и широко раскрылъ глаза. Раменскій припоминающимъ взглядомъ тоже смотрѣлъ на него. Главный врачъ воскликнулъ:

— Графъ, это вы!

Раменскій слабо улыбнулся.

— Я... И вы здѣсь, Иванъ Семеновичъ... Я не зналъ.

Главный врачъ подошелъ, горячо и нѣжно пожалъ его руку.

— Вѣдь вы въ гвардіи были.

— Да... Весною перевелся сюда, въ восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ... И вы, значитъ, здѣсь. Всѣ теперь здѣсь... А какъ глупо вышло, вы слышали? Въ трехъ бояхъ былъ, и ничего, а тутъ вдругъ, за винтомъ, попался.

— Вотъ какъ встрѣтиться пришлось! — вздохнулъ главный врачъ.

Раменскій опять устремилъ глаза въ потолокъ.

— Да, на охотѣ встрѣчались... Въ Орловской губерніи...— задумчиво произнесъ онъ. И въ первый разъ въ этой задумчивости мелькнуло ощущеніе близости чего-то темнаго и грознаго.

Вспомнились ему тихія орловскія рощи, росистыя болота, косо освѣщенныя утреннимъ солнцемъ; вспомнились близкія, родныя лица... А докторъ изъ растерзаннаго бедра вытаскивалъ пинцетомъ обрывки носового платка, исковерканный кошелекъ, погнутыя монеты. Сестра стояла у плеча Раменскаго. Онъ опять увидѣлъ ея обнаженныя по локоть тонкія руки, молодую бѣлую шею подъ подбородкомъ,—и тихая, непонятная грусть спустилась на душу. Онъ попросилъ:

— Сестрица, дайте мнѣ вашу руку!

Сестра слабо улыбнулась, протянула руку. И когда онъ взялъ руку дѣвушки въ свои холодныя, опаленныя, грязно-восковыя руки, когда почувствовалъ ея живую теплоту, — вдругъ какъ будто прозрачная завѣса медленно задернулась передъ его душою. Всѣ и все кругомъ стало чуждымъ. И странно было, зачѣмъ эти черные волосы надъ молодымъ лбомъ, ямочка на смуглой щекѣ. Странно было, зачѣмъ люди кругомъ ходятъ, разговариваютъ, зачѣмъ вдали бухаютъ пушки. Все отдѣлилось отъ него, отдалилось и стало страшно маленькимъ.

Докторъ внимательно взглянулъ на Раменскаго; вздохнулъ и сказалъ:

— Придется вамъ, полковникъ, отнять правую ногу.

— Хорошо,—просто и равнодушно согласился Раменскій.— Только вѣдь это безполезно, я, все равно, умру.

— Ну, зачѣмъ такія мысли! Для того и дѣлаемъ, чтобъ этого не было.

— Хорошо.

— Сейчасъ мы только осмотримъ и перевяжемъ капитана, а тогда приступимъ.

Раменскаго отнесли назадъ въ палату. Въ перевязочную понесли капитана.

Раменскій, лежа на спинѣ, большими, неподвижными глазами смотрѣлъ въ потолокъ. Все стало другимъ. Души коснулось что-то строгое и глубоко-серьезное. Темное ничто тихо наклонилось надъ нею, и душа смятенно застывала передъ огромностью и непонятностью вставшей откуда-то темноты.

Внесли назадъ перевязаннаго капитана. Съ нимъ вошли врачи, сестры. Капитанъ затягивался папироскою, пускалъ изъ ноздрей дымъ и сиплымъ, бравирующимъ голосомъ говорилъ:

— Такъ значитъ, докторъ, тю-тю ручка? Нужно отрѣзать? Та-акъ... Все-таки вы погодите, рука-то правая. Я до завтра подумаю.

Раменскій съ тихимъ недоумѣніемъ прислушивался. Зачѣмъ этотъ фальшивый, приподнятый тонъ? Неужели важно, что

будутъ кругомъ думать? Онъ брезгливо вспомнилъ, что и самъ держался совсѣмъ такъ же... Какъ странно!

Его понесли въ операціонную.

Утромъ была мучительная, очень болѣзненная перевязка. Потомъ изъ палаты унесли для операціи капитана. Раменскій лежалъ въ постели у окна. Рама, съ бумагою вмѣсто стеколъ, была поднята, онъ видѣлъ голубую даль сопокъ и ярко-синее небо. Послѣ мученій перевязки наступило тихое, счастливое успокоеніе. Но попрежнему было ясно сознаніе, что смерть близка.

Февральское солнце горячо грѣло. Широкій воздухъ былъ напоенъ тихо-звенящимъ свѣтомъ, міръ сверкалъ красотою и радостью. Раменскій жадно любилъ жизнь, онъ съ грустью смотрѣлъ на сверкающую радость природы, изъ которой долженъ былъ уйти. Но странно: онъ какъ будто смотрѣлъ на нее съ какой-то большой высоты, и въ сердцѣ, рядомъ съ грустью, была снисходительная жалость къ мелкости и малости всего.

Почему?.. На дворѣ, на гребнѣ глиняной ограды, тихо шевелились подъ солнцемъ блѣдно-желтыя, сухія былинки травы. Одна такая засохшая, маленькая былинка важнѣе и прекраснѣе, чѣмъ все безмѣрное въ своей огромности «ничто»: она, эта маленькая былинка, *есть*, она всѣмъ своимъ существованіемъ радостно говоритъ «да!». А тамъ—только темное, насквозь пустое «нѣтъ». Между тѣмъ изъ-подъ торжественно-серьезной тѣни этого «нѣтъ» все кругомъ, — яркое, движущееся, живое, — представлялось пустымъ, а смутная и мертвая пустота—полною, таящею огромную неразгаданность. Сознаніе не падало въ эту пустоту, не цѣплялось судорожно за край жизни, не оглядывалось съ отчаяніемъ и тоскою на уходящее, — оно какъ будто поднималось въ высоту и смотрѣло оттуда съ тихою, снисходительною печалью.

Раменскаго слегка лихорадило. Свѣжій и грустный трепетъ мягко пробѣгалъ по тѣлу. За столикомъ у двери сидѣла вчерашняя сестра и писала рецепты. Она писала. Тонкій, согнутый локоть чуть двигался. Дѣвическій станъ въ коричневомъ платьѣ дѣлалъ ее трогательно-похожею на гимназистку. Въ головѣ Раменскаго съ тихимъ звономъ проходило что-то, глаза видѣли странное: сестра писала, согнутый локоть чуть двигался, но вокругъ ничего не было. А сама сестра была, какъ картинка на открыткѣ, — плоская, матовая, которая никогда не измѣнится, и за которою тоже ничего нѣтъ. И хотя локоть двигался, но времени не было. Была только остано-

вившаяся въ пустотѣ плоская картинка, безъ жизни и безъ перспективы.

Это было такъ странно, что Раменскій открылъ глаза, какъ могъ, широко и позвалъ:

— Сестрица!

Сестра встала и заботливо подошла. Солнце свѣтилось въ ея тонкой, слегка смуглой кожѣ. Глаза, съ чуть-чуть косымъ разрѣзомъ на продолговатомъ лицѣ, щурились... Нѣтъ, живая! Кто-нибудь будетъ трепещущею отъ любви рукою обнимать этотъ станъ, будетъ цѣловать эту свѣжую щеку съ ямочкой... Раменскій подумалъ и спросилъ:

— Скажите, сестрица... Что, капитанъ очень серьезно раненъ?..

Дѣвушка подняла черныя брови, отъ этого ея лицо стало дѣтскимъ.

— У него рука разбита, сейчасъ дѣлаютъ ампутацію. Но еще пробитъ черепъ, докторъ боится, чтобы не было воспаленія мозга.

Раменскій помолчалъ, лукаво улыбнулся и спросилъ:

— Ну, а я... Вы не знаете, я останусь живъ?

Сестра отвѣтила:

— Не знаю. Вы спросите доктора.

Но ея каріе, дѣтскіе глаза сдѣлались серьезно-насторожившимися и пристальными, какъ будто передъ нею встало что-то невидано-огромное и значительное. Раменскій понялъ,— это было то темное, что стояло надъ его душою.

Опять сестра сидѣла за столикомъ у двери и писала, опять ея тонкій, согнутый локоть чуть двигался. Теперь все въ ней было обычно. Но это обычное было еще болѣе странно, чѣмъ прежнее необычное. Съ теряющимся недоумѣніемъ Раменскій пристально смотрѣлъ. Что такое—она? И что такое эти сухія былинки на гребнѣ забора? Что такое далекія голубыя сопки, сверкающее свѣтомъ небо? Все было чуждо, странно, поражающе-непонятно. Какъ будто его сознаніе только-что родилось изъ безкрайной пустоты, гдѣ не было ни свѣта, ни мѣры времени, ни движенія. Что это такое,—все, что кругомъ?

Въ памяти вдругъ всплыли темныя слова. Ихъ Раменскій не такъ давно прочелъ въ одной книгѣ и ничего тогда не понялъ. Сказалъ ихъ мудрый старецъ, которому поклонялась страна, гдѣ все теперь нагло расхищалось, гремѣли пушки, и обильнѣе воды текла кровь. Великій Кун-цзы, кого мы зовемъ Конфуціемъ, «царь безъ царства»... Однажды его спросили, что такое смерть. Старецъ отвѣтилъ: «когда еще не знаютъ, что такое жизнь, то гдѣ же знать, что такое смерть!»

Онъ отвѣтилъ такъ коротко, такъ просто, какъ будто все было понятно само собою. Но только теперь эти темныя слова налились для Раменскаго яркимъ, важнымъ смысломъ. Да: какъ же можно понять подавляющее величіе отрицающаго «ничто», если не понимаешь того, что̀ оно отрицаетъ? И чувствовалось,—если понять *это*, то «да» и «нѣтъ» могутъ стать равноцѣнными, они сольются въ тихомъ, прекрасномъ объятіи, какъ сливаются въ сумеркахъ враждебные другъ другу утверждающій день и отрицающая ночь.

«Когда еще не знаютъ, что̀ такое жизнь»...

На подоконникѣ лежалъ маленькій, аккуратный свертокъ. Шевельнулось смутное воспоминаніе о чемъ-то. Раменскій взялъ свертокъ, развернулъ. Это былъ изогнутый стальной осколокъ снаряда, вытащенный изъ его пятки; въ рваныхъ зубьяхъ краевъ чернѣла сухая кровь. Какъ просилъ Раменскій, осколокъ былъ тщательно и заботливо завернутъ въ газету.

Дѣла шли плохо. Раменскій все сильнѣе лихорадилъ, при перевязкахъ отъ его ранъ несло тяжелымъ запахомъ падали. У капитана же въ черепной ранѣ началось нагноеніе, онъ бредилъ, не отвѣчалъ на вопросы и все время ругался отборными ругательствами.

Однажды подъ вечеръ въ госпиталѣ поднялась суета. Въ фанзахъ захлопали двери, кто-то стремглавъ пробѣжалъ за окнами, въ сѣняхъ кто-то громкимъ, испуганнымъ шопотомъ бросилъ на ходу:

— Рядковъ, бѣги за главнымъ врачомъ!

Дверь стремительно̀ распахнулась. Въ фанзу, опираясь на какую-то мудреную пружинную палку, вошелъ высокій, сѣдой генералъ. За нимъ почтительно слѣдовали врачи. Медленно ступая прямыми, несгибающимися въ колѣняхъ ногами, генералъ подошелъ къ Раменскому и любезнымъ, старчески-прерывающимся голосомъ сказалъ:

— Здравствуйте... графъ!

Раменскій взглянулъ на генерала чуждымъ, спокойно-далекимъ взглядомъ и молча пожалъ протянутую руку. Генералъ былъ ихъ корпусный командиръ. Дряхлый и неумѣлый, онъ въ каждомъ бою покрывалъ себя позоромъ, но все-таки крѣпко держался въ арміи, потому что въ Петербургѣ у него была исключительно-высокая рука. За плечомъ генерала изящный, надменный адъютантъ тонкими пальцами оправлялъ торчащіе кверху кончики холеныхъ усовъ; въ его петлицѣ красовался темно-вишневый крестикъ съ золотыми мечами и красно-чернымъ бантомъ.

Генералъ заговорилъ:

— Ужасно, уж-жасно, какъ все случилось!.. Вы, графъ, очень сильно страдаете?

Раменскій неохотно отвѣтилъ:

— Страдаю, но не сильно.

— Да, да.... Скажите, вы женаты?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, не женатъ.

— Угу!.. Ну, а все ли у васъ тутъ есть? Хорошо ли вамъ, не нужно ли чего-нибудь?

— Я ни на что не могу пожаловаться, уходъ прекрасный, только... Я бы васъ попросилъ, ваше высокопревосходительство: если можно, нельзя ли меня переправить въ Имаченъ, за Харбиномъ. Тамъ мой братъ — завѣдующій хозяйственной частью госпиталя.

Генералъ обрадовался.

— Такъ, такъ, такъ... Очень хорошо!.. Въ Тюренченъ?

— Въ Имаченъ, ваше высокопревосходительство!

— Такъ... Запишите, баронъ: Симученъ, — обратился онъ къ адъютанту.

— Имаченъ, ваше высокопревосходительство!

— Да, да!.. Запишите. Такъ тамъ въ госпиталѣ лежитъ вашъ раненый братъ, вы хотите лежать вмѣстѣ съ нимъ... Хорошо, я употреблю все свое вліяніе... Ужасно, ужа-асно! Знаете, я былъ вчера на вашемъ бивакѣ, подробно все осматривалъ, думалъ-думалъ — и никакъ не могъ понять, почему снарядъ попалъ именно въ вашу землянку.

Генералъ опустилъ голову и въ недоумѣніи развелъ руками. Раменскій молчалъ. Въ его спокойно-вглядывающихся глазахъ была та загадочная, страшная правдивость, съ которою не смотрятъ живущіе. И генералу подъ этимъ взглядомъ стало неловко. Кругомъ, почтительно вытянувшись, стояли врачи; у дверей съ выпученными глазами замерли военные фельдшера; была обычная атмосфера несмѣющаго задуматься, все принимающаго трепетнаго уваженія. Но генералу было неловко.

Его глубоко-старческое лицо, съ синими жилками на мясистомъ носѣ, стало недоумѣвающимъ и немножко растерянымъ. Онъ повторилъ:

— Да, значитъ, такъ... Что же вы, графъ, извѣстили вашу супругу депешей?

Раменскій равнодушно отвѣтилъ:

— Я холостой.

— Послушайте! Ваше высокопревосходительство! Папироску желаете?—раздался сбоку сиплый голосъ.

Генералъ быстро и удивленно обернулся. Капитанъ На-

дождинъ, съ перевязанною головою, съ затуманившимися глазами, протягивалъ ему оранжевую коробочку съ готовыми папиросами. Генералъ вопросительно взглянулъ на доктора.

— Въ одной землянкѣ былъ съ графомъ, ваше высокопревосходительство! Раненъ въ голову. Все время бредитъ.

— Закуримъ, что ли?—настойчиво повторилъ капитанъ.

— Очень вамъ благодаренъ, я не курю, — вѣжливо отвѣтилъ генералъ.

— Ну, и чортъ съ вами!.. Докторъ, покуримъ!

Сильный голосъ капитана, звучавшій не изъ этой жизни, беззаботно рвалъ и разбрасывалъ ту атмосферу почтительнаго уваженія, которая окружала ничтожнаго старика съ внушительными погонами.

— А что, ваше высокопревосходительство, плохъ нашъ графъ! — бесѣдующимъ тономъ продолжалъ капитанъ. — Ой, пло-охъ!.. Я утромъ смотрѣлъ, — совсѣмъ въ агоніи. А какой былъ человѣкъ хорошій! Рѣдкій человѣкъ. Интеллигентный такой, и товарищъ чудный... И даромъ, что генеральнаго штаба, а не по штабамъ околачивается, не комендантомъ пристроился на этапѣ... Боевой офицеръ, не штабная чернильница.

Заволоченные дымкою глаза капитана упали на адъютанта и пристально остановились на крестикѣ въ его петлицѣ. Капитанъ фамильярно подмигнулъ и засмѣялся.

— А-а, господинъ ротмистръ!.. Ха-ха-ха!..

За что у васъ Владиміръ съ бантомъ?
„Я былъ при штабѣ адъютантомъ!..“

Выпуклые глаза адъютанта загорѣлись недобрымъ огонькомъ. Генералъ поспѣшно и участливо спросилъ капитана:

— Очень у васъ голова болитъ?

— Къ чортовой матери!.. Ничего не болитъ.

Генералъ простился съ ранеными и пошелъ къ выходу. У порога онъ остановился. И кругомъ всѣ остановились.

— Да-а... Вы, господа доктора, обратите на графа особенное вниманіе, я васъ прошу.—Генералъ помолчалъ, опираясь на свою пружинную палку. — Онъ — внучатный племянникъ графа Сергѣя Андреевича Раменскаго... командующаго войсками *** военнаго округа,—задумчиво произнесъ онъ и двинулся дальше. За нимъ почтительно двинулись остальные.

Раменскій лежалъ и смотрѣлъ въ потолокъ. Оживленно вошли два врача и остановились близъ столика у двери. Одинъ, высокій и темноволосый, сверкая очками, воскликнулъ вполголоса:

— Нѣтъ, вы только подумайте. вѣдь это — кор-пус-ный

коман-диръ! Отъ этой развалины зависитъ судьба сорока тысячъ людей, отъ него можетъ зависѣть судьба цѣлаго боя!

— Ну, не такъ все это ужасно, — добродушно возражалъ другой врачъ, тотъ самый, который всегда перевязывалъ Раменскаго.—Навѣрное, у него опытный и дѣльный начальникъ штаба, который все и дѣлаетъ.

— Николай Ивановичъ, да вѣдь вы слышали, какъ для него важны всякіе внучатные племянники! Для капитана онъ сюда бы не поѣхалъ. Навѣрное, и начальникомъ штаба у него сидитъ тоже чей-нибудь внучатный племянникъ... Боже мой, Боже мой! Вѣдь разсказывать,—не повѣритъ никто, скажетъ, что это злобный шаржъ, карикатура!

Въ его голосѣ звучало негодованіе, но рядомъ слышалась нотка скрытаго злорадства. Эту нотку Раменскій не разъ ловилъ въ негодующихъ рѣчахъ врачей, прапорщиковъ запаса, многихъ интеллигентныхъ офицеровъ дѣйствительной службы. Они какъ будто торжествовали по поводу того, отъ чего Раменскій былъ готовъ въ отчаяніи биться головою о стѣну.

Раменскій по доброй волѣ поѣхалъ въ дѣйствующую армію, по доброй волѣ поступилъ въ строй. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ со скорбью убѣждался, что наше полное пораженіе такъ же неотвратимо, какъ ходъ солнца по небу. Но русскіе ли, японцы ли, — теперь это было такъ все равно! Какъ будто важно, кто одолѣетъ въ этой маленькой, никому непонятной ссорѣ, мы или враги. И странно было, какъ могутъ эти враги, — веселые и жизнерадостные, — рваться навстрѣчу смерти и умирать съ свѣтлыми улыбками.

Важно было не это. Было важно то темное, что стояло надъ душою. И было важно, что сегодня вечеромъ докторъ съ добродушнымъ голосомъ опять будетъ дѣлать перевязку, опять будутъ безумныя боли, а докторъ равнодушно будетъ говорить:

— Ну, ну, полковникъ, потерпите же немножко!

Сознаніе рѣяло далеко. Оно то смутно расплывалось въ чемъ-то безконечно-огромномъ, то стягивалось въ одну единственную тѣсную точку. Но это происходило на другомъ уровнѣ, — тамъ не было ни ничтожныхъ вождей, ни умирающихъ съ свѣтлыми улыбками враговъ, ни того клубка отчаянія, разочарованія и злораднаго торжества, въ которомъ бились души согнанныхъ сюда людей.

Не оставалось никакой надежды. Въ обширныхъ, размозженныхъ ранахъ Раменскаго началась гангрена. Ноги и лѣ-

вый бокъ заживо гнили и разлагались, голова пылала, тѣло непрерывно вздрагивало отъ мучительной икоты.

Теперь въ мѣшавшемся мозгу Раменскаго не было мыслей, была только невыносимая угнетенность и звѣриное ощущеніе саморазрушенія. Склонявшееся надъ душою темное «ничто» ворвалось внутрь, коверкало тамъ все, ломало и перемѣшивало.

Мѣры времени не было. Раменскій открывалъ глаза, — синее небо съ тупою сосредоточенностью сверкало свѣтомъ, золотыя былинки на гребнѣ забора безсмысленно-радостно шевелились подъ солнцемъ. Онъ закрывалъ глаза, сейчасъ же открывалъ снова, — и въ глубокой темнотѣ съ легкимъ шипѣніемъ горѣла скучная, тусклая лампа, дежурный фельдшеръ клевалъ носомъ, въ воздухѣ звучали кабацкія ругательства бредившаго капитана, противныя и липкія, какъ столики въ грязной портерной. Опять онъ закрывалъ и открывалъ глаза,— сестра сидѣла за столикомъ у двери и писала рецепты, согнутый локоть чуть шевелился, и чуть шевелился тонкій, не стянутый корсетомъ станъ. Этотъ станъ, если его обнять рукою, долженъ быть противно-мягкій, — и неужели кто-нибудь когда-нибудь будетъ нелѣпо чмокать губами о кожу этой щеки и находить въ этомъ удовольствіе?

Казалось, по потолку тянутся густые слои пыльной паутины, Раменскій нетерпѣливо приказывалъ смести ее. Сквозь паутину на него, какъ будто съ потолка, смотрѣло сѣдобородое лицо генерала съ мясистымъ, синеватымъ носомъ, звучалъ сгарчески-прерывающійся голосъ. И голосъ этотъ, воображая, что говоритъ что-то очень радостное для Раменскаго, сообщалъ, что, по докладу главнокомандующему, онъ, Раменскій, производится въ полковники и награждается Анною съ мечами на шею. Раменскій очнулся и быстро взглянулъ въ глаза генералу. Грозенъ былъ взглядъ. И опять генералу стало почему-то неловко и слегка стыдно.

А Раменскій молча отвернулся и закрылъ глаза.

Черезъ два дня онъ умеръ. Черезъ четыре дня его хоронили.

Солнце сіяло. Некрашеный гробъ медленно колыхался на плечахъ товарищей-офицеровъ. Звучалъ похоронный маршъ. Скорбная, ушедшая въ себя дума вливалась со звуками въ напоенный солнцемъ воздухъ. Эта скорбь дышала непонятно-побѣднымъ величіемъ. Страненъ былъ равнодушно-радостный блескъ солнца, оскорбительный задоръ слышался въ веселомъ чириканьи воробьевъ. Все вокругъ было ярко и какъ будто

понятно, мелко и незначительно. А звучавшая надъ трупомъ мрачная скорбь была таинственно-глубока и прекрасна. И несла она покорявшее душу вѣствованіе, будто въ темномъ уничтоженіи таится что-то болѣе важное, чѣмъ въ радости и жизни.

Гробъ поставили на краю могилы. Крышку сняли. Священникъ захватилъ въ лопату земли, крестообразно посыпалъ ею трупъ; глинистые комочки дѣловито и жадно запрыгали по скорбному лицу, ушедшему въ загадочную думу. Священникъ протяжно возгласилъ:

— Господня земля, и исполненіе ея, вселенная, и вси живущіи на ней!..

Но синее небо попрежнему сверкало красотою. На гребнѣ забора попрежнему радостно шевелились подъ солнцемъ золотыя былинки. Въ далекихъ сопкахъ спѣшно бухали пушки. Сестра сидѣла въ палатѣ за столикомъ и, склонивъ молодое лицо, писала рецепты для новыхъ больныхъ. И даже стальной осколокъ съ зубчатыми краями, тщательно завернутый въ газету, попрежнему лежалъ на подоконникѣ близъ опустѣвшей койки.

1905.

VII.

ПОДЪ КЕДРАМИ.

Разстроенныя войска отступали за Телинъ. Японцы бѣшено наступали съ юга и гнали насъ, не давая передохнуть.

Къ вечеру мы расположились на ночевку въ горной деревушкѣ. На огородахъ темнѣли ряды отпряженныхъ повозокъ и зарядныхъ ящиковъ. Солдаты копошились на гумнахъ и дворахъ, растаскивая на кормъ лошадямъ ометы чумизной соломы, ломали на костры каоляновыя загородки, стойла и ворота. Вокругъ солдатъ въ отчаяніи бѣгали китайцы и кричали что-то, на что никто не обращалъ вниманія. Фанзы были биткомъ набиты офицерами. Сквозь рваныя бумажныя окна доносился ихъ шумный говоръ и звонъ посуды.

Солнце сѣло, заря свѣтилась на облакахъ багровыми, какъ будто размазанными пятнами. Дулъ ледяной вѣтеръ, было холодно-холодно. На югѣ, за горами, бухали частые пушечные выстрѣлы, съ порывами вѣтра доносился трескъ ружейной перестрѣлки: это разстроенныя, сборныя части, подъ ко-

мандою случайныхъ начальниковъ, бились изъ послѣднихъ силъ, сдерживая натискъ японцевъ. А по дорогѣ мимо насъ широкимъ, чернымъ потокомъ непрерывно двигались на сѣверъ обозы, батареи, парки, безпорядочныя толпы солдатъ.

На склонѣ горы, подъ развѣсистыми кедрами, сѣрѣла большая китайская кумирня. Я пошелъ къ ней. У ограды повсюду трещали костры, слышался русскій говоръ. Внутри ограды разстилался тихій, широкій дворъ, устланный плитами. Подъ могучими кедрами широкія ступени поднимались къ молельнѣ; драконы причудливо извивались у края желобоватой крыши, поросшей мелкимъ кустарникомъ. Изъ боковыхъ фанзъ внутри двора тоже слышался русскій говоръ, и тутъ все было полно русскими.

Выгнанные изъ фанзъ китайцы сидѣли въ самой молельнѣ, вокругъ костра, разведеннаго на кирпичномъ полу. У нихъ были тѣ же, какъ всегда, угрюмо-равнодушныя, ушедшія въ себя лица. Деревянная перегородка, отдѣлявшая молельню отъ двора, была выломана солдатами на костры. Изъ боговъ одни были сброшены съ пьедесталовъ, другіе, съ сорванными бородами и отбитыми членами, сидѣли на мѣстахъ,—страшные, свирѣпые и смѣшно-безсильные. Отсвѣты костра бѣгали по молельнѣ. Тѣни шевелились. Казалось, будто боги тихо качаютъ головами и ведутъ межъ собою безсловесную бесѣду о чемъ-то новомъ для нихъ и необычномъ.

А въ углу молельни, сбоку, открытая сброшеннымъ съ пьедестала краснорожимъ богомъ, виднѣлась нарисованная на стѣнѣ женская фигура. Трепетная, тонкая, съ наклоненной головой. Должно-быть, картина была писана красками, но краски были такъ блѣдны, что, казалось, она писана цвѣтнымъ воздухомъ. Въ этой воздушности красокъ, въ изящномъ наклонѣ головки, въ безтѣлесной и хрупкой, слегка изогнутой фигурѣ была своеобразная, упадочно-болѣзненная, но неудержимо покоряющая красота.

— Что, докторъ, просто любопытствуете или восхищаетесь? — раздался около меня сиплый, слегка насмѣшливый голосъ.

Спрашивалъ офицеръ съ серебряными капитанскими погонами на солдатской шинели, судя по воротнику, саперъ.

Я неохотно и враждебно отвѣтилъ:

— Восхищаюсь.

— А-а!.. а-а!.. — Изъ-подъ косматой папахи мнѣ радостно улыбнулось обвѣтренное лицо въ золотыхъ очкахъ; скудные, бездвѣтные волосики торчали на подбородкѣ, и только по-

динка на щекѣ густо заросла волосами. — А вѣдь вы замѣтьте, это только заброшенная въ горахъ церковка, убогая, жалкая...

— Да, годъ назадъ я бы не повѣрилъ, что меня будетъ тянуть въ Пекинъ, какъ раньше тянуло во Флоренцію, — съ улыбкой сказалъ я.

— Ну, во-отъ!.. Да! То же самое и мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову!.. Вы, значитъ, то же тутъ испытываете, что я. Стоишь на порогѣ какого-то совершенно незнакомаго, удивительно интереснаго міра — и изумляешься, какъ это ты раньше ничего не зналъ о немъ, какъ будто этотъ міръ находился на Марсѣ или Венерѣ... Да, въ Пекинъ, какъ во Флоренцію. Какъ это дико звучитъ!.. Докторъ, а тишина-то какая здѣсь!.. Выйдемъ наружу, подъ кедры!

Я удивленно взглянулъ на капитана.

— Тишина?

Кругомъ вездѣ былъ шумъ, и мнѣ не вѣрилось, неужели капитанъ разумѣетъ именно ту тишину, которая смутно чуялась мною въ самомъ стилѣ здѣшнихъ храмовъ и гробницъ.

— Ну, да, тишина! Развѣ вы не *видите* ея кругомъ?

По моимъ глазамъ и улыбкѣ капитанъ понялъ, что я вижу, и удовлетворенно потеръ руки. Мы вышли на дворъ по широкимъ, устланнымъ плитами уступамъ. Темные кедры сурово шумѣли подъ холоднымъ-вѣтромъ. Они шумѣли и роптали, изъ освѣщенныхъ оконъ боковыхъ фанзъ доносился русскій говоръ и ругательства, а все-таки все кругомъ дышало удивительною, глубокою тишиною, и тишина эта мучила душу своею непонятностью.

Капитанъ повторилъ:

— Тишина, да!.. Вы, конечно, императорскія могилы въ Мукденѣ видѣли... А знаете вы названія самыхъ выдающихся храмовъ и дворцовъ въ заповѣдной части Пекина? «Дворецъ глубочайшаго мира», «Дворецъ небесной тишины», «Дворецъ земного покоя», «Храмъ глубокаго раздумья», «Храмъ вѣчнаго мира»... Покой, миръ, тишина... Гдѣ они ихъ нашли, эти желторожіе? И какой это покой, какая тишина—упадка, смерти?.. Что мы объ этомъ знаемъ? Можетъ-быть, у нихъ въ корнѣ рѣшена основная загадка жизни, и это рѣшеніе запрятано тамъ, за Великою Стѣною, какъ когда-то были тамъ запрятаны астрономія, книгопечатаніе, «люби ближняго, какъ самого себя»?

— Можетъ-быть, конечно. Загадочнаго тутъ много, но что-то упадочное безусловно чувствуется. И все-таки вѣрнѣе, что это — тишина смерти.

— Хорошо. Но вѣдь трупъ безобразенъ, и смерть духа тоже безобразна. Она лишена красоты и творчества. А гдѣ въ этой тишинѣ столько покоряющей силы, тамъ нѣтъ истинной смерти, тамъ можетъ быть великое возрожденіе, и тишина кажущейся смерти перейдетъ въ тишину жизни. А развѣ намъ, всѣмъ намъ не нужна эта живая тишина духа, ясная и чистая? Развѣ мы не рвемся къ ней всею силою нашихъ вѣчно-мятущихся, вѣчно-неудовлетворенныхъ душъ?

Западъ гасъ, по темнѣвшему небу бѣжали сѣрыя, лохматыя облака. За горами часто, грозно и увѣренно бухали пушки, лихорадочно перекатывалась ружейная трескотня. И по широкой дорогѣ чернымъ потокомъ все двигались разстроенные полки, безконечные ряды повозокъ и орудій.

Капитанъ задумчиво смотрѣлъ на дорогу.

— Да! Вотъ: разбиты въ дребезги. Во всей нашей исторіи не было ничего такого позорнаго и безславнаго. И знаете... Вы вотъ годъ назадъ не думали, что Пекинъ станетъ для васъ рядомъ съ Флоренціей. А я скажу: если бы я годъ назадъ увидѣлъ то, что̀ испытываю теперь, я бы немедленно застрѣлился. Казнилъ бы себя самъ, вотъ этою самою рукою. Теперь я этого не сдѣлаю. Тогда для меня высшими словами были «слава родины», «воинская честь». А теперь... теперь у меня въ душѣ смятеніе и трепетъ. Я чувствую, сейчасъ творится великое, всемірно-историческое дѣло, я слышу тяжелую поступь Исторіи, несущей въ міръ что-то огромное и новое. И передъ ея ослѣпительнымъ лицомъ кажется такою тусклою и мелкою «слава родины»!.. Вотъ, посмотрите: какъ ураганъ гонитъ налетѣвшую тучу саранчи, такъ они гонятъ насъ, эти маленькіе, желтолицые, удалые люди, — гонятъ, ужасая насъ и восхищая. И вѣдь теперь даже слѣпые видятъ, что передъ нами только передовой отрядъ огромной зашевелившейся силы, что вслѣдъ за нимъ поднимается, протирая вялые глаза, весь необъятный Востокъ. Онъ поднимается, вглядываетея и начинаетъ соображать... Скажите, докторъ, что̀ всегда несла Европа этому Востоку? Она несла ему свѣтъ «истинной» вѣры и «истинной» культуры...

Капитанъ засмѣялся.

— Въ мірѣ должны царить любовь, всепрощеніе и нищета духа. «Извлекшій мечъ отъ меча и погибнетъ». «Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, то подставь ему и лѣвую»... Мы навалились на Востокъ и, запустивъ въ него цѣпкіе

пальцы, ласково нашептывали ему въ ухо наши кроткія истины. Востокъ кряхтѣлъ, стоналъ и не могъ понять, почему Европа такъ сильна и крѣпка. И вотъ выискался маленькій японецъ. Онъ долго смотрѣлъ, соображалъ, сравнивалъ. И теперь, скрывая улыбку, говоритъ Европѣ: «Благодарю тебя, учитель! Я позналъ и воспринялъ твою истину. Мы понимали твои восточно-окрашенныя рѣчи по-настоящему, по-восточному. Онѣ были такъ близки нашему собственному духу! Но тяжкіе уроки твои, какъ кузнечный молотъ, били по насъ не переставая, и мы поняли, что̀ значатъ въ европейскомъ переводѣ тѣ восточныя слова. «Крестъ и мечъ—одно и то же», «въ борьбѣ обрѣтешь ты свое право», «крути назадъ руки тому, кто ударитъ тебя въ щеку»... Ну, вотъ, они намъ и закрутили,—да какъ ловко закрутили!—засмѣялся капитанъ.

Я припоминалъ.

— «Крестъ и мечъ — одно и то же»... Чье это? Что-то знакомое.

— Это сказалъ одинъ русскій длиннокудрый философъ, воспѣвая всеевропейскаго позёра съ торчащими кверху усами.

Наслѣдникъ меченосной рати!
Ты вѣренъ знамени креста;
Христовъ огонь въ твоемъ булатѣ,
И рѣчь грозящая свята.
Полно любовью Божье лоно,
Оно зоветъ насъ всѣхъ равно...
Но передъ пастію дракона
Ты понялъ: *крестъ и мечъ—одно.*

Маленькіе люди, съ мелкимъ, трусливымъ сердцемъ, боявшіеся широкой жизни... Желтая опасность, нашествіе новыхъ гуновъ, японско-китайскій богдыханъ въ Парижѣ... Бррр! Какая пошлость и глупость! Какъ просто рисуется: всѣ эти рабы Неба и Восходящаго Солнца переймутъ у насъ скорострѣльныя пушки, мины Уайтхеда и захлестнутъ Европу своею дикою волною. Но Исторія — опытный учитель, она ставитъ свои уроки удивительно наглядно. Изъ всѣхъ европейцевъ она выбрала именно насъ, невѣжественныхъ, нищихъ духомъ рабовъ, и показала Востоку, что мало пушекъ и минъ, что прежде всего нужны свободные, богатые духомъ люди... И только тогда, положивъ въ основу *всю* нашу культуру, Востокъ, дѣйствительно, станетъ страшенъ Европѣ, а тогда... тогда, я васъ спрашиваю, чѣмъ же онъ намъ станетъ страшенъ? Мы можемъ подраться съ англичаниномъ или нѣмцемъ, а все-таки и англичанинъ, и нѣмецъ братья мнѣ по цѣлямъ, къ которымъ

стремится человѣчество. И чѣмъ же меньше будетъ мнѣ братомъ японецъ, китаецъ или индіецъ? Только шире станетъ жизнь, шире и разнообразнѣе. Вѣдь этотъ спящій Востокъ удивительно, глубоко-геніаленъ, и онъ много своего внесетъ въ развивающуюся жизнь. Но внесетъ онъ только тогда, когда войдетъ въ нашу семью свободнымъ и познавшимъ основу жизни, умѣющимъ во всякую минуту постоять за себя.

Стемнѣло, вѣтеръ утихъ. На сѣверъ убѣгали послѣднія почернѣвшія тучи, въ глубинѣ неба все ярче и гуще загорались лучистыя звѣзды. Капитанъ молчалъ, поднявъ плечи и засунувъ озябшія руки въ рукава шинели.

И снова онъ заговорилъ—нѣжно и задумчиво:

— Вамъ никогда не приходило въ голову? Вотъ, вы смотрите на звѣзды: милліоны солнцъ, вокругъ нихъ безъ счета ходятъ невидные намъ міры. На однихъ жизнь уже отжила, на другихъ въ полномъ расцвѣтѣ, на третьихъ только еще зарождается. На мигъ-вѣчность жизнь вспыхиваетъ то здѣсь, то тамъ. И вездѣ духъ стремится, борется, ищетъ... Сколько на каждомъ изъ міровъ вырабатывается правды, красоты! И все это гибнетъ на мѣстѣ,—одинокое, не переданное дальше, для себя лишь существовавшее. И каждый міръ начинаетъ все сначала. Какъ это обидно, какъ горько-обидно!.. И вотъ рядомъ съ нашимъ міромъ оказывается такой же чуждый міръ, но доступный, здѣсь, подъ руками. Много мысли, много красоты и правды, только все это уже спеклось, ссохлось, замерло. Но брызнетъ живая вода, и все оживетъ, зашевелится!.. И какъ будетъ интересно, какъ интересно будетъ! Можетъ-быть, именно онъ, этотъ чуждый міръ, прошедши наши муки, исканія и сомнѣнія, претворитъ ихъ въ великую, божественную тишину. И мы всѣ преклонимся передъ нею. А пока... брр! Какъ холодно! Пойдемте, докторъ, ко мнѣ чай пить, кипятокъ, должно-быть, ужъ готовъ. У меня коньякъ есть. А завтра на зарѣ—хуй-ла-ла (уходи) дальше.

Мы спустились съ горы и вошли въ большой дворъ фанзы. Вездѣ горѣли костры, несся трескъ ломаемыхъ солдатами загородокъ и крышъ.

Въ дымныхъ сѣняхъ навстрѣчу намъ вышла старая китаянка съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ. На своихъ маленькихъ, изуродованныхъ ножкахъ она колеблющеюся походкою подошла къ намъ, умоляюще опустилась на колѣни и коснулась лбомъ земли.

— Капытанъ!.. Ява, ява! русска сольдата ява!

Лицо капитана сморщилось. Онъ озлобленно отвѣтилъ:

— Что такое «ява»? Не понимаю я... Ничего, матушка, не могу сдѣлать! Деньги тебѣ заплатимъ, чэнъ! Чэнъ плати, тунда (понимаешь)?.. Сами вы виноваты! Чего смотрѣли, чего допустили, что съ вами все это продѣлываютъ? Погодите, скоро многому научитесь!

И онъ пошелъ въ фанзу.

1905.

НА ВОЙНѢ.

Записки.

I.

ДОМА.

Японія прервала дипломатическія сношенія съ Россіей. На портъ-артурскомъ рейдѣ, темною ночью, среди мирно спавшихъ боевыхъ судовъ загремѣли взрывы японскихъ минъ. Въ далекомъ Чемульпо, послѣ титанической борьбы съ цѣлою эскадрою, погибли одинокіе «Варягъ» и «Кореецъ»... Война началась.

Изъ-за чего эта война? Никто не зналъ. Полгода тянулись чуждые всѣмъ переговоры объ очищеніи русскими Маньчжуріи, тучи скоплялись все гуще, пахло грозою. Наши правители съ дразнящею медлительностью колебали на вѣсахъ чаши войны и мира. И вотъ Японія рѣшительно бросила свой жребій на чашу войны.

Русскія патріотическія газеты закипѣли воинственнымъ жаромъ. Онѣ кричали объ адскомъ вѣроломствѣ и азіатскомъ коварствѣ японцевъ, напавшихъ на насъ безъ объявленія войны. Во всѣхъ крупныхъ городахъ происходили манифестаціи. Толпы народа расхаживали по улицамъ съ царскими портретами, кричали «ура», пѣли «Боже, царя храни!». Въ театрахъ, какъ сообщали газеты, публика настойчиво и единодушно требовала исполненія національнаго гимна. Уходившія на Востокъ войска поражали газетныхъ писателей своимъ бодрымъ видомъ и рвались въ бой. Было похоже, будто вся

Россія съ верху до низу охвачена однимъ могучимъ порывомъ одушевленія и негодованія.

Война была вызвана, конечно, не Японіей, война всѣмъ была непонятна своею ненужностью, — что до того? Если у каждой клѣточки живого тѣла есть свое отдѣльное, маленькое сознаніе, то клѣточки не станутъ спрашивать, для чего тѣло вдругъ вскочило, напрягается, борется; кровяныя тѣльца будутъ бѣгать по сосудамъ, мускульныя волокна будутъ сокращаться, каждая клѣточка будетъ дѣлать, что ей предназначено; а для чего борьба, куда наносятся удары, — это дѣло верховнаго мозга. Такое впечатлѣніе производила и Россія: война была ей ненужна, непонятна, но весь ея огромный организмъ трепеталъ отъ охватившаго его могучаго подъема.

Такъ казалось издали. Но вблизи это выглядѣло иначе. Кругомъ, въ интеллигенціи, было враждебное раздраженіе отнюдь не противъ японцевъ. Вопросъ объ исходѣ войны не волновалъ, вражды къ японцамъ не было и слѣда, наши неуспѣхи не угнетали; напротивъ, рядомъ съ болью за безумно-ненужныя жертвы было почти злорадство. Многіе прямо заявляли, что для Россіи полезнѣе всего было бы пораженіе. При взглядѣ со стороны, при взглядѣ непонимающими глазами, происходило что-то невѣроятное: страна борется, а внутри страны ея умственный цвѣтъ слѣдитъ за борьбой съ враждебно-вызывающимъ вниманіемъ. Иностранцевъ это поражало, «патріотовъ» возмущало до дна души, они говорили о «гнилой, безпочвенной, космополитической русской интеллигенціи». Но у большинства это вовсе не было истиннымъ, широкимъ космополитизмомъ, способнымъ сказать и родной странѣ: «ты не права, а правъ твой врагъ»; это не было также органическимъ отвращеніемъ къ кровавому способу рѣшенія международныхъ споровъ. Что тутъ, дѣйствительно, могло поражать, что теперь съ особенною яркостью бросалось въ глаза,—это та невиданно-глубокая, всеобщая вражда, которая была къ начавшимъ войну правителямъ страны: они вели на борьбу съ врагомъ, а сами были для всѣхъ самыми чуждыми, самыми ненавистными врагами.

Также и широкія массы переживали не совсѣмъ то, что имъ приписывали патріотическія газеты. Нѣкоторый подъемъ въ самомъ началѣ былъ,—безсознательный подъемъ неразсуждающей клѣточки, охваченной жаромъ загорѣвшагося борьбою организма. Но подъемъ былъ поверхностный и слабый, а отъ назойливо шумѣвшихъ на сценѣ фигуръ ясно тянулись за кулисы толстыя нити, и видны были направляющія руки.

Въ то время я жилъ въ Москвѣ. На масленицѣ мнѣ при-

шлось быть въ Большомъ театрѣ на «Риголетто». Передъ увертюрою сверху и снизу раздались отдѣльные голоса, требовавшіе гимна. Занавѣсъ взвился, хоръ на сценѣ спѣлъ гимнъ, раздалось «bis!» — спѣли во второй разъ и въ третій. Приступили къ оперѣ. Передъ послѣднимъ актомъ, когда всѣ уже сидѣли на мѣстахъ, вдругъ съ разныхъ концовъ опять раздались одиночные голоса: «Гимнъ! гимнъ!». Моментально взвился занавѣсъ. На сценѣ стоялъ полукругомъ хоръ въ оперныхъ костюмахъ, и снова казенные три раза онъ пропѣлъ гимнъ. Но странно было вотъ что: въ послѣднемъ дѣйствіи «Риголетто» хоръ, какъ извѣстно, не участвуетъ; почему же хористы не переодѣлись и не разошлись по домамъ? Какъ они могли предчувствовать ростъ патріотическаго одушевленія публики, почему заблаговременно выстроились на сценѣ, гдѣ имъ въ то время совсѣмъ не полагалось быть?.. Назавтра газеты писали: «Въ обществѣ замѣчается все большій подъемъ патріотическихъ чувствъ; вчера во всѣхъ театрахъ публика дружно требовала исполненія гимна не только въ началѣ спектакля, но и передъ послѣднимъ актомъ».

Въ манифестировавшихъ на улицахъ толпахъ тоже наблюдалось что-то подозрительное. Толпы были немногочисленны, наполовину состояли изъ уличныхъ ребятъ; въ руководителяхъ манифестацій узнавали переодѣтыхъ околоточныхъ и городовыхъ. Настроеніе толпы было задирающее и грозно приглядывающееся; отъ прохожихъ требовали, чтобъ они снимали шапки; кто этого не дѣлалъ, того избивали. Когда толпа увеличивалась, происходили непредвидѣнныя осложненія. Въ ресторанѣ «Эрмитажъ» толпа чуть не произвела полнаго разгрома; на Страстной площади конные городовые нагайками разогнали манифестантовъ, слишкомъ пылко проявившихъ свои патріотическіе восторги.

Генералъ-губернаторъ выпустилъ воззваніе. Благодаря жителей за выраженныя ими чувства, онъ предлагалъ прекратить манифестаціи и мирно приступить къ своимъ занятіямъ. Одновременно подобныя же воззванія были выпущены начальниками другихъ городовъ,—и повсюду манифестаціи мгновенно прекратились. Было трогательно то примѣрное послушаніе, съ какимъ населеніе соразмѣряло высоту своего душевнаго подъема съ мановеніями горячо любимаго начальства... Скоро, скоро улицы россійскихъ городовъ должны были покрыться другими толпами, спаянными дѣйствительнымъ общимъ подъемомъ,—и противъ *этого* подъема оказались безсильными не только отеческія мановенія начальства, но даже его нагайки, шашки и пули.

Въ витринахъ магазиновъ ярко пестрѣли лубочныя картины удивительно хамскаго содержанія. На одной огромный казакъ съ свирѣпо ухмыляющеюся рожею сѣкъ нагайкою маленькаго, испуганно вопящаго японца; на другой картинкѣ живописалось, «какъ русскій матросъ разбилъ японцу носъ»,—по плачущему лицу японца текла кровь, зубы дождемъ сыпались въ синія волны. Маленькіе «макаки» извивались подъ сапожищами лохматаго чудовища съ кровожадною рожею, и это чудовище олицетворяло Россію. Тѣмъ временемъ патріотическія газеты и журналы писали о глубоко-народномъ и глубоко-христіанскомъ характерѣ войны, о начинающейся великой борьбѣ Георгія Побѣдоносца съ дракономъ...

А успѣхи японцевъ шли за успѣхами. Одинъ за другимъ выбывали изъ строя наши броненосцы, въ Кореѣ японцы продвигались все дальше. Уѣхали на Дальній Востокъ Макаровъ и Куропаткинъ, увозя съ собою горы поднесенныхъ иконъ. Куропаткинъ сказалъ свое знаменитое: «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе»... Въ концѣ марта погибъ съ «Петропавловскомъ» слѣпо-храбрый Макаровъ, ловко пойманный на удочку адмираломъ Того. Японцы перешли черезъ рѣку Ялу. Какъ громъ, прокатилось извѣстіе объ ихъ высадкѣ въ Бицзыво. Портъ-Артуръ былъ отрѣзанъ.

Оказывалось, на насъ шли не смѣшныя толпы презрѣнныхъ «макаковъ», — на насъ наступали стройные ряды грозныхъ воиновъ, безумно-храбрыхъ, охваченныхъ великимъ душевнымъ подъемомъ. Ихъ выдержка и организованность внушали изумленіе. Въ промежуткахъ между извѣщеніями о крупныхъ успѣхахъ японцевъ телеграммы сообщали о лихихъ развѣдкахъ сотника Х. или поручика У., молодецки переколовшихъ японскую заставу въ десять человѣкъ. Но впечатлѣніе не уравновѣшивалось. Довѣріе падало.

Идетъ по улицѣ мальчуганъ-газетчикъ, у воротъ сидятъ мастеровые.

— Послѣднія телеграммы съ театра войны! Наши побили японца!

— Ладно, проходи! Нашли гдѣ въ калавѣ пьянаго японца и побили! Знаемъ!

Бои становились чаще, кровопролитнѣе; кровавый туманъ окутывалъ далекую Маньчжурію. Взрывы, огненные дожди изъ снарядовъ, волчьи ямы и проволочныя загражденія, трупы, трупы, трупы,—за тысячи верстъ черезъ газетные листы какъ будто доносился запахъ растерзаннаго и обожженнаго человѣческаго мяса, призракъ какой-то огромной, еще невиданной въ мірѣ бойни.

———

Въ апрѣлѣ я уѣхалъ изъ Москвы въ Тулу, оттуда въ деревню. Вездѣ жадно хватались за газеты, жадно читали и разспрашивали. Мужики печально говорили:

— Теперь еще больше пойдутъ податей брать!

Въ концѣ апрѣля по нашей губерніи была объявлена мобилизація. О ней глухо говорили, ея ждали уже недѣли три, но все хранилось въ глубочайшемъ секретѣ. И вдругъ, какъ ураганъ, она ударила по губерніи. Въ деревняхъ людей брали прямо съ поля, отъ сохи. Въ городѣ полиція глухою ночью звонилась въ квартиры, вручала призываемымъ билеты и приказывала *немедленно* явиться въ участокъ. У одного знакомаго инженера взяли одновременно всю его прислугу, — лакея, кучера и повара. Самъ онъ въ это время былъ въ отлучкѣ, — полиція взломала его столъ, достала паспорты призванныхъ и всѣхъ ихъ увела.

Было что-то равнодушно-свирѣпое въ этой непонятной торопливости. Людей выхватывали изъ дѣла на полномъ его ходу, не давали времени ни устроить его, ни ликвидировать. Людей брали, а за ними оставались безсмысленно разоренныя хозяйства и разрушенныя благополучія.

Наутро мнѣ пришлось быть въ воинскомъ присутствіи, — нужно было дать свой деревенскій адресъ на случай призыва меня изъ запаса. На большомъ дворѣ присутствія, у заборовъ, стояли телѣги съ лошадьми, на телѣгахъ и на землѣ сидѣли бабы, ребята, старики. Вокругъ крыльца присутствія тѣснилась большая толпа мужиковъ. Солдатъ стоялъ передъ дверью крыльца и гналъ мужиковъ прочь. Онъ сердито кричалъ:

— Сказано вамъ, въ понедѣльникъ приходи!.. Ступай, расходись!

— Да какъ же это такъ въ понедѣльникъ?.. Забрали насъ, гнали, гнали: «Скорѣй! Чтобъ сейчасъ же явиться!».

— Ну, вотъ, въ понедѣльникъ и являйся!

— Въ понедѣльникъ!—Мужики отходили, разводя руками.— Подняли ночью, забрали безъ разговоровъ. Ничего справить не успѣли, гнали сюда за тридцать верстъ, а тутъ «приходи въ понедѣльникъ». А нынче суббота.

— Намъ къ понедѣльнику и самимъ бы было способнѣе... А теперь гдѣ жъ намъ тутъ до понедѣльника ждать?

По всему городу стояли плачъ и стоны. Здѣсь и тамъ вспыхивали короткія, быстрыя драмы. У одного призваннаго заводскаго рабочаго была жена съ порокомъ сердца и пятеро ребятъ; когда пришла повѣстка о призывѣ, съ женою отъ волненія и горя сдѣлался параличъ сердца, и она тутъ же умерла; мужъ поглядѣлъ на трупъ, на ребятъ, пошелъ въ

сарай и повѣсился. Другой призванный, вдовецъ съ тремя дѣтьми, плакалъ и кричалъ въ присутствіи:

— А съ ребятами что мнѣ дѣлать? Научите, покажите!.. Вѣдь они тутъ безъ меня съ голоду передохнутъ!

Онъ былъ, какъ сумасшедшій, вопилъ и трясъ въ воздухѣ кулаками. Потомъ вдругъ замолкъ, ушелъ домой, зарубилъ топоромъ своихъ дѣтей и воротился.

— Ну, теперь берите! Свои дѣла я справилъ.

Его арестовали.

Телеграммы съ театра войны снова и снова приносили извѣстія о крупныхъ успѣхахъ японцевъ и о лихихъ развѣдкахъ хорунжаго Иванова или корнета Петрова. Газеты писали, что побѣды японцевъ на морѣ не удивительны,—японцы природные моряки; но теперь, когда война перешла на сушу, дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе. Сообщалось, что у японцевъ нѣтъ больше ни денегъ, ни людей, что подъ ружье призваны шестнадцатилѣтніе мальчики и старики. Куропаткинъ спокойно и грозно заявилъ, что миръ будетъ заключенъ только въ Токіо.

Въ началѣ іюня я получилъ въ деревнѣ телеграмму съ требованіемъ немедленно явиться въ воинское присутствіе.

Тамъ мнѣ объявили, что я призванъ на дѣйствительную службу и долженъ явиться въ городъ NN., въ штабъ ** пѣхотной дивизіи. По закону полагалось два дня на устройство домашнихъ дѣлъ и три дня на обмундированіе. Началась спѣшка,—шилась форма, закупались вещи. Что именно шить изъ формы, что покупать, сколько вещей можно съ собою взять, — никто не зналъ. Сшить полное обмундированіе въ пять дней было трудно; пришлось торопить портныхъ, платить втридорога за работу днемъ и ночью. Все-таки форма на день запоздала, и я поспѣшно, съ первымъ же поѣздомъ, выѣхалъ въ NN.

Пріѣхалъ я туда ночью. Всѣ гостиницы были биткомъ набиты призванными офицерами и врачами, я долго ѣздилъ по городу, пока въ грязныхъ меблированныхъ комнатахъ на окраинѣ города нашелъ свободный номеръ, дорогой и скверный.

Утромъ я пошелъ въ штабъ дивизіи. Необычно было чувствовать себя въ военной формѣ, необычно было, что встрѣчные солдаты и городовые дѣлаютъ тебѣ подъ козырекъ. Ноги путались въ болтавшейся на боку шашкѣ.

Длинныя, низкія комнаты штаба были уставлены столами, вездѣ сидѣли и писали офицеры, врачи, солдаты-писаря. Меня направили къ помощнику дивизіоннаго врача.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Вы у насъ въ мобилизаціонномъ планѣ не значитесь,— удивленно возразилъ онъ.

— Я ужь не знаю. Я вызванъ сюда, въ городъ NN., съ предписаніемъ явиться въ штабъ ** пѣхотной дивизіи. Вотъ бумага.

Помощникъ дивизіоннаго врача посмотрѣлъ мою бумагу, пожалъ плечами. Пошелъ куда-то, поговорилъ съ какимъ-то другимъ врачомъ, оба долго копались въ спискахъ.

— Нѣтъ, нигдѣ рѣшительно вы у насъ не значитесь! — объявилъ онъ мнѣ.

— Значитъ, я могу ѣхать обратно?—съ улыбкой спросилъ я.

— Подождите тутъ немного, я еще посмотрю.

Я сталъ ждать. Были здѣсь и другіе врачи, призванные изъ запаса,—одни еще въ статскомъ платьѣ, другіе, какъ я, въ новенькихъ сюртукахъ съ блестящими погонами. Перезнакомились. Они разсказывали мнѣ о невообразимой путаницѣ, которая здѣсь царствуетъ, — никто ничего не знаетъ, ни отъ кого ничего не добьешься.

— Вста-ать!!! — вдругъ повелительно прокатился по комнатѣ звонкій голосъ.

Всѣ встали, поспѣшно оправляясь. Молодцевато вошелъ старикъ-генералъ въ очкахъ и шутливо гаркнулъ:

— Здравія желаю!

Въ отвѣтъ раздался привѣтственный гулъ. Генералъ прошелъ въ слѣдующую комнату.

Ко мнѣ подошелъ помощникъ дивизіоннаго врача.

— Ну, наконецъ нашли! Въ ** полевомъ подвижномъ госпиталѣ не хватаетъ одного младшаго ординатора, присутствіе признало его больнымъ. Вы вызваны на его мѣсто... Вотъ какъ разъ вашъ главный врачъ, представьтесь ему.

Въ канцелярію торопливо входилъ невысокій, худощавый старикъ въ заношенномъ сюртукѣ, съ почернѣвшими погонами коллежскаго совѣтника. Я подошелъ, представился. Спрашиваю, куда мнѣ нужно ходить, что дѣлать.

— Что дѣлать?.. Да дѣлать нечего. Дайте въ канцелярію свой адресъ, больше ничего.

Вышелъ я изъ штаба съ страннымъ чувствомъ. Грозно и категорически призывныя правила предписывали мнѣ черезъ пять дней послѣ призыва выѣхать на мѣсто назначенія, я бросилъ неустроенными свои личныя дѣла, летѣлъ сюда, какъ на пожаръ,—а здѣсь увидѣлъ, что никому я не нуженъ, что торопиться было совсѣмъ не къ чему. Я могъ пріѣхать на недѣлю, на двѣ позже,—никто бы этого даже и не замѣтилъ.

———

День за днемъ шелъ безъ дѣла. Нашъ корпусъ выступалъ на Дальній Востокъ только черезъ два мѣсяца. Мы, врачи, подновляли свои знанія по хирургіи, ходили въ мѣстную городскую больницу, присутствовали при операціяхъ, работали на трупахъ.

Среди призванныхъ изъ запаса товарищей-врачей были спеціалисты по самымъ разнообразнымъ отраслямъ, — были психіатры, гигіенисты, дѣтскіе врачи, акушеры. Насъ распредѣлили по госпиталямъ, по лазаретамъ, по полкамъ, руководясь мобилизаціонными списками и совершенно не интересуясь нашими спеціальностями. Были врачи, давно уже бросившіе практику; одинъ изъ нихъ лѣтъ восемь назадъ, тотчасъ же по окончаніи университета, поступилъ въ акцизъ и за всю свою жизнь не прописалъ самостоятельно ни одного рецепта.

Я былъ назначенъ въ полевой подвижной госпиталь. Къ каждой дивизіи въ военное время придается по два такихъ госпиталя. Въ госпиталѣ — главный врачъ, одинъ старшій ординаторъ и три младшихъ. Низшія должности были замѣщены врачами, призванными изъ запаса, высшія — военными врачами.

Нашего главнаго врача, д-ра Давыдова, я видѣлъ рѣдко: онъ былъ занятъ формированіемъ госпиталя, кромѣ того имѣлъ въ городѣ обширную практику и постоянно куда-нибудь торопился. Въ штабѣ я познакомился съ главнымъ врачомъ другого госпиталя нашей дивизіи, д-ромъ Мутинымъ. До мобилизаціи онъ былъ младшимъ врачомъ мѣстнаго полка. Жилъ онъ еще въ лагерѣ полка, вмѣстѣ съ женою. Я провелъ у него вечеръ, встрѣтилъ тамъ младшихъ ординаторовъ его госпиталя. Всѣ они уже перезнакомились и сошлись другъ съ другомъ, отношенія съ Мутинымъ установились чисто-товарищескія. Было весело, семейно и уютно. Я жалѣлъ и завидовалъ, что не попалъ въ ихъ госпиталь.

Черезъ нѣсколько дней въ штабъ дивизіи неожиданно пришла изъ Москвы телеграмма: д-ру Мутину предписывалось сдать свой госпиталь какому-то д-ру Султанову, а самому немедленно ѣхать въ Харбинъ и приступить тамъ къ формированію запаснаго госпиталя. Назначеніе было неожиданное и непонятное: Мутинъ ужъ сформировалъ здѣсь свой госпиталь, все устроилъ—и вдругъ это перемѣщеніе. Но, конечно, приходилось покориться. Мутинъ утѣшался тѣмъ, что теперь ему придется ѣхать на Дальній Востокъ не съ эшелономъ, и слѣдовательно онъ получитъ прогоны—около тысячи рублей. Но еще черезъ нѣсколько дней пришла новая телеграмма: въ Харбинъ Мутину не ѣхать, онъ снова назначается младшимъ

врачомъ своего полка, каковой и долженъ сопровождать на Дальній Востокъ; по пріѣздѣ же съ эшелономъ въ Харбинъ ему предписывалось приступить къ формированію запаснаго госпиталя. Такимъ образомъ ухнули и прогоны.

Обида была жестокая и незаслуженная. Мутинъ возмущался и волновался, осунулся, говорилъ, что послѣ такого служебнаго оскорбленія ему остается только пустить себѣ пулю въ лобъ. Онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Москву искать правды. У него были кое-какія связи, но добиться ему ничего не удалось: въ Москвѣ Мутину дали понять, что въ дѣло замѣшана большая рука, противъ которой ничего нельзя подѣлать.

Мутинъ воротился къ своему разбитому корыту, полковому околотку, а черезъ нѣсколько дней изъ Москвы пріѣхалъ его преемникъ по госпиталю, д-ръ Султановъ. Былъ это стройный господинъ лѣтъ за сорокъ, съ бородкою клинышкомъ и сѣдѣющими волосами, съ умнымъ, насмѣшливымъ лицомъ. Онъ умѣлъ легко заговаривать и разговаривать, вездѣ сразу становился центромъ вниманія и лѣнивымъ, серьезнымъ голосомъ ронялъ остроты, отъ которыхъ всѣ смѣялись. Султановъ побылъ въ городѣ нѣсколько дней и уѣхалъ назадъ въ Москву. Всѣ заботы по дальнѣйшему устройству госпиталя онъ предоставилъ старшему ординатору.

Вскорѣ стало извѣстно, что изъ четырехъ сестеръ милосердія, приглашенныхъ въ госпиталь изъ мѣстной общины Краснаго Креста, оставлена въ госпиталѣ только одна. Д-ръ Султановъ заявилъ, что остальныхъ трехъ онъ замѣститъ самъ. Шли слухи, что Султановъ большой пріятель нашего корпуснаго командира, что въ его госпиталѣ, въ качествѣ сестеръ милосердія, ѣдутъ на театръ военныхъ дѣйствій московскія дамы, хорошія знакомыя корпуснаго командира.

Городъ былъ полонъ войсками. Повсюду мелькали красные генеральскіе отвороты, золотые и серебряные приборы офицеровъ, желто-коричневыя рубашки нижнихъ чиновъ. Всѣ козыряли, вытягивались другъ передъ другомъ. Все казалось страннымъ и чуждымъ.

На моей одеждѣ были серебряныя пуговицы, на плечахъ— мишурныя серебряныя полоски. На этомъ основаніи всякій солдатъ былъ обязанъ почтительно вытягиваться передо мною и говорить какія-то особенныя, нигдѣ больше непринятыя слова: «такъ точно!», «никакъ нѣтъ!», «радъ стараться!». На этомъ же основаніи самъ я былъ обязанъ проявлять глубокое почтеніе ко всякому старику, если его шинель была съ

красною подкладкою, и вдоль штановъ тянулись красные лампасы.

Я узналъ, что въ присутствіи генерала я не имѣю права курить, безъ его разрѣшенія не имѣю права сѣсть. Я узналъ, что мой главный врачъ имѣетъ право посадить меня на недѣлю подъ арестъ. И это безъ всякаго права апелляціи, даже безъ права потребовать объясненія по поводу ареста. Самъ я имѣлъ подобную же власть надъ подчиненными мнѣ нижними чинами. Создавалась какая-то особая атмосфера, видно было, какъ люди пьянѣли отъ власти надъ людьми, какъ ихъ души настраивались на необычный, вызывавшій улыбку ладъ.

Любопытно, какъ эта одурманивающая атмосфера подѣйствовала на слабую голову одного товарища-врача, призваннаго изъ запаса. Это былъ д-ръ Васильевъ, тотъ самый старшій ординаторъ, которому предоставилъ устраивать свой госпиталь уѣхавшій въ Москву д-ръ Султановъ. Психически неуравновѣшенный, съ болѣзненно-вздутымъ самолюбіемъ, Васильевъ прямо опалѣлъ отъ власти и почета, которыми вдругъ оказался окруженнымъ.

Однажды входитъ онъ въ канцелярію своего госпиталя. Когда главный врачъ (пользующійся правами командира части) входилъ въ канцелярію, офицеръ-смотритель обыкновенно командовалъ сидящимъ писарямъ: «встать!». Когда вошелъ Васильевъ, смотритель этого не сдѣлалъ.

Васильевъ нахмурился, отозвалъ смотрителя въ сторону и грозно спросилъ, почему онъ не скомандовалъ писарямъ встать. Смотритель пожалъ плечами.

— Это—только проявленіе извѣстной вѣжливости, которую я воленъ вамъ оказывать, воленъ нѣтъ.

— Извините-съ! Разъ я исправляю должность главнаго врача, вы это по закону *обязаны* дѣлать!

— Я такого закона не знаю.

— Ну, постарайтесь узнать, а пока отправляйтесь на двое сутокъ подъ арестъ.

Офицеръ обратился къ начальнику дивизіи и разсказалъ ему, какъ было дѣло. Пригласили д-ра Васильева. Генералъ, начальникъ его штаба и два штабъ-офицера разобрали дѣло и порѣшили: смотритель былъ обязанъ крикнуть: «встать!». Отъ ареста его освободили, но перевели изъ госпиталя въ строй.

Когда смотритель ушелъ, начальникъ дивизіи сказалъ д-ру Васильеву:

— Вы видите, я генералъ. Я служу ужъ почти сорокъ лѣтъ, посѣдѣлъ на службѣ, и до сихъ поръ *ни разу* еще не поса-

дилъ офицера подъ арестъ. Вы только-что попали на военную службу, временно, на нѣсколько дней, получили власть, и ужъ поспѣшили использовать эту власть въ полнѣйшемъ ея объемѣ...

Въ мирное время нашего корпуса не существовало. При мобилизаціи онъ былъ развернутъ изъ одной бригады и почти цѣликомъ состоялъ изъ запасныхъ. Солдаты были отвыкшіе отъ дисциплины, удрученные думами о своихъ семьяхъ, многіе даже не знали обращенія съ винтовками новаго образца. Они шли на войну, а въ Россіи оставались войска молодыя, свѣжія, состоявшія изъ кадровыхъ солдатъ. Разсказывали, что военный министръ Сахаровъ сильно враждуетъ съ Куропаткинымъ и нарочно, чтобы вредить ему, посылаетъ на Дальній Востокъ самыя плохія войска. Слухи были очень настойчивы, и Сахарову въ бесѣдахъ съ корреспондентами приходилось усиленно оправдываться въ своемъ непонятномъ образѣ дѣйствій.

Я познакомился въ штабѣ съ мѣстнымъ дивизіоннымъ врачомъ; онъ по болѣзни уходилъ въ отставку и дослуживалъ свои послѣдніе дни. Былъ это очень милый и добродушный старичокъ, жалкій какой-то, жестоко поклеванный жизнью. Я изъ любопытства поѣхалъ съ нимъ въ мѣстный военный лазаретъ на засѣданіе комиссіи, которая осматривала солдатъ, заявившихся больными. Мобилизованы были и запасные самыхъ раннихъ призывовъ; передъ глазами безконечною вереницею проходили ревматики, эмфизематики, беззубые, съ растяженіемъ ножныхъ венъ. Предсѣдатель комиссіи, бравый кавалерійскій полковникъ, морщился и жаловался, что очень много «протестованныхъ». Меня, напротивъ, удивляло, сколькихъ явно больныхъ засѣдавшіе здѣсь военные врачи не «протестуютъ». По окончаніи засѣданія къ моему знакомцу обратился одинъ изъ врачей комиссіи:

— Мы тутъ безъ васъ признали одного негоднымъ къ службѣ. Посмотрите — можно его освободить? Сильнѣйшее varicocele.

Ввели солдата.

— Спусти штаны!—рѣзко, какимъ-то особеннымъ, подозрѣвающимъ голосомъ сказалъ дивизіонный врачъ.—Эге!.. Это-то? Ну-устяки! Нѣтъ, нѣтъ, освободить нельзя!

— Ваше высокородіе, я совсѣмъ ходить не могу,—угрюмо заявилъ солдатъ.

Старичокъ вдругъ вскипѣлъ.

— Врешь! Притворяешься! Великолѣпно можешь ходить...

У меня, братъ, у самого еще больше, а вотъ хожу!.. Да это пустякъ, помилуйте!—обратился онъ къ врачу.—Это у большинства такъ... Мерзавецъ какой! Сукинъ сынъ!

Солдатъ одѣвался, съ ненавистью глядя исподлобья на дивизіоннаго врача. Одѣлся и медленно пошелъ къ двери, разставляя ноги.

— Иди, какъ слѣдуетъ! — заоралъ старичокъ, бѣшено затопавъ ногами. — Чего раскорячился? Прямо ступай! Меня, братъ, не надуешь!

Они обмѣнялись взглядами, полными ненависти. Солдатъ вышелъ.

Въ полкахъ старшіе врачи, военные, твердили младшимъ, призваннымъ изъ запаса:

— Вы незнакомы съ условіями военной службы. Относитесь къ солдатамъ построже, имѣйте въ виду, что это не обычный паціентъ. Всѣ они удивительные лодыри и симулянты.

Одинъ солдатъ обратился къ старшему врачу полка съ жалобою на боли въ ногахъ, мѣшающія ходить. Наружныхъ признаковъ не было, врачъ раскричался на солдата и прогналъ его. Младшій полковой врачъ пошелъ слѣдомъ за солдатомъ, тщательно осмотрѣлъ его и нашелъ типическую, рѣзко-выраженную плоскую стопу. Солдатъ былъ освобожденъ. Черезъ нѣсколько дней этотъ же младшій врачъ присутствовалъ въ качествѣ дежурнаго на стрѣльбѣ. Солдаты возвращаются, одинъ сильно отсталъ, какъ-то странно припадаетъ на ноги. Врачъ спросилъ, что съ нимъ.

— Ноги болятъ. Только болѣзнь нутряная, снаружи не видно,—сдержанно и угрюмо отвѣтилъ солдатъ.

Врачъ изслѣдовалъ,—оказалось полное отсутствіе колѣнныхъ рефлексовъ. Разумѣется, освободили и этого солдата.

Вотъ они, лодыри! И освобождены они были только потому, что молодой врачъ «не былъ знакомъ съ условіями военной службы».

Нечего говорить, какъ жестоко было отправлять на войну всю эту немощную, стариковскую силу. Но прежде всего это было даже прямо нерасчетливо. Проѣхавъ семь тысячъ верстъ на Дальній Востокъ, эти солдаты послѣ перваго же перехода сваливались. Они заполняли госпитали, этапы, слабосильныя команды, и черезъ пару мѣсяцевъ,—сами никуда ужъ негодные, не принесшіе никакой пользы и дорого обошедшіеся казнѣ,—эвакуировались обратно въ Россію.

Городъ все время жилъ въ страхѣ и трепетѣ. Буйныя толпы призванныхъ солдатъ шатались по городу, грабили прохожихъ

и разносили казенныя винныя лавки. Они говорили: «пускай подъ судъ отдаютъ,—все равно, помирать!». Вечеромъ за лагерями солдаты напали на пятьдесятъ возвращавшихся съ кирпичнаго завода бабъ и изнасиловали ихъ. На базарѣ шли глухіе слухи, что готовится большой бунтъ запасныхъ.

Съ Востока приходили все новыя извѣстія о крупныхъ успѣхахъ японцевъ и о лихихъ развѣдкахъ русскихъ сотниковъ и поручиковъ. Газеты писали, что побѣды японцевъ въ горахъ неудивительны, — они природные горные жители; но война переходитъ на равнину, мы можемъ развернуть нашу кавалерію, и дѣло теперь пойдетъ совсѣмъ иначе. Сообщалось, что у японцевъ совсѣмъ уже нѣтъ ни денегъ, ни людей, что убыль въ солдатахъ пополняется четырнадцатилѣтними мальчиками и дряхлыми стариками. Куропаткинъ, исполняя свой никому невѣдомый планъ, отступалъ къ грозно укрѣпленному Ляояну. Военные обозрѣватели писали: «Лукъ согнулся, тетива напряглась до крайности, — и скоро смертоносная стрѣла съ страшною силою полетитъ въ самое сердце врага».

Наши офицеры смотрѣли на будущее радостно. Они говорили, что въ войнѣ наступаетъ переломъ, побѣда русскихъ несомнѣнна, и нашему корпусу наврядъ ли даже придется быть въ дѣлѣ: мы тамъ нужны только, какъ сорокъ тысячъ лишнихъ штыковъ при заключеніи мира.

Въ началѣ августа пошли на Дальній Востокъ эшелоны нашего корпуса. Одинъ офицеръ, передъ самымъ отходомъ своего эшелона, застрѣлился въ гостиницѣ. На Старомъ базарѣ въ булочную зашелъ солдатъ, купилъ фунтъ ситнаго хлѣба, попросилъ дать ему ножъ нарѣзать хлѣбъ и этимъ ножомъ полоснулъ себя по горлу. Другой солдатъ застрѣлился за лагеремъ изъ винтовки.

Однажды зашелъ я на вокзалъ, когда уходилъ эшелонъ. Было много публики, были представители отъ города. Начальникъ дивизіи напутствовалъ уходящихъ рѣчью; онъ говорилъ, что прежде всего нужно почитать Бога, что мы съ Богомъ начали войну, съ Богомъ ее и кончимъ. Раздался звонокъ, пошло прощаніе. Въ воздухѣ стоялъ плачъ и вой женщинъ, пьяные солдаты размѣщались въ вагонахъ, публика совала отъѣзжающимъ деньги, мыло, папиросы.

Около вагона младшій унтеръ-офицеръ прощался съ женою и плакалъ, какъ маленькій мальчикъ; усатое, загорѣлое лицо было залито слезами, губы кривились и распускались отъ плача. Жена была тоже загорѣлая, скуластая и ужасно безобразная. На ея рукѣ сидѣлъ грудной ребенокъ въ шапочкѣ изъ яркоцвѣтныхъ лоскутовъ, баба качалась отъ рыданій, и

ребенокъ на ея рукѣ качался, какъ листокъ подъ вѣтромъ. Мужъ рыдалъ и цѣловалъ безобразное лицо бабы, цѣловалъ въ губы, въ глаза, ребенокъ на ея рукѣ качался. Странно было, что можно такъ рыдать отъ любви къ этой уродливой женщинѣ, и къ горлу подступали слезы отъ несшихся отовсюду рыданій и всхлипывающихъ вздоховъ. И глаза жадно останавливались на набитыхъ въ вагоны людяхъ: сколько изъ нихъ воротится? сколько ляжетъ трупами на далекихъ, залитыхъ кровью поляхъ?

— Ну, садись, полѣзай въ вагонъ!—торопили унтеръ-офицера. Его подхватили подъ руки и подняли въ вагонъ. Онъ, рыдая, рвался наружу, къ рыдающей бабѣ съ качающимся на рукѣ ребенкомъ.

— Развѣ солдатъ можетъ плакать? — строго и упрекающе говорилъ фельдфебель.

— Ма-атушка ты моя ро-одненькая!..—тоскливо выли бабьи голоса.

— Отходи, отходи!—повторяли жандармы и оттѣсняли толпу отъ вагоновъ. Но толпа сейчасъ же опять приливала назадъ, и жандармы опять тѣснили ее.

— Чего стараетесь, продажныя души? Аль не жалко вамъ?— съ негодованіемъ говорили изъ толпы.

— Не жалко? Нешто не жалко? — поучающе возражалъ жандармъ.—А только такъ-то вотъ люди и рѣжутся, и рѣжутъ. И подъ колеса бросаются. Нужно смотрѣть.

Поѣздъ двинулся. Вой бабъ сталъ громче. Жандармы оттѣснили толпу. Изъ нея выскочилъ солдатъ, быстро перебѣжалъ платформу и протянулъ уѣзжавшимъ бутылку водки. Вдругъ, какъ изъ земли, передъ солдатомъ выросъ комендантъ. Онъ вырвалъ у солдата бутылку и ударилъ ее о плиты. Бутылка разлетѣлась въ дребезги. Въ публикѣ и въ двигавшихся вагонахъ раздался угрожающій ропотъ. Солдатъ вспыхнулъ и злобно закусилъ губу.

— Не имѣешь права бутылку разбивать! — крикнулъ онъ на офицера.

— Что-о?

Комендантъ размахнулся и изо всей силы ударилъ солдата по лицу. Неизвѣстно откуда, вдругъ появилась стража съ ружьями и окружила солдата.

Вагоны двигались все скорѣе, пьяные солдаты и публика кричали «ура!». Безобразная жена унтеръ-офицера покачнулась и, роняя ребенка, безъ чувствъ повалилась наземь. Сосѣдка подхватила ребенка.

Поѣздъ исчезъ вдали. По перрону къ арестованному солдату шелъ начальникъ дивизіи.

— Ты что это, голубчикъ, съ офицерами вздумалъ ругаться, а?—сказалъ онъ.

Солдатъ стоялъ блѣдный, сдерживая бушевавшую въ немъ ярость.

— Ваше превосходительство! Лучше бы онъ у меня столько крови пролилъ, сколько водки... Вѣдь намъ въ водкѣ только и жизнь, ваше превосходительство!

Публика тѣснилась вокругъ.

— Его самого офицеръ по лицу ударилъ. Позвольте, генералъ, узнать,—есть такой законъ?

Начальникъ дивизіи какъ будто не слышалъ. Онъ сквозь очки взглянулъ на солдата и раздѣльно произнесъ:

— Подъ судъ, въ разрядъ штрафованныхъ — и порка!.. Увести его.

Генералъ пошелъ прочь, повторивъ еще разъ медленно и раздѣльно:

— Подъ судъ, въ разрядъ штрафованныхъ—и порка!

II.

ВЪ ПУТИ.

Отходилъ нашъ эшелонъ.

Поѣздъ стоялъ далеко отъ платформы, на запасномъ пути. Вокругъ вагоновъ толпились солдаты, мужики, мастеровые и бабы. Монополькн ужъ двѣ недѣли не торговали, но почти всѣ солдаты были пьяны. Сквозь тягуче-скорбный вой женщинъ прорѣзывались бойкіе переборы гармоники, шутки и смѣхъ. У электрическаго фонаря, прислонившись спиною къ его подножью, сидѣлъ мужикъ съ провалившимся носомъ, въ рваномъ зипунѣ, и жевалъ хлѣбъ.

Нашъ смотритель,—поручикъ, призванный изъ запаса,—въ новомъ кителѣ и блестящихъ погонахъ, слегка взволнованный, расхаживалъ вдоль поѣзда.

— По ваго-онамъ! — раздался его надменно-повелительный голосъ.

Толпа спѣшно всколыхнулась. Стали прощаться. Шатающійся, пьяный солдатъ впился губами въ губы старухи въ черномъ платочкѣ, приникъ къ нимъ долго, крѣпко; больно было смотрѣть, казалось, онъ выдавитъ ей зубы; наконецъ, оторвался, ринулся цѣловаться съ блаженно улыбающимся, широкобородымъ мужикомъ. Въ воздухѣ, какъ завываніе вьюги,

тоскливо переливался вой женщинъ, онъ обрывался всхлипывающими передышками, ослабѣвалъ и снова усиливался.

— Бабы! Прочь отъ вагоновъ!—грозно крикнулъ поручикъ, идя вдоль поѣзда.

Изъ вагона трезвыми и суровыми глазами на поручика смотрѣлъ солдатъ съ русою бородкою.

— Бабъ нашихъ, ваше благородіе, вы гнать не смѣете! — рѣзко сказалъ онъ.—Вамъ надъ нами власть дадена, на насъ и кричите. А бабъ нашихъ не трогайте.

— Вѣрно! Надъ бабами вамъ власти нѣту! — зароптали другіе голоса.

Смотритель покраснѣлъ, но притворился, что не слышитъ, и болѣе мягкимъ голосомъ сказалъ:

— Запирай двери, поѣздъ сейчасъ пойдетъ!

Раздался кондукторскій свистокъ, поѣздъ дрогнулъ и началъ двигаться.

— Ура!—загремѣло въ вагонахъ и въ толпѣ.

Среди рыдающихъ, безсильно склонившихся женъ, поддерживаемыхъ мужчинами, мелькнуло безносое лицо мужика въ рваномъ зипунѣ; изъ красныхъ глазъ мимо дыры носа текли слезы, и губы дергались.

— Ур-ра-а!!—гремѣло въ воздухѣ подъ учащавшійся грохотъ колесъ. Въ переднемъ вагонѣ хоръ солдатъ нестройно запѣлъ: «Отче нашъ». Вдоль пути, отставая отъ поѣзда, быстро шелъ широкобородый мужикъ съ блаженнымъ, краснымъ лицомъ; онъ размахивалъ руками и, широко открывая темный ротъ, кричалъ «ура».

Навстрѣчу кучками шли изъ мастерскихъ желѣзнодорожные рабочіе въ синихъ блузахъ.

— Вертайтесь, братцы, здоровы!—крикнулъ одинъ. Другой забросилъ фуражку высоко въ воздухъ.

— Ура!—раздалось въ отвѣтъ изъ вагоновъ.

Поѣздъ грохоталъ и мчался вдаль. Пьяный солдатъ, высунувшись по поясъ изъ высоко поставленнаго, маленькаго оконца товарнаго вагона, непрерывно все кричалъ «ура», его профиль съ раскрытымъ ртомъ темнѣлъ на фонѣ синяго неба. Люди и зданія остались назади, онъ махалъ фуражкою телеграфнымъ столбамъ и продолжалъ кричать «ура».

Въ наше купэ вошелъ смотритель. Онъ былъ смущенъ и взволнованъ.

— Вы слышали? Мнѣ сейчасъ разсказывали на вокзалѣ офицеры: говорятъ, вчера солдаты убили въ дорогѣ полковника Лукашева. Они пьяные стали стрѣлять изъ вагоновъ въ проходившее стадо, онъ началъ ихъ останавливать, они его застрѣлили.

— Я это иначе слышалъ,—возразилъ я.—Онъ очень грубо и жестоко обращался съ солдатами, они еще тутъ говорили, что убьютъ его въ дорогѣ.

— Да-а...—Смотритель помолчалъ, широко открытыми глазами глядя передъ собою.—Однако нужно быть съ ними поосторожнѣе...

Въ солдатскихъ вагонахъ шло непрерывное пьянство. Гдѣ, какъ доставали солдаты водку, никто не зналъ, но водки у нихъ было, сколько угодно. Днемъ и ночью изъ вагоновъ неслись пѣсни, пьяный говоръ, смѣхъ. При отходѣ поѣзда отъ станціи солдаты нестройно и пьяно, съ вялымъ надсадомъ, кричали «ура», а привыкшая къ проходящимъ эшелонамъ публика молча и равнодушно смотрѣла на нихъ.

Тотъ же вялый надсадъ чувствовался и въ солдатскомъ весельѣ. Хотѣлось веселиться во всю, веселиться все время, но это не удавалось. Было пьяно и все-таки скучно. Ефрейторъ Сучковъ, бывшій сапожникъ, упорно и дѣловито плясалъ на каждой остановкѣ. Какъ будто службу какую-то исполнялъ. Солдаты толпились вокругъ.

Длинный и вихрастый, въ ситцевой рубашкѣ, заправленной въ брюки, Сучковъ станетъ, хлопнетъ въ ладоши и, присѣвъ, пойдетъ подъ гармонику. Движенія медленныя и раздражающе-вялыя, тѣло мякло извивается, какъ будто оно безъ костей, ноги, болтаясь, вылетаютъ впередъ. Потомъ онъ захватитъ руками носокъ сапога и продолжаетъ плясать на одной ногѣ, тѣло все такъ же извивается, и странно,—какъ онъ, насквозь пьяный, удерживается на одной ногѣ? А Сучковъ вдругъ подпрыгнетъ, затопаетъ ногами,—и опять вылетаютъ впередъ болтающіяся ноги, и надоѣдливо-вяло извивается словно безкостное тѣло.

Кругомъ посмѣиваются.

— Ты бы, дядя, повеселѣе!

— Слышь, землякъ! Ступай за ворота, наплачься раньше, а потомъ пляши!

— Есть одна колѣно, его только и показываетъ!—махнувъ рукою, говоритъ ротный фельдшеръ и отходитъ прочь.

Какъ будто и самого Сучкова начинаетъ выводить изъ себя вялость его движеній, безсильныхъ разразиться лихою пляскою. Онъ вдругъ остановится, топнетъ ногою и яростно заколотитъ себя кулаками въ грудь.

— Ну-ка, еще по груди стукни, что у тебя тамъ звенѣло?—смѣется фельдфебель.

— Буде плясать, оставь на завтра,—сурово говорятъ солдаты и лѣзутъ обратно въ вагоны.

Но иногда, — нечаянно, сама собою, — вдругъ на какомънибудь полустанкѣ вспыхивала бѣшеная пляска. Помостъ трещалъ подъ каблуками, сильныя тѣла изгибались, присѣдали, подпрыгивали, какъ мячики, и въ выжженную солнцемъ степь неслись безумно-веселые уханья и присвисты.

На Самаро-Златоустовской дорогѣ насъ нагналъ командиръ нашего корпуса; онъ ѣхалъ въ отдѣльномъ вагонѣ со скорымъ поѣздомъ. Поднялась суета, блѣдный смотритель взволнованно выстраивалъ передъ вагонами команду, «кто въ чемъ есть»,—такъ приказалъ корпусный. Самыхъ пьяныхъ убрали въ дальніе вагоны.

Генералъ перешелъ черезъ рельсы на четвертый путь, гдѣ стоялъ нашъ эшелонъ, и пошелъ вдоль выстроившихся солдатъ. Къ нѣкоторымъ онъ обращался съ вопросами, тѣ отвѣчали связно, но старались не дышать на генерала. Онъ молча пошелъ назадъ.

Увы! На перронѣ, недалеко отъ вагона корпуснаго командира, среди толпы зрителей плясалъ Сучковъ!.. Онъ плясалъ и вызывалъ плясать съ собою кокетливую, полногрудую горничную.

— Ты что жъ, вареной колбасы хочешь? Что не пляшешь?

Горничная, посмѣиваясь, ушла въ толпу, Сучковъ бросился за нею.

— Ну, чертовка, ты у меня смотри! Я тебя замѣтилъ!.. — Смотритель обомлѣлъ.

— Убрать его!—грозно прошипѣлъ онъ другимъ солдатамъ.

Солдаты подхватили Сучкова и потащили прочь. Сучковъ ругался, кричалъ и упирался. Корпусный и начальникъ штаба молча смотрѣли со стороны.

Черезъ минуту главный врачъ стоялъ передъ корпуснымъ командиромъ, вытянувшись и приложивъ руку къ козырьку Генералъ сурово сказалъ ему что-то и вмѣстѣ съ начальникомъ штаба ушелъ въ свой вагонъ.

Начальникъ штаба вышелъ обратно. Похлопывая взящнымъ стикомъ по лакированному сапогу, онъ направился къ главному врачу и смотрителю.

— Его высокопревосходительство объявляетъ вамъ строгій выговоръ. Мы обогнали много эшелоновъ, всѣ представлялись въ полномъ порядкѣ, только у васъ вся команда пьяна.

— Г. полковникъ, ничего нельзя съ ними подѣлать!

— Вы бы имъ давали книжки религіозно-нравственнаго содержанія.

— Не помогаетъ. Читаютъ и все-таки пьютъ.

— Ну, а тогда... — Полковникъ выразительно махнулъ по воздуху стикомъ. — Попробуйте... Это великолѣпно помогаетъ.

Былъ этотъ разговоръ не позже, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ Высочайшаго манифеста о полной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Мы «перевалили черезъ Уралъ». Кругомъ пошли степи. Эшелоны медленно ползли одинъ за другимъ, стоянки на станціяхъ были безконечны. За сутки мы проѣзжали всего полтораста—двѣсти верстъ.

Во всѣхъ эшелонахъ шло такое же пьянство, какъ и въ нашемъ. Солдаты буйствовали, громили желѣзнодорожные буфеты и поселки. Дисциплины было мало, и поддерживать ее было очень нелегко. Она цѣликомъ опиралась на устрашеніе, — но люди знали, что ѣдутъ умирать; чѣмъ же ихъ было устрашить? Смерть, — такъ вѣдь и безъ того смерть; другое наказаніе, — какое ни будь, все-таки же оно лучше смерти. И происходили такія сцены.

Начальникъ эшелона подходитъ къ выстроившимся у поѣзда солдатамъ. На флангѣ стоитъ унтеръ-офицеръ и... куритъ папироску.

— Это что такое? Ты—унтеръ-офицеръ! — не знаешь, что въ строю нельзя курить?..

— Отчего же... пфф! пфф!.. отчего же это мнѣ не курить? — спокойно спрашиваетъ унтеръ-офицеръ, попыхивая папироскою. И ясно, онъ именно добивается, чтобъ его отдали подъ судъ.

У насъ въ вагонѣ шла своя однообразная и размѣренная жизнь. Мы, четверо «младшихъ» врачей, ѣхали въ двухъ сосѣднихъ купэ: старшій ординаторъ Гречихинъ, младшіе ординаторы Селюковъ, Шанцеръ и я. Люди все были славные, мы хорошо сошлись. Читали, спорили, играли въ шахматы.

Иногда къ намъ заходилъ изъ своего отдѣльнаго купэ нашъ главный врачъ Давыдовъ. Онъ много и охотно разсказывалъ намъ объ условіяхъ службы военнаго врача, о царящихъ въ военномъ вѣдомствѣ непорядкахъ; разсказывалъ о своихъ столкновеніяхъ съ начальствомъ и о томъ, какъ благородно и независимо онъ держался въ этихъ столкновеніяхъ. Въ разсказахъ его чувствовалась хвастливость и желаніе подладиться подъ наши взгляды. Интеллигентнаго въ немъ было мало, шутки его были циничны, мнѣнія пошлы и банальны.

За Давыдовымъ по пятамъ всюду слѣдовалъ смотритель, офицеръ-поручикъ, взятый изъ запаса. До призыва онъ слу-

жилъ земскимъ начальникомъ. Разсказывали, что, благодаря большой протекціи, ему удалось избѣжать строя и попасть въ смотрители госпиталя. Былъ это полный, красивый мужчина лѣтъ подъ тридцать, — туповатый, заносчивый и самовлюбленный, на рѣдкость лѣнивый и нераспорядительный. Отношенія съ главнымъ врачомъ у него были великолѣпныя. На будущее онъ смотрѣлъ мрачно и грустно.

— Я знаю, съ войны я не ворочусь. Я страшно много пью воды, а вода тамъ плохая, непремѣнно заражусь тифомъ или дизентеріей. А то подъ хунхузскую пулю попаду. Вообще, воротиться домой я не разсчитываю.

Ѣхали съ нами еще аптекарь, священникъ, два заурядъ-чиновника и четыре сестры милосердія. Сестры были простыя, мало интеллигентныя дѣвушки. Онѣ говорили «колидоръ», «милосливый государь», обиженно дулись на наши невинныя шутки и сконфуженно смѣялись на двусмысленныя шутки главнаго врача и смотрителя.

На большихъ остановкахъ насъ нагонялъ эшелонъ, въ которомъ ѣхалъ другой госпиталь нашей дивизіи. Изъ вагона своею красивою, лѣниво-развалистою походкою выходилъ стройный д-ръ Султановъ, ведя подъ руку изящно одѣтую, высокую барышню. Это, какъ разсказывали,—его племянница. И другія сестры были одѣты очень изящно, говорили по-французски, вокругъ нихъ увивались штабные офицеры.

До своего госпиталя Султанову было мало дѣла. Люди его голодали, лошади тоже. Однажды, рано утромъ, во время остановки, нашъ главный врачъ съѣздилъ въ городъ, купилъ сѣна, овса. Фуражъ привезли и сложили на платформѣ между нашимъ эшелономъ и эшелономъ Султанова. Изъ окна выглянулъ только-что проснувшійся Султановъ. По платформѣ суетливо шелъ Давыдовъ. Султановъ торжествующее указалъ ему на фуражъ.

— А у меня вотъ ужъ есть овесъ!—сказалъ онъ.

— Та-акъ!—иронически отозвался Давыдовъ.

— Видите? И сѣно.

— И сѣно? Великолѣпно!.. Только я все это прикажу сейчасъ грузить въ мои вагоны.

— Какъ это такъ?

— Такъ. Потому что это я купилъ.

— А-а... А я думалъ, мой смотритель...—Султановъ лѣниво зѣвнулъ и обратился къ стоявшей рядомъ племянницѣ:—Ну, что жъ, пойдемъ на вокзалъ кофе пить!

Сотни верстъ за сотнями. Мѣстность ровная, какъ столъ, мелкіе перелѣски, кустарникъ. Пашенъ почти не видно, одни луга. Зеленѣютъ выкошенныя поляны, темнѣютъ копны и небольшіе стожки. Но больше луговъ нескошенныхъ; рыжая, высохшая на корню трава клонится подъ вѣтромъ и шуршитъ сѣменами въ сухихъ сѣменныхъ коробочкахъ. Одинъ перегонъ въ нашемъ эшелонѣ ѣхалъ мѣстный крестьянскій начальникъ, онъ разсказывалъ: рабочихъ рукъ нѣтъ, всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, включая ополченцевъ, угнали на войну; луга гибнутъ, пашни не обработаны.

Однажды подъ вечеръ, гдѣ-то подъ Каинскомъ, нашъ поѣздъ вдругъ сталъ давать тревожные свистки и круто остановился среди поля. Вбѣжалъ денщикъ и оживленно сообщилъ, что сейчасъ мы чуть-чуть не столкнулись съ встрѣчнымъ поѣздомъ. Подобныя тревоги случались то и дѣло: дорожные служащіе были переутомлены сверхъ всякой мѣры, уходить имъ не позволялось подъ страхомъ военнаго суда, вагоны были старые, изношенные; то загоралась ось, то отрывались вагоны, то поѣздъ проскакивалъ мимо стрѣлки.

Мы вышли наружу. Впереди передъ нашимъ поѣздомъ виднѣлся другой поѣздъ. Паровозы стояли, выпучивъ другъ на друга свои круглые фонари, какъ два врага, встрѣтившіеся на узкой тропинкѣ. Въ сторону тянулась кочковатая, заросшая осокою поляна; вдали, межъ кустовъ, темнѣли копны сѣна.

Встрѣчный поѣздъ заднимъ ходомъ двинулся обратно. Далъ свистокъ и нашъ поѣздъ. Вдругъ вижу, — отъ кустовъ бѣжитъ черезъ поляну къ вагонамъ нѣсколько нашихъ солдатъ, и у каждаго въ рукахъ огромная охапка сѣна.

— Эй! Бросьте сѣно! — крикнулъ я.

Они продолжали бѣжать къ поѣзду. Изъ солдатскихъ вагоновъ слышались поощрительныя замѣчанія.

— Нѣтъ ужъ! Добѣжали, — теперь сѣно наше!

Изъ окна вагона съ любопытствомъ смотрѣли главный врачъ и смотритель.

— Сейчасъ же бросить сѣно, слышите?!—грозно заоралъ я.

Солдаты побросали охапки на откосъ и съ недовольнымъ ворчаніемъ полѣзли въ двинувшійся поѣздъ. Я, возмущенный, вошелъ въ вагонъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! Здѣсь ужъ, у своихъ, начинается мародерство! И какъ безцеремонно, — у всѣхъ на глазахъ!

— Да вѣдь тутъ сѣну цѣна грошъ, оно, все равно, сгніетъ въ копнахъ, — неохотно возразилъ главный врачъ.

Я удивился.

То-есть какъ это? Позвольте! Вы же вчера только слышали, что̀ разсказывалъ крестьянскій начальникъ: сѣно, напротивъ, очень дорого, косить его некому; интендантство платитъ по сорокъ копеекъ за пудъ. А главное, вѣдь это же *мародерство*, этого въ принципѣ нельзя допускать.

— Ну, да! Ну, да, конечно! Кто жъ объ этомъ споритъ?— поспѣшно согласился главный врачъ.

Разговоръ оставилъ во мнѣ странное впечатлѣніе. Я ждалъ, что главный врачъ и смотритель возмутятся, что они соберутъ команду, строго и рѣшительно запретятъ ей мародерствовать. Но они отнеслись къ происшедшему съ глубочайшимъ равнодушіемъ. Денщикъ, слышавшій нашъ разговоръ, съ сдержанною усмѣшкою замѣтилъ мнѣ:

— Для кого солдатъ тащитъ? Для лошадей. Начальству же лучше, — за сѣно не платить.

Тогда мнѣ вдругъ стало понятно и то, что̀ меня немножко удивило три дня назадъ: главный врачъ на одной маленькой станціи купилъ тысячу пудовъ овса по очень дешевой цѣнѣ; онъ воротился въ вагонъ довольный и сіяющій.

— Купилъ сейчасъ овесъ по сорокъ пять копеекъ! — съ торжествомъ сообщилъ онъ.

Меня удивило, — неужели онъ такъ радуется, что сберегъ для казны нѣсколько сотъ рублей? Теперь его восторгъ становился мнѣ болѣе понятнымъ.

На каждой станціи солдаты тащили все, что̀ попадалось подъ руку. Часто нельзя было даже понять, для чего это имъ. Попадется собака, — они подхватываютъ ее и водворяютъ на вагонѣ-платформѣ между фурами: черезъ день-другой собака убѣгаетъ, солдаты ловятъ новую. Какъ-то заглянулъ я на одну изъ платформъ: въ сѣнѣ были сложены красная деревянная миска, небольшой чугунный котелъ, два топора, табуретка, шайки. Это все была добыча. На одномъ разъѣздѣ вышелъ я походить. У откоса стоитъ ржавая чугунная печка; вокругъ нея подозрительно толкутся наши солдаты, поглядываютъ на меня и посмѣиваются. Я поднялся въ свой вагонъ, они встрепенулись. Черезъ нѣсколько минутъ я вышелъ опять. Печки на откосѣ нѣтъ, солдаты ныряютъ подъ вагоны, въ одномъ изъ вагоновъ съ грохотомъ передвигается что-то тяжелое.

— Живого человѣка стащатъ и спрячутъ! — весело говоритъ мнѣ сидящій на откосѣ солдатъ.

Какъ-то вечеромъ, на станціи Хилокъ, я вышелъ изъ поѣзда, спрашиваю мальчика, нельзя ли гдѣ купить здѣсь хлѣба.

— Тамъ на горѣ еврей торгуетъ, да онъ заперся.

— Отчего?

— Боится.

— Чего же боится?

Мальчикъ промолчалъ. Мимо шелъ солдатъ съ чайникомъ кипятку.

— Если днемъ тащимъ все, то ночью лавку вмѣстѣ съ жидомъ самимъ стащимъ! — на ходу объяснилъ онъ мнѣ.

На большихъ остановкахъ солдаты разводили костры и то варили супъ изъ куръ, взявшихся неизвѣстно откуда, то палили свинью, будто бы задавленную нашимъ поѣздомъ.

Часто они разыгрывали свои реквизиціи по очень тонкимъ и хитрымъ планамъ. Однажды мы долго стояли у небольшой станціи. Худой, высокій и испитой хохолъ Кучеренко, острякъ нашей команды, дурачился на полянкѣ у поѣзда. Онъ напялилъ на себя какую-то рогожу, шатался, изображая пьянаго. Солдатъ, смѣясь, столкнулъ его въ канаву. Кучеренко повозился тамъ и полѣзъ назадъ; за собою онъ сосредоточенно тащилъ погнутый и ржавый желѣзный цилиндръ изъ-подъ печки.

— Каспада, сичасъ путитъ мусика!.. Пашалста, нэ мэшайтъ! — объявилъ онъ, изображая изъ себя иностранца.

Вокругъ толпились солдаты и обитатели станціоннаго поселка. Кучеренко, съ рогожею на плечахъ, возился надъ своимъ цилиндромъ, какъ медвѣдь надъ чурбаномъ. Съ величественно-серьезнымъ видомъ онъ задвигалъ около цилиндра рукою, какъ будто вертѣлъ воображаемую ручку шарманки, и хрипло запѣлъ:

Зачѣмъ ты, безумная... Трр... Трр... Уу-о!
Того, кто... у-ээ! Трр... Трр... завлекся... Трррр...

Кучеренко изображалъ испорченную шарманку до того великолѣпно, что всѣ кругомъ хохотали, — станціонные жители, солдаты, мы. Снявъ фуражку, онъ сталъ обходить публику.

— Каспада, пашалуйтэ пэдному тальянскому мусиканту за труды!..

Унтеръ-офицеръ Сметанниковъ сунулъ ему въ руку камень. Кучеренко въ недоумѣніи покрутилъ надъ камнемъ головою и швырнулъ его въ спину убѣгавшему Сметанникову.

— По вагонамъ! — раздалась команда.

Поѣздъ свистнулъ, солдаты стремглавъ бросились къ вагонамъ.

На слѣдующей остановкѣ они варили на кострѣ супъ: въ котлѣ густо плавали куры и утки. Подошли двѣ нашихъ сестры.

— Не желаете ли, сестрицы, курятинки? — предложили солдаты.

— Откуда она у васъ?

Солдаты лукаво посмѣивались.

— Музыканту нашему за труды подали!

Оказалось, — пока Кучеренко отвлекалъ на себя вниманіе жителей поселка, другіе солдаты очищали ихъ дворы отъ птичьей живности. Сестры начали стыдить солдатъ, говорили, что воровать нехорошо.

— Ничего нехорошаго! Мы на царской службѣ, что̀ же намъ ѣсть? Вонъ, три дня ужъ горячей пищи не даютъ, на станціяхъ ничего не купишь, хлѣбъ не выпеченный. Съ голоду, что ли, издыхать?

— Мы что̀! — замѣтилъ другой. — А вонъ к—овцы, такъ тѣ цѣлыхъ двѣ коровы стащили!

— Ну, вотъ представь себѣ: у тебя, скажемъ, дома одна корова; и вдругъ свои же, православные, возьмутъ ее и сведутъ! Развѣ бы не обидно было тебѣ? То же вотъ и здѣсь: можетъ-быть, послѣднюю корову свели у мужика, онъ теперь убивается съ горя, плачетъ.

— Э!.. — Солдатъ махнулъ рукою. — А у насъ нешто мало плачутъ? Вездѣ плачутъ.

Когда мы были подъ Красноярскомъ, стали приходить вѣсти о Ляоянскомъ боѣ. Сначала, по обычаю, телеграммы извѣщали о близкой побѣдѣ, объ отступающихъ японцахъ, о захваченныхъ орудіяхъ. Потомъ пошли телеграммы съ смутными, зловѣщими недомолвками, и наконецъ — обычное сообщеніе объ отступленіи «въ полномъ порядкѣ». Жадно всѣ хватались за газеты, вчитывались въ телеграммы, — дѣло было ясно: мы разбиты и въ этомъ бою, неприступный Ляоянъ взятъ, «смертоносная стрѣла» безсильно упала на землю съ «туго натянутой тетивы», и мы опять бѣжимъ.

Настроеніе въ эшелонахъ было мрачное и подавленное.

Вечеромъ мы сидѣли въ маленькой залѣ небольшой станціи, ѣли скверныя, десятокъ разъ подогрѣтыя щи. Скопилось нѣсколько эшелоновъ, зала была полна офицерами. Противъ насъ сидѣлъ высокій, съ впалыми щеками штабсъ-капитанъ, рядомъ съ нимъ молчаливый подполковникъ.

Штабсъ-капитанъ громко, на всю залу, говорилъ:

— Японскіе офицеры отказались отъ своего содержанія въ пользу казны, а сами перешли на солдатскій паекъ. Министръ народнаго просвѣщенія, чтобы послужить родинѣ, пошелъ на войну простымъ рядовымъ. Жизнью своею никто не дорожитъ, каждый готовъ все отдать за родину. Почему? Потому что у нихъ есть идея. Потому что они знаютъ, за что сражаются.

И всѣ они образованные, всѣ солдаты грамотные. У каждаго солдата компасъ, планъ, каждый даетъ себѣ отчетъ въ заданной задачѣ. И отъ маршала до послѣдняго рядового, всѣ думаютъ только о побѣдѣ надъ врагомъ. И интендантство думаетъ объ этомъ же.

Штабсъ-капитанъ говорилъ то, что всѣ знали изъ газетъ, но говорилъ такъ, какъ будто онъ все это спеціально изучилъ, а никто кругомъ этого не знаетъ. У буфета шумѣлъ и о чемъ-то препирался съ буфетчикомъ необъятно-толстый, пьяный капитанъ.

— А у насъ что? — продолжалъ штабсъ-капитанъ. — Кто изъ насъ знаетъ, зачѣмъ война? Кто изъ насъ воодушевленъ? Только и разговоровъ, что о прогонахъ да о подъемныхъ. Гонятъ насъ всѣхъ, какъ барановъ. Генералы наши то и знаютъ, что ссорятся межъ собою. Интендантство воруетъ. Посмотрите на сапоги нашихъ солдатъ, — въ два мѣсяца совсѣмъ истрепались. А вѣдь принимало сапоги двадцать пять комиссій.

— И забраковать нельзя, — поддержалъ его нашъ главный врачъ. — Товаръ не перегорѣлый, не гнилой.

— Да. А въ первый же дождь подошва подъ ногою разъѣзжается... Ну-ка, скажите мнѣ, пожалуйста, — можетъ такой солдатъ побѣдить или нѣтъ?

Онъ громко говорилъ на всю залу, и всѣ сочувственно слушали. Нашъ смотритель опасливо поглядывалъ по сторонамъ. Онъ чувствовалъ себя неловко отъ этихъ громкихъ, небоящихся рѣчей и сталъ возражать: вся суть въ томъ, какъ сшитъ сапогъ, а товаръ интендантства прекрасный, онъ самъ видѣлъ и можетъ засвидѣтельствовать.

— И какъ хотите, господа, — своимъ полнымъ, самоувѣреннымъ голосомъ заявилъ смотритель. — Дѣло вовсе не въ сапогахъ, а въ духѣ арміи. Хорошъ духъ, — и во всякихъ сапогахъ разобьешь врага.

— Босой, съ ногами въ язвахъ, не разобьешь, — возразилъ штабсъ-капитанъ.

— А духъ хорошъ? — съ любопытствомъ спросилъ подполковникъ.

— Мы сами виноваты, что нехорошъ! — горячо заговорилъ смотритель. — Мы не сумѣли воспитать солдата. Видите ли, ему *идея* нужна! Идея, — скажите, пожалуйста! И насъ, и солдатъ долженъ вести воинскій долгъ, а не идея. Не дѣло военнаго говорить объ идеяхъ, его дѣло безъ разговоровъ итти и умирать.

Подошелъ шумѣвшій у буфета толстый капитанъ. Онъ молча стоялъ, качался на ногахъ и пучилъ глаза на говорившихъ.

— Нѣтъ, господа, вы мнѣ вотъ что̀ скажите,—вдругъ вмѣшался онъ.—Ну, какъ,—какъ я буду брать сопку!?

Онъ разводилъ руками и съ недоумѣніемъ оглядывалъ свой огромный животъ.

Назади остались степи, мѣстность становилась гористою. Вмѣсто маленькихъ, корявыхъ березокъ кругомъ высились могучіе, сплошные лѣса. Таежныя сосны сурово и сухо шумѣли подъ вѣтромъ, и осина, красавица осени, сверкала средь темныхъ хвой нѣжнымъ золотомъ, пурпуромъ и багрянцемъ. У желѣзнодорожныхъ мостиковъ и на каждой верстѣ стояли охранники-часовые, въ сумеркахъ ихъ одинокія фигуры темнѣли среди глухой чащи тайги.

Проѣхали мы Красноярскъ, Иркутскъ, поздно ночью прибыли на станцію Байкалъ. Насъ встрѣтилъ помощникъ коменданта, приказано было немедленно вывести изъ вагоновъ людей и лошадей; платформы съ повозками должны были итти на ледоколѣ неразгруженными.

До трехъ часовъ ночи мы сидѣли въ маленькой, тѣсной зальцѣ станціи. Въ буфетѣ нельзя было ничего получить, кромѣ чаю и водки, потому что въ кухнѣ шелъ ремонтъ. На платформѣ и въ багажной зальцѣ въ повалку спали наши солдаты. Пришелъ еще эшелонъ; онъ долженъ былъ переправляться на ледоколѣ вмѣстѣ съ нами. Эшелонъ былъ громадный, въ тысячу двѣсти человѣкъ; въ немъ шли на пополненіе частей запасные изъ Уфимской, Казанской и Самарской губерній; были здѣсь русскіе, татары, мордвины, все больше пожилые, почти старые люди.

Уже въ пути мы примѣтили этотъ злосчастный эшелонъ. У солдатъ были малиновые погоны безъ всякихъ цифръ и знаковъ, и мы прозвали ихъ «малиновой командой». Команду велъ одинъ поручикъ. Чтобы не заботиться о довольствіи солдатъ, онъ выдавалъ имъ на руки казенныя 21 копейку и предоставлялъ имъ питаться, какъ хотятъ. На каждой станціи солдаты рыскали по платформѣ и окрестнымъ лавочкамъ, раздобывая себѣ пищи. Но на такую массу людей припасовъ не хватало. На эту массу не хватало не только припасовъ,— не хватало кипятку. Поѣздъ останавливался, изъ вагоновъ спѣшно выскакивали съ чайниками приземистыя, скуластыя фигуры и бѣжали къ будочкѣ, на которой красовалась большая вывѣска: «кипятокъ безплатно».

— Давай кипятку!

— Кипятку нѣтъ. Грѣютъ. Эшелоны весь разобрали.

Одни вяло возвращались обратно, другіе, съ сосредоточен-

ными лицами, длинной вереницей стояли и ждали. Иногда дождутся, чаще нѣтъ, и съ пустыми чайниками бѣгутъ къ отходящимъ вагонамъ. Пѣли они на остановкахъ и пѣсни, пѣли скрипучими, жидкими тенорами, и странно: пѣсни все были арестантскія, однообразно-тягучія, тупо-равнодушныя, и это удивительно подходило ко всему впечатлѣнію отъ нихъ.

Напрасно, напрасно въ тюрьмѣ я сижу,
Напрасно на волю святую гляжу.

Погибъ я, мальчишка, погибъ навсегда!
Года за годами проходятъ лѣта...

Въ третьемъ часу ночи въ черной мглѣ озера загудѣлъ протяжный свистокъ, ледоколъ «Байкалъ» подошелъ къ берегу. По безконечной платформѣ мы пошли вдоль рельсовъ къ пристани. Было холодно. Возлѣ пикалъ тянулась выстроенная попарно «малиновая команда». Обвѣшанные мѣшками, съ винтовками къ ногѣ, солдаты неподвижно стояли съ угрюмыми, сосредоточенными лицами; слышался незнакомый, гортанный говоръ.

Мы поднялись по сходнямъ на какіе-то мостки, повернули вправо, потомъ влѣво—и незамѣтно вдругъ очутились на верхней палубѣ парохода; было непонятно, гдѣ же она началась. На пристани ярко сіяли электрическіе фонари, вдали мрачно чернѣла сырая темь озера. По сходнямъ солдаты взводили волнующихся, нервно-вздрагивающихъ лошадей, внизу, отрывисто посвистывая, паровозы вкатывали въ пароходъ вагоны и платформы. Потомъ двинулись солдаты.

Они шли безконечною вереницею, въ сѣрыхъ, неуклюжихъ шинеляхъ, обвѣшанные мѣшками, держа въ рукахъ винтовки прикладами къ землѣ. Въ узкомъ входѣ на палубу солдаты сбивались въ кучу и останавливались. Сбоку на возвышеніи стоялъ какой-то инженеръ и, выходя изъ себя, кричалъ:

— Да не задерживай! Чего толчетесь?.. Ахъ, с-сукины дѣти! Иди впередъ, чего стоишь?!

И солдаты, съ понуренными головами, напирали. И слѣдомъ шли, шли все новые, — однообразные, сѣрые, угрюмые, какъ будто стадо овецъ.

Все было погружено, прогудѣлъ третій свистокъ. Пароходъ дрогнулъ и сталъ медленно подаваться назадъ. Въ громадномъ, неясномъ сооруженіи съ высокими помостами образовался ровный овальный вырѣзъ,—и сразу стало понятно, гдѣ кончались помосты и начиналось тѣло парохода. Плавно подрагивая, мы понеслись въ темноту.

Въ пароходной залѣ перваго класса было ярко, тепло и просторно; пахло паровымъ отопленіемъ; и каюты были уютныя,

теплыя. Пришелъ поручикъ въ фуражкѣ съ бѣлымъ околышемъ, ведшій малиновую команду. Познакомились. Онъ оказался очень милымъ господиномъ.

Мы вмѣстѣ поужинали. Легли спать, кто въ каютахъ, кто въ столовой. На зарѣ меня разбудилъ товарищъ Шанцеръ.

— В. В—чъ, вставайте! Не пожалѣете! Давно васъ хотѣлъ разбудить. Теперь, все равно, черезъ двадцать минутъ приходимъ.

Я вскочилъ, умылся. Въ столовой было тепло. Въ окно виднѣлся лежавшій на палубѣ солдатъ; онъ спалъ, привалившись головою къ мѣшку, скорчившись подъ шинелью, съ посинѣвшимъ отъ стужи лицомъ.

Мы вышли на палубу. Свѣтало. Тусклыя, сѣрыя волны мрачно и медленно вздымались, водная гладь казалась выпуклою. По ту сторону озера нѣжно голубѣли далекія горы. На пристани, къ которой мы подплывали, еще горѣли огни, а кругомъ къ берегу тѣснились заросшія лѣсомъ горы, мрачныя, какъ тоска. Въ отрогахъ и на вершинахъ бѣлѣлъ снѣгъ. Черныя горы эти казались густо закопченными, и боры на нихъ—шершавою, взлохмаченною сажею, какая бываетъ въ давно нечищеныхъ печныхъ трубахъ. Было удивительно, какъ черны эти горы и боры.

Поручикъ громко и восторженно восхищался. Солдаты, сидя у пароходной трубы, кутались въ шинели и угрюмо слушали. И вездѣ, по всей палубѣ, лежали скорчившіеся подъ шинелями солдаты, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Было очень холодно, вѣтеръ пронизывалъ, какъ сквознякъ. Всю ночь солдаты мерзли подъ вѣтромъ, жались къ трубамъ и выступамъ, бѣгали по палубѣ, чтобы согрѣться.

Ледоколъ медленно подплылъ къ пристани, вошелъ въ высокое сооруженіе съ овальнымъ вырѣзомъ и опять слился съ запутанными помостами и сходнями, и опять нельзя было понять, гдѣ кончается пароходъ и начинаются мостки. Явился помощникъ коменданта и обратился къ начальникамъ эшелоновъ съ обычными вопросами.

Конвои сводили по сходнямъ фыркающихъ лошадей, внизу подходили паровозы и брали съ нижней палубы вагоны. Двинулись команды. Опять, выходя изъ себя, свирѣпо кричали на солдатъ помощникъ коменданта и любезный, милый поручикъ съ бѣлымъ околышемъ. Опять солдаты толклись угрюмо и сосредоточенно, держа прикладами къ землѣ винтовки съ привинченными остреемъ внизъ штыками.

— Ахъ, подлецы! Чего они толкутся?.. Да идите вы, сукины дѣти (такъ-то васъ и такъ-то)! Чего стали?.. Эй, ты! Куда ящикъ съ патронами несешь? Сюда съ патронами!

Медленно, безконечною вереницею мимо двигались солдаты. Прошелъ, внимательно глядя впередъ, пожилой татаринъ съ слегка отвисшею губою и опущенными внизъ углами губъ; прошелъ скуластый, бородатый пермякъ съ изрытымъ оспою лицомъ. Всѣ выглядѣли совсѣмъ, какъ мужики, и странно было видѣть въ ихъ рукахъ винтовки. И они шли, шли, лица смѣнялись, и на всѣхъ была та же ушедшая въ себя, какъ будто застывшая подъ холоднымъ вѣтромъ дума. Никто не оглядывался на крики и ругательства офицеровъ, словно это было чѣмъ-то такимъ же стихійнымъ, какъ рвавшійся съ озера ледяной вѣтеръ.

Совсѣмъ разсвѣло. Надъ тусклымъ озеромъ бѣжали тяжелыя, свинцовыя тучи. Отъ пристани мы перешли на станцію. По путямъ, угрожающе посвистывая, маневрировали паровозы. Было ужасно холодно. Ноги стыли. Обогрѣться было негдѣ. Солдаты стояли и сидѣли, прижавшись другъ къ другу, съ тѣми же угрюмыми, ушедшими въ себя, готовыми на мýку лицами.

Я ходилъ по платформѣ съ нашимъ аптекаремъ. Въ огромной, косматой папахѣ, съ орлинымъ носомъ на худощавомъ лицѣ, онъ выглядѣлъ не какъ смирный провизоръ, а совсѣмъ, какъ лихой казакъ.

— Вы откуда, ребята?—спросилъ онъ солдатъ, сидѣвшихъ кучкою у фундамента станціи.

— Казанскіе... Есть уфимскіе, самарскіе...—неохотно отвѣтилъ маленькій, бѣлобрысый солдатъ. На его груди, изъ-подъ повязаннаго черезъ плечо полотнища палатки, торчалъ огромный ситный хлѣбъ.

— Изъ Тимохинской волости есть, Казанской губерніи?

Солдатъ просіялъ.

— Да мы тимохинскіе!

— Да ну?

— Ей-Богу!.. Вотъ тоже онъ тимохинскій!

— Каменку знаете?

— Н-нѣтъ... Никакъ нѣтъ! — поправился солдатъ.

— А Левашово?

— А какъ же! Мы туда на базаръ ѣздимъ!—съ радостнымъ удивленіемъ отозвался солдатъ.

И съ любовнымъ, связывающимъ другъ друга чувствомъ они заговорили о родныхъ мѣстахъ, перебирали окрестныя деревни. И здѣсь, въ далекой сторонѣ, на порогѣ кровавосмертнаго царства, они радовались именамъ знакомыхъ деревень и тому, что и другой произносилъ эти имена, какъ знакомыя.

Въ залѣ третьяго класса стояли шумъ и споры. Иззябшіе солдаты требовали отъ сторожа, чтобы онъ затопилъ печку. Сторожъ отказывался, — не имѣетъ права взять дровъ. Его корили и ругали.

— Ну, и Сибирь ваша проклятая! — въ негодованіи говорили солдаты.—Глаза мнѣ завяжи, я съ завязанными глазами пѣшкомъ домой бы пошелъ!

— Какая это моя Сибирь, я самъ изъ Россіи, — огрызался заруганный сторожъ.

— Что на него смотрѣть? Вонъ сколько дровъ наложено. Возьмемъ, да и затопимъ!

Но они не рѣшились. Мы пошли къ коменданту попросить дровъ, чтобы вытопить станцію: солдатамъ предстояло ждать здѣсь еще часовъ пять. Оказалось, выдать дрова совершенно невозможно, никакъ невозможно: топить полагается только съ 1 октября, теперь же начало сентября. А дрова кругомъ лежали горами.

Подали нашъ поѣздъ. Въ вагонѣ было морозно, зубъ не попадалъ на зубъ, руки и ноги обратились въ настоящія ледяшки. Къ коменданту пошелъ самъ главный врачъ требовать, чтобы протопили вагонъ. Это тоже оказалось никакъ невозможно: и вагоны полагается топить только съ 1-го октября.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, отъ кого же это зависитъ разрѣшить протопить вагонъ теперь? — въ негодованіи спросилъ главный врачъ.

— Пошлите телеграмму главному начальнику тяги. Если онъ разрѣшитъ, я прикажу истопить.

— Виноватъ, вы, кажется, обмолвились? Не министру ли путей сообщенія нужно послать телеграмму? А можетъ-быть, телеграмму нужно послать на Высочайшее имя?

— Что жъ, пошлите на Высочайшее имя!—любезно усмѣхнулся комендантъ и повернулъ спину.

Нашъ поѣздъ двинулся. Въ студеныхъ солдатскихъ вагонахъ не слышно было обычныхъ пѣсенъ, всѣ жались другъ къ другу въ своихъ холодныхъ шинеляхъ, съ мрачными, посинѣлыми лицами. А мимо двигавшагося поѣзда мелькали огромные кубы дровъ; на запасныхъ путяхъ стояли ряды вагоновъ-теплушекъ; но ихъ теперь по закону тоже не полагалось давать.

До Байкала мы ѣхали медленно, съ долгими остановками. Теперь, по Забайкальской дорогѣ, мы почти все время стояли. Стояли по пяти, по шести часовъ на каждомъ разъѣздѣ; проѣдемъ десять верстъ, — и опять стоимъ часами. Такъ при-

выкли стоять, что, когда вагонъ начиналъ колыхаться и грохотать колесами, являлось ощущеніе чего-то необычнаго; спохватишься, — ужъ опять стоимъ. Впереди, около станціи Карымской, произошло три обвала пути, и дорога оказалась загражденною.

Было попрежнему студено, солдаты мерзли въ холодныхъ вагонахъ. На станціяхъ ничего нельзя было достать,—ни мяса, ни яицъ, ни молока. Отъ одного продовольственнаго пункта до другого ѣхали въ теченіе трехъ-четырехъ сутокъ. Эшелоны по два, по три дня оставались совершенно безъ пищи. Солдаты изъ своихъ денегъ платили на станціяхъ за фунтъ чернаго хлѣба по девять, по десять копеекъ. Но хлѣба не хватало даже на большихъ станціяхъ. Пекарни, распродавъ товаръ, закрывались одна за другою. Солдаты рыскали по мѣстечку и *Христа-ради* просили жителей *продать* имъ хлѣба,

На одной станціи мы нагнали шедшій передъ нами эшелонъ съ строевыми солдатами. Въ проходѣ между ихъ и нашимъ поѣздомъ толпа солдатъ окружила подполковника, начальника эшелона. Подполковникъ былъ слегка блѣденъ, видимо, подбадривалъ себя изнутри, говорилъ громкимъ, командующимъ голосомъ. Передъ нимъ стоялъ молодой солдатъ, тоже блѣдный.

— Какъ тебя звать?—угрожающе спросилъ подполковникъ.

— Лебедевъ.

— Второй роты?

— Такъ точно!

— Хорошо, ты у меня узнаешь. На каждой остановкѣ галдежъ! Я вамъ вчера говорилъ, берегите хлѣбъ, а вы, что не доѣли, въ окошко кидали... Кто виноватъ? Нѣтъ хлѣба, сказано вамъ. Гдѣ жъ я вамъ возьму?

— Это мы понимаемъ, что тутъ хлѣба нельзя достать, — возразилъ солдатъ.—А мы вчера ваше высокоблагородіе просили, можно было на два дня взять... Вѣдь знали, сколько на каждомъ разъѣздѣ стоимъ.

— Молчать! — гаркнулъ подполковникъ. — Еще слово скажешь, велю тебя арестовать!.. По вагонамъ! Маршъ!

И онъ ушелъ. Солдаты угрюмо полѣзли въ вагоны.

— Издыхай, значитъ, съ голоду! — весело сказалъ одинъ.

Ихъ поѣздъ тронулся. Замелькали лица солдатъ,— блѣдныя, озлобленно-задумчивыя.

Чаще стали встрѣчные санитарные поѣзда. На остановкахъ всѣ жадно обступали раненыхъ, разспрашивали ихъ. Въ окна виднѣлись лежавшіе на койкахъ тяжело-раненые, — съ восковыми лицами, покрытые повязками. Ощущалось вѣяніе того ужаснаго и грознаго, что творилось тамъ.

Спросилъ я одного раненаго офицера, — правда ли, что японцы добиваютъ нашихъ раненыхъ? Офицеръ удивленно пожалъ плечами.

— А наши не добиваютъ? Сколько угодно! Особенно казаки. Попадись имъ японецъ,—по волоску всю голову выщиплютъ.

На приступочкѣ солдатскаго вагона сидѣлъ сибирскій казакъ съ отрѣзанною ногою, съ Георгіемъ на халатѣ. У него было широкое, добродушное мужицкое лицо. Онъ участвовалъ въ знаменитой стычкѣ у Юдзятуня, подъ Вафангоу, когда двѣ сотни сибирскихъ казаковъ обрушились лавою на японскій эскадронъ и весь его перекололи пиками.

— Кони у нихъ добрые,—разсказывалъ казакъ.—А вооруженіе плохое, никуда не гоже, однѣ шашки да револьверы. Какъ налетѣли мы съ пиками,—они все равно, что̀ безоружные, ничего съ нами не могли подѣлать.

— Ты сколькихъ закололъ?

— Троихъ.

Онъ, съ его славнымъ, добродушнымъ лицомъ, — онъ былъ участникомъ этой чудовищной битвы кентавровъ!.. Я спросилъ:

— Ну, а какъ, когда кололъ,—ничего въ душѣ не чувствовалъ?

— Перваго неловко какъ-то было. Боязно было въ живого человѣка колоть. А какъ прокололъ его, онъ свалился,—распалилась душа, еще бы радъ десятокъ заколоть

— А небось жалѣешь, что раненъ? Радъ бы еще съ японкою подраться, а?—спросилъ нашъ письмоводитель, заурядъ-чиновникъ.

— Нѣтъ, теперь о томъ думать, какъ ребятишекъ прокормить...

И мужицкое лицо казака омрачилось, глаза покраснѣли и налились слезами.

На одной изъ слѣдующихъ станцій, когда отходилъ шедшій передъ нами эшелонъ, солдаты, на команду: «по вагонамъ!», остались стоять.

— По вагонамъ, слышите?!—грозно крикнулъ дежурный по эшелону.

Солдаты стояли. Нѣкоторые полѣзли-было въ вагоны, но товарищи стащили ихъ назадъ.

— Не поѣдемъ дальше. Будетъ!

Явился начальникъ эшелона, комендантъ. Сначала они стали кричать, потомъ начали разспрашивать, въ чемъ дѣло, почему солдаты не хотятъ ѣхать. Солдаты никакихъ претензій не предъявляли, а твердили одно:

— Не желаемъ дальше ѣхать!

Ихъ увѣщавали, говорили о послушаніи, о начальствѣ. Солдаты отвѣчали:

— Съ начальствомъ нашимъ, дай срокъ, мы еще раздѣлаемся!

Восьмерыхъ арестовали. Остальные сѣли въ вагоны и поѣхали дальше.

Поѣздъ шелъ мимо дикихъ, угрюмыхъ горъ, пробираясь вдоль русла рѣки. Надъ поѣздомъ нависали огромныя глыбы, тянулись вверхъ зыбкіе откосы изъ мелкаго щебня. Казалось, кашляни, — и все это рухнетъ на поѣздъ. Лунною ночью мы проѣхали за станціей Карымскою мимо обвала. Поѣздъ шелъ по наскоро сдѣланному новому пути. Онъ шелъ тихо-тихо, словно крадучись, словно боясь задѣть за нависшія сверху глыбы, почти касавшіяся поѣзда. Ветхіе вагоны поскрипывали, паровозъ пыхтѣлъ рѣдко, какъ будто задерживая дыханіе. По правую сторону изъ холодной, быстрой рѣки торчали свалившіяся каменныя глыбы и кучи щебня.

Здѣсь подъ рядъ произошло три обвала. Почему три, почему не десять, не двадцать? Смотрѣлъ я на этотъ наскоро, кое-какъ пробитый въ горахъ путь, сравнивалъ его съ желѣзными дорогами въ Швейцаріи, Тиролѣ, Италіи, и становилось понятнымъ, что будетъ и десять, и двадцать обваловъ. И вспомнились колоссальныя цифры стоимости этой первобытно-убогой, какъ будто дикарями проложенной дороги.

Вечеромъ на небольшой станціи опять скопилось много эшелоновъ. Я ходилъ по платформѣ. Въ головѣ стояли разсказы встрѣчныхъ раненыхъ, оживали и одѣвались плотью кровавые ужасы, творящіеся *тамъ*. Было темно, по небу шли высокія тучи, порывами дулъ сильный, сухой вѣтеръ. Огромныя сосны на откосѣ глухо шумѣли подъ вѣтромъ, ихъ стволы поскрипывали. Межъ сосенъ горѣлъ костеръ, и пламя металось въ черной тьмѣ.

Вытянувшись другъ возлѣ друга, стояли поѣзда. Подъ тусклымъ свѣтомъ фонарей на нарахъ двигались и копошились стриженыя головы солдатъ. Въ вагонахъ пѣли; съ разныхъ сторонъ неслись разныя пѣсни, голоса сливались, въ воздухѣ дрожало что-то могучее и широкое.

Вы спите, милые герои,
Друзья, подъ бурею ревущей,
Васъ завтра гласъ разбудитъ мой,
На славу и на смерть зовущій...

Я ходилъ по платформѣ. Протяжные, мужественные звуки «Ермака» слабѣли, ихъ покрыла однообразная, тягуче-унылая арестантская пѣсня изъ другого вагона:

Взгляну, взгляну въ эту миску,
Двѣ капустинки плывутъ,
А за ними почередно
Плыветъ стадо черваковъ...

Изъ оставшагося назади вагона протяжно и грустно донеслось:

За Русь святую погибая...

А тягучая арестантская пѣсенка рубила свое:

Брошу ложку, самъ заплачу,
Стану хлѣба хоть глодать.
Арестантъ вѣдь не собака,
Онъ такой же человѣкъ!

Черезъ два вагона впередъ вдругъ какъ будто кто-то крякнулъ отъ сильнаго удара въ спину, и съ удалымъ вскрикомъ въ тьму рванулись буйно-веселящія «Сѣни». Звуки крутились, свивались съ уханьями и присвистами; въ могучихъ мужскихъ голосахъ, какъ быстрая змѣйка, вился частый, дробный, серебристо-стеклянный звонъ, — кто-то аккомпанировалъ на стаканѣ. Притопывали ноги, и пѣсня бѣшено-веселымъ вихремъ неслась навстрѣчу суровому вѣтру.

Шелъ я назадъ, — и опять, какъ медленныя волны, вздымались протяжные, мрачно-величественные звуки «Ермака». Пришелъ встрѣчный товарный поѣздъ, остановился. Эшелонъ съ пѣвцами двинулся. Гулко отдаваясь въ промежуткѣ между поѣздами, пѣсня звучала могуче и сильно, какъ гимнъ.

Сибирь царю покорена,
И мы не даромъ въ свѣтѣ жили....

Поѣзда остались назади,—и вдругъ словно что-то надломилось въ могучемъ гимнѣ, пѣсня зазвучала тускло и развѣялась въ холодной, вѣтреной тьмѣ.

Утромъ просыпаюсь. — слышу за окномъ вагона дѣтски-радостный голосъ солдата:

— Тепло!

Небо ясно, солнце печетъ. Во всѣ стороны тускнѣетъ просторная степь, подъ теплымъ вѣтеркомъ колышется сухая, порыжѣлая трава. Вдали отлогіе холмы, по степи маячатъ одинокіе всадники-буряты, виднѣются стада овецъ и двугорбыхъ верблюдовъ. Денщикъ смотрителя, башкиръ Мохамедка, жадно смотритъ въ окно съ улыбкою, расплывшеюся по плоскому лицу съ приплюснутымъ носомъ.

— Мохамедъ, чего это ты?

— Верблудъ!—радостно и конфузливо отвѣчаетъ онъ, охваченный родными воспоминаніями.

И тепло, тепло. Не вѣрится, что всѣ эти дни было такъ

тяжело, и холодно, и мрачно. Вездѣ слышны веселые голоса, вездѣ звучатъ пѣсни...

Всѣ обвалы мы миновали, но ѣхали такъ же медленно, съ такими же долгими остановками. По маршруту мы давно должны были быть въ Харбинѣ, но все еще ѣхали по Забайкалью.

Китайская граница была уже недалеко. И въ памяти оживало то, что мы читали въ газетахъ о хунхузахъ, объ ихъ звѣрино-холодной жестокости, о невѣроятныхъ мукахъ, которымъ они подвергаютъ захваченныхъ русскихъ. Вообще, съ самаго моего призыва, наиболѣе страшное, что мнѣ представлялось впереди, были эти хунхузы. При мысли о нихъ по душѣ проходилъ холодный ужасъ.

На одномъ разъѣздѣ нашъ поѣздъ стоялъ очень долго. Невдалекѣ виднѣлось бурятское кочевье. Мы пошли его посмотрѣть. Насъ съ любопытствомъ обступили косоглазые люди съ плоскими, коричневыми лицами. По землѣ ползали голые, бронзовые ребята, женщины въ хитрыхъ прическахъ курили длинные чубуки. У юртъ была привязана къ колышку грязно-бѣлая овца съ небольшимъ курдюкомъ. Главный врачъ сторговалъ эту овцу у бурятъ и велѣлъ имъ сейчасъ же ее зарѣзать.

Овцу отвязали, повалили на спину, на животъ ей сѣлъ молодой бурятъ съ одутловатымъ лицомъ и большимъ ртомъ. Кругомъ стояли другіе буряты, но всѣ мялись и застѣнчиво поглядывали на насъ.

— Чего они ждутъ? Скажи, чтобы поскорѣй рѣзали, а то нашъ поѣздъ уйдетъ!—обратился главный врачъ къ станціонному сторожу, понимавшему по-бурятски.

— Они, ваше благородіе, конфузятся. По-русски, говорятъ, не умѣютъ рѣзать, а по-бурятски конфузятся.

— Не все ли намъ равно! Пусть рѣжутъ, какъ хотятъ, только поскорѣе.

Буряты встрепенулись. Они прижали къ землѣ ноги и голову овцы, молодой бурятъ разрѣзалъ ножомъ живой овцѣ верхнюю часть брюха и запустилъ руку въ разрѣзъ. Овца забилась, ея ясные, глупые глаза заворочались, мимо руки бурята ползли изъ живота вздутыя бѣлыя внутренности. Бурятъ копался рукою подъ ребрами, пузыри внутренностей хлюпали отъ порывистаго дыханія овцы, она задергалась сильнѣе и хрипло заблеяла. Старый бурятъ съ безстрастнымъ лицомъ, сидѣвшій на корточкахъ, покосился на насъ и сжалъ рукою узкую, мягкую морду овцы. Молодой бурятъ сдавилъ сквозь грудобрюшную преграду сердце овцы, овца въ послѣд-

ній разъ дернулась, ея ворочавшіеся свѣтлые глаза остановились. Буряты поспѣшно стали снимать шкуру.

Чуждыя, плоскія лица были глубоко-безстрастны и равнодушны, женщины смотрѣли и сосали чубуки, сплевывая наземь. И у меня мелькнула мысль: вотъ совсѣмъ такъ хунхузы будутъ вспарывать животы и намъ, равнодушно смотрѣть, попыхивая трубочками, даже не замѣчая нашихъ страданій. Я, улыбаясь, сказалъ это товарищамъ. Всѣ нервно повели плечами, у всѣхъ какъ будто тоже мелькнула эта мысль.

Всего ужаснѣе казалось именно это глубокое безразличіе. Въ свирѣпомъ сладострастіи башибузука, упивающемся муками, все-таки есть что-то человѣческое и понятное. Но эти маленькіе, полусонные глаза, равнодушно смотрящіе изъ косыхъ расщелинъ на твои безмѣрныя муки,—смотрящіе и не видящіе... Брр!..

Наконецъ мы прибыли на станцію Маньчжурія. Здѣсь была пересадка. Нашъ госпиталь соединили въ одинъ эшелонъ съ султановскимъ госпиталемъ, и дальше мы поѣхали вмѣстѣ. Въ приказѣ по госпиталю было объявлено, что мы «перешли границу Россійской имперіи и вступили въ предѣлы имперіи Китайской».

Тянулись все тѣ же сухія степи, то ровныя, то холмистыя, поросшія рыжею травою. Но на каждой станціи высилась сѣрая кирпичная башня съ бойницами, рядомъ съ нею длинный сигнальный шестъ, обвитый соломою; на пригоркѣ — сторожевая вышка на высокихъ столбахъ. Эшелоны предупреждались относительно хунхузовъ. Командѣ были розданы боевые патроны, на паровозѣ и на платформахъ дежурили часовые.

Въ Маньчжуріи намъ дали новый маршрутъ, и теперь мы ѣхали точно по этому маршруту; поѣздъ стоялъ на станціяхъ положенное число минутъ и шелъ дальше. Мы уже совсѣмъ отвыкли отъ такой аккуратной ѣзды.

Ѣхали мы теперь вмѣстѣ съ султановскимъ госпиталемъ. Одинъ классный вагонъ занимали мы, врачи, и сестры, другой — хозяйственный персоналъ. Врачи султановскаго госпиталя разсказывали намъ про своего шефа, доктора Султанова. Онъ всѣхъ очаровывалъ своимъ остроуміемъ и любезностью, а временами поражалъ наивно-циничною откровенностью. Сообщилъ онъ своимъ врачамъ, что на военную службу поступилъ совсѣмъ недавно, по предложенію нашего корпуснаго командира; служба была удобная: онъ числился младшимъ врачомъ полка, но то и дѣло получалъ продолжительныя и

очень выгодныя командировки; исполнить порученіе можно было въ недѣлю, командировка же давалась на шесть недѣль; онъ получитъ прогоны, суточныя, и живетъ себѣ на мѣстѣ, не ходя на службу; а потомъ въ недѣлю исполнитъ порученіе. Воротится, нѣсколько дней походитъ на службу, — и новая командировка... А другіе врачи полка, значитъ, все время работали за него!

Султановъ больше сидѣлъ въ своемъ купэ съ племянницей Новицкой, высокой, стройной и молчаливой барышней. Она окружала Султанова восторженнымъ обожаніемъ и уходомъ, весь госпиталь въ ея глазахъ какъ будто существовалъ только для того, чтобы заботиться объ удобствахъ Алексѣя Леонидовича, чтобы ему во-время поспѣло кофе, и чтобъ ему были къ бульону пирожки. Когда Султановъ выходилъ изъ купэ, онъ сейчасъ же завладѣвалъ разговоромъ, говорилъ лѣнивымъ, серьезнымъ голосомъ, насмѣшливые глаза смѣялись, и всѣ вокругъ смѣялись его остротамъ и разсказамъ.

Двѣ другія сестры султановскаго госпиталя сразу стали центрами, вокругъ которыхъ группировались мужчины. Одна изъ нихъ, Зинаида Аркадьевна, была изящная и стройная барышня лѣтъ тридцати, пріятельница султановской племянницы. Красиво-тягучимъ голосомъ она говорила о Баттистини, Собиновѣ, о знакомыхъ графахъ и баронахъ. Было совершенно непонятно, что̀ понесло ее на войну. Про другую сестру, Вѣру Николаевну, говорили, что она невѣста одного изъ офицеровъ нашей дивизіи. Отъ султановской компаніи она держалась въ сторонѣ. Была очень хороша, съ глазами русалки, съ двумя толстыми, близко другъ къ другу заплетенными косами. Видимо, она привыкла къ постояннымъ ухаживаніямъ и привыкла смѣяться надъ ухаживателями; въ ней чувствовался бѣсенокъ. Солдаты ее очень любили, она всѣхъ ихъ знала и въ дорогѣ ухаживала за заболѣвшими. Наши сестры совсѣмъ стушевались передъ блестящими султановскими сестрами и поглядывали на нихъ съ скрытою враждою.

На станціяхъ появились китайцы. Въ синихъ курткахъ и штанахъ, они сидѣли на корточкахъ передъ корзинами и продавали сѣмечки, орѣхи, китайскія печенія и лепешки.

— Э, нада, капытанъ? Сьемячка нада?

— Липьёска, пьятъ копэкъ десьятка! Шибко саладка! — свирѣпо вопилъ бронзовый, голый по поясъ китаецъ, выкатывая разбойничьи глаза.

Передъ офицерскими вагонами плясали маленькіе китайчата, потомъ прикладывали руку къ виску, подражая нашему

отданію «чести», кланялись и ждали подачки. Кучка китайцевъ, оскаливъ сверкающіе зубы, неподвижно и пристально смотрѣла на румяную Вѣру Николаевну.

— Шанго (хорошо)? — съ гордостью спрашивали мы, указывая на сестру.

— Эге! Шибко шанго!.. Карсиво! — поспѣшно отвѣчали китайцы, кивая головами.

Подходила Зинаида Аркадьевна. Своимъ кокетливымъ, красиво-тягучимъ голосомъ она, смѣясь, начинала объяснять китайцу, что хотѣла бы выйти замужъ за ихъ дзянь-дзюня. Китаецъ вслушивался, долго не могъ понять, только вѣжливо кивалъ головою и улыбался. Наконецъ понялъ.

— Дзянь-дзюнь?.. Дзянь-дзюнь?.. Твоя хочу мадама дзянь-дзюнь?! Не-е, это дѣло не брыкается!

На одной станціи я былъ свидѣтелемъ короткой, но очень изящной сцены. Къ вагону съ строевыми солдатами лѣнивою походкою подошелъ офицеръ и крикнулъ:

— Эй, вы, черти! Пошлите ко мнѣ взводнаго.

— Не черти, а люди! — сурово раздался изъ глубины вагона спокойный голосъ.

Стало тихо. Офицеръ остолбенѣлъ.

— Кто это сказалъ?—грозно крикнулъ онъ.

Изъ сумрака вагона выдвинулся молодой солдатъ. Приложивъ руку къ околышу, глядя на офицера небоящимися глазами, онъ отвѣтилъ медленно и спокойно:

— Виноватъ, ваше благородіе! Я думалъ, что это солдатъ ругается, а не ваше благородіе!

Офицеръ слегка покраснѣлъ, для поддержанія престижа выругался и ушелъ, притворяясь, что не сконфуженъ.

Однажды вечеромъ въ нашъ поѣздъ вошелъ подполковникъ пограничной стражи и попросилъ разрѣшенія проѣхать въ нашемъ вагонѣ нѣсколько перегоновъ. Разумѣется, разрѣшили. Въ узкомъ купэ съ поднятыми верхними сидѣніями, за маленькимъ столикомъ, играли въ винтъ. Кругомъ стояли и смотрѣли.

Подполковникъ подсѣлъ и тоже сталъ смотрѣть.

— Скажите, пожалуйста, — въ Харбинъ мы пріѣдемъ вовремя, по маршруту?—спросилъ его д-ръ Шанцеръ.

Подполковникъ удивленно поднялъ брови.

— Во-время?.. Нѣтъ! Дня на три, по крайней мѣрѣ, запоздаете.

— Почему? Со станціи Манчжурія мы ѣдемъ очень аккуратно.

— Ну, вотъ скоро сами увидите! Подъ Харбиномъ и въ Харбинѣ стоятъ тридцать семь эшелоновъ и не могутъ ѣхать дальше. Два пути заняты поѣздами Алексѣева, да еще одинъ— поѣздомъ Флуга. Маневрированіе поѣздовъ совершенно невозможно. Кромѣ того, намѣстнику мѣшаютъ спать свистки и грохотъ поѣздовъ, и ихъ ночью запрещено пропускать мимо. Все и стоитъ... Что тамъ только дѣлается! Лучше ужъ не говорить.

Онъ рѣзко оборвалъ себя и сталъ крутить папиросу.

— Что же дѣлается?

Подполковникъ помолчалъ и глубоко вздохнулъ.

— Видѣлъ на-дняхъ самъ, собственными глазами: въ маленькой, тѣсной зальцѣ, какъ сельди въ бочкѣ, толкутся офицеры, врачи; истомленныя сестры спятъ на своихъ чемоданахъ. А въ большую, великолѣпную залу новаго вокзала никого не пускаютъ, потому что генералъ-квартирмейстеръ Флугъ совершаетъ тамъ свой послѣобѣденный моціонъ! Изволите видѣть, намѣстнику понравился новый вокзалъ, и онъ поселилъ въ немъ свой штабъ, и всѣ пріѣзжіе жмутся въ маленькомъ, грязномъ и вонючемъ старомъ вокзалѣ!

Подполковникъ сталъ разсказывать. Видимо, у него много накипѣло въ душѣ. Онъ разсказывалъ о глубокомъ равнодушіи начальства къ дѣлу, о царящемъ повсюду хаосѣ, о бумагѣ, которая душитъ все живое, все, желающее работать. Въ его словахъ бурлило негодованіе и ненавидящая злоба.

— Есть у меня пріятель, корнетъ Приморскаго драгунскаго полка. Дѣльный, храбрый офицеръ, имѣетъ Георгія за дѣйствительно-лихое дѣло. Больше мѣсяца пробылъ онъ на развѣдкахъ, пріѣзжаетъ въ Ляоянъ, обращается въ интендантство за ячменемъ для лошадей. «Безъ требовательной вѣдомости мы не можемъ выдать!» А требовательная вѣдомость должна быть за подписью командира полка! Онъ говоритъ: «помилуйте, да я ужъ почти два мѣсяца и полка своего не видѣлъ, у меня ни гроша нѣтъ, чтобъ заплатить вамъ!» Такъ и не дали. А черезъ недѣлю очищаютъ Ляоянъ, и этотъ же корнетъ со своими драгунами жжетъ громадные запасы ячменя!.. Или подъ Дашичао: солдаты три дня голодали, отъ интендантства на всѣ запросы былъ одинъ отвѣтъ: «нѣтъ ничего!». А при отступленіи раскрываютъ магазины и каждому солдату даютъ нести по ящику съ консервами, сахаромъ, чаемъ! Озлобленіе у солдатъ страшное, ропотъ непрерывный. Ходятъ голодные, оборванные... Одинъ мой пріятель, ротный командиръ, глядя на свою роту, заплакалъ!.. Японцы прямо кричатъ: «Эй, вы, босяки! Удирайте!..» Что изъ всего этого вый-

детъ, прямо подумать страшно. У Куропаткина одна только надежда,—чтобъ возсталъ Китай.

— Китай? Что же это поможетъ?

— Какъ что? *Идея будетъ!..* Господа, вѣдь идеи у насъ никакой нѣтъ въ этой войнѣ, вотъ въ чемъ главный ужасъ. За что мы деремся, за что льемъ кровь? Ни я не понимаю, ни вы, ни, тѣмъ болѣе, солдатъ. Какъ же при этомъ можно переносить все то, что солдатъ переноситъ?.. А возстанетъ Китай,—тогда все сразу станетъ понятно. Объявите, что армія обращается въ казачество манчжурской области, что каждый получитъ здѣсь надѣлъ, — и солдаты обратятся во львовъ. Идея появится!.. А теперь что? Полная душевная вялость, цѣлые полки бѣгутъ... А мы—мы заранѣе торжественно объявили, что Манчжуріи мы не домогаемся, что дѣлать намъ въ ней нечего!.. Влѣзли въ чужую страну, неизвѣстно для чего, да еще миндальничаемъ. Разъ ужъ начали подлость, то нужно дѣлать ее во-всю, тогда въ подлости будетъ хоть поэзія. Вотъ, какъ англичане: возьмутся за что,—все подъ ними запищитъ!

Въ узкомъ купэ одиноко горѣла свѣчка на карточномъ столикѣ и освѣщала внимательныя лица. Взлохмаченные усы подполковника, съ торчащими кверху кончиками, сердито топорщились и шевелились. Нашъ смотритель опять коробился отъ этихъ громкихъ, небоящихся рѣчей и опасливо косился по сторонамъ.

— Кто побѣждаетъ въ бою?—продолжалъ подполковникъ.— Господа, вѣдь это азбука: побѣждаютъ сплоченные между собою люди, зажженные идеей. Идеи у насъ нѣтъ и не можетъ быть. А правительство съ своей стороны сдѣлало все, чтобъ уничтожить и сплоченность. Какъ у насъ составлены полки? Выхвачено изъ разныхъ полковъ по пяти-шести офицеровъ, по сотнѣ-другой солдатъ, и готово,—получилась «боевая единица». Мы, видите ли, хотѣли передъ Европою яичницу сварить въ цилиндрѣ: вотъ, дескать, всѣ корпуса на мѣстѣ, а здѣсь сама собою выросла цѣлая армія... А какъ у насъ раздаются здѣсь ордена! Все направлено къ тому, чтобъ убить всякое уваженіе къ подвигу, чтобъ вызвать къ русскимъ орденамъ полное презрѣніе. Лежатъ въ госпиталѣ раненые офицеры, они прошли страду нѣлаго ряда боевъ. Среди нихъ ходитъ ординарецъ намѣстника (ихъ у него девяносто восемь человѣкъ!) и раздаетъ бѣлье. А въ петлицѣ у него — Владиміръ съ мечами! Его спрашиваютъ: «вы за что это Владиміра получили, за раздачу бѣлья?..»

Когда подполковникъ ушелъ, всѣ долго молчали.

— Во всякомъ случаѣ, характерно!— замѣтилъ Шапперъ

— И вралъ же онъ, Боже ты мой!—съ лѣнивою усмѣшкою сказалъ Султановъ. — Всего вѣроятнѣе, намѣстникъ обошелъ его самого какимъ-нибудь орденомъ.

— Что много вралъ, это несомнѣнно, — согласился Шанцеръ. — Хотя бы даже ужъ въ этомъ: если въ Харбинѣ задерживаются десятки поѣздовъ, какъ бы мы могли ѣхать такъ аккуратно?

Назавтра проснулись мы, — нашъ поѣздъ стоитъ. Давно стоитъ? Ужъ часа четыре. Стало смѣшно: неужели такъ быстро начинаетъ сбываться предсказаніе пограничника?

Оно сбылось. Опять на каждой станціи, на каждомъ разъѣздѣ пошли безконечныя остановки. Не хватало ни кипятку для людей, ни холодной воды для лошадей, негдѣ было купить хлѣба. Люди голодали, лошади стояли въ душныхъ вагонахъ не поеныя... Когда по маршруту мы должны были быть уже въ Харбинѣ, мы еще не доѣхали до Цицикара.

Говорилъ я съ машинистомъ нашего поѣзда. Онъ объяснилъ наше запозданіе такъ же, какъ пограничникъ. поѣзда намѣстника загораживаютъ въ Харбинѣ пути, намѣстникъ запретилъ свистѣть по ночамъ паровозамъ, потому что свистки мѣшаютъ ему спать. Машинистъ говорилъ о намѣстникѣ Алексѣевѣ тоже со злобою и насмѣшкою.

— Живетъ онъ въ новомъ вокзалѣ, поближе къ своему поѣзду. Поѣздъ его всегда наготовѣ, чтобъ въ случаѣ чего первымъ удрать.

Дни тянулись, мы медленно ползли впередъ. Вечеромъ поѣздъ остановился на разъѣздѣ верстъ за шестьдесятъ отъ Харбина. Но машинистъ утверждалъ, что пріѣдемъ мы въ Харбинъ только послѣзавтра. Было тихо. Неподвижно поконилась ровная степь, почти пустыня. Въ небѣ стоялъ слегка мутный мѣсяцъ, воздухъ сухо серебрился. Надъ Харбиномъ громоздились темныя тучи, поблескивали зарницы.

И тишина, тишина кругомъ... Въ поѣздѣ спятъ. Кажется, и самъ поѣздъ спитъ въ этомъ тускломъ сумракѣ, и все, все спитъ спокойно и равнодушно. И хочется кому-то сказать: какъ можно спать, когда тамъ тебя ждутъ такъ жадно и страстно!

Ночью я нѣсколько разъ просыпался. Изрѣдка слышалось сквозь сонъ напряженное колыханіе вагона, и опять все затихало. Какъ будто поѣздъ судорожно корчился, старался прорваться впередъ, и не могъ.

Назавтра въ полдень мы были еще за сорокъ верстъ отъ Харбина.

Наконецъ пріѣхали въ Харбинъ. Нашъ главный врачъ справился у коменданта, сколько времени мы простоимъ.

— Не больше двухъ часовъ! Вы безъ пересадки ѣдете прямо въ Мукденъ.

А мы собирались кое-что закупить въ Харбинѣ, справиться о письмахъ и телеграммахъ, съѣздить въ баню... Черезъ два часа намъ сказали, что мы поѣдемъ около двѣнадцати часовъ ночи, потомъ,—что не раньше шести часовъ утра. Встрѣтили мы адъютанта изъ штаба нашего корпуса. Онъ сообщилъ, что всѣ пути сильно загромождены эшелонами, и мы выѣдемъ не раньше, какъ послѣзавтра.

И почти вездѣ въ дорогѣ коменданты поступали точно такъ же, какъ въ Харбинѣ. Рѣшительнѣйшимъ и точнѣйшимъ образомъ они опредѣляли самый короткій срокъ до отхода поѣзда, а мы послѣ этого срока стояли на мѣстѣ десятками часовъ и сутками. Какъ будто, за невозможностью проявить хоть какой-нибудь порядокъ на дѣлѣ, имъ нравилось ослѣплять проѣзжихъ строгою, не сомнѣвающеюся въ себѣ сказкою о томъ, что все идетъ, какъ нужно.

Просторный новый вокзалъ блѣдно-зеленаго цвѣта, въ стилѣ модернъ, былъ, дѣйствительно, занятъ намѣстникомъ и его штабомъ. Въ маленькомъ, грязномъ старомъ вокзалѣ стояла толчея. Трудно было пробраться сквозь густую толпу офицеровъ, врачей, инженеровъ, подрядчиковъ. Цѣны на все были бѣшеныя, столъ отвратительный. Мы хотѣли отдать выстирать бѣлье, сходить въ баню, — обратиться за справками было не къ кому. При любомъ научномъ съѣздѣ, гдѣ собирается всего одна-двѣ тысячи людей, обязательно устраивается справочное бюро, дающее пріѣзжему какія угодно указанія и справки. Здѣсь же, въ тыловомъ центрѣ полумилліонной арміи, пріѣзжимъ предоставлялось наводить справки у станціонныхъ сторожей, жандармовъ и извозчиковъ.

Поражало отсутствіе элементарной заботливости власти объ этой массѣ людей, заброшенныхъ сюда этою же властью. Если не ошибаюсь, даже «офицерскіе этапы», лишенные самыхъ простыхъ удобствъ, всегда переполненные, были учреждены уже много позднѣе. Въ гостиницахъ за жалкій чуланъ платили въ сутки по 4—5 рублей, и далеко не всегда можно было раздобыть номеръ; по рублю, по два платили за право переночевать въ коридорѣ. Въ Телинѣ находилось главное полевое военно-медицинское управленіе. Пріѣзжало много врачей, вызванныхъ изъ запаса «въ распоряженіе полевого военно-медицинскаго инспектора». Врачи являлись, подавали рапортъ о прибытіи, — и дѣвайся, куда знаешь. Приходилось

ночевать на полу въ госпиталяхъ, между койками больныхъ.

Въ Харбинѣ мнѣ пришлось бесѣдовать со многими офицерами разнаго рода оружія. О Куропаткинѣ отзывались хорошо. Онъ импонировалъ. Говорили только, что онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, что у него нѣтъ свободы дѣйствій. Было непонятно, какъ сколько-нибудь самостоятельный и сильный человѣкъ можетъ позволить связать себя и продолжать руководить дѣломъ. О намѣстникѣ всѣ отзывались съ удивительно единодушнымъ негодованіемъ. Ни отъ кого я не слышалъ добраго слова о немъ. Среди неслыхано-тяжкой страды русской арміи онъ заботился лишь объ одномъ, — о собственныхъ удобствахъ. Къ Куропаткину, по общимъ отзывамъ, онъ питалъ сильнѣйшую вражду, во всемъ ставилъ ему препятствія, во всемъ дѣйствовалъ наперекоръ. Эта вражда сказывалась даже въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ. Куропаткинъ ввелъ для лѣта рубашки и кители цвѣта хаки, — намѣстникъ преслѣдовалъ ихъ и требовалъ, чтобъ въ Харбинѣ офицеры ходили въ бѣлыхъ кителяхъ.

Особенно же всѣ возмущались Штакельбергомъ. Разсказывали о его знаменитой коровѣ и спаржѣ, о томъ, какъ въ бою подъ Вафангоу массу раненыхъ пришлось бросить на полѣ сраженія, потому что Штакельбергъ загородилъ своимъ поѣздомъ дорогу санитарнымъ поѣздамъ; двѣ роты солдатъ заняты были въ бою тѣмъ, что непрерывно поливали брезентъ, натянутый надъ генеральскимъ поѣздомъ, — въ поѣздѣ находилась супруга барона Штакельберга, и ей было жарко.

— Въ концѣ концовъ, какіе же у насъ тутъ есть талантливые вожди?—спрашивалъ я офицеровъ.

— Какіе... Вотъ, Мищенко развѣ... Да нѣтъ, что онъ! Кавалеристъ по недоразумѣнію... А вотъ, вотъ: Стессель! Говорятъ, львомъ держится въ Артурѣ.

Шли слухи, что готовится новый бой. Въ Харбинѣ стоялъ тяжелый, чадный разгулъ; шампанское лилось рѣками, кокотки дѣлали великолѣпныя дѣла. Процентъ выбывавшихъ въ бою офицеровъ былъ такъ великъ, что каждый ждалъ почти вѣрной смерти. И въ дико-ширшественномъ размахѣ они прощались съ жизнью.

Черезъ двое сутокъ мы двинулись дальше на югъ.

Кругомъ тянулись тщательно обработанныя поля съ каоляномъ и чумизою. Шла жатва. Вездѣ виднѣлись синія фигуры работающихъ китайцевъ. У деревень на перекресткахъ дорогъ сѣрѣли кумирни-часовенки, издали похожія на ульи.

Была вѣроятность, что насъ прямо изъ вагоновъ двинутъ въ бой. Офицеры и солдаты становились серьезнѣе. Всѣ какъ будто подтянулись, проводить дисциплину стало легче. То грозное и зловѣщее, что издали охватывало душу трепетомъ ужаса, теперь сдѣлалось близкимъ, поэтому менѣе ужаснымъ, несущимъ строгое, торжественное настроеніе.

III.

ВЪ МУКДЕНѢ.

Пріѣхали. Конецъ пути!.. Поѣздъ нашъ поставили на запасный путь, станціонное начальство стало торопить съ разгрузкой.

Застоявшіяся, исхудалыя лошади выходили изъ вагоновъ, боязливо ступая на шаткія сходни. Команда копошилась на платформахъ, скатывая на рукахъ фуры и двуколки. Разгружались часа три. Мы тѣмъ временемъ пообѣдали на станціи, въ тѣсной, людной и грязной буфетной залѣ. Невиданно-густыя тучи мухъ шумѣли въ воздухѣ, мухи сыпались въ щи, попадали въ ротъ. На нихъ съ веселымъ щебетаньемъ охотились ласточки, носившіяся вдоль стѣнъ залы.

За оградою перрона наши солдаты складывали на землю мѣшки съ овсомъ; главный врачъ стоялъ около и считалъ мѣшки. Къ нему быстро подошелъ офицеръ, ординарецъ штаба нашей дивизіи.

— Здравствуйте, докторъ!.. Пріѣхали?

— Пріѣхали. Гдѣ намъ прикажете стать?

— А вотъ я васъ повезу. Для этого и выѣхалъ.

Часамъ къ пяти все было выгружено, налажено, лошади впряжены въ повозки, и мы двинулись въ путь. Объѣхали вокзалъ и повернули вправо. Повсюду проходили пѣхотныя колонны, тяжело громыхала артиллерія. Вдали синѣлъ городъ, кругомъ на бивакахъ курились дымки.

Мы проѣхали версты три.

Навстрѣчу, въ сопровожденіи вѣстового, скакалъ смотритель султановскаго госпиталя.

— Господа, назадъ!

— Какъ назадъ? Что за пустяки! Намъ ординарецъ изъ штаба сказалъ,—сюда.

Подъѣхали нашъ смотритель и ординарецъ.

— Въ чемъ дѣло?.. Сюда, сюда, господа, — успокоительно произнесъ ординарецъ.

— Мнѣ въ штабѣ старшій адъютантъ сказалъ,—назадъ, къ вокзалу,—возразилъ смотритель султановскаго госпиталя.

— Что за чортъ! Не можетъ быть!

Ординарецъ съ нашимъ смотрителемъ поскакали впередъ, въ штабъ. Наши обозы остановились. Солдаты, не ѣвшіе со вчерашняго вечера, угрюмо сидѣли на краю дороги и курили. Дулъ сильный, холодный вѣтеръ.

Смотритель воротился одинъ.

— Да, говоритъ: назадъ, въ Мукденъ, — сообщилъ онъ. — Тамъ полевой медицинскій инспекторъ укажетъ, гдѣ стать.

— Можетъ-быть, опять придется возвращаться. Подождемъ тутъ,—рѣшилъ главный врачъ.—А вы съѣздите къ медицинскому инспектору, спросите,—обратился онъ къ помощнику смотрителя.

Тотъ помчался въ городъ.

— Начинается безтолочь... Что? Я вамъ не говорилъ? — зловѣще произнесъ товарищъ Селюковъ, и онъ какъ будто даже былъ радъ, что его предсказаніе сбывается.

Длинный, тощій и близорукій, онъ сидѣлъ на вислоухомъ конѣ, сгорбившись и держа въ воздухѣ повода обѣими руками. Смирная животина завидѣла на повозкѣ охапку сѣна и потянулась къ ней. Селюковъ испуганно и неумѣло натянулъ поводья.

— Тпру-у-у!! — угрожающе протянулъ онъ, тараща чрезъ очки близорукіе глаза. Но лошадь все-таки подошла къ повозкѣ, отдернула поводья и стала ѣсть.

Шанцеръ, вѣчно веселый и оживленный, разсмѣялся.

— Смотрю я на васъ, Алексѣй Ивановичъ... Что вы будете дѣлать, когда намъ придется удирать отъ японцевъ? — спросилъ онъ Селюкова.

— Чортъ ее, не слушается почему-то лошадь, — въ недоумѣніи сказалъ Селюковъ. Потомъ его губы, обнажая десны, изогнулись въ сконфуженную улыбку.—Что буду дѣлать! Какъ увижу, что близко японцы, — слѣзу съ лошади и побѣгу, больше ничего.

Солнце садилось, мы все стояли. Вдали, на желѣзнодорожной вѣткѣ, темнѣлъ роскошный поѣздъ Куропаткина, по платформѣ у вагоновъ расхаживали часовые. Наши солдаты, злые и иззябшіе, сидѣли у дороги и, у кого былъ, жевали хлѣбъ.

Наконецъ помощникъ смотрителя пріѣхалъ.

— Медицинскій инспекторъ говоритъ, что ничего не знаетъ.

— А, черти бы ихъ всѣхъ взяли!—сердито выругался главный врачъ.—Пойдемъ назадъ къ вокзалу и станемъ тамъ бивакомъ. Что намъ, всю ночь здѣсь въ полѣ мерзнуть?

Обозы двинулись назадъ. Навстрѣчу намъ въ широкой коляскѣ ѣхалъ съ адъютантомъ начальникъ нашей дивизіи. Прищуривъ старческіе глаза, генералъ сквозь очки оглядѣлъ команду.

— Здорово, дѣтки!—весело крикнулъ онъ.

— Здра... жла... ваш... сди... ство!!—гаркнула команда.

Коляска, мягко качаясь на рессорахъ, покатила дальше. Селюковъ вздохнулъ.

— «Дѣтки»... Лучше бы позаботился, чтобы дѣткамъ не мотаться безъ толку цѣлый день.

Вдоль прямой дороги, шедшей отъ вокзала къ городу, тянулись сѣрыя каменныя зданія казеннаго вида. Передъ ними, по эту сторону дороги, было большое поле. На утоптанныхъ бороздахъ валялись сухіе стебли каоляна, подъ развѣсистыми ветлами чернѣла вокругъ колодца мокрая, развороченная копытами земля. Нашъ обозъ остановился близъ колодца. Отпрягали лошадей, солдаты разводили костры и кипятили въ котелкахъ воду. Главный врачъ поѣхалъ разузнавать самъ, куда намъ двигаться или что дѣлать.

Темнѣло, было холодно и непріютно. Солдаты разбивали палатки. Селюковъ, иззябшій, съ краснымъ носомъ и щеками, неподвижно стоялъ, засунувъ руки въ рукава шинели.

— Эхъ, хорошо бы теперь въ Москвѣ быть,—вздохнулъ онъ.—Напиться бы чайку, поѣхать на «Евгенія Онѣгина».

Главный врачъ воротился.

— Завтра мы развертываемся,—объявилъ онъ.—Вотъ за дорогою два каменныхъ барака. Сейчасъ тамъ стоятъ госпитали ** дивизіи, завтра они снимаются, а мы становимся на ихъ мѣсто.

И онъ пошелъ къ обозу.

— Что намъ здѣсь дѣлать? Пойдемте, господа, туда, познакомимся съ врачами,—предложилъ Шанцеръ.

Мы пошли къ баракамъ. Въ небольшомъ каменномъ флигелькѣ сидѣло за чаемъ человѣкъ восемь врачей. Познакомились. Сообщили имъ, между прочимъ, что завтра смѣняемъ ихъ.

У нихъ вытянулись лица.

— Вотъ такъ-такъ!.. А мы только-что начали устраиваться, думали, останемся надолго.

— А вы давно здѣсь?

— Какое давно! Всего четыре дня назадъ приняли бараки.

Высокій и плотный врачъ, въ кожаной курткѣ съ погонами, разочарованно свистнулъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте, а мы-то теперь какъ же? — спросилъ онъ.—Вы понимаете, при насъ это будетъ ужъ пятая смѣна за мѣсяцъ!

— Вы, товарищъ, развѣ не этого госпиталя?

Онъ поднялъ ладонь и пожалъ плечами.

— Какое тамъ! Это бы счастье было! Мы,—я и вотъ трое товарищей, мы занимаемъ идеальнѣйше-собачью должность. «Командированные въ распоряженіе полевого военно-медицинскаго инспектора». Вотъ нами и распоряжаются. Работалъ я въ сводномъ госпиталѣ, въ Харбинѣ, завѣдывалъ палатою въ девяносто коекъ. Вдругъ, съ мѣсяцъ назадъ, получаю отъ полевого медицинскаго инспектора Горбацевича предписаніе,— немедленно ѣхать въ Янтай. Говоритъ мнѣ: «Возьмите съ собою всего одну смѣну бѣлья, вы ѣдете только на четыре, на пять дней». Поѣхалъ, пріѣзжаю въ Мукденъ, — оказывается, Янтай ужъ отданъ японцамъ. Оставили меня здѣсь, въ Мукденѣ, при этомъ зданіи, тоже вотъ и трехъ товарищей, — и дѣлаемъ мы ввосьмеромъ работу, для которой довольно трехъ-четырехъ врачей. Госпитали каждую недѣлю смѣняются, а мы остаемся; такъ что, можно сказать, прикомандированы къ этому *зданію*,—засмѣялся онъ.

— Но что же вы, заявляли о вашемъ положеніи?

— Конечно, заявляли. И инспектору госпиталей, и Горбацевичу. «Вы здѣсь нужны, подождите!» А у меня одна смѣна бѣлья; вотъ кожаная куртка, и даже шинели нѣтъ: мѣсяцъ назадъ какія жары стояли! А теперь по ночамъ морозъ! Просился у Горбацевича хоть съѣздить въ Харбинъ за своими вещами, напоминалъ ему, что изъ-за него же сижу здѣсь раздѣтый. «Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Вы здѣсь нужны!». Заставилъ бы я его самого поцеголять въ одной курткѣ!

Ночь мы промерзли въ палаткахъ. Дулъ сильный вѣтеръ, изъ-подъ полотнищъ несло холодомъ и пылью. Утромъ напились чаю и пошли къ баракамъ.

Возлѣ бараковъ ужъ расхаживали, въ сопровожденіи главныхъ врачей, два генерала: одинъ, военный, былъ начальникъ санитарной части Ѳ. Ѳ. Треповъ, другой генералъ, врачъ,— полевой военно-медицинскій инспекторъ Горбацевичъ.

— Чтобъ сегодня же оба госпиталя были сданы, слышите?— властно и настойчиво сказалъ военный генералъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Я вошелъ въ баракъ. Въ немъ все стояло вверхъ дномъ. Госпитальные солдаты увязывали вещи въ тюки и выносили ихъ къ повозкамъ, отъ бивака подъѣзжалъ нашъ обозъ.

— А вы теперь куда? — спросилъ я врачей, которыхъ мы смѣняли.

— Гдѣ-то за городомъ, въ трехъ верстахъ, приказано стать въ фанзахъ.

Огромный каменный баракъ съ большими окнами былъ густо уставленъ деревянными койками, и на всѣхъ лежали больные солдаты. И вотъ при такомъ-то положеніи дѣла происходила смѣна. И какая смѣна! Смѣна *всего*, кромѣ стѣнъ, коекъ и... больныхъ! Съ больныхъ снимали бѣлье, изъ-подъ нихъ вытаскивали матрацы; сняли со стѣнъ рукомойники, забрали полотенца, всю посуду, ложки. Мы одновременно доставали свои мѣшки для матрацевъ, но набить ихъ было нечѣмъ. Послали помощника смотрителя купить чумизной соломы, а больные остались пока лежать на голыхъ доскахъ. Обѣдъ для больныхъ варился,—этотъ обѣдъ мы *купили* у уходящаго госпиталя.

Вошелъ одинъ изъ врачей, «прикомандированныхъ къ зданію», и озабоченно сказалъ:

— Господа, вы торопите съ обѣдомъ, къ часу эвакуируемые больные должны быть на вокзалѣ.

— Скажите, въ чемъ тутъ вообще будетъ заключаться наше дѣло?

— Видите, съ позицій и изъ окрестныхъ частей сюда направляютъ больныхъ и раненыхъ, вы ихъ осматриваете. Очень легкихъ, которые выздоровѣютъ въ одинъ-два дня, оставляете, а остальныхъ эвакуируете на санитарные поѣзда вотъ съ такими билетиками. Тутъ имя, званіе больного, діагнозъ... Да, господа, самое важное!—спохватился онъ, и его глаза юмористически засмѣялись. — Предупреждаю васъ, начальство терпѣть не можетъ, когда врачи ставятъ діагнозы «легкомысленно». По своему легкомыслію вы, навѣрное, большинству больныхъ будете ставить діагнозы: «дизентерія» и «брюшной тифъ». Имѣйте въ виду, что «санитарное состояніе арміи великолѣпно», что дизентеріи у насъ совсѣмъ нѣтъ, а есть «энтероколитъ»; брюшной тифъ возможенъ, какъ исключеніе, а вообще все—«инфлуэнца».

— Хорошая это болѣзнь — инфлуэнца, — весело засмѣялся Шапперъ. — Памятникъ бы нужно поставить тому, кто ее изобрѣлъ!

— Спасительная болѣзнь... Вначалѣ совѣстно было передъ врачами санитарныхъ поѣздовъ; ну, потомъ мы имъ объяснили,

чтобы они въ серьезъ нашихъ діагнозовъ не принимали, что брюшной тифъ мы распознать умѣемъ, а только...

Пришли другіе прикомандированные врачи. Было половина перваго.

— Что же вы, господа, не собираете больныхъ для эвакуаціи? Къ часу они обязательно должны быть на вокзалѣ.

— Запоздали съ обѣдомъ. Когда поѣздъ уходитъ?

— Уходитъ-то онъ въ шесть вечера, а только Треповъ сердится, если опоздаютъ хоть на четверть часа... Скорѣй, скорѣй, ребята, кончай обѣдъ! Кто пѣшкомъ на вокзалъ назначенъ, собирайся къ выходу!

Больные жадно доѣдали обѣдъ, а врачъ усиленно торопилъ ихъ. Наши солдаты выносили на носилкахъ слабыхъ больныхъ.

Наконецъ эвакуируемая партія была отправлена. Привезли солому, начали набивать матрацы. Въ двери постоянно ходили, окна плохо закрывались; по огромной палатѣ носился холодный сквознякъ. На койкахъ безъ матрацевъ лежали худые, изможденные солдаты и кутались въ шинели.

Изъ угла съ злобною, сосредоточенною ненавистью на меня смотрѣли изъ-подъ шинели черные, блестящіе глаза. Я подошелъ. На койкѣ у стѣны лежалъ солдатъ съ черною бородою и глубоко ввалившимися щеками.

— Тебѣ нужно что-нибудь?—спросилъ я.

— Часъ цѣлый прошу воды попить! — ожесточенно отвѣтилъ онъ.

Я сказалъ проходившей сестрѣ милосердія. Она развела руками.

— Онъ ужъ давно проситъ. Я и главному врачу говорила, и смотрителю. Сырой воды нельзя давать,—кругомъ дизентерія, а кипяченой нѣту. Въ кухнѣ были вмазаны котлы, но они принадлежали тому госпиталю, онъ ихъ вынулъ и увезъ. А мы еще не купили.

Въ пріемную прибывали все новыя партіи больныхъ. Солдаты были изможденные, оборванные, во вшахъ; нѣкоторые заявляли, что не ѣли нѣсколько дней. Шла непрерывная толчея, некогда и негдѣ было присѣсть.

Пообѣдалъ я на вокзалѣ. Воротился, прохожу черезъ пріемную мимо перевязочной. Тамъ лежитъ на носилкахъ охающій солдатъ-артиллеристъ. Одна нога въ сапогѣ, другая—въ шерстяномъ чулкѣ, напитанномъ черною кровью; разрѣзанный сапогъ лежитъ рядомъ.

— Ваше благородіе, явите милость, перевяжите!.. Полчаса здѣсь лежу.

— А что съ тобой?

— Ногу переѣхало зарядным ящикомъ, какъ разъ на камнѣ.

Вошелъ нашъ старшій ординаторъ Гречихинъ съ сестрою милосердія, которая несла перевязочные матеріалы. Онъ былъ невысокій и полный, съ медленною, добродушною улыбкою, и военная тужурка странно сидѣла на его сутулой фигурѣ земскаго врача.

— Вотъ, придется пока хоть такъ перевязать,—вполголоса обратился онъ ко мнѣ, безпомощно пожавъ плечами.—Обмыть нечѣмъ: аптекарь не можетъ приготовить раствора сулемы,—воды нѣтъ кипяченой... Чортъ знаетъ, что̀ такое!..

Я вышелъ. Навстрѣчу мнѣ шли два прикомандированныхъ врача.

— Сегодня вы дежурите?—спросилъ меня одинъ.

— Я.

Онъ, поднявъ брови, съ улыбкою оглядѣлъ меня и покачалъ головою.

— Ну, смотрите! Налетите на Трепова, можетъ выйти непріятность. Какъ же это вы безъ шашки?

Что̀ такое? Безъ шашки? Ребяческимъ шутовствомъ пахнуло отъ вопроса о какой-то шашкѣ среди этой всеобщей безтолочи и неурядицы.

— А какъ же! Вы находитесь при исполненіи обязанностей, должны быть при шашкѣ.

— Ну, нѣтъ, онъ теперь этого ужъ не требуетъ, — примирительно замѣтилъ другой. — Понялъ, что врачу шашка мѣшаетъ при перевязкахъ.

— Не знаю... Меня онъ пригрозилъ посадить подъ арестъ за то, что я былъ безъ шашки.

А кругомъ шло все то же. Приходили сестры, заявляли, что нѣтъ мыла, нѣтъ подкладныхъ суденъ для слабыхъ больныхъ.

— Такъ скажите же смотрителю.

— Говорили нѣсколько разъ. Но вѣдь вы знаете, какой онъ. «Спросите у аптекаря, а если у него нѣтъ, — у капитенармуса». Аптекарь говоритъ,—у него нѣтъ, капитенармусъ—тоже.

Отыскалъ я смотрителя. Онъ стоялъ у входа въ баракъ съ главнымъ врачомъ. Главный врачъ только-что воротился откуда-то и съ оживленнымъ, довольнымъ лицомъ говорилъ смотрителю:

— Сейчасъ узналъ,—справочная цѣна здѣсь на овесъ—1 р. 85 к.!

Увидѣвъ меня, главный врачъ замолчалъ. Но мы всѣ давно

уже знали его исторію съ овсомъ. По дорогѣ, въ Сибири, онъ купилъ около тысячи пудовъ овса по сорокъ пять копеекъ, привезъ ихъ въ своемъ эшелонѣ сюда и теперь собирался помѣтить этотъ овесъ купленнымъ для госпиталя здѣсь, въ Мукденѣ. Такимъ образомъ онъ сразу наживалъ больше тысячи рублей.

Я сказалъ смотрителю о мылѣ и объ остальномъ.

— Я не знаю, спросите у аптекаря,—отвѣтилъ онъ равнодушно и даже какъ будто удивляясь.

— У аптекаря нѣтъ, это должно быть у васъ.

— Нѣтъ, у меня нѣту.

— Слушайте, Аркадій Николаевичъ, я не разъ убѣждался,— аптекарь прекрасно знаетъ все, что у него есть, а вы о своемъ ничего не знаете.

Смотритель вспыхнулъ и заволновался.

— Можетъ-быть!.. Но, господа, я не могу! Откровенно сознаюсь,—не могу и не знаю!

— Какъ же это узнать?

— Нужно пересмотрѣть всѣ укладочныя книжки, найти, въ какой повозкѣ что лежитъ... Идите, посмотрите, если угодно!

Я взглянулъ на главнаго врача. Онъ притворялся, что не слышитъ нашего разговора.

— Григорій Яковлевичъ! Скажите, пожалуйста, чье это дѣло?—обратился я къ нему.

Главный врачъ забѣгалъ глазами.

— Въ чемъ дѣло?.. Конечно, у врача своей работы много. Вы, Аркадій Николаевичъ, пойдите тамъ, распорядитесь.

Вечерѣло. Сестры, въ бѣлыхъ фартукахъ съ красными крестами, раздавали больнымъ чай. Онѣ заботливо подкладывали имъ хлѣба, мягко и любовно поили слабыхъ. И казалось, эти славныя дѣвушки—совсѣмъ не тѣ скучныя, неинтересныя сестры, какими онѣ были въ дорогѣ.

— В. В—чъ, вы одного сейчасъ черкеса приняли?—спросила меня сестра.

— Одного.

— А съ нимъ легъ его товарищъ и не уходитъ.

На койкѣ лежали рядомъ два дагестанца. Одинъ изъ нихъ, втянувъ голову въ плечи, черными, горящими глазами смотрѣлъ на меня.

— Ты боленъ?—спросилъ я его.

— Нэ болэнъ!—вызывающе отвѣтилъ онъ, сверкнувъ бѣлками.

— Тогда тебѣ нельзя тутъ лежать, уходи.

— Нэ пайду!

Я пожалъ плечами.

— Чего это онъ? Ну, пускай пока полежитъ... Ложись на эту койку, пока она не занята, а тутъ ты мѣшаешь своему товарищу.

Сестра подала ему кружку съ чаемъ и большой ломоть бѣлаго хлѣба. Дагестанецъ совершенно растерялся и неувѣренно протянулъ руку. Онъ жадно выпилъ чай, до послѣдней крошки съѣлъ хлѣбъ. Потомъ вдругъ всталъ и низко поклонился сестрѣ.

— Спасыбо тэбэ, сестрыца! Два дня нычево нэ ѣлъ!

Накинулъ на плечи свой алый башлыкъ и ушелъ.

Кончился день. Въ огромномъ темномъ баракѣ тускло свѣтилось нѣсколько фонарей, отъ плохо запиравшихся огромныхъ оконъ тянуло холоднымъ сквознякомъ. Больные солдаты спали, закутавшись въ шинели. Въ углу барака, гдѣ лежали больные офицеры, горѣли у изголовій свѣчки; одни офицеры лежа читали, другіе разговаривали и играли въ карты.

Въ боковой комнатѣ наши пили чай. Я сказалъ главному врачу, что необходимо исправить въ баракѣ незакрывающіяся окна. Онъ засмѣялся.

— А вы думаете, это такъ легко сдѣлать? Эхъ, не военный вы человѣкъ! У насъ нѣтъ суммъ на ремонтъ помѣщеній, намъ полагаются шатры. Можно было бы взять изъ экономическихъ суммъ, но ихъ у насъ нѣтъ, госпиталь только-что сформированъ. Надо подавать рапортъ по начальству о разрѣшеніи ассигновки...

И онъ сталъ разсказывать о волокитѣ, съ какою связано всякое требованіе денегъ, о постоянно висящей грозѣ «начетовъ»; сообщалъ прямо невѣроятные по своей нелѣпости случаи, но здѣсь всему приходилось вѣрить...

Въ одиннадцатомъ часу ночи въ баракъ зашелъ командиръ нашего корпуса. Весь вечеръ онъ просидѣлъ въ султановскомъ госпиталѣ, который развернулся въ сосѣднемъ баракѣ. Видимо, корпусный счелъ нужнымъ для приличія заглянуть кстати и въ нашъ баракъ.

Генералъ прошелся по бараку, останавливался передъ неспящими больными и равнодушно спрашивалъ: «чѣмъ боленъ?» Главный врачъ и смотритель почтительно слѣдовали за нимъ. Уходя, генералъ сказалъ:

— Очень холодно въ баракѣ и сквознякъ,

— Ни двери, ни окна плотно не закрываются, ваше высокопревосходительство!—отвѣтилъ главный врачъ.

— Велите исправить.

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство!

Когда генералъ ушелъ, главный врачъ разсмѣялся.

— А если начетъ сдѣлаютъ, онъ, что ли, будетъ за меня платить?

Слѣдующіе дни была все та же неурядица. Дизентерики ходили подъ себя, пачкали матрацы, а приспособленій для стирки не было. Шаговъ за пятьдесятъ отъ барака стояло четыре отхожихъ мѣста, они обслуживали всѣ окрестныя зданія, въ томъ числѣ и наше (до Ляоянскаго боя оно служило, кажется, казармою для пограничниковъ). Внутри отхожихъ мѣстъ была грязь, стульчаки сплошь были загажены кровавою слизью дизентериковъ, а сюда ходили и больные, и здоровые. Никто этихъ отхожихъ мѣстъ не чистилъ; они обслуживали всѣ окружающія зданія, и завѣдующіе никакъ не могли столковаться, кто ихъ обязанъ чистить.

Прибывали новые больные, прежнихъ мы эвакуировали на санитарные поѣзда. Много являлось офицеровъ; жалобы большинства были странны и неопредѣленны, объективныхъ симптомовъ установить не удавалось. Въ баракѣ они держались весело, и никто бы не подумалъ что это больные. И всѣ настойчиво просили эвакуировать ихъ въ Харбинъ. Ходили слухи, что на-дняхъ предстоитъ новый бой, и становилось понятнымъ, чѣмъ именно больны эти воины. И еще болѣе это становилось понятнымъ, когда они много и скромно начинали разсказывать намъ и другъ другу о своихъ подвигахъ въ минувшихъ бояхъ.

А рядомъ—совсѣмъ противоположное. Пришелъ одинъ сотникъ уссуріецъ, молодой, загорѣлый красавецъ съ черными усиками. У него была сильная дизентерія, нужно было его эвакуировать.

— Ни за что!.. Нѣтъ, докторъ, вы ужъ, пожалуйста, какъ-нибудь подправьте меня здѣсь.

— Здѣсь неудобно,—ни діэты нельзя провести подходящей, и помѣщеніе неважное.

— Ну, ужъ я какъ-нибудь. А то скоро бой, товарищи идутъ въ дѣло, а я вдругъ уѣду... Нѣтъ, лучше я ужъ здѣсь.

Былъ вечеръ. Въ баракъ быстро вошелъ сухощавый генералъ съ рыжею бородкою. Дежурилъ докторъ Селюковъ. Пуча близорукіе глаза въ очкахъ, онъ медленно расхаживалъ своими журавлиными ногами.

— Сколько у васъ больныхъ?—сухо и рѣзко спросилъ его генералъ.

— Сейчасъ около девяноста.

Генералъ молча оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Скажите, вы не знаете, что, разъ я здѣсь безъ фуражки, то вы не смѣете быть въ ней?

— Не зналъ... Я изъ запаса.

— Ахъ, вы изъ запаса! Вотъ я засажу васъ на недѣлю подъ арестъ, тогда не будете изъ запаса! Вы знаете, кто я?

— Нѣтъ.

— Я инспекторъ госпиталей. Гдѣ вашъ главный врачъ?

— Онъ уѣхалъ въ городъ.

— Ну, такъ старшій ординаторъ, что ли... Кто тутъ его замѣняетъ?

Сестры побѣжали за Гречихинымъ и шепнули ему, чтобъ онъ снялъ фуражку. Къ генералу подлетѣлъ одинъ изъ прикомандированныхъ и, вытянувшись въ струнку, отрапортовалъ:

— Ваше превосходительство! Въ *** полевомъ подвижномъ госпиталѣ состоитъ 98 больныхъ, изъ нихъ 14 офицеровъ, 84 нижнихъ чина!..

Генералъ удовлетворенно кивнулъ головою и обратился къ подходившему Гречихину:

— Что у васъ тутъ за безобразіе! Больные лежатъ въ шапкахъ, сами врачи въ шапкахъ разгуливаютъ... Не видите, что тутъ иконы?

Гречихинъ оглядѣлся и кротко возразилъ:

— Иконъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—возмутился генералъ.—Почему нѣтъ? Что это за безпорядокъ!.. И вы тоже, подполковникъ!—обратился онъ къ одному изъ больныхъ офицеровъ.—Вы должны бы показывать примѣръ солдатамъ, а сами тоже лежите въ фуражкѣ!.. Почему ружья и мѣшки солдатъ при нихъ?—снова накинулся онъ на Гречихина.

— Нѣтъ цейхгауза.

— Это безпорядокъ!.. Вещи вездѣ навалены, винтовки,—не госпиталь, а толкучка какая-то!

Генералъ шелъ дальше, сопровождаемый врачами, и гнѣвныя, безтолково-распекающія рѣчи сыпались непрерывно.

При выходѣ онъ встрѣтился съ входившимъ къ намъ корпуснымъ командиромъ.

— Завтра я беру у васъ оба мои госпиталя,—сообщилъ корпусный, здороваясь съ нимъ.

— Какъ же, ваше высокопревосходительство, мы здѣсь останемся безъ нихъ?—совсѣмъ новымъ, скромнымъ и мягкимъ голосомъ возразилъ инспекторъ: онъ былъ только генералъ-майоръ, а корпусный—полный генералъ.

— Я ужъ не знаю. Но полевые госпитали должны быть съ нами, а мы завтра уходимъ на позиціи.

Послѣ долгихъ переговоровъ корпусный согласился дать инспектору подвижные госпитали другой своей дивизіи, которые должны были пріѣхать въ Мукденъ завтра.

Генералы ушли. Мы стояли, возмущенные: какъ все было бестолково и нелѣпо, какъ все направлялось не туда, куда нужно! Въ важномъ, серьезномъ дѣлѣ помощи больнымъ, какъ будто намѣренно отбрасывалась суть дѣла, и все вниманіе обращалось на выдержанность и стильность бутафорской обстановки... Прикомандированные, глядя на насъ, посмѣивались.

— Странные вы люди! Вѣдь на то и начальство, чтобъ кричать. Что же ему безъ этого дѣлать, въ чемъ другомъ проявлять свою дѣятельность?

— Въ чемъ? Чтобъ больные не мерзли подъ сквознякомъ, чтобы не было того, что позавчера творилось здѣсь цѣлый день.

— Вы слышали? Завтра будетъ то же самое! — вздохнулъ прикомандированный.

Пришли два врача изъ султановскаго госпиталя. Одинъ былъ скорфуженъ и золъ, другой посмѣивался. Оказывается, и тамъ инспекторъ распекъ всѣхъ, и тамъ пригрозилъ дежурному врачу арестомъ. Дежурный сталъ ему рапортовать: «Имѣю честь сообщить вашему превосходительству...» — «Что?! Какое вы мнѣ имѣете право сообщать? Вы мнѣ должны рапортовать, а не «сообщать»! Я васъ на недѣлю подъ арестъ!»

Налетѣвшій на наши госпитали инспекторъ госпиталей былъ генералъ-майоръ Езерскій. До войны онъ служилъ при московскомъ интендантствѣ, а раньше былъ... иркутскимъ полицеймейстеромъ! Въ той мрачной, трагической юмористикѣ, которой насквозь была пропитана минувшая война, чернымъ брильянтомъ сіялъ составъ высшаго медицинскаго управленія арміи. Мнѣ много еще придется говорить о немъ, теперь же отмѣчу только: главное руководство всѣмъ санитарнымъ дѣломъ въ нашей огромной арміи принадлежало бывшему губернатору,—человѣку, совершенно невѣжественному въ медицинѣ и на рѣдкость нераспорядительному; инспекторомъ госпиталей былъ бывшій полицеймейстеръ, — и что удивительнаго, если врачебныя учрежденія онъ инспектировалъ такъ же, какъ, вѣроятно, раньше «инспектировалъ» улицы и трактиры города Иркутска?

Назавтра утромъ сижу у себя, слышу снаружи высокомѣрный голосъ:

— Послушайте, вы! Передайте вашему смотрителю, чтобы передъ госпиталемъ были вывѣшены флаги. Сегодня пріѣзжаетъ намѣстникъ.

Мимо оконъ суетливо промелькнуло генеральское пальто съ красными отворотами. Я высунулся изъ окна: къ сосѣднему бараку взволнованно шелъ медицинскій инспекторъ Горбацевичъ. Селюковъ стоялъ у крыльца и растерянно оглядывался.

— Это онъ къ вамъ такъ обращался?—удивился я.

— Ко мнѣ... Чортъ ее, такъ былъ пораженъ, даже не нашелся, что отвѣтить.

Селюковъ хмуро пошелъ къ пріемной.

Вокругъ барака закипѣла работа. Солдаты мели улицу передъ зданіемъ, посыпали ее пескомъ, у подъѣзда водружали шестъ съ флагами Краснаго Креста и національнымъ. Смотритель находился здѣсь, онъ былъ теперь дѣятеленъ, энергиченъ, и отлично зналъ, гдѣ что достать.

Въ комнату вошелъ Селюковъ и сѣлъ на свою кровать.

— Ну, и начальства же тутъ, — какъ нерѣзаныхъ собакъ! Чуть выйдешь, сейчасъ налетишь на кого-нибудь... И не различишь ихъ. Вхожу въ пріемную, вижу, какой-то фертъ стоитъ въ красныхъ лампасахъ; я было-хотѣлъ къ нему съ рапортомъ, смотрю,—онъ предо мною вытягивается, честь отдаетъ... Казакъ, что ли, какой-то...

Онъ тяжко вздохнулъ.

— Нѣтъ, я лучше ужъ согласенъ мерзнуть въ палаткахъ. А тутъ, видно, начальства больше, чѣмъ насъ.

Вошелъ Шанцеръ, немножко сконфуженный, задумчивый. Онъ былъ сегодня дежурнымъ.

— Не знаю, какъ поступить... Я велѣлъ убрать съ коекъ два матраца,—совсѣмъ загажены, на нихъ лежали дизентерики. Пришелъ главный врачъ: «Оставить, не смѣнять! Другихъ матрацовъ нѣтъ». Я ему говорю: все равно, пусть новый больной ужъ лучше ляжетъ на доски; придетъ, можетъ-быть, просто истомленный голодомъ и усталостью, а у насъ заразится дизентеріей. Главный врачъ отвернулся отъ меня, обращается къ палатнымъ служителямъ: «Не смѣть матрацовъ смѣнять, поняли?»—и ушелъ... Боится,—придетъ намѣстникъ, вдругъ увидитъ, что двое больныхъ лежатъ безъ матрацовъ.

А вокругъ барака и въ баракѣ все шла усиленная чистка. Мерзко было въ душѣ. Вышелъ я наружу, пошелъ въ поле. Вдали сіялъ нашъ баракъ, — чистенькій, принарядившійся, съ развѣвающимися флагами; а внутри—дрожащіе подъ сквознякомъ больные, загаженные, пропитанные заразою матрацы... Скверная, нарумяненная мѣщанка въ нарядномъ платьѣ и въ грязномъ, вонючемъ бѣльѣ.

Второй день у насъ не было эвакуаціи, такъ какъ санитарные поѣзда не ходили. Намѣстникъ ѣхалъ изъ Харбина,

какъ царь, больше, чѣмъ какъ царь: все движеніе на желѣзной дорогѣ было для него остановлено; стояли санитарные поѣзда съ больными, стояли поѣзда съ войсками и снарядами, спѣшившіе на югъ къ предстоявшему бою. Больные прибывали къ намъ безъ конца; заняты были всѣ койки, всѣ носилки, не хватило и носилокъ; больныхъ стали класть на полъ.

Вечеромъ привезли съ позицій 15 раненыхъ дагестанцевъ. Это были первые раненые, которыхъ мы принимали. Въ буркахъ и алыхъ башлыкахъ, они сидѣли и лежали съ смотрящими исподлобья черными, горящими глазами. И среди наполнявшихъ пріемную больныхъ солдатъ—сѣрыхъ, скучныхъ и унылыхъ—яркимъ, тянущимъ къ себѣ пятномъ выдѣлялась эта кучка окровавленныхъ людей, обвѣяннымъ воздухомъ боя и опасности.

Привезли и ихъ офицера, сотника, раненаго въ руку. Оживленный, съ нервно-блестящими глазами, сотникъ разсказывалъ, какъ они приняли японцевъ за своихъ, подъѣхали близко и попали подъ пулеметы, потеряли семнадцать людей и тридцать лошадей. «Но мы имъ за это тоже лихо отплатили!»—прибавилъ онъ съ гордою усмѣшкою.

Всѣ толпились вокругъ и разспрашивали, — врачи, сестры, больные офицеры. Разспрашивали любовно, съ жаднымъ интересомъ, и опять всѣ кругомъ, всѣ эти *больные*, казались такими тусклыми рядомъ съ нимъ, окруженнымъ ореоломъ борьбы и опасности. И вдругъ мнѣ сталъ понятенъ красавецъ-уссуріецъ, такъ упорно не хотѣвшій уѣзжать съ дизентеріей.

Пришелъ отъ намѣстника адъютантъ справиться о здоровьѣ раненаго. Пришли изъ госпиталя Краснаго Креста и усиленно стали предлагать офицеру перейти къ нимъ. Офицеръ согласился, и его унесли отъ насъ въ Красный Крестъ, который все время брезгливо отказывалъ намъ въ пріемѣ *больныхъ*.

Больные... Въ арміи больные—это паріи. Такъ же они несли тяжелую службу, такъ же пострадали,—можетъ-быть, гораздо тяжелѣе и непоправимѣе, чѣмъ иной раненый. Но всѣ относятся къ нимъ пренебрежительно и даже какъ будто свысока: они такіе неинтересные, закулисные, такъ мало подходятъ къ яркимъ декораціямъ войны. Когда госпиталь полонъ ранеными, высшее начальство очень усердно посѣщаетъ его; когда въ госпиталѣ больные, оно почти совсѣмъ не заглядываетъ. Санитарные поѣзда, принадлежащіе не военному вѣдомству, всѣми силами отбояриваются отъ больныхъ; нерѣдко бывали случаи,—стоитъ такой поѣздъ недѣлю, другую, и все ждетъ раненыхъ; раненыхъ нѣтъ, и онъ стоитъ, зани-

мая путь; а принять больныхъ, хотя бы даже незаразныхъ, упорно отказывается.

Рядомъ съ нами, въ сосѣднемъ баракѣ, работалъ султановскій госпиталь. Старшею сестрою Султановъ назначилъ свою племянницу, Новицкую. Врачамъ онъ сказалъ:

— Вы, господа, Аглаю Алексѣевну не назначайте на дежурство. Пусть дежурятъ три младшія сестры.

Работы сестрамъ было очень много: съ утра до вечера онѣ возились съ больными. Новицкая лишь изрѣдка появлялась въ баракѣ; изящная, хрупкая, она безучастно проходила по палатамъ и возвращалась назадъ въ свою комнату.

Зинаида Аркадьевна сначала очень рьяно взялась за дѣло. Щеголяя краснымъ крестомъ и бѣлизною своего фартука, она обходила больныхъ, поила ихъ чаемъ, оправляла подушки. Но скоро остыла. Какъ-то вечеромъ зашелъ я къ нимъ въ баракъ. Зинаида Аркадьевна сидѣла на табуреткѣ у стола, уронивъ руки на колѣни, и красиво-усталымъ голосомъ говорила:

— Измаялась я!.. Весь-то день на ногахъ!.. А температура у меня повышенная, сейчасъ мѣрила — тридцать восемь. Боюсь, не тифъ ли начинается... А я сегодня дежурная. Старшій ординаторъ рѣшительно запретилъ мнѣ дежурить, такой строгій! Придется за меня подежурить бѣдненькой Настасьѣ Петровнѣ.

Настасья Петровна была четвертая сестра ихъ госпиталя, смирная и простая дѣвушка, взятая изъ общины Краснаго Креста. Она осталась дежурить, а Зинаида Аркадьевна поѣхала съ Султановымъ и Новицкою на ужинъ къ корпусному командиру.

Красавица-русалка Вѣра Николаевна работала молодцомъ. Вся работа по госпиталю легла на нее и на смирную Настасью Петровну. Больные офицеры удивлялись, почему въ этомъ госпиталѣ всего двѣ сестры. Вскорѣ Вѣра Николаевна захворала, нѣсколько дней перемогалась, но наконецъ слегла съ температурою въ 40°. Осталась работать одна Настасья Петровна. Она было-запротестовала и заявила старшему ординатору, что не въ силахъ одна справляться. Старшій ординаторъ былъ тотъ самый д-ръ Васильевъ, который еще въ Россіи чуть не засадилъ подъ арестъ офицера-смотрителя и который на-дняхъ такъ «строго» запретилъ дежурить Зинаидѣ Аркадьевнѣ. На Настасью Петровну онъ раскричался, какъ на горничную, и сказалъ ей, что, если она хочетъ быть баклушни, то не зачѣмъ было сюда ѣхать.

Въ нашемъ госпиталѣ къ четыремъ штатнымъ сестрамъ прибавилось еще двѣ сверхштатныхъ. Одна была жена офицера нашей дивизіи. Она сѣла въ нашъ эшелонъ въ Харбинѣ, все время плакала, была полна горемъ и думала о своемъ мужѣ. Другая работала въ одномъ изъ тыловыхъ госпиталей и перевелась къ намъ, узнавъ, что мы идемъ на передовыя позиціи. Ее тянуло побывать подъ огнемъ, для этого она отказалась отъ жалованья, перешла въ сверхштатныя сестры, хлопотала долго и настойчиво, пока не добилась своего. Была она широкоплечая дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, стриженая, съ низкимъ голосомъ, съ большимъ мужскимъ шагомъ. Когда она шла, сѣрая юбка некрасиво и чуждо трепалась вокругъ ея сильныхъ, широко шагающихъ ногъ.

Изъ штаба нашего корпуса пришелъ приказъ: обоимъ госпиталямъ немедленно свернуться и завтра утромъ итти въ деревню Сахотаза, гдѣ ждать дальнѣйшихъ приказаній. А какъ же быть съ больными, на кого ихъ бросить? На смѣну намъ должны были прійти госпитали другой дивизіи нашего корпуса, но поѣздъ намѣстника остановилъ на желѣзной дорогѣ все движеніе, и было неизвѣстно, когда они придутъ. А приказано завтра уходить!..

Опять все въ баракѣ стало вверхъ дномъ. Снимали умывальники, упаковывали аптеку; собирались выламывать въ кухнѣ котлы.

— Позвольте, какъ же это?—удивился Гречихинъ.—Мы не можемъ бросить больныхъ на произволъ судьбы.

— Я долженъ исполнить приказаніе своего непосредственнаго начальства,—возразилъ главный врачъ, глядя въ сторону.

— Обязательно! Какой тутъ даже можетъ быть разговоръ!—пылко вмѣшался смотритель. — Мы приданы къ дивизіи, всѣ учрежденія дивизіи уже ушли. Какъ мы смѣемъ не исполнить приказанія корпуснаго командира? Онъ нашъ главный начальникъ.

— А больныхъ такъ прямо и бросить?

— Мы за это не отвѣчаемъ. Это дѣло здѣшняго начальства. У насъ вотъ приказъ, и въ немъ ясно сказано, что завтра утромъ мы должны выступить.

— Ну, какъ бы тамъ ни было, а мы больныхъ здѣсь не бросимъ, — заявили мы.

Главный врачъ долго колебался, но наконецъ рѣшилъ остаться и ждать прихода госпиталей; къ тому же, Езерскій рѣшительно заявилъ, что не выпуститъ насъ, пока насъ кто-нибудь не смѣнитъ.

Возникалъ вопросъ: для чего опять пойдетъ вся эта ломка, выламываніе котловъ, вытаскиваніе матрацовъ изъ-подъ больныхъ? Разъ нашъ корпусъ можетъ обойтись двумя госпиталями вмѣсто четырехъ, то развѣ не проще намъ остаться здѣсь, а прибывающимъ госпиталямъ прямо итти съ корпусомъ на югъ? Но всѣ понимали, что этого сдѣлать невозможно: въ сосѣднемъ госпиталѣ былъ докторъ Султановъ, была сестра Новицкая; съ ними нашъ корпусный командиръ вовсе не желалъ разстаться; пусть ужъ лучше больная «святая скотинка» поваляется сутки на голыхъ доскахъ не пивши, безъ врачебной помощи.

Но вотъ чего совершенно было невозможно понять: уже въ теченіе мѣсяца Мукденъ былъ центромъ всей нашей арміи; госпиталями и врачами армія была снабжена даже въ чрезмѣрномъ изобиліи; и тѣмъ не менѣе санитарное начальство никакъ не умѣло или не хотѣло устроить въ Мукденѣ постояннаго госпиталя; оно довольствовалась тѣмъ, что хватало за полы проѣзжіе госпитали и водворяло ихъ въ свои бараки впредь до случайнаго появленія въ его кругозорѣ новыхъ госпиталей. Неужели же все это нельзя было устроить иначе?

Черезъ двое сутокъ пришли въ Мукденъ ожидаемые госпитали. мы сдали имъ бараки, а сами двинулись на югъ. На душѣ было странно и смутно. Передъ нами работала огромная, сложная машина; въ ней открылась щелочка, мы заглянули въ нее и увидѣли: колесики, валики, шестерни, все дѣятельно и сердито вертится, суетится, но—другъ за друга не цѣпляется, а вертится безъ толку и безъ цѣли. Что это—случайная порча механизма въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ него заглянули, или... или и вся эта громоздкая машина шумитъ и стучитъ только для видимости, а на работу неспособна?

На югѣ тяжелыми раскатами непрерывно грохотали пушки. Начинался бой на Шахе.

IV.

БОЙ НА ШАХЕ.

Изъ Мукдена мы выступили рано утромъ походнымъ порядкомъ. Вечеромъ шелъ дождь, дороги блестѣли легкою, скользкою грязью, солнце свѣтило сквозь прозрачно-мутное небо. Была теплынь и тишина. Далеко на югѣ глухо и непрерывно перекатывался громъ пушекъ.

Мы ѣхали верхомъ, команда шла пѣшкомъ. Скрипѣли зеле-

ныя фуры и двуколки. Въ неуклюжей четырехконной лазаретной фурѣ бѣлѣли апостольники и фартуки сестеръ. Стриженая сверхштатная сестра ѣхала не съ сестрами, а также верхомъ. Она была одѣта по-мужски, въ сѣрыхъ брюкахъ и высокихъ сапогахъ, въ барашковой шапкѣ. Въ юбкѣ она производила отвратительное впечатлѣніе, — въ мужскомъ костюмѣ выглядѣла прелестнымъ мальчикомъ; теперь были хороши и ея широкія плечи, и большой мужской шагъ. Верхомъ она ѣздила прекрасно. Солдаты прозвали ее «сестра-мальчикъ».

Главный врачъ спросилъ встрѣчнаго казака, какъ проѣхать въ деревню Сахотаза, тотъ показалъ. Мы добрались до рѣки Хуньхе, перешли черезъ мостъ, пошли влѣво. Было странно: по плану наша деревня лежала на юго-западъ отъ Мукдена, а мы шли на юго-востокъ. Сказали мы это главному врачу, стали убѣждать его взять китайца-проводника. Упрямый, самоувѣренный и скупой, Давыдовъ отвѣтилъ, что доведетъ насъ самъ лучше всякаго китайца. Прошли мы три версты по берегу рѣки на востокъ, — наконецъ Давыдовъ и самъ сообразилъ, что идетъ не туда, и по другому мосту перешелъ черезъ рѣку обратно.

Всѣмъ ужъ стало ясно, что заѣхали мы чортъ знаетъ куда. Главный врачъ величественно и угрюмо сидѣлъ на своемъ конѣ, отрывисто отдавалъ приказанія и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Солдаты вяло тащили ноги по грязи и враждебно посмѣивались. Вдали снова показался мостъ, по которому мы два часа назадъ перешли на ту сторону.

— Теперь какъ, ваше благородіе, опять на энтотъ мостъ своротимъ?—иронически спрашивали насъ солдаты.

Главный врачъ подумалъ надъ планомъ и рѣшительно повелъ насъ на западъ.

То и дѣло происходили остановки. Несъѣзженныя лошади рвались въ стороны, опрокидывали повозки; въ одной фурѣ переломилось дышло, въ другой сломался валекъ. Останавливались, чинили.

А на югѣ непрерывно все грохотали пушки, какъ будто вдали вяло и лѣниво перекатывался глухой громъ; странно было думать, что тамъ теперь адъ и смерть. На душѣ щемило, было одиноко и стыдно; тамъ кипитъ бой, валятся раненые; тамъ такая въ насъ нужда,—а мы вяло и безъ толку кружимся здѣсь по полямъ.

Посмотрѣлъ я на компасъ,—мы шли на сѣверо-западъ. Всѣ знали, что идутъ не туда, куда нужно, и все-таки должны были итти, потому что упрямый старикъ не хотѣлъ показать, что видитъ свою неправоту.

Къ вечеру вдали показались очертанія китайскаго города, изогнутыя крыши башенъ и кумиренъ. Влѣво виднѣлся рядъ казенныхъ зданій, бѣлѣли дымки поѣздовъ. Среди солдатъ раздался сдержанный, враждебный смѣхъ: это былъ Мукденъ!.. Послѣ цѣлаго дня пути мы воротились опять къ нашимъ каменнымъ баракамъ.

Главный врачъ обогнулъ ихъ и остановился на ночевку въ подгородной китайской деревнѣ.

Солдаты разбивали палатки, жгли костры изъ каоляна и кипятили въ котелкахъ воду. Мы помѣстились въ просторной и чистой каменной фанзѣ. Вѣжливо улыбающійся хозяинъ-китаецъ въ шелковой юбкѣ водилъ насъ по своей усадьбѣ, показывалъ хозяйство. Усадьба была обнесена высокимъ глинянымъ заборомъ и обсажена развѣсистыми тополями; желтѣли скирды каоляна, чумизы и риса, на гладкомъ току шла молотьба. Хозяинъ разсказывалъ, что въ Мукденѣ у него есть лавка, что свою семью — жену и дочерей — онъ увезъ туда: здѣсь онѣ въ постоянной опасности отъ проходящихъ солдатъ и казаковъ. Его мать, пятидесятилѣтнюю старуху, недѣлю назадъ похитили и увезли съ собою дагестанцы.

На створкахъ дверей пестрѣли двѣ ярко-раскрашенныя фигуры въ фантастическихъ одеждахъ, съ косыми глазами. Тянулась длинная вертикальная полоска съ китайскими іероглифами. Я спросилъ, что на ней написано. Хозяинъ отвѣтилъ:

— «Хорошо говорить».

«Хорошо говорить»... Надпись на входныхъ дверяхъ съ дверными богами. Было странно, и, глядя на тихо-вѣжливаго хозяина, становилось понятно.

Мы поднялись съ зарею. На востокѣ тянулись мутно-красныя полосы, деревья туманились. Вдали ужъ грохотали пушки. Солдаты съ озябшими лицами угрюмо запрягали лошадей: былъ морозъ, они подъ холодными шинелями ночевали въ палаткахъ и всю ночь бѣгали, чтобы согрѣться.

Главный врачъ встрѣтилъ знакомаго офицера, разспросилъ его насчетъ пути и опять повелъ насъ самъ, не беря проводника. Опять мы сбивались съ дороги, ѣхали Богъ вѣсть куда. Опять ломались дышла, и несъѣзженныя лошади опрокидывали возы. Подходя къ Сахотазѣ, мы нагнали нашъ дивизіонный обозъ. Начальникъ обоза показалъ намъ новый приказъ, по которому мы должны были итти на станцію Суятунь.

Двинулись разыскивать станцію. Переѣхали по понтонному мосту рѣку, проѣзжали деревни, переходили вбродъ взду-

вшіяся отъ дождя рѣчки. Солдаты, по поясъ въ водѣ, помогали лошадямъ вытаскивать увязшіе возы.

Потянулись поля. На жнивьяхъ по обѣ стороны темнѣли густыя копны каоляна и чумизы. Я ѣхалъ верхомъ позади обоза. И видно было, какъ отъ повозокъ отбѣгали въ поле солдаты, хватали снопы и бѣжали назадъ къ повозкамъ. И еще бѣжали, и еще, на глазахъ у всѣхъ. Меня нагналъ главный врачъ. Я угрюмо спросилъ его:

— Скажите, пожалуйста, это дѣлается съ вашего разрѣшенія?

Онъ какъ будто не понялъ.

— То-есть, что̀ именно?

— Вотъ это тасканіе сноповъ съ китайскихъ полей.

— Ишь, подлецы!—равнодушно возмутился Давыдовъ и лѣниво сказалъ фельдфебелю:—Неждановъ, скажи имъ, чтобъ перестали!.. Вы, пожалуйста, В. В—чъ, слѣдите, чтобъ этого мародерства не было,—обратился онъ ко мнѣ тономъ плохого актера.

Впереди все выбѣгали въ поле солдаты и хватали снопы. Главный врачъ тихою рысцою поѣхалъ прочь.

Воротился посланный впередъ фельдфебель.

— Что̀ раньше забрали, то былъ комплектъ, а это ужъ сверхъ комплекта! — улыбаясь, объяснилъ онъ запрещеніе главнаго врача.

На верху каждаго воза свѣтлѣло по кучкѣ золотистыхъ сноповъ чумизы.

Около меня шагали наши солдаты. Они слышали мой разговоръ съ главнымъ врачомъ.

— Обязательно нужно брать, о чемъ тутъ разговаривать! Съ чего же это лошадямъ голодать?—говорили они.

— Лошади вовсе не должны голодать,—возражалъ я.—На ихъ содержаніе казна отпускаетъ деньги.

— Да, «отпускаетъ»!.. Чего русскія деньги тратить? Китаёвъ, что ли, жалѣть?

— А это и въ Писаніи сказано, что можно брать,—замѣтилъ Бастрыкинъ, приземистый солдатъ съ плутоватою рожею.

— Гдѣ же это въ Писаніи сказано? Покажи мнѣ. Я тамъ ничего такого не видалъ.

— У меня Библія порвалась,—смѣющимся голосомъ отвѣтилъ Бастрыкинъ.

— Больно много читалъ ее!—объяснилъ другой солдатъ.

Къ вечеру мы пришли къ станціи Суятунь и стали бивакомъ по восточную сторону отъ полотна. Пушки гремѣли теперь близко, слышенъ былъ свистъ снарядовъ. На сѣверъ

проходили санитарные поѣзда. Въ сумеркахъ на югѣ замелькали вдали огоньки рвавшихся шрапнелей. Съ жуткимъ, поднимающимъ чувствомъ мы вглядывались въ вспыхивавшіе огоньки и думали: вотъ теперь начинается настоящее...

Назавтра намъ приказано было перейти на другую сторону желѣзной дороги и стать въ деревнѣ Сяо-Кіи-Шинпу, за полверсты отъ станціи.

Когда мы вступали въ деревню, изъ дворовъ поспѣшно выѣзжали нагруженныя скарбомъ китайскія арбы. На верху возовъ, пряча отъ насъ лица, сидѣли китаянки. Шелъ китаецъ съ гибкимъ коромысломъ черезъ плечо, на концахъ коромысла въ круглыхъ корзинахъ качалось по китайчонку: ребята были полные, круглые, съ черными косичками на темени, они сидѣли, свернувъ подъ собою ноги, какъ ихъ божки. Китаецъ шелъ, угрюмо опустивъ лицо къ землѣ, а ребята въ качающихся корзинахъ съ веселымъ любопытствомъ поглядывали на насъ своими черными глазенками.

Нашъ обозъ сталъ на большомъ квадратномъ огородѣ, обсаженномъ высокими ветлами. Разбили палатки. Госпиталь д-ра Султанова находился въ этой же деревнѣ; они пришли еще вчера и стали бивакомъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ устраивались мы.

При выѣздѣ изъ Мукдена у доктора Султанова произошло жестокое столкновеніе съ его врачами. Для вещей четырехъ младшихъ врачей и смотрителя съ его помощникомъ полагается отдѣльная казенная повозка; главному же врачу выдаются деньги на пріобрѣтеніе собственной повозки и двухъ упряжныхъ лошадей. Повозки и лошадей Султановъ себѣ не купилъ, деньги положилъ въ карманъ, а вещи свои велѣлъ уложить на повозку врачей. Врачи запротестовали и заставили смотрителя снять съ повозки вещи главнаго врача. Доложили Султанову. Онъ вышелъ изъ себя, кричалъ на врачей и смотрителя, какъ на денщиковъ, топалъ ногами, грозилъ посадить всѣхъ подъ арестъ и велѣлъ сейчасъ же положить свои вещи обратно на повозку. Врачи были страшно возмущены, собирались писать на главнаго врача рапортъ. Но къ кому онъ пойдетъ, этотъ рапортъ? Сначала—къ начальнику дивизіи, покладистому старику, не желающему ссориться съ сильными, а дальше — къ командиру корпуса, покровителю Султанова. И—русскіе люди—врачи удовольствовались тѣмъ, что поворчали и повозмущались «промежъ себя».

Вообще Султановъ рѣзко измѣнился. Въ вагонѣ онъ былъ неизмѣнно милъ, остроуменъ и веселъ; теперь, въ походѣ, былъ золъ и свирѣпъ. Онъ ѣхалъ на своемъ конѣ, сердито

глядя по сторонамъ, и никто не смѣлъ съ нимъ заговаривать. Такъ тянулось до вечера. Приходили на стоянку. Первымъ долгомъ отыскивалась удобная, чистая фанза для главнаго врача и сестеръ, ставился самоваръ, готовился обѣдъ. Султановъ обѣдалъ, пилъ чай и опять становился милымъ, изящнымъ и остроумнымъ.

Нашъ главный врачъ и смотритель какъ-никакъ заботились о командѣ. Правда, солдаты ночевали на морозѣ подъ лѣтними шинелями, но полушубковъ нигдѣ еще въ арміи не было. Солдаты наши, по крайней мѣрѣ, были сыты, и для этого дѣлалось все. Въ султановскомъ же госпиталѣ о командѣ никто не заботился. Весь составъ какъ будто существовалъ только для того, чтобы холить и лелѣять д-ра Султанова съ сестрами. Команда зябла, голодала; ей предоставлялось жить, какъ угодно. Она роптала, но Султановъ относился къ этому съ наивно-циничнымъ добродушіемъ. Однажды старшій ординаторъ Васильевъ обратился къ нему съ жалобою на одного солдата команды; онъ, Васильевъ, отдалъ какое-то распоряженіе, а солдатъ въ лицо ему отвѣтилъ:

— Только распоряжаться умѣютъ! Кормить не кормятъ, ночь дрожи на морозѣ, а распоряженія исполняй!

Султановъ брезгливо поморщился. Дѣло случилось вечеромъ, когда онъ пообѣдалъ и былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Э, оставьте вы ихъ, Богъ съ ними!.. Вѣдь, въ сущности, они совершенно правы. Мы ѣдемъ верхомъ, они идутъ пѣшкомъ. Пріѣдемъ,—первымъ дѣломъ отыщемъ *себѣ* фанзу, закажемъ себѣ обѣдъ и самоваръ. А они устали и голодны. Вотъ послалъ имъ мяса искать,—не нашли ничего, а намъ на бифштексы удалось достать... Если бы мы вмѣстѣ съ ними шли пѣшкомъ, голодали и зябли, тогда бы они и приказанія наши исполняли...

Прошелъ день, другой, третій. Мы были въ полномъ недоумѣніи. По всему фронту бѣшено грохотали пушки, мимо насъ проходили транспорты съ ранеными. А приказа развернуться наши госпитали не получали; шатры, инструменты и перевязочные матеріалы мирно лежали, упакованные въ повозкахъ. На желѣзнодорожныхъ разъѣздахъ стояли другіе госпитали, большею частью тоже неразвернутые. Что все это значитъ? Шли слухи, что изъ строя выбыло ужъ двадцать тысячъ человѣкъ, что рѣчка Шахе алѣетъ отъ крови, а мы кругомъ, десятки врачей, сидѣли сложа руки безъ всякаго дѣла.

Бой былъ въ разгарѣ и шелъ очень недалеко отъ насъ. То и дѣло доносилась спѣшная ружейная трескотня. По до-

рогамъ двигались пѣхотныя части и артиллерійскіе парки, сновали запыленные казаки. Дѣлалось какое-то огромное, общее, близкое всѣмъ дѣло, всѣ были заняты, торопились, только мы одни были бездѣятельны и чужды всему. Мы ѣздили на позиціи, наблюдали изблизи бой, испытывали острое ощущеніе пребыванія подъ огнемъ; но и это ощущеніе несло съ собою оскоминный, противный привкусъ, потому что глупо было лѣзть въ опасность изъ-за ничего.

Наша команда недоумѣвала. Какъ и мы, она испытывала то же сиротливое ощущеніе вынужденнаго бездѣльничества. Солдаты ходили за околицу смотрѣть на бой, жадно разспрашивали проѣзжихъ казаковъ, оживленно и взволнованно сообщали намъ слухи о ходѣ боя.

Однажды къ смотрителю пришли три солдата изъ нашей команды и заявили, что желаютъ перейти въ строй. Главный врачъ и смотритель изумились: они нерѣдко грозили въ дорогѣ провинившимся солдатамъ переводомъ въ строй, они видѣли въ этомъ ужаснѣйшую угрозу,—и вдругъ солдаты просятся сами!..

Всѣ трое были молодые, бравые молодцы. Какъ я уже писалъ, въ полкахъ нашего корпуса находилось очень много пожилыхъ людей, удрученныхъ старческими немощами и думами о своихъ многочисленныхъ семьяхъ. Наши же госпитальныя команды больше, чѣмъ наполовину, состояли изъ молодыхъ, крѣпкихъ и бодрыхъ солдатъ, исполнявшихъ сравнительно далеко не тяжкія обязанности конюховъ, палатныхъ надзирателей и денщиковъ. Распредѣленіе шло на бумагѣ, а на бумагѣ всѣ эти Ивановы, Петровы и Антоновы были совсѣмъ одинаковы.

Смотритель пробовалъ отговорить солдатъ, потомъ сказалъ, что передастъ ихъ просьбу въ штабъ. Особенно изумлялся ихъ желанію нашъ письмоводитель, военный заурядъ-чиновникъ Брукъ, хорошенькій и поразительно трусливый мальчикъ.

— Вѣдь тутъ же гораздо спокойнѣе!—доказывалъ онъ.—А тамъ что? Убьютъ тебя, семья останется.

— Чего тамъ! У меня всего жена только. Убьютъ, — за другого выйдетъ.

Говорилъ стройный парень съ сиплымъ, застуженнымъ голосомъ, бывшій гренадеръ. Лицо у него было строгое и ушедшее въ себя, какъ будто онъ вглядывался во что-то въ своей душѣ,—во что-то большое и важное.

— А если ранятъ тебя? Оторвутъ тебѣ обѣ ноги, останешься на всю жизнь калѣкою?

— Ну, что же!..—Онъ помолчалъ и медленно прибавилъ: — Можетъ-быть, я желаю пострадать.

Брукъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Строи—святое дѣло!—замѣтилъ другой солдатъ.

— А наше дѣло еще святѣе!—фальшивымъ голосомъ возразилъ Брукъ.—Помогать раненымъ братьямъ, облегчать уходомъ и ласкою ихъ ужасныя страданія...

— Нѣтъ, тутъ что! Одна канитель! Вонъ тамъ стрѣльба, другіе дерутся, а мы что? Никому на насъ и смотрѣть не охота. Даже на смотрахъ,—генералъ какой, али и самъ царь: «ну, это нестроевщина!»—и ѣдутъ мимо.

29-го сентября пальба особенно усилилась. Пушки гремѣли непрерывно, вдоль позицій какъ будто съ грохотомъ валились другъ на друга огромные шкапы. Снаряды со свистомъ уносились вдаль, свисты сливались и выли, какъ вьюга. Непрерывно трещалъ ружейный огонь. Шли слухи, что японцы обошли наше правое крыло и готовы прорвать центръ. Къ намъ подъѣзжали конные солдаты-ординарцы, спрашивали, не знаемъ ли мы, гдѣ такой-то штабъ. Мы не знали. Солдатъ въ унылой задумчивости пожималъ плечами.

— Какъ же быть теперь? Съ спѣшнымъ донесеніемъ посланъ отъ командира, съ утра ѣзжу, и никто не можетъ сказать.

И онъ вяло ѣхалъ дальше, не зная, куда.

Подъ вечеръ мы получили изъ штаба корпуса приказъ: обоимъ госпиталямъ *немедленно* двинуться на югъ, стать и развернуться у станціи Шахе. Спѣшно увязывались фуры; запрягались лошади. Солнце садилось; на югѣ, всего за версту отъ насъ, роями вспыхивали огоньки японскихъ шрапнелей, перекатывалась ружейная трескотня. Намъ предстояло итти прямо туда.

Султановъ, сердитый и растерянный, сидѣлъ у себя въ фанзѣ и искалъ на картѣ станцію Шахе; это была слѣдующая станція по линіи желѣзной дороги, но отъ волненія Султановъ не могъ ея найти. Онъ злобно ругался на начальство.

— Это чортъ знаетъ, что такое! По закону полевые подвижные госпитали должны стоять за восемь верстъ отъ позицій, а насъ посылаютъ въ самый огонь!

Было, дѣйствительно, непонятно, что могутъ дѣлать наши госпитали въ томъ аду, который сверкалъ и грохоталъ вдали. Мы, врачи, дали другъ другу свои домашніе адреса, чтобы, въ случаѣ смерти, извѣстить близкихъ.

Рвались снаряды, трещала ружейная перестрѣлка. На душѣ было жутко и радостно, какъ будто вырастали крылья, и вдругъ стали близко-понятны солдаты, просившіеся въ строй.

«Сестра-мальчикъ» сидѣла верхомъ на лошади, съ одѣяломъ вмѣсто сѣдла, и жадными, хищными глазами вглядывалась въ меркнувшую даль, гдѣ все ярче вспыхивали шрапнели.

— Неужели мы опять будемъ плутать и не попадемъ, куда нужно?—волновалась она.—Господа, убѣдите главнаго врача, чтобы онъ нанялъ проводника.

— Днемъ плутали,—то ли еще будетъ ночью!—зловѣще произнесъ Селюковъ и вздохнулъ.—А лошади несъѣзженныя, пугливыя. Первый снарядъ упадетъ, онѣ весь обозъ разнесутъ въ дребезги.

Мы двинулись къ желѣзной дорогѣ и пошли вдоль пути на югъ. Валялись разбитые въ щепы телеграфные столбы, по землѣ тянулась исковерканная проволока. Насъ нагналъ казакъ и вручилъ обоимъ главнымъ врачамъ по пакету. Это былъ приказъ изъ корпуса. Въ немъ госпиталямъ предписывалось немедленно свернуться, уйти со станціи Шахе (предполагалось, что мы ужъ тамъ) и воротиться на прежнее мѣсто стоянки къ станціи Суятунь.

Оживленно и весело всѣ поворотили назадъ. Только сестра-мальчикъ была огорчена и готова плакать отъ досады; она все обертывалась назадъ и горящими, жалѣющими глазами поглядывала въ шумѣвшую боемъ даль.

Мы разбили палатки, поужинали. Вечеръ былъ теплый и тихій-тихій. Темная дымка окутывала небосклонъ, звѣзды свѣтились. Бой не замолкалъ. Ночью разразилась гроза. Яростно гремѣлъ громъ, воздухъ рѣзали молніи. А снаряды попрежнему со свистомъ неслись въ темную даль; грохотали пушки, перебиваясь съ грохотомъ грома; лихорадочно трещалъ ружейный огонь пачками. Небо и земля свились и крутились въ грохочущемъ, сверкающемъ безуміи. Подъ проливнымъ дождемъ по дорогѣ шли впередъ темныя колонны солдатъ, и штыки струистыми огнями вспыхивали подъ молніями.

И опять прошелъ день, и другой, и третій. Бой продолжался, а мы все стояли неразвернутыми. Что же это наконецъ, забыли о насъ, что ли? Но нѣтъ. На станціи Угольной, на разъѣздахъ,—вездѣ стояли полевые госпитали и тоже не развертывались. Врачи зѣвали, изнывали отъ скуки, играли въ винтъ...

Пошли дожди, мы перебрались изъ палатокъ въ китайскую фанзу. Жили тѣсно и неуютно, здѣсь же въ уголкѣ помѣщались сестры; на ночь онѣ завѣшивались отъ насъ платками. Заходили изъ султановскаго госпиталя врачи и сестры, кромѣ племянницы Султанова Новицкой: она безвыходно сидѣла въ

своей фанзѣ. Зато очень часто забѣгала Зинаида Аркадьевна. Изящно одѣтая, кокетничая своимъ бѣлоснѣжнымъ фартукомъ съ краснымъ крестомъ, она разсказывала, что тогда-то у нихъ обѣдалъ начальникъ такой-то дивизіи, тогда-то заѣзжалъ «нашъ милый Сергѣй Павловичъ (корпусный командиръ)». Зинаида Аркадьевна вспоминала о Москвѣ и глубоко вздыхала.

— Господи, съ какимъ бы я сейчасъ удовольствіемъ поѣла паштета изъ куръ!—говорила она своимъ изученно-красивымъ, протяжнымъ голосомъ.—Такъ безумно хочется ѣсть!

Селюковъ мрачно возражалъ:

— Ну, это пока не такъ страшно. Вотъ когда вамъ безумно захочется чернаго хлѣба, это такъ.

— Да, паштета. Паштета и шампанскаго,—мечтательно говорила Зинаида Аркадьевна.

Заходилъ разговоръ, что, по слухамъ, госпитальныхъ врачей и сестеръ собираются командировать на перевязочные пункты.

— Ну, вы меня не испугаете: я фаталистка! — замѣчала Зинаида Аркадьевна.

Но еще вчера наши сестры со смѣхомъ разсказывали, какъ разволновались при этихъ слухахъ Зинаида Аркадьевна и Новицкая, какъ заявили, что пусть не воображаютъ, — съ какой стати онѣ поѣдутъ подъ снаряды?

Зинаида Аркадьевна прощается и уходитъ. Въ уголкѣ, въ полумракѣ, сидитъ наша старшая сестра.

— Ахъ, я съ вами и не здоровалась, здравствуйте! — любезно восклицаетъ Зинаида Аркадьевна.

— Мы люди маленькіе, насъ можно не замѣтить, — сдержанно отвѣчаетъ сестра.

— Напротивъ! Вы такъ всегда одѣты по формѣ, въ апостольникахъ, въ форменныхъ платьяхъ, васъ сразу можно замѣтить. Не то, что мы, революціонерки,—мило возражаетъ Зинаида Аркадьевна.

Въ нашей деревнѣ и вокругъ деревни шелъ широкій грабежъ. Съ полей забирали кошы каоляна, чумизы и масляныхъ бобовъ, солдаты тащили у китайцевъ все, что попадало подъ руку. То и дѣло къ намъ прибѣгали взволнованные китайцы и просили заступиться. Что могли, мы дѣлали, но, конечно, это была капля въ морѣ. Ни на комъ не лежало обязанности охранять китайцевъ, сами китайцы были беззащитны, а безнаказанность грабежа пьянила и туманила головы.

Однажды утромъ, проснувшись, я услышалъ за окнами русскіе и китайскіе крики, главный врачъ торопливо кричалъ:

— Держи, держи ихъ!

Я выскочилъ наружу. Смотритель стоялъ у воротъ и возмущенно повторялъ:

— Чортъ знаетъ, чортъ знаетъ что̀ такое!

Наискосокъ, по грядамъ каоляна, бѣжали куда-то главный врачъ, нѣсколько нашихъ солдатъ, китайцы и старая китаянка, хозяйка нашей фанзы. Я пошелъ за ними.

Отъ китайскихъ могилокъ скакали прочь два казака, вкладывая на скаку шашки въ ножны. Наши солдаты держали за руки блѣднаго артиллериста, передъ нимъ стоялъ главный врачъ. У конической могилы тяжело хрипѣла худая, черная свинья; изъ-подъ лѣвой лопатки текла черпѣющая кровь.

— Ах-хъ, ты, с-сукинъ сынъ!—возмущенно говорилъ главный врачъ.—Арестовать его!

Двинулись назадъ. Китайцы понесли издыхающую свинью. Подошелъ смотритель, столпилась наша команда.

— Ты какой части?—строго спросилъ главный врачъ.

— *** артиллерійской бригады, — отвѣтилъ арестованный. На испуганномъ, поблѣднѣвшемъ лицѣ рыжѣли усики и обильныя веснушки, пола шинели была въ крови.—Ваше высокоблагородіе, позвольте вамъ доложить: это не я, я только мимо шелъ... Вотъ, извольте посмотрѣть!—Онъ вынулъ изъ ноженъ и показалъ свою шашку.—Изволите видѣть, крови нѣту.

— А откуда на ней глина? Ты зачѣмъ шашку вынималъ?

— Они просили подсобить.

— Кто они такіе?

— Не могу знать.

— Ну, одинъ подъ судъ и пойдешь... Арестовать его! Аркадій Николаевичъ, напишите о немъ бумагу,—обратился Давыдовъ къ смотрителю.

— Ваше высокоблагородіе, прикажите итти, меня ихъ благородіе капитанъ Веревкинъ ждутъ.

— Подождетъ. Это онъ, что ли, воровать тебя посылалъ?.. Подлецы этакіе! Хуже разбойниковъ! Не знаете, что китайцы мирное населеніе, что ихъ запрещено грабить?

Зарѣзанная свинья лежала у воротъ, вокругъ толпились наши солдаты.

— Э, сухая какая! Стоило возиться!— протянулъ Кучеренко. — Кабы сытая была!

Всѣ съ сочувствіемъ поглядывали на арестованнаго. Его увели. Солдаты расходились.

— Великолѣпно, такъ и надо! — нарочно громко говорилъ я. — Другимъ наука будетъ!

— «Наука»... А какъ намъ не воровать? — угрюмо возразилъ солдатъ-конюхъ. — Всѣ бы лошади съ голоду подохли,

костра бы не изъ чего было развести. Вѣдь вонъ лошади рисовую солому ѣдятъ, — все это ворованое. Лошадямъ по два гарнца овса выдаютъ, развѣ лошадь съ этого будетъ сыта? Всѣ передохнутъ.

— И пускай передохнутъ! — сказалъ я. — Вамъ-то что? Это дѣло начальства. Ваше дѣло только кормить лошадей, а не добывать фуражъ.

Солдатъ усмѣхнулся.

— Да-а!.. А вонъ, когда въ походѣ возы въ рѣкѣ застряли, насъ всѣхъ въ воду погнали лошадямъ подсоблять. Сколько народу лихорадку получили! Почему? Силы у лошадей не было!.. Нѣтъ, ваше благородіе, это вы все неправильно. Не побрешь, — не поѣшь.

— Вонъ старшій врачъ антилеристу грозится, подъ судъ отдамъ, замѣтилъ другой. — А намъ что говорилъ? Тащите, говоритъ, ребята, что хотите, только чтобы я не видѣлъ. Почему же это онъ насъ не грозится подъ судъ отдать?

— Ему прямой расчетъ, чтобъ мы воровали... А попадись-ка я, напримѣръ, вонъ тому капитану, который антилериста послалъ. Тоже сейчасъ скажетъ: «Ахъ, ты, разбойникъ, сукинъ сынъ! Не знаешь, что это мирные жители?.. Подъ судъ!»

Солдаты засмѣялись, а я молчалъ, потому что они были правы.

Нашъ хозяинъ, молодой китаецъ съ красивымъ, загорѣлымъ лицомъ, горячо благодарилъ главнаго врача за заступничество, принесъ ему въ подарокъ пару роскошно вышитыхъ китайскихъ туфель. Давыдовъ смѣялся, хлопалъ китайца по плечу, говорилъ: «шанго» (хорошо), а вечеромъ, какъ намъ разсказалъ письмоводитель, попросилъ хозяина подписать свою фамилію подъ одною бумажкою; въ бумажкѣ было написано, что нижеподписавшійся продалъ нашему госпиталю столько-то пудовъ каоляноваго зерна и рисовой соломы, деньги, такую-то сумму получилъ сполна. Китаецъ побоялся и сталъ отказываться.

— Ну, ты не свою фамилію напиши, а какую-нибудь другую, это все равно, — сказалъ главный врачъ.

На это китаецъ согласился и получилъ въ награду рубль, а канцелярія наша обогатилась «оправдательнымъ документомъ» на 617 р. 35 к. (круглыхъ цифръ фальшивые документы не любятъ).

Съ каждымъ днемъ грабежъ въ нашей деревнѣ развертывался шире. Солдаты и казаки уносили изъ кумирни подсвѣчники и курильницы, въ дребезги разбивали глиняныхъ боговъ; ходили слухи, что у боговъ сердца сдѣланы изъ золота, и сол-

даты разыскивали эти золотыя сердца. Изъ фанзъ и дворовъ они тащили на костры рамы, ящики, плуги, двери. Китайцы на все махнули рукою, ужъ не бѣгали за защитою, не запирали воротъ. Какъ бронзовыя изваянія, они молча стояли у дверей и смотрѣли на входящихъ и выходящихъ грабителей.

Съ позицій въ нашу деревню привели трехъ «хунхузовъ». На утренней зарѣ драгуны посрубали имъ за огородами головы. Нашъ хозяинъ сообщилъ намъ, что эти три китайца вовсе не хунхузы, что они мужики изъ сосѣдней деревни и «шибко хорошіе» люди. Казнь ихъ очень подѣйствовала на китайцевъ. Лица ихъ стали еще болѣе безстрастными, еще болѣе неподвижными, а наутро всѣ китайцы исчезли изъ деревни. Ушелъ и нашъ хозяинъ со старухою-матерью. Жена и дѣти еще до нашего прихода были имъ отправлены въ Мукденъ.

Прощаясь, онъ по-всегдашнему вѣжливо и предупредительно улыбался, вслушиваясь и стараясь понять, что̀ ему говорятъ. Ушелъ онъ со старухою пѣшкомъ, захвативъ лишь самое цѣнное. И раньше ихъ ухода наши солдаты уже шарили въ половинѣ, которую они занимали. Когда же китайцы ушли, солдатъ набилось въ фанзу, какъ мухъ въ стаканъ изъ-подъ квасу. На наши заявленія смотритель отвѣтилъ, что онъ вовсе не обязанъ охранять имущества ушедшихъ, что они ему ничего не сдавали, и что у него нѣтъ часовыхъ для охраны. И возразить на это было рѣшительно нечего.

Весь день солдаты копошились въ фанзѣ. Въ сѣняхъ, между глиняными бочками — «канхами» — валялся бредень, чашечки, топорикъ какой-то странной формы. На полу фанзы лежали взломанные солдатами сундуки и шкапы, красивый узорчатый кіотецъ изъ-подъ божковъ, сорванный со стѣны.

Заглянулъ въ фанзу смѣнившійся съ часовъ солдатъ охранной роты, въ китайскомъ ватномъ халатѣ поверхъ шинели; эти халаты замѣняли полушубки, которыхъ въ арміи все еще не было.

— Вы, ребята, подъ землею ищите, по погребамъ, — посовѣтовалъ онъ нашимъ солдатамъ и, увидѣвъ меня, строго прибавилъ: — Можетъ, у нихъ тамъ оружіе запрятано!

Съ чердака весело спустился солдатъ и бросилъ на полъ цѣлую кипу китайскихъ туфель. Солдаты стали ихъ разбирать. Другіе вышли на дворъ, разрыли насыпанную у забора кучу земли, нашли дверь въ погребъ, вытащили оттуда какую-то сѣчку, лопату, и посиѣшно стали забрасывать дверь землею.

— Больше ничего нѣту! — нарочно громкими голосами го-

горили они, и видно было, что они рѣшили прійти потомъ, чтобъ пошарить въ погребѣ не стѣсняясь.

Въ сумеркахъ я опять зашелъ въ фанзу. Никого уже не было. Глиняныя бочки были для чего-то опрокинуты и разбиты, въ сѣняхъ стояли пролитыя густыя лужи квашенаго каолина; повсюду бѣлѣлись черепки побитой посуды; съ перемета свѣшивался порванный бредень. Грустно было смотрѣть: всему этому хламу цѣна грошъ, а какъ его трудно было создать, какъ легко уничтожить и какъ трудно будетъ создать снова...

Чисто было небо, на западѣ ярко сіяла Венера. Высокіе, стройные тополи поднимались надъ заборомъ. Сверчокъ тихо трещалъ въ черной ямѣ печки, изъ которой былъ выломанъ котелъ. Въ полѣ выли бездомныя собаки. Кругомъ была тишина, опустошеніе и задумчивое умираніе. Воздухъ начиналъ серебриться отъ мѣсяца, неподвижно стояли тополя. И представлялось, какъ жили тутъ своею тихою жизнью выгнанные нами люди. На створкахъ дверей нестрѣли странныя фигуры дверныхъ боговъ, тянулись вертикальныя полоски бумаги съ непонятными надписями. Вспомнилось, какъ въ походѣ китаецъ объяснилъ мнѣ подобную надпись:

«Хорошо говорить...»

Перваго октября мы получили приказъ спѣшно развернуться и приготовиться къ пріему раненыхъ. Весь день шла работа. Устанавливались три огромныхъ шатра, набивались соломою матрацы, устраивалась операціонная, аптека.

Назавтра подъ вечеръ, подъ проливнымъ дождемъ, привезли первый транспортъ раненыхъ. Промокшихъ, дрожащихъ и окровавленныхъ, ихъ вынимали изъ тряскихъ двуколокъ и переносили въ шатры. Наши солдаты, истомившіеся бездѣльемъ, работали горячо и радостно. Они любовно поднимали раненыхъ, укладывали въ носилки и переносили въ шатры.

Внесли солдата, раненаго шимозою; его лицо было, какъ маска изъ кроваваго мяса, были раздроблены обѣ руки, обожжено все тѣло. Стонали раненые въ животъ. Лежалъ на соломѣ молодой солдатикъ съ дѣтскимъ лицомъ, съ перебитою ногою; когда его трогали, онъ начиналъ жалобно и капризно плакать, какъ маленькій ребенокъ. Въ углу сидѣлъ пробитый тремя пулями унтеръ-офицеръ; онъ три дня провалялся въ полѣ, и его только сегодня подобрали. Блестя глазами, унтеръ-офицеръ оживленно разсказывалъ, какъ ихъ полкъ шелъ въ атаку на японскую деревню.

— Изъ деревни стрѣльбы не слыхать. Командиръ полка

говоритъ: «Ну, ребята, струсилъ япошка, удралъ изъ деревни! Идемъ ее занимать». Пошли цѣпями, командиры матюкаются, — «Ровняйся, подлецы! Не забѣгай впередъ!». Ученье устроили; крикъ, шумъ, на насъ холоду нагнали. А *онъ* подпустилъ на постоянный прицѣлъ, да какъ пошелъ жарить... Пыль кругомъ забила, народъ валится. Полковникъ поднялъ голову, этакъ водитъ очками, а оттуда сыплютъ! «Ну, ребята, въ атаку!» — а самъ повернулъ коня и ускакалъ...

Наши солдаты жадно слушали и ахали.

— Бѣгутъ всѣ кругомъ, я упалъ... Рядомъ землякъ лежитъ. Попробуетъ подняться, — опять падаетъ... «Братъ, — говоритъ, — подними меня!» — «Что же мнѣ дѣлать? я и самъ валяюсь»...

Въ шатрахъ стоялъ полумракъ, тускло горѣли фонари. Отовсюду шли стоны и оханья. Сестры поили раненыхъ чаемъ. Мы подбинтовывали промокшія кровью повязки; гдѣ было нужно, накладывали новыя. Бинты вышли. Я послалъ за бинтами въ аптеку палатнаго надзирателя; онъ воротился и доложилъ, что аптекарь безъ требованія не отпускаетъ. Я попросилъ сходить въ аптеку сестру и сказать, что требованіе я напишу потомъ, а чтобъ сейчасъ поскорѣе отпустили бинтовъ. Сестра сходила и, удивленно пожавъ плечами, сообщила, что безъ требованія аптекарь отказывается выдать.

Что такое?.. Нашъ аптекарь былъ человѣкъ рѣдко неинтеллигентный, пьянчужка, но производилъ впечатлѣніе очень милаго и добродушнаго парня. Что съ нимъ такое случилось?.. Впослѣдствіи мы узнали его ближе: аптека была для него какъ будто центральнымъ механизмомъ міра, въ ея священномъ ходѣ ничего нельзя было измѣнить ни на волосъ. Обыкновенно смирный и угодливый, въ аптекѣ Михаилъ Михайловичъ пьянѣлъ отъ высоты своего положенія; а когда онъ былъ пьянъ, — все равно, отъ водки или отъ сознанія важности своей аптеки, — онъ становился заносчивъ и величественъ. Я пошелъ къ нему самъ.

— Михаилъ Михайловичъ, голубчикъ, что это вы тутъ бунтуете? Пожалуйста, отпустите скорѣй бинтовъ, тамъ раненые истекаютъ кровью.

— Потрудитесь написать требованіе, — сухо отвѣтилъ онъ, поджавъ губы.

— Да что вамъ, не все равно, когда требованіе будетъ написано, сейчасъ или потомъ? Третій разъ къ вамъ приходится обращаться за однимъ и тѣмъ же!

— Я ничего не знаю. Я могу что-либо отпускать изъ аптеки только по требованію. — И въ его голосѣ звучало хо-

лодное злорадство русскаго чиновника, чувствующаго за собою право сдѣлать пакость.

— Тьфу ты, чортъ! Ну, дайте поскорѣе бумаги, я сейчасъ напишу.

— Лишней бумаги у меня нѣтъ, возьмите у старшаго ординатора. Я самъ получаю бумагу по требованію, я обязанъ давать въ ней отчетъ... Да-съ, теперь шутки кончены!..

Пришлось прибѣгнуть къ помощи главнаго врача, чтобъ умѣрить его слишкомъ серьезное отношеніе къ дѣлу.

До поздней ночи мы возились съ ранеными. Сдѣлали двѣ ампутаціи. У одного артиллериста извлекли изъ крестца дистанціонную трубку шрапнели, — широкій мѣдный конусъ, разбившій крестецъ и разорвавшій прямую кишку. Ночью подошелъ новый транспортъ раненыхъ. Вдали грохотали пушки, темное небо, какъ зарницами, вспыхивало отсвѣтами отъ выстрѣловъ. Вездѣ кругомъ стонали окровавленные, иззябшіе люди. Солдатъ, которому пуля пробила щеки и челюсти, сидѣлъ съ черною отъ крови бородой и отхаркивалъ тянущуюся кровавую слюну. Надъ головою наклонившагося врача равномѣрно тряслись скрюченные пальцы дрожащихъ отъ боли рукъ, слышались протяжныя всхлипыванія.

— Ой, кормильцы мои!..

А вдали все блистали отсвѣты грохочущихъ выстрѣловъ, и странно было вспомнить, какъ тянулась душа къ грозной красотѣ того, что творилось тамъ. Не было тамъ красоты, все было мерзко, кроваво-грязно и преступно.

Утромъ пришло распоряженіе, — всѣхъ раненыхъ немедленно эвакуировать на санитарные поѣзда. Для чего это? Мы недоумѣвали. Немало было раненыхъ въ животъ, въ голову, для нихъ самое важное, самое необходимое — покой. Пришлось ихъ поднимать, нагружать на тряскія двуколки, везти полверсты до станціи, тамъ опять разгружать, переносить на санитарный поѣздъ.

Наши госпитали начали работать. И была наша работа еще безсмысленнѣе, чѣмъ прежнее бездѣлье.

Съ перевязочныхъ пунктомъ привозили раненыхъ. Мы клали ихъ въ ванны, подбинтовывали тѣхъ, у кого повязки промокли; смотря по времени дня, кормили обѣдомъ или поили чаемъ, къ вечеру нагружали всѣхъ на двуколки и отвозили на станцію. Для чего была нужна эта остановка у насъ за полверсты отъ станціи для раненыхъ, уже проѣхавшихъ пять-шесть верстъ? Часто бывало, что мы только осматривали привезенныхъ раненыхъ въ ихъ двуколкахъ и своею властью въ

тѣхъ же двуколкахъ отправляли дальше на станцію. Главный врачъ не возражалъ противъ этого, только усиленно требовалъ, чтобъ привозимые раненые записывались у насъ въ книги и отправлялись дальше съ нашими билетиками.

На станціи мы грузили раненыхъ въ санитарные поѣзда. Подходилъ поѣздъ, сверкавшій царскимъ великолѣпіемъ. Длинные бѣлые вагоны, зеркальныя стекла; внутри весело, чисто и уютно; раненые, въ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ, лежатъ на мягкихъ пружинныхъ матрацахъ; вездѣ сестры, врачи; въ отдѣльныхъ вагонахъ — операціонная, кухня, прачечная... Отходилъ этотъ поѣздъ, безшумно качаясь на мягкихъ рессорахъ, — и ему на смѣну съ неуклюжимъ грохотомъ становился другой, сплошь состоявшій изъ простыхъ товарныхъ вагоновъ. Откатывались двери, раненыхъ съ трудомъ втаскивали въ высокіе, безъ всякихъ лѣстничекъ, вагоны и клали на полъ, только что очищенный отъ навоза. Не было печей, не было отхожихъ мѣстъ; въ вагонахъ стояли холодъ и вонь. Тяжелые больные ходили подъ себя; тѣ, кто могъ, вылѣзалъ изъ вагона и ковылялъ къ отхожему мѣсту станціи. Поѣздъ давалъ свистокъ и, дернувъ изо всей силы вагоны, начиналъ двигаться. Раненые тряслись на полу, корчились, стонали и проклинали. Сообщенія между вагонами не было; если открывалось кровотеченіе, раненый истекалъ кровью, раньше чѣмъ на остановкѣ къ нему могъ попасть врачъ поѣзда *).

Вотъ что разсказываетъ въ «Русскомъ Врачѣ» (1905, № 5) д-ръ Б. Козловскій объ эвакуаціи раненыхъ во время боя на Шахе:

Эвакуируемые жестоко страдали отъ холода, тѣмъ болѣе, что они также не были еще снабжены никакой теплой одеждой, и только нѣкоторые изъ нихъ могли получить въ Мукденѣ теплыя китайскія одѣяла и халаты, далеко, впрочемъ, недостаточныя. Чтобы согрѣться, эвакуируемые въ нѣкоторыхъ вагонахъ раскладывали костры (подложивъ кирпичи и т. п.); но это, разумѣется, было исключеніемъ. Поѣзда большею частью отправлялись совершенно необорудованные, безъ кухонь, безъ свѣчей, безъ всякой сортировки больныхъ и почти безъ медицинскаго персонала. Такъ, одинъ поѣздъ пришелъ въ Харбинъ только съ комендантомъ (офицеромъ) и *одной сестрой*. Были поѣзда, шедшіе всѣ ночи во мракѣ вслѣдствіе недостатка свѣчей и слѣдовавшіе нѣсколько станцій безъ всякаго медицинскаго персонала, который назначенъ былъ только въ Телинѣ. Не лучше было и съ питаніемъ больныхъ. Приходилось кормить эвакуируемыхъ въ пути на военно-продовольственныхъ пунктахъ, но здѣсь происходилъ нѣлый рядъ недоразумѣній: то неопытный комендантъ не отправлялъ во-время телеграммы, то поѣздъ опаздывалъ

*) По произведеннымъ подсчетамъ, во время боя на Шахе въ санитарныхъ поѣздахъ было перевезено около *трехъ* тысячъ раненыхъ, въ теплушкахъ около *тридцати* тысячъ.

валъ на много часовъ, а въ результатѣ больные нерѣдко по двое сутокъ не получали горячей пищи и голодали въ холодныхъ, нетопленыхъ вагонахъ. Чѣмъ ближе къ Харбину, тѣмъ больше усиливалась закупорка пути и тѣмъ больше мерзли и голодали эвакуируемые.

Въ томъ же «Русскомъ Врачѣ» (№ 14) приведенъ разсказъ одного врача, относящійся ко времени Ляоянскаго боя:

Ночью онъ услыхалъ раздававшіеся изъ одного закрытаго наглухо вагона стоны. Открывъ вагонъ, онъ увидалъ тамъ раненаго въ голову (въ безсознательномъ состояніи), сорвавшаго съ себя повязку; раненый стоялъ у форточки товарнаго вагона, доставалъ изъ раны пальцами кусочки размозженнаго мозга и разсматривалъ ихъ при свѣтѣ луны, а на полу въ темнотѣ лежали раненые въ животъ съ начавшимся уже воспаленіемъ брюшины и на каждый толчокъ вагона отвѣчали громкими стонами и проклятіями. Отъ испражненій, дѣлаемыхъ подъ себя, въ вагонѣ стояла вонь; духота и жажда усиливали страданія несчастныхъ. Повидимому, стоны эвакуируемыхъ донеслись и до Петербурга: въ двадцатыхъ числахъ августа проѣхали лица, собиравшія матеріалъ объ эвакуаціи, *и въ результатѣ явились докладъ и попытки улучшить эвакуацію.*

Ко времени боя на Шахе, какъ мы видѣли, «попытки» эти еще не увѣнчались успѣхомъ, все шло попрежнему. А вотъ что происходило въ засѣданіи Телинскаго Медицинскаго Общества уже въ январѣ 1905 года, незадолго до Мукденскаго боя:

Было выслушано сообщеніе Н. В. Рено о перевозкѣ раненыхъ и больныхъ въ теплушечныхъ поѣздахъ. Докладчица въ яркихъ краскахъ описала мытарства, испытываемыя перевозимыми въ этихъ поѣздахъ больными, и указала на угнетающее положеніе сопровождающаго эти поѣзда медицинскаго персонала, почти безсильнаго въ борьбѣ съ массой неустройствъ, которыя представляютъ эти поѣзда въ настоящемъ своемъ видѣ. При обмѣнѣ мнѣній, въ которомъ приняли участіе и инженеры, выяснилось, что, несмотря на годъ войны, для улучшенія этихъ поѣздовъ почти ничего не сдѣлано, *хотя улучшенія эти возможны при незначительныхъ затратахъ и мѣстными средствами желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.* Для всесторонняго обсужденія мѣропріятій, необходимыхъ въ цѣляхъ удовлетворительнаго оборудованія приспособленія теплушечныхъ санитарныхъ поѣздовъ, общество избрало комиссію, въ работахъ которой любезно согласились принять участіе и инженеры. Собранный комиссіей фактическій матеріалъ, а также составленный инж. Савкевичемъ проектъ передѣлки вагона были, по постановленію Общества, посланы главному начальнику санитарной части арміи. *На неожиданныхъ результатахъ этого представленія,* — добавилъ референтъ, — *я нахожу неудобнымъ здѣсь останавливаться* („Русскій Врачъ", 1905, № 25).

Результатъ же былъ очень простой. Отъ начальника санитарной части, генерала Ѳ. Ѳ. Трепова, въ отвѣтъ пришелъ запросъ, — *на какомъ основаніи существуетъ Телинское Медицинское Общество?* Отвѣтили, что на основаніи устава, утвержденнаго начальникомъ тыла, генераломъ Надаровымъ, для Харбинскаго Медицинскаго Общества, Телинское же представляетъ собою его филіальное отдѣленіе (замѣчу, что о су-

ществованіи Телинскаго Общества Трепову было извѣстно давно: Общество уже раньше писало ему о необходимости устроить въ Телинѣ изоляціонное помѣщеніе для заразныхъ больныхъ, но отвѣта не удостоилось). Послѣдовала вторая бумага отъ начальника санитарной части: *власть генерала Нафарова на Телинъ не распространяется*. Этимъ дѣло и закончилось.

Вокругъ насъ,—у станцій, у разъѣздовъ,—вездѣ стояли полевые госпитали. Одни изъ нихъ все еще не получали приказа развернуться. Издалека бѣлѣлись огромные парусиновые шатры съ свѣтло-зелеными гребнями, флаги съ краснымъ крестомъ призывно трепыхались подъ вѣтромъ.

— Вы что, собственно, дѣлаете? — спрашивалъ я врачей этихъ госпиталей.

— Что дѣлаемъ? *Записываемъ проѣзжающихъ раненыхъ*,— съ усмѣшкою отвѣчали врачи. — То и дѣло телеграммы: «немедленно всѣхъ эвакуировать»... Записанные ставятся на довольствіе. А на довольствіе каждаго нижняго чина полагается шестьдесятъ копеекъ въ сутки, на довольствіе офицера—рубль двадцать копеекъ. Смотрители ходятъ и потираютъ руки.

Такъ работали госпитали въ нашей мѣстности. А въ мукденскихъ каменныхъ баракахъ, которые мы сдали госпиталямъ другой дивизіи нашего корпуса, въ это время происходило вотъ что.

Въ бараки непрерывно прибывали раненые. Какъ будто прорвало какую-то плотину. Везли, везли. Шли пѣшкомъ. Приходили пѣшкомъ раненые въ животъ. Во всѣ двери валили люди въ окровавленныхъ повязкахъ. Въ одномъ изъ бараковъ было триста мѣстъ, въ другомъ — сто восемьдесятъ. Теперь въ каждый изъ нихъ набилось больше тысячи раненыхъ. Не хватало не только коекъ, — давно ужъ не хватало соломы и цыновокъ, не хватало мѣстъ подъ кровлею. Раненые лежали на полу между коекъ, лежали въ проходахъ и сѣняхъ бараковъ, наполняли разбитые около бараковъ госпитальные шатры. И все-таки мѣста всѣмъ не хватало. Они лежали подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ, окровавленные, трясущіеся и промокшіе, и въ воздухѣ стоялъ какой-то дрожащій сплошной стонъ отъ холода.

«Прикомандированные» врачи, которые при насъ безъ дѣла толкались въ баракахъ, теперь всѣ были разосланы Горбацевичемъ по полкамъ; они уѣхали въ одинъхъ шведскихъ курткахъ, безъ шинелей: Горбацевичъ такъ и не позволилъ имъ съѣздить въ Харбинъ за ихъ вещами. Всю громадную работу

въ обоихъ мукденскихъ баракахъ дѣлали теперь восемь штатныхъ ординаторовъ. Они безсмѣнно работали день и ночь, еле стоя на ногахъ. А раненыхъ все подносили и подвозили.

На кухняхъ не хватало котловъ. Сколько ихъ было, во всѣхъ наварили супу, разсчитывая, что проголодавшіеся раненые будутъ хотѣть ѣсть. Но большинство прибывшихъ просило пить, а не ѣсть; они отворачивались отъ теплаго, соленаго супа и просили воды. Воды не было: кипяченой негдѣ было приготовить, а сырой не рѣшались давать, потому что кругомъ свирѣпствовали дизентерія и брюшной тифъ.

Что же дѣлали эти мукденскіе бараки?

Они—они тоже «эвакуировали», и только. И было это еще курьезнѣе, чѣмъ у насъ. Эвакуировали они не только раненыхъ, привезенныхъ непосредственно съ позицій. Шедшіе съ юга санитарные теплушечные поѣзда останавливались въ Мукденѣ, раненыхъ выгружали, переносили въ бараки, а назавтра снова тащили на вокзалъ, грузили въ теплушки и отправляли дальше на сѣверъ. Можно было думать, что какой-то злобный дьяволъ нарочно устраиваетъ все это, чтобы повеселиться надъ безмѣрными муками людей. Но нѣтъ, дьяволъ былъ не злобный и не имѣлъ охоты веселиться; былъ онъ съ сухою, безстрастною бумажною душою, съ дѣловито-суетливымъ взглядомъ, и полагалъ, что дѣлаетъ самое настоящее дѣло.

То и дѣло въ бараки приходили телеграммы отъ военно-медицинскаго начальства: немедленно эвакуировать четыреста человѣкъ, немедленно эвакуировать семьсотъ человѣкъ... Охваченное какимъ-то непонятнымъ, безумнымъ бредомъ, начальство думало только объ одномъ: поскорѣе забросить раненыхъ какъ можно дальше отъ позицій. Бой на Шахе не кончился отступленіемъ арміи,—все равно! Онъ могъ кончиться отступленіемъ,—и вотъ тяжко раненыхъ, которымъ нужнѣе всего былъ покой, цѣлыми днями нагружали и выгружали, таскали съ мѣста на мѣсто, трясли и перетряхивали въ двуколкахъ и теплушкахъ.

По окончаніи боя Куропаткинъ съ чувствомъ большого удовлетворенія телеграфировалъ военному министру для доклада царю:

Во время боевъ съ 25 сентября по 8 октября изъ района боевыхъ дѣйствій манчжурской арміи вывезено въ Мукденъ, а отсюда эвакуировано въ тылъ: раненыхъ и больныхъ офицеровъ 945, нижнихъ чиновъ—31.111. Эвакуація столь значительнаго числа раненыхъ исполнена въ такой короткій срокъ, благодаря энергіи, распорядительности и совмѣстной дружной работѣ чиновъ санитарнаго и медицинскаго вѣдомства.

Всѣ раненые въ одинъ голосъ заявляли, что ужасны не

столько раны, сколько перевозка въ этихъ адскихъ двуколкахъ и теплушкахъ. Больные съ полостными ранами гибли въ нихъ, какъ мухи. Счастливъ былъ тотъ раненый въ животъ, который дня три-четыре провалялся на полѣ сраженія неподобраннымъ: онъ лежалъ тамъ безпомощный и одинокій, жаждалъ и мерзнулъ, его каждую минуту могли загрызть стаи голодныхъ собакъ, но у него былъ столь нужный для него *покой*; когда его подбирали, брюшныя раны до извѣстной степени уже склеились, и онъ былъ внѣ опасности.

Нарушая прямые приказы начальства, врачи мукденскихъ бараковъ на свой рискъ отдѣлили часть барака подъ полостныхъ раненыхъ и не эвакуировали ихъ. Результатъ получился поразительный: *всѣ они*, двадцать четыре человѣка, выздоровѣли, только одинъ получилъ ограниченный перитонитъ, одинъ—гнойный плевритъ, и оба поправились.

Подъ конецъ боя бараки посѣтилъ намѣстникъ и раздавалъ раненымъ солдатамъ Георгіевъ. По уходѣ намѣстника всѣ хохотали, а его адъютанты сконфуженно разводили руками и признавались, что, собственно говоря, всѣхъ этихъ георгіевъ слѣдовало бы отобрать обратно.

Идетъ намѣстникъ, за нимъ свита. На койкѣ лежитъ блѣдный солдатъ, надъ его животомъ огромный обручъ, на животѣ ледъ.

— Ты какъ раненъ?

— Значитъ, иду я, ваше высокопревосходительство, вдругъ ка-акъ *она* меня саданетъ, прямо въ животъ! Не помню, какъ, не помню, что...

Намѣстникъ вѣшаетъ ему Георгія. Но кто же была эта *она*? Шимоза? О, нѣтъ: обозная фура. Она опрокинулась на косогорѣ и придавила солдата-конвоха. Порохового дыма онъ и не нюхалъ.

Получили Георгія солдаты, раненые въ спину и въ задъ во время бѣгства. Получили больше тѣ, которые лежали на виду, у прохода. Лежавшіе дальше, къ стѣнамъ, остались ненагражденными. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ нашелся: онъ уже поправлялся, и ему сказали, что на-дняхъ его выпишутъ въ часть. Солдатъ пробрался межъ раненыхъ къ проходу, вытянулся передъ намѣстникомъ и заявилъ:

— Ваше высокопревосходительство! Прикажите выписать меня въ строй. Желаю еще послужить царю и отечеству.

Намѣстникъ благосклонно оглядѣлъ его.

— Это пусть доктора рѣшаютъ, когда тебя выписать. А пока—вотъ тебѣ.

И онъ повѣсилъ ему на халатъ Георгія.

Теперь пришлось повѣрить и слышаннымъ мною раньше разсказамъ о томъ, какъ раздавалъ намѣстникъ Георгіевъ; получилъ Георгія солдатъ, который въ пьяномъ видѣ упалъ подъ поѣздъ и потерялъ обѣ ноги; получилъ солдатъ, которому его товарищъ разбилъ въ дракѣ голову бутылкою. И многіе въ такомъ видѣ.

Въ теченіе боя, какъ я ужъ говорилъ, въ каждомъ изъ бараковъ работало всего по четыре штатныхъ ординатора. Кончился бой, схлынула волна раненыхъ, — и изъ Харбина на помощь врачамъ прибыло *пятнадцать* врачей изъ резерва. Дѣлать теперь имъ было рѣшительно нечего.

Начальство за время боя въ бараки не заглядывало, — теперь снова оно зачастило. Снова пошли распеканія, угрозы арестомъ и безтолковыя, противорѣчащія другъ другу приказанія.

Является Горбацевичъ.

— Что это такое?! Шинели больныхъ валяются на кроватяхъ!

— Нѣтъ цейхгауза, ваше превосходительство.

— Такъ вбейте гвоздики надъ каждою кроватью, пусть висятъ на гвоздикахъ.

Вбили. Является Трепокъ.

— Что это тутъ за цейхгаузъ? Чего вы этихъ шинелей понавѣшали? Загородили весь свѣтъ, набиваете пыль и заразу!

— Такъ приказалъ г. полевой медицинскій инспекторъ.

— Сейчасъ же убрать.

Инспекторъ госпиталей Езерскій—у этого было свое дѣло. Дежуритъ только-что призванный изъ запаса молодой врачъ. Онъ сидитъ въ пріемной за столомъ и читаетъ газету. Вошелъ Езерскій, прошелся по палатамъ разъ, другой. Врачъ посмотрѣлъ на него и продолжалъ читать. Езерскій подходитъ и спрашиваетъ:

— Сколько у васъ больныхъ?

— Больныхъ?.. Можно сейчасъ посмотрѣть, — благодушно заявляетъ врачъ и тянется къ книгѣ, куда записываютъ больныхъ.

— Скажите, пожалуйста: вы вотъ видите, по палатамъ ходитъ совсѣмъ чужой человѣкъ. А вы на это даже не обращаете вниманія и продолжаете читать газету. Можетъ-быть, я сумасшедшій?

Врачъ поднялъ брови, оглядѣлъ генерала и чуть пожалъ плечомъ: дескать, на видъ какъ будто незамѣтно.

Генералъ разсвирѣпѣлъ, сталъ кричать. Врачъ сообразилъ, что передъ нимъ какое-то начальство, всталъ и вытянулся.

— Подъ арестъ на семь сутокъ!

Вошелъ ординаторъ; съ рукою къ козырьку, говоритъ генералу:

— Простите, ваше превосходительство, въ этомъ виноваты мы. Товарищъ только-что прибылъ изъ запаса, военныхъ правилъ не знаетъ, а мы его не обучили.

— Что? Заступаться? Подъ арестъ на трое сутокъ!

Въ Мукденѣ шла описанная толчея. А мы въ своей деревнѣ не спѣша принимали и отправляли транспорты съ ранеными. Къ счастью раненыхъ, транспорты заѣзжали къ намъ все рѣже. Опять всѣ бездѣльничали и изнывали отъ скуки. На югѣ попрежнему гремѣли пушки, часто доносилась ружейная трескотня. Нѣсколько разъ японскіе снаряды начинали ложиться и рваться близъ самой нашей деревни.

У насъ расхворалась одна изъ штатныхъ сестеръ, за нею слѣдомъ — сверхштатная, жена офицера. Въ султановскомъ госпиталѣ заболѣла красавица Вѣра Николаевна. У всѣхъ трехъ оказался брюшной тифъ; онѣ захватили его въ Мукденѣ, ухаживая за больными. Заболѣвшихъ сестеръ эвакуировали на санитарномъ поѣздѣ въ Харбинъ.

Въ нашей деревнѣ стоялъ также штабъ одной пѣхотной дивизіи. Въ штабъ то и дѣло приводили подъ конвоемъ съ позицій китайцевъ, связанныхъ между собою за косы. Тутъ же, за околицею деревни, имъ рубили головы. Отовсюду шли смутные, волнующіе слухи о предательствахъ китайцевъ. Разсказывали, что они снуютъ между позиціями, сигнализируютъ японцамъ съ крышъ, деревьевъ и сопокъ, обстрѣливаютъ наши транспорты съ ранеными и отступающія войска; невидимо и неуловимо, то и дѣло въ самыхъ важныхъ мѣстахъ перерывались наши телеграфныя и телефонныя сообщенія.

Въ этихъ разсказахъ было много справедливаго: китайцевъ-сигнальщиковъ нерѣдко ловили на мѣстѣ преступленія; подъ китайскою одеждою бродячаго фокусника оказывался японскій шпіонъ съ привязанною косою; японцы съ поразительною точностью знали расположеніе всѣхъ нашихъ частей, знали о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ. Создавалось ощущеніе тихо скользящаго кругомъ тайнаго, повсемѣстнаго предательства, каждый китаецъ вызывалъ подозрѣніе. А изъ этого вырастало что-то чудовищное, что было бы смѣшнымъ, если бы не было ужаснымъ.

Въ сосѣдней деревнѣ китаецъ взлѣзъ со снопомъ каолина на крышу своей фанзы, чтобы задѣлать въ ней дыру. Снопъ замелькалъ въ воздухѣ. Увидѣлъ это казакъ, — и китаецъ,

пробитый пулею, покатился съ крыши. Верстахъ въ трехъ впереди насъ скрытно стояла за рощею наша мортирная батарея: японцы никакъ не могли ее нащупать, не подозрѣвая, что она стоитъ такъ близко къ нимъ. Случайно мимо батареи прошло нѣсколько китайцевъ, пробиравшихся изъ Мукдена къ свою деревню за припасами. Ихъ всѣхъ перехватали и порубили. Въ нашъ госпиталь приносили съ позицій раненыхъ нанятые китайцы; для обратнаго возвращенія они просили у насъ «пиши-пиши» (записки): а то солдаты скажутъ, что хунхузъ, и сдѣлаютъ «кантрами» *). Дѣйствительно, и на Шахе, и подъ Ляояномъ немало китайцевъ, нанятыхъ русскими для переноски раненыхъ, русскими же были перебиты, какъ шпіоны.

Не одинъ китаецъ палъ жертвою... геліографа! Большинство нашихъ солдатъ рѣшительно ничего не знало о геліографѣ и объ его употребленіи въ русской арміи. Вдали, гдѣ тянутся туманно-голубыя горы, на сопкѣ ярко и таинственно начинаетъ свѣтиться какой-то мелькающій огонекъ. Помелькаетъ минуты двѣ-три и исчезнетъ. Въ сосѣдней деревнѣ, надъ крышами, вдругъ тоже ослѣпительно-ярко блеснетъ межъ деревьевъ прерывистый свѣтъ, и снова въ отвѣтъ ему зловѣще замерцаетъ огонекъ на далекой голубой сопкѣ. И всѣхъ охватываетъ волнующее ощущеніе тайны и предательства, желаніе что-то сдѣлать, предупредить...

Я ѣхалъ какъ-то верхомъ съ однимъ знакомымъ офицеромъ. На крышѣ китайской фанзы работали два сапера-геліографиста. Мы остановились посмотрѣть. Вдругъ съ дерева посыпались перебитыя вѣточки, въ воздухѣ зажужжали пули, а саперы кубаремъ скатились съ крыши. Въ деревню во весь карьеръ влетѣли казаки.

— Сейчасъ на крышѣ два китайца давали сигналы зеркалами. Одного мы подстрѣлили, а другой соскочилъ и убѣжалъ. Не видали вы, куда онъ побѣгъ?

— Подлецы вы, сукины дѣти! Аль вамъ глаза запорошило? Это вы по насъ стрѣляли! — накинулись саперы на сконфуженныхъ казаковъ.

Саперные офицеры разсказывали мнѣ, что отъ солдатъ и

---

*) *Кантрами* или *кантами* значитъ «голову долой». Но это не китайское слово. Въ сношеніяхъ съ китайцами мы употребляли цѣлый рядъ словъ, относительно которыхъ происходило курьезнѣйшее недоразумѣніе: мы думали, что эти слова — китайскія, а китайцы думали, что эти слова — русскія. Таковы *кантрами* (по-китайски *кханоудо*), *шанго* (хорошо, по-китайски — *хао*) и др.

казаковъ не разъ жестоко попадало китайцамъ деревень, въ которыхъ работалъ геліографъ.

И повсюду, по самымъ разнымъ поводамъ, происходили горькія ошибки, которыхъ ужъ нельзя было поправить. Однажды командиръ нашего корпуса проѣзжалъ черезъ китайскую деревню. Изъ-за угла глинянаго забора по генералу раздалось подъ рядъ два выстрѣла. Конвойные казаки бросились за уголъ, изрубили шашками двухъ китайцевъ, захватили еще пятерыхъ. Черезъ нѣсколько дней захваченныхъ казнили и закопали на берегу рѣчки. Дожди размыли край берега, изъ глины торчали ноги въ синихъ штанахъ и черныхъ туфляхъ на бѣлыхъ подверткахъ. А много позднѣе отъ одного изъ штабныхъ офицеровъ я узналъ подъ строжайшимъ секретомъ вотъ что: уже послѣ казни китайцевъ оказалось, что стрѣляли вовсе не по генералу; въ деревню заѣхали два казака и стали охотиться на китайскую свинью; свинья перебѣжала дорогу, казаки стали по ней стрѣлять и второпяхъ не замѣтили приближавшейся изъ-за угла коляски съ генераломъ; они увидѣли, что попали въ исторію, и ускакали, а за нихъ поплатились мѣстные китайскіе мужики. Потомъ эти казаки сами разсказали обо всемъ конвойнымъ казакамъ. Генералъ строжайше приказалъ всѣмъ молчать о случившемся недоразумѣніи.

Когда кругомъ темно, когда въ душѣ — чутко-насторожившееся подозрѣніе, ошибки такъ легки! Ошибки горькія, ужасныя. И къ этимъ ошибкамъ всѣ относились съ безтрепетнымъ равнодушіемъ: что же дѣлать! Кто ихъ тамъ разберетъ! Есть время возиться съ ними!.. Среди стриженыхъ людей съ бѣлыми лицами были желтолицые люди съ длинными косами. И жизнь этихъ желтолицыхъ людей стала дешевле взмаха руки. Никто не требовалъ отчета отъ убійцъ желтаго человѣка. У него можно было отнять жизнь по ошибкѣ, по неохотѣ разобрать дѣло, просто потому, что хочется размахнуться шашкою. Кровавый туманъ поднимался, окутывалъ и опьянялъ души, беззащитность, какъ нагая женщина съ связанными руками, тянула къ себѣ и будила желанія. Вотъ передъ тобою человѣкъ, что то драгоцѣнное и запретное: а тутъ захотѣлъ, — ударь его шашкою, выстрѣли въ него изъ винтовки.

На правомъ флангѣ въ китайскую деревню заѣхалъ отрядъ черкесовъ. Китайцы окружили ихъ и стали глазѣть на невиданную форму. Вдругъ черкесы выхватили шашки и стали рубить толпу, — мужчинъ, женщинъ, дѣтей. За что? Объяснили они очень просто:

— Мэшалы ѣхать!

Казакамъ поручали отвести захваченныхъ на позиціи китайцевъ въ штабъ. Если китайцевъ отправляли при бумагѣ, казаки доставляли ихъ на мѣсто; если бумаги не было, то поступали проще. «Вотъ еще, полъ-дня съ ними канителиться!» Заведутъ въ каолянъ. изрубятъ шашками и закидаютъ трупы каоляномъ.

Если у солдатъ, стоявшихъ по деревнямъ, происходило недоразумѣніе съ хозяиномъ-китайцемъ, солдаты грозились китайцу:

— Ты у насъ поговори!.. Пойдемъ, скажемъ ротному, что ты на солдата ножомъ замахнулся,—тебѣ кантрами сдѣлаютъ!

Однажды ѣхалъ я верхомъ; въ канавѣ возлѣ дороги валялись два только-что убитыхъ китайца, оба окровавленные, одинъ еще дышалъ тяжело и медленно. Проѣзжіе останавливались, смотрѣли и равнодушно ѣхали дальше. Лошади, тѣ настораживали уши, дико храпѣли и шарахались въ сторону. Люди смотрѣли съ чуждымъ любопытствомъ зѣвакъ, въ душахъ не было смятенія, не было извѣчнаго ужаса передъ уничтоженіемъ жизни: жизнь длинноволосаго желтаго человѣка уже перестала чувствоваться, какъ жизнь.

Вскорѣ все еще больше замѣшалось. И въ глубинѣ Россіи уже одинаково бѣлолицые люди перестали чувствовать жизнь одинъ въ другомъ.

Наша деревня съ каждымъ днемъ разрушалась. Фанзы стояли безъ дверей и оконныхъ рамъ, со многихъ уже сняты были крыши; глиняныя стѣны поднимались среди опустошенныхъ дворовъ, усѣянныхъ осколками битой посуды. Китайцевъ въ деревнѣ уже не было. Собаки уходили со дворовъ, гдѣ жили теперь чужіе люди, и,—голодныя, одичалыя,—большими стаями бѣгали по полямъ.

Въ сосѣдней деревушкѣ, въ убогой глиняной лачугѣ, лежала больная старуха-китаянка; при ней остался ея сынъ. Увезти ее онъ не могъ: казаки угнали муловъ. Окна были выломаны на костры, двери сняты, мебель пожжена, всѣ запасы отобраны. Голодные, они мерзли въ разрушенной фанзѣ. И вдругъ до насъ дошла страшная вѣсть: сынъ своими руками зарѣзалъ больную мать и ушелъ изъ деревни.

Воротился изъ Мукдена нашъ хозяинъ. Увидѣлъ онъ свою разграбленную фанзу, ахнулъ, покачалъ головою. Со своею ужасною, любезно-вѣжливою улыбкою подошелъ къ вывороченной двери погреба, спустился, посмотрѣлъ и вылѣзъ обратно. Неподвижное лицо не выражало ничего.

Подъ вечеръ китаецъ сидѣлъ съ фельдшеромъ на стволѣ дерева, срубленнаго нами на его огородѣ. Любопытствующимъ голосомъ онъ спрашивалъ фельдшера:

— Ходя (пріятель), твоя мадама ю (у тебя жена есть)?

— Ю (есть),—отвѣчалъ фельдшеръ.

— Маленька ю?—спрашивалъ китаецъ и показывалъ рукою на полъ-аршина отъ земли.

— И ребята есть.

Фельдшеръ вздохнулъ и задумался. А китаецъ тихимъ, безстрастнымъ голосомъ разсказывалъ, что у него тоже есть «мадама» и трое ребятъ, что всѣ они живутъ въ Мукденѣ. А Мукденъ, какъ мухами, набитъ китайцами, бѣжавшими и выселенными изъ занятыхъ русскими деревень. Все очень вздорожало, за уголъ фанзы требуютъ по десять рублей въ мѣсяцъ, «палка» луку стоитъ копейку, пудъ каоляна—полтора рубля. А денегъ взять негдѣ.

Онъ сидѣлъ понурившись, исхудалый, съ ровно-смуглымъ, молодымъ цвѣтомъ кожи на красивомъ лицѣ. Фельдшеръ далъ ему кусокъ чернаго хлѣба. Китаецъ жадно закусилъ хлѣбъ своими кривыми зубами.

Отъ колодца прошелъ нашъ кашеваръ съ четырехугольнымъ чернымъ ведромъ въ рукахъ.

— А, ходя! Здравствуй!—весело крикнулъ онъ китайцу.

Китаецъ привѣтливо кивнулъ въ отвѣтъ.

— Длiасть!—И съ вѣжливо-любезною улыбкою онъ указалъ рукою на ведро.

— Что? Твое ведро?

— Моя!—улыбнулся китаецъ.

— Какъ это ты, ходя, сюда въ деревню пробрался?—спросилъ фельдшеръ.—У насъ тутъ всѣхъ китаевъ выселили. Пойдешь назадъ, попадешься казакамъ,—кантрами тебѣ сдѣлаютъ

— Моя не боиса!—равнодушно отвѣтилъ китаецъ.

На вечерней зарѣ онъ ушелъ изъ деревни, и больше мы его ужъ не видѣли.

За ужиномъ главный врачъ, вздыхая, ораторствовалъ:

— Да! Если мы на томъ свѣтѣ будемъ горѣть, то мнѣ придется попасть на очень горячую сковородку. Вотъ, приходилъ сегодня нашъ хозяинъ. Должно-быть, онъ хотѣлъ взять три мѣшка рису, которые зарылъ въ погребѣ; а ихъ ужъ раньше откопала наша команда. Онъ, можетъ-быть, только на нихъ и разсчитывалъ, чтобы не помереть съ голоду, а поѣли рисъ наши солдаты.

— Позвольте!.. Вы это знали,—какъ же вы это могли допустить?—спросили мы.

Главный врачъ забѣгалъ глазами.

— Я это только-что самъ узналъ.

— Только вы одинъ во всемъ этомъ и виноваты, — рѣзко сказалъ Селюковъ. — Вотъ, недалеко отъ насъ дивизіонный лазаретъ: смотритель собралъ команду и объявилъ, что перваго же, кто попадется въ мародерствѣ, онъ отдастъ подъ судъ. И мародерства нѣтъ. Но, конечно, онъ при этомъ покупаетъ солдатамъ и припасы, и дрова.

Воцарилось «неловкое молчаніе». Денщики съ неподвижными лицами стояли у дверей, но глаза ихъ смѣялись.

— Вообще, нѣтъ ничего болѣе позорнаго и безобразнаго, чѣмъ война!—вздохнулъ главный врачъ.

Всѣ молчали.

— Я вѣрю, что со временемъ Европа получитъ отъ Востока жестокое возмездіе,—продолжалъ главный врачъ.

Деликатный Панцеръ не выдержалъ и заговорилъ о желтой опасности, объ извѣстной картинѣ германскаго императора.

Послѣ ужина денщики, посмѣиваясь, сообщили намъ, что про мѣшки съ рисомъ главный врачъ зналъ съ самаго начала; солдатамъ, отвыкшимъ рисъ, онъ далъ по двугривенному, а рисомъ этимъ кормитъ теперь команду.

Тотъ дивизіонный лазаретъ, о которомъ упомянулъ Селюковъ, представлялъ собою какой-то удивительный, свѣтлый оазисъ среди бездушно-черной пустыни нашего хозяйничанія въ Маньчжуріи. И причиною этого чрезвычайнаго явленія было только то, что начальникъ лазарета и смотритель были элементарно-честными людьми и не хотѣли наживаться на счетъ китайцевъ. Мнѣ пришлось быть въ деревнѣ, гдѣ стоялъ этотъ лазаретъ. Деревня имѣла необычайный, невѣроятный видъ: фанзы и дворы стояли нетронутые, съ цѣльными дверями и окнами, со скирдами хлѣба на гумнахъ; по улицамъ рѣзвились китайскіе ребятишки, безъ страха ходили женщины, у мужчинъ были веселыя лица. Кумирня охранялась часовымъ. По улицамъ днемъ и ночью расхаживали патрули и, къ великому изумленію забиравшихся въ деревню чужихъ солдатъ и казаковъ, безпощадно арестовывали мародеровъ.

И какое же зато было тамъ у китайцевъ отношеніе къ русскимъ! Мы часто цѣлыми днями сидѣли безъ самаго необходимаго,—тамъ былъ полный избытокъ во всемъ: китайцы, какъ изъ-подъ земли, доставали русскимъ рѣшительно все, что они спрашивали. Никто тамъ не боялся хунхузовъ, глухою ночью всѣ ходили по деревнѣ безоружные.

О, эти хунхузы, шпіоны, сигнальщики! Какъ бы ихъ было ничтожно-мало, какъ бы легко было съ ними справляться,

если бы русская армія хоть въ отдаленной мѣрѣ была тою внѣшне и морально дисциплинированной арміей, какою ее изображали въ газетахъ лживые корреспонденты-патріоты...

Бой постепенно, незамѣтно затихалъ. Двѣ огромныя волны раскатились, сшиблись и теперь медленно оттекали обратно. Обѣ арміи за небольшими измѣненіями остались на своихъ мѣстахъ. Рѣже и глуше грохотали пушки, все меньше шло раненыхъ. Русскіе и японцы сидѣли другъ противъ друга въ залитыхъ дождями окопахъ, шагахъ въ трехстахъ разстоянія, и стыли по колѣно въ водѣ, скорчившись за брустверами. Кто неосторожно выглядывалъ, сейчасъ же получалъ въ голову пулю. Въ госпитали теперь повалили больные съ бронхитами, ревматизмами и лихорадками.

Къ намъ забѣжала оживленная Зинаида Аркадьевна и сообщила, что отобраніе у японцевъ шестнадцати орудій и взятіе сопки съ деревомъ рѣшено раздуть въ грандіозную побѣду и приступить къ переговорамъ о мирѣ. Слухъ этотъ сталъ распространяться. Нѣкоторые офицеры сдержанно замѣчали:

— Самый благопріятный моментъ для мира. Позиціи мы удержали, къ переговорамъ приступимъ не какъ побѣжденные...

Другіе возмущались.

— Какъ? Вполнѣ ясно, въ войнѣ наступаетъ переломъ! До сихъ поръ мы все отступали, теперь удержались на мѣстѣ. Въ слѣдующій бой разобьемъ японцевъ. А ихъ только разъ разбить, — тогда такъ и побѣгутъ до самаго моря. Главная работа будетъ ужъ казакамъ... Войскъ у нихъ больше нѣтъ, а къ намъ подходятъ все новыя... Наступаетъ зима, а японцы привыкли къ жаркому климату. Вотъ увидите, какъ они у насъ тутъ зимою запищатъ!

Большинство офицеровъ насчетъ зимы соглашалось, но въ общемъ молчало и не высказывалось.

Отъ бывшихъ на войнѣ съ самаго ея начала я не разъ впослѣдствіи слышалъ, что наибольшей высоты всеобщее настроеніе достигло во время Ляоянскаго боя. Тогда у всѣхъ была вѣра въ побѣду, и всѣ вѣрили, не обманывая себя; тогда «рвались въ бой» даже тѣ офицеры, которые черезъ нѣсколько-мѣсяцевъ толпами устремлялись въ госпитали при первыхъ слухахъ о боѣ. Я этого подъема уже не засталъ. При мнѣ все время, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, настроеніе медленно и непрерывно падало. Люди хватались за первый намекъ, чтобъ удержать остатокъ вѣры.

Раньше говорили, что японцы — природные моряки, что мы ихъ будемъ бить на сушѣ; потомъ стали говорить, что японцы

привыкли къ горамъ, что мы ихъ будемъ бить на равнинѣ. Теперь говорили, что японцы привыкли къ лѣту, и мы будемъ ихъ бить зимою. И всѣ старались вѣрить въ зиму.

V.

ВЕЛИКОЕ СТОЯНІЕ: ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ.

Однажды вечеромъ оба наши госпиталя получили изъ штаба корпуса приказъ: немедленно передвинуться изъ деревни Сяо-Кін-Шипу на западъ, въ деревню Бейтайцзеинъ. Когда этотъ приказъ былъ полученъ, племянница Султанова, Новицкая, почему-то чрезвычайно обрадовалась. У нихъ сидѣлъ адъютантъ изъ штаба корпуса; провожая его, она вся сіяла и просила передать корпусному командиру ея «большое, большое спасибо».

Деревня Бейтайцзеинъ была всего за двѣ версты отъ деревни, гдѣ мы стояли. Наутро нашъ госпиталь двинулся. Въ султановскомъ госпиталѣ только еще начинали укладываться; Султановъ пилъ въ постели кофе.

Нашъ главный врачъ забралъ съ собою изъ фанзы все, что можно было уложить на возы,—два стола, табуретки, четыре изящныхъ красныхъ шкапчика; въ сѣняхъ велѣлъ выломать изъ печки большой котелъ. На наши протесты онъ заявилъ:

— Здѣсь, все равно, все разграбятъ. А я имъ потомъ возвращу.

Пріѣхали мы въ Бейтайцзеинъ. Деревня была большая, въ двѣ длинныхъ улицы, но совершенно опустошенная. Фанзы стояли безъ крышъ, глиняныя стѣны зіяли черными квадратами выломанныхъ на топку оконъ и дверей. Только на одной изъ улицъ тянулся рядъ большихъ, богатыхъ каменныхъ фанзъ, совершенно нетронутыхъ. У воротъ каждой фанзы стояло по часовому.

— Эти фанзы заняты кѣмъ-нибудь? — спросилъ часового главный врачъ.

— Такъ точно!

— Кто въ нихъ стоитъ?

— Штабъ корпуса стоялъ. Вчера онъ перешелъ вонъ въ ту деревню, теперь будетъ стоять ** полевой подвижной госпиталь (султановскій).

— А отъ кого же этотъ караулъ поставленъ?

— Отъ штаба корпуса.

Такъ... Дѣло начинало выясняться. Мы обошли всю де-

ревню. Послѣ долгихъ поисковъ помощникъ смотрителя нашелъ на одномъ дворѣ, рядомъ съ султановскими фанзами, двѣ убогихъ, тѣсныхъ и грязныхъ лачуги. Больше помѣститься было негдѣ. Солдаты располагались бивакомъ на огородахъ, наши денщики чистили и выметали лачуги, заклеивали бумагою прорванныя окна.

Мы пошли посмотрѣть фанзы, охранявшіяся для Султанова. Помѣщенія были чистыя, просторныя и роскошныя. Караульные разсказали намъ, что передъ въѣздомъ сюда корпуснаго командира цѣлая рота саперовъ три дня отдѣлывала эти помѣщенія. Теперь стало понятно, почему такъ обрадовалась Новицкая полученному приказу, за что передавала она благодарность командиру корпуса; и стало также понятно это безсмысленное передвиженіе госпиталей всего за двѣ версты. Въ прежней деревнѣ весь персоналъ султановскаго госпиталя тѣснился, какъ и мы, въ одной фанзѣ, и это, конечно, не могло нравиться Новицкой. Возникалъ невѣроятный вопросъ, — неужели сотни людей такъ легко перебрасываются съ мѣста на мѣсто по мановенію одного тонкаго бѣлаго пальчика сестры Новицкой? Впослѣдствіи мы не разъ имѣли случай убѣдиться, какая волшебно-огромная сила заключалась въ этомъ пальчикѣ.

Денщики ввели возъ съ нашими вещами во дворикъ и стали вносить въ вычищенныя ими фанзы вещи. Къ сосѣднимъ фанзамъ подъѣхалъ султановскій обозъ. Въ воротахъ нашего двора показалась стройная фигура Султанова верхомъ на бѣлой лошади.

— Послушайте, это чьи тутъ вещи, ваши? — крикнулъ онъ д-ру Гречихину.

— Да.

— Потрудитесь убрать ихъ. Это все наши фанзы.

— Ваши вонъ онѣ фанзы. Намъ никто не говорилъ, что эти заняты.

— Ну, вотъ я вамъ и говорю... Эй, вы! Не вносить вещей! — крикнулъ Султановъ нашимъ денщикамъ.

Мы съ Шанцеромъ стояли у воротъ. Шанцеръ, всегда удивительно равнодушный къ тому, какъ устроиться, съ веселымъ любопытствомъ оглядывалъ Султанова. Къ воротамъ поспѣшно подошли Новицкая и Зинаида Аркадьевна.

Новицкая, злая и взволнованная, накинулась на Шанцера:

— Это наши фанзы, вы не имѣли права ихъ занимать; генералъ намъ ихъ оставилъ, тутъ стоялъ нашъ караулъ... Вы думали, что раньше пріѣхали, такъ все можете захватить!..

Она взволнованно сыпала словами; слышалось только быстрое, злобное: «те-те-те-те-те!». И вдругъ въ ней исчезла вся ея

изящная медленность, передъ глазами суетливо металось противное, вульгарное существо, съ маленькою головкою и злобнымъ, идіотическимъ лицомъ.

— Что вы ко мнѣ обращаетесь? Мнѣ до всего этого нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, — брезгливо отвѣтилъ Шанцеръ, пожавъ плечомъ.

— Вѣдь правда, лапочка, при чемъ же тутъ Моисей Григорьевичъ? — сдержанно замѣтила Зинаида Аркадьевна.

Новицкая осѣклась, и обѣ онѣ поспѣшили къ своимъ фанзамъ.

Пришелъ нашъ главный врачъ. Онъ приказалъ денщикамъ продолжать вносить вещи въ фанзу. Султановъ своимъ лѣнивымъ, небрежнымъ голосомъ обратился къ нему:

— Гораздо лучше, подѣлимъ деревню пополамъ. Намъ эта улица, вамъ — та.

— Покорно васъ благодарю! Не хотите ли наоборотъ? — отвѣтилъ Давыдовъ, еле сдерживая негодованіе. — Въ этихъ фанзахъ я бы, по крайней мѣрѣ, постѣснился помѣстить даже собакъ!

Наконецъ все какъ будто уладилось. Мы устраивались въ своей фанзѣ, распаковывали вещи. Вдругъ на нашемъ дворѣ появилась Зинаида Аркадьевна съ унтеръ-офицеромъ, начальникомъ караула. Она суетливо ходила по двору и все осматривала.

— Здѣсь былъ полевой телеграфъ? Такъ эта фанза тоже наша! Какъ же ты имъ не сказалъ?

— Мнѣ, барышня, было приказано охранять только тѣ фанзы.

— Нѣтъ, и эту, не выдумывай, пожалуйста! Мнѣ самъ генералъ сказалъ, самъ все показывалъ... Какой же ты начальникъ караула? Я на тебя пожалуюсь корпусному командиру!

Она ушла съ нимъ въ калитку къ своимъ фанзамъ. Черезъ минуту унтеръ-офицеръ, приложивъ руку къ козырьку, подошелъ къ Давыдову, слѣдившему за водруженіемъ госпитальныхъ шатровъ.

— Ваше высокоблагородіе, прикажите очистить ваши фанзы, — почтительно сказалъ онъ. — А то я буду отвѣчать передъ ихъ высокопревосходительствомъ.

Главный врачъ вспыхнулъ, какъ зарево.

— Скажи твоему высокопревосходительству, — произнесъ онъ рѣзко и раздѣльно, — что я насильно заняль эти фанзы. Пошелъ прочь!

Отъ Султанова прибѣжалъ другой солдатъ и заявилъ, что вышло недоразумѣніе, что Султанову довольно его фанзъ.

Шанцеръ былъ въ восхищеніи отъ отвѣта нашего главнаго врача.

— Великолѣпно! Великолѣпно! — повторялъ онъ. — За этотъ отвѣтъ ему можно многое простить!

Султановцы устроились съ полнымъ комфортомъ. Самъ Султановъ, Новицкая и Зинаида Аркадьевна взяли себѣ по отдѣльному просторному помѣщенію; отдѣльное помѣщеніе получили четыре младшихъ врача, отдѣльное — хозяйственный персоналъ. Мы всѣ вповалку размѣстились на глиняныхъ лежанкахъ двухъ нашихъ тѣсныхъ, грязныхъ фанзъ.

Вечеромъ передъ султановскими воротами стояла коляска корпуснаго командира и шарабанъ его адъютанта, привезшаго Султанову приглашеніе на ужинъ къ корпусному. Вышелъ Султановъ, вышли разрядившіяся, надушенныя Новицкая и Зинаида Аркадьевна; онѣ сѣли въ коляску и покатили въ сосѣднюю деревню.

На дворѣ стоялъ подъ ружьемъ солдатъ-поваръ, испортившій къ султановскому обѣду пирожное.

Для больныхъ у насъ разбили шатры. Но по ночамъ бывало ужъ очень холодно. Главный врачъ отыскалъ нѣсколько фанзъ, попорченныхъ меньше, чѣмъ другія, и сталъ отдѣлывать ихъ подъ больныхъ. Три дня надъ фанзами работали плотники и штукатуры нашей команды.

Помѣщенія были готовы, мы собирались перевести въ нихъ больныхъ изъ шатровъ. Вдругъ новый приказъ: всѣхъ больныхъ немедленно эвакуировать на санитарный поѣздъ, госпиталямъ свернуться и итти — намъ въ деревню Суятунь, султановскому госпиталю — въ другую деревню. Всѣ мы облегченно вздохнули: слава Богу! будемъ стоять отдѣльно отъ Султанова!

Утромъ на зарѣ мы двинулись. Весь нашъ корпусъ переводился съ праваго фланга въ центръ. По дорогамъ сплошными массами тянулись пѣхотныя колонны, обозы, батареи и парки. То и дѣло происходили остановки.

Во время одной такой остановки насъ нагнала кучка китайцевъ, связанныхъ между собою за косы. Кругомъ шли солдаты съ винтовками, въ фуражкахъ съ бѣлыми околышами. Они присѣли на бугорокъ отдохнуть.

— Это что за китайцы? — спросили мы конвойныхъ.

— Извѣстно, кто — хунхузы!

Китайцы сидѣли молча; при движеніи ихъ связанныя косы туго натягивались. Одинъ, совсѣмъ молодой, съ любопытствомъ смотрѣлъ по сторонамъ; у другого нижняя губа угрюмо от-

висла; третій сидѣлъ съ равнодушнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ.

Подошли два артиллериста.

— А-а, шибко знакомъ! — воскликнули они, кивая сѣдому китайцу.

У старика была жидкая косичка и рѣдкая сѣдая бородка клиномъ; тусклые глаза съ красными вѣками слезились, подъ носомъ было мокро. Онъ сидѣлъ на корточкахъ, оскаливъ сжеванные зубы, и щурился отъ солнца; казалось, будто онъ улыбается.

— Вы его знаете?—спросилъ я артиллеристовъ.

— Да какъ же! Онъ изъ той деревни, гдѣ мы стояли. Ихъ всѣхъ, китаевъ, приказано было выселить, а у него только-что старуха померла. Онъ потихоньку назадъ пришелъ съ двумя сынами, старуху хоронить. Мы имъ сколько разъ хлѣба давали.

— Стали его съ сынами ловить, еще шестерыхъ нашли,— вздохнулъ одинъ изъ конвойныхъ.—Ротный велѣлъ въ штабъ дивизіи отвесть, а гдѣ его теперь отыщешь, штабъ-то? Никто не знаетъ.

Мы пришли въ деревню Суятунь. Она лежала за четверть версты на востокъ отъ станціи. Деревня, по-обычному, была полуразрушена, но китайцевъ еще не выселили. Надъ низкими глиняными заборами повсюду мелькали плоскіе цѣпы и обмотанныя черными косами головы: китайцы спѣшно обмолачивали каолянъ и чумизу.

Намъ, младшимъ врачамъ, удалось найти маленькую, брошенную китайцами фанзу, гдѣ мы поселились отдѣльно. Это было, какъ свѣтлое избавленіе,—не видѣть передъ собою постоянно главнаго врача и смотрителя.

Къ вечеру съ восточной стороны въ деревню вошла кучка связанныхъ за косы китайцевъ; кругомъ шли солдаты съ винтовками, въ фуражкахъ съ бѣлыми околышами.

— Ваше благородіе, не знаете, гдѣ штабъ ** дивизіи?

— Не знаю... Это мы съ вами сегодня утромъ разговаривали за желѣзною дорогою?

Солдаты узнали меня:

— Такъ точно!

— Это вы съ тѣхъ поръ все ходите?!

— Съ пяти часовъ утра ходимъ... Кого ни спросишь, никто не знаетъ.

У солдатъ были голодныя, измученныя и озлобленныя лица. Китайцы смотрѣли равнодушно и безстрастно; близко связанныя косы мѣшали имъ ворочать головами; чтобы было посвободнѣе, они старались стать другъ къ другу затылками.

Мы напоили всѣхъ чаемъ съ хлѣбомъ, и въ сумеркахъ они побрели дальше, не зная, куда.

Къ ночи пошелъ дождь, стало очень холодно. Мы попробовали затопить *кханы*—широкія лежанки, тянувшіяся вдоль стѣнъ фанзы. Ѣдкій дымъ каоляновыхъ стеблей валилъ изъ трещинъ лежанокъ, валилъ назадъ изъ топки; отъ вмазаннаго въ сѣняхъ котла шелъ жирный чадъ и мѣшался съ дымомъ. Болѣла голова. Дождь хлесталъ въ рваныя бумажныя окна, лужи собирались на грязныхъ подоконникахъ и стекали на кханы.

У насъ сидѣлъ заблудившійся офицеръ-стрѣлокъ, застигнутый ночью и непогодою. Онъ пилъ чай съ ромомъ и разсказывалъ, что слухи о мирѣ оказались невѣрными, что рѣшено воевать дальше. А идетъ суровая зима, а полушубковъ все не высылаютъ. Стрѣлки у нихъ рады ужъ тому, что недавно получили назадъ шинели: лѣтомъ, въ виду ихъ тяжести и стоящихъ жаровъ, шинели были отобраны. Въ арміи нѣтъ ни снарядовъ, ни припасовъ. Харбинскій складъ снарядовъ весь исчерпанъ, приходится разсчитывать только на подвозъ изъ Россіи. Страна опустошена, фанзы разрушены; черезъ пару мѣсяцевъ не будетъ ни жилищъ, ни дровъ, ни фуражу. Повторится двѣнадцатый годъ, только мы будемъ въ роли французовъ.

Китайцы упорно и сосредоточенно продолжали работать на своихъ опустошенныхъ дворахъ. Они льстиво заговаривали съ нами, заявляли, что «русска капитанъ шибко шанго» (очень хорошій), а «русска солдата хунхуза» (разбойники), показывали намъ свои разграбленныя фанзы—и опять принимались за работу, молотили и вѣяли. И всю ночь напролетъ слышенъ былъ стукъ ихъ плоскихъ цѣповъ.

Кругомъ, по всей широкой мукденской равнинѣ, по полямъ и деревнямъ, шелъ огромный, организованный, равнодушно-безслышный разбой. На поляхъ всюду зеленѣли ряды фуръ, грузившія копны каолина и чумизы, груженыя фуры вереницами двигались по дорогамъ. Въ интендантствахъ вырастали гигантскіе, въ десятки саженъ длиною, ометы каоляновой, чумизной и рисовой соломы. Я спрашивалъ наблюдавшихъ за сборомъ фуража офицеровъ и чиновниковъ, платятъ ли они за забираемый фуражъ.

Одни уклончиво отвѣчали, что, разумѣется, платятъ, если находится хозяинъ, но только большая часть китайцевъ уже разбѣжалась; притомъ всѣ эти китайцы удивительные подлецы:

на каждую кошу и каждое дерево заявляется по десятку хозяевъ, цѣны запрашиваютъ нахальнѣйшія.

Другіе чиновники и офицеры, болѣе откровенные, лукаво смѣялись на мой вопросъ и отвѣчали:

— Платимъ, да: «по справочной цѣнѣ»...

«По справочной цѣнѣ» — это стало общеупотребительнымъ въ арміи терминомъ для обозначенія дарового пріобрѣтенія.

Отъ насъ также то и дѣло выѣзжалъ на фуражировку обозный унтеръ-офицеръ съ шестью-восемью фурами. Близъ нашей обозной стоянки постепенно вырастали стожки и ометы фуража. Однажды солдаты воротились съ фуражировки смущенные, испуганные, и сообщили, что по нимъ стрѣляли хунхузы: они заѣхали въ деревню, гдѣ не было русскихъ войскъ; въ то время, когда солдаты грузили чумизную солому, по нимъ раздалось два выстрѣла. Наши сообщили проѣзжавшимъ казакамъ, тѣ поскакали въ деревню, китайцы разбѣжались и попрятались. Казаки поймали мальчика, стали бить его нагайками, чтобы онъ указалъ, кто стрѣлялъ, но ничего не добились. Смотритель поднесъ фуражирамъ водки. Съ этой поры они стали выѣзжать съ винтовками.

Въ нашей деревнѣ по-обычному шныряли по фанзамъ солдаты всевозможныхъ частей, тащили все, что̀ приглянется. Шли къ работающимъ китайцамъ, на ихъ глазахъ насыпали въ ведра намолоченныя, отвѣянныя зерна и уносили. Китайцы вопили, размахивали руками, бѣжали жаловаться къ проходящимъ и проѣзжающимъ «капитанамъ». Одни «капитаны» возмущались, отбирали у солдатъ зерно, грозили отдать ихъ подъ судъ. Другіе съ лѣнивою усмѣшкою совѣтовали солдатамъ-мародерамъ:

— Дайте ему, братцы, по мордѣ, тогда успокоится.

А черезъ полчаса надъ низкими глиняными оградами опять мелькали въ воздухѣ плоскіе цѣпы, и равномѣрно двигались желтолицыя головы съ обмотанными вокругъ черными косами. И было раздражающе-непонятно, для чего они продолжаютъ, почему не бросятъ?

Но неужели же высшее начальство ничего не знало о творившемся и не принимало никакихъ мѣръ? О, нѣтъ. Оно принимало очень опредѣленныя и рѣшительныя мѣры. Въ нашей деревнѣ, напримѣръ, на глиняной стѣнѣ красовалось крупно отпечатанное объявленіе слѣдующаго содержанія:

Тыловой районъ ** армейскаго корпуса.

(Приказаніе войскамъ манчжурской арміи 17 октября 1904 года, № 34).

Разрушеніе построекъ и уносъ утвари строго воспрещается. Виновные въ нарушеніи этого требованія будутъ арестованы и подвергнуты законной отвѣтственности.

Солдаты, проходя мимо съ награбленными вещами, охотно останавливались передъ этимъ объявленіемъ и для упражненія въ грамотѣ перечитывали его съ большимъ стараніемъ.

Самъ Куропаткинъ всѣми силами старался укротить бушевавшій грабежъ и усердно выпускалъ бумажку за бумажкою. Впрочемъ, винилъ онъ во всемъ однихъ только нижнихъ чиновъ.

Въ приказаніи отъ 7 сентября 1904 года за № 547 Куропаткинъ писалъ:

До свѣдѣнія командующаго Арміей доходитъ, что, съ движеніемъ Арміи на сѣверъ, стали появляться случаи самоуправства и незаконныхъ дѣйствій воинскихъ нижнихъ чиновъ въ отношеніи жителей и ихъ имущества, чѣмъ населеніе озлобляется и портятся добрыя между жителями и войсками отношенія, съ большимъ трудомъ уже много лѣтъ и до сего времени поддерживаемыя; населеніе покидаетъ свои деревни и разбѣгается по окрестностямъ. Командующій Арміей съ чрезвычайнымъ огорченіемъ принимаетъ эти сообщенія, которыя готовы колебать его бывшее до сего времени спокойное сознаніе того, что войска, ввѣренныя его командованію, своимъ отличнымъ и правильнымъ поведеніемъ непоколебимо всегда поддержатъ ту прекрасную репутацію, которую они уже установили въ числѣ всѣхъ (?).

Въ приказаніи отъ 22 сентября 1904 г. (№ 614) предписывается немедленно уплачивать жителямъ за попорченныя поля и строенія, а въ случаѣ отсутствія владѣльцевъ составлять акты о размѣрахъ причиненныхъ убытковъ.

Приказаніе отъ 8 октября 1904 г. (№ 640):

До командующаго Арміей доходятъ свѣдѣнія, что проходящіе эшелоны, фуражиры, артельщики и команды войскъ, забирая фуражъ и продукты у жителей, или вовсе не платятъ денегъ, или даютъ крайне недостаточную плату: при этомъ нижніе чины, чтобы не быть узнанными, снимаютъ погоны съ рубахъ. Командующій Арміей вновь приказалъ подтвердить начальникамъ всѣхъ степеней принять самыя энергичныя и дѣйствительныя мѣры къ наблюденію за людьми и поддержанію въ частяхъ самаго строгаго внутренняго порядка.

Но начальники съ принятіемъ «энергичныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ» не торопились. 2 февраля 1905 года главнокомандующій писалъ генералу А. А. Вильдерлингу, временно командовавшему третьей арміей (№ 1141):

Неоднократно въ приказахъ моихъ и отдѣльныхъ предписаніяхъ я обращалъ вниманіе начальствующихъ лицъ на необходимость привить войскамъ строго-законное отношеніе къ мѣстному населенію и его

имуществу. Доброе отношеніе войскъ къ мѣстному населенію, существовавшее въ первое время кампаніи, засимъ, къ сожалѣнію, сильно измѣнилось. Вмѣсто правильныхъ фуражировокъ съ точнымъ учетомъ забраннаго для немедленной расплаты либо съ жителями, либо, въ случаѣ ихъ отсутствія, съ китайской администраціей, войска хищнически относятся къ имуществу населенія, отправляясь на фуражировки произвольно, безъ вѣдома ближайшаго начальства, забирая продукты безъ всякаго контроля. Многое изъ забраннаго непроизводительно уничтожается, берется все то, что̀ въ данную минуту подъ рукой, и сами селенія въ нѣсколько дней обращаются въ развалины. Помимо того, что при подобныхъ условіяхъ край, занятый нами, дастъ намъ лишь ничтожную долю того, что̀ могъ бы дать, если бы дѣло эксплоатаціи его было поставлено сколько-нибудь правильно, отношеніе мѣстнаго населенія къ намъ становится все хуже и хуже.

Меня сильно интересовало, какъ было поставлено дѣло съ китайцами у японцевъ. Узнать это было трудно,—мало кому изъ нашихъ удавалось побывать въ мѣстностяхъ, занятыхъ японцами. Но тѣ, которые тамъ были, напримѣръ, участники мищенковскихъ набѣговъ, разсказывали вотъ что̀: японцы безпощадно расправлялись съ китайцами, нарушавшими ихъ постановленія; забирали у нихъ реквизиціоннымъ путемъ провіантъ и фуражъ, платя обычныя въ мирное время средніяцѣны. Былъ жестокій законъ. Но — былъ законъ. Деревни (разумѣется, не на позиціяхъ) стояли цѣлыя, кумирни — нетронутыя; фанзы были не разграблены и не разрушены, китайцы жили на мѣстахъ. У японцевъ царилъ жестокій законъ, у насъ — распущенная анархія, развращавшая всѣхъ, отъ генерала до рядового. Во время мукденскаго отступленія одинъ интеллигентный китаецъ говорилъ мнѣ:

— Почему васъ все время бьютъ? Потому что вы пріѣхали сюда не воевать, а грабить.

Нашъ главный врачъ, смотритель со своимъ помощникомъ и письмоводителемъ цѣлыми днями сидѣли теперь въ канцеляріи. Считали деньги, щелкали на счетахъ, писали и подписывали. Въ отчетности оказалось что-то неладное, концы съ концами не сходились.

Къ намъ иногда забѣгали помощникъ смотрителя Давидъ Соломоновичъ Брукъ и письмоводитель Иванъ Александровичъ Брукъ. Они были родные братья, евреи, оба заурядъ-чиновники. Младшій, Иванъ, очень хорошенькій и очень трусливый мальчикъ, былъ крещеный. Спать онъ всегда ложился съ револьверомъ, ужасно боялся хунхузовъ, больше же всего боялся попасть въ строй.

— То-есть, вы понимаете! Вѣдь у насъ тамъ форменный грабежъ!—взволнованно разсказывалъ онъ намъ.—Фальшивые

счеты, воровство, подложныя вѣдомости... И представьте себѣ, они меня отъ всего хотятъ устранить! Я—дѣлопроизводитель, а составить отчетную вѣдомость на фуражъ главный врачъ приглашаетъ дѣлопроизводителя сосѣдняго полка!..

И онъ сидѣлъ,—блѣдный, съ бѣгающими глазами, съ злобно-унылою складкою въ губахъ.

— Но только пусть попробуютъ. У меня на нихъ есть одинъ документикъ. Давыдовъ далъ китайцу три рубля, чтобы онъ подписался подъ счетомъ въ 180 рублей, а тотъ по-китайски написалъ: «три рубля получилъ»; мнѣ это другой китаецъ перевелъ... Пусть попробуютъ! Но только, вы понимаете, какіе они подлецы! Сейчасъ въ строй меня переведутъ! И они отлично знаютъ, что я этого боюсь...

Съ позиціи въ нашу деревню пришелъ на стоянку пѣхотный полкъ, давно уже бывшій на войнѣ. Главный врачъ пригласилъ къ себѣ на ужинъ дѣлопроизводителя полка. Это былъ толстый и плотный чинуша, какъ будто вытесанный изъ дуба; онъ дослужился до титулярнаго совѣтника изъ писарей. Нашъ главный врачъ, всегда очень скупой, тутъ не пожалѣлъ денегъ и усердно угощалъ гостя виномъ и ликерами. Подвыпившій гость разсказывалъ, какъ у нихъ въ полку ведется хозяйство,—разсказывалъ откровенно, съ снисходительною гордостью опытнаго мастера.

— Изъ обозныхъ лошадей двадцать двѣ самыхъ лучшихъ мы продали и показали, что пять сбѣжало, а семнадцать подохло отъ непривычнаго корма. Помѣтили: «протоколовъ составлено не было». Подпись командира полка... А сейчасъ у насъ числится на довольствіи восемнадцать несуществующихъ быковъ.

Главный врачъ враждебно покосился на смотрителя.

— Видите?—раздраженно сказалъ онъ.—А наши существовавшіе три быка не были записаны на довольствіе!

Дѣлопроизводитель разсказывалъ долго. Главный врачъ и смотритель жадно слушали его, какъ ученики—талантливаго, увлекательнаго учителя. Послѣ ужина главный врачъ велѣлъ обоимъ Брукамъ уйти. Онъ и смотритель остались съ гостемъ наединѣ.

Младшій Брукъ зашелъ къ намъ, унылый и злой, съ сѣро-зеленымъ лицомъ.

— Пусть теперь пришлютъ за мною, ни за что не приду!—повторялъ онъ, въ задумчивости бѣгая глазами.

Онъ взялъ фонарикъ и ушелъ на другой конецъ деревни, въ гости къ сестрамъ.

— Дурень этакій!—смѣялся Шапцеръ.—Онъ думаетъ, его

устраняютъ, прячутся отъ него, чтобы съ нимъ не дѣлиться. А не сообразитъ, что дѣлиться съ нимъ все равно не станутъ; боятся они его, фитюльку! А устраняютъ просто потому, что не нуженъ: что онъ понимаетъ въ этомъ серьезномъ дѣлѣ?..

Часа черезъ два главный врачъ, смотритель и гость перешли пить чай изъ фанзы главнаго врача въ помѣщеніе хозяйственнаго персонала; оно было въ той же фанзѣ, гдѣ жили мы, врачи, и отдѣлялось отъ насъ сѣнями. За чаемъ пошли уже общіе разговоры. Слышался громкій, полный голосъ смотрителя, сиплый и какъ будто придушенный голосъ главнаго врача.

— Портъ-Артуръ во всякомъ случаѣ продержится еще съ полгода. Скоро прибудетъ шестнадцатый корпусъ, тогда, Богъ дастъ, маньчжурская армія перейдетъ въ наступленіе...

Мы прислушивались и посмѣивались. Шанцеръ возмущался прямо эстетически.

— И что имъ, ворамъ, до наступленія маньчжурской арміи?! Какъ они могутъ объ этомъ говорить и смотрѣть другъ другу въ глаза?.. И я не понимаю: вѣдь вотъ Давыдовъ каждый мѣсяцъ посылаетъ женѣ по полторы, по двѣ тысячи рублей; она же знаетъ, что жалованья онъ получаетъ рублей пятьсотъ. Что онъ ей скажетъ, если жена спроситъ, отъ куда эти деньги? Что будетъ дѣлать, если объ этомъ случайно узнаютъ его дѣти?

— Наивный вы человѣкъ! — вздохнулъ Селюковъ и сталъ раздѣваться.

Въ первомъ часу ночи, когда мы уже были въ постеляхъ, къ намъ зашелъ старшій Брукъ, помощникъ смотрителя. Только Шанцеръ сидѣлъ за столомъ и писалъ письма. Часа полтора Брукъ разсказывалъ Шанцеру о сегодняшнихъ бесѣдахъ, и оба они хохотали, сдерживаясь, чтобъ не разбудить Селюкова и Гречихина.

— Но вы понимаете! — разсказывалъ Брукъ. — Слушаю я ихъ,—форменное сборище какихъ-то темныхъ личностей, мошенниковъ! За каждый изъ ихъ поступковъ полагается по нѣскольку лѣтъ Сибири! И этотъ дѣлопроизводитель: опытнѣйшій жуликъ, и важный такой! Не заурядъ-чиновникъ, какъ мы, а титулярный совѣтникъ.

— Ха-ха-ха!.. *Восемнадцать несуществующихъ быковъ на довольствіи!*— покатывался Шанцеръ.

— Вчера мнѣ Давыдовъ говоритъ: «Вы слышали про госпитали, которые смѣнили насъ въ Мукденѣ? За время боя черезъ нихъ прошло десять тысячъ раненыхъ. Если бы насъ тогда оставили въ Мукденѣ, мы съ вами были бы теперь богатыми людьми»... Я ему говорю: да-а, *мы* съ вами...

Шанцеръ хохоталъ.

— Нѣтъ, батенька, въ самомъ дѣлѣ, чего же вы-то смотрите? Они себѣ набиваютъ карманы, а вы зѣваете!

— А сегодня мнѣ Давыдовъ говоритъ: «плохо дѣло, во всемъ у насъ перерасходъ, какъ-то мы сведемъ концы съ концами!»

И оба они хохотали, сдерживали хохотъ и говорили другъ другу: «тише, разбудимъ!».

— Мнѣ жинка моя передъ отъѣздомъ говорила,—юмористически-задумчиво сказалъ Брукъ:—«смотри, Давидъ, не подписывай фальшивыхъ счетовъ, не попади подъ судъ. Только воротись цѣлъ, а деньги на хлѣбъ всегда заработаешь».

— Вы еще ни одного фальшиваго счета не написали?

Брукъ съ плутовато-огорченнымъ видомъ вздохнулъ.

— Одинъ заставили написать. Въ Мукденѣ ужъ очень много говорили про овесъ главнаго врача. Чтобъ зажать ротъ Султанову, онъ продалъ ему триста пудовъ по 1 р. 40 к., а мнѣ велѣлъ написать счетъ на 1 р. 80 к. Я было-отказался, мнѣ Давыдовъ сказалъ: «Ну, что вамъ стоитъ! Не все равно? Отчего не оказать любезность Султанову?..» А Султановъ тоже мошенникъ порядочный. Штабу нашей дивизіи очень былъ нуженъ овесъ, Султановъ ему перепродалъ сто пудовъ. «Давыдовъ,—говоритъ,—вы знаете, какой гешефтмахеръ, содралъ съ меня по 1 р. 80 к.—ну, я вамъ, себѣ въ убытокъ, уступлю по 1 р. 60 к.»

— Да, батенька, въѣхали вы въ грязную исторію!

— Но вы понимаете, я не думалъ, что братишка мой такой жуликъ! Онъ всѣмъ этимъ возмущенъ только потому, что его отстраняютъ отъ дѣлежки!..

Брукъ скорбно задумался. Шанцеръ хохоталъ, сдерживаясь, чтобъ не было слышно.

Съ позицій то и дѣло доносилась пушечная канонада. Происходили частичныя наступленія, ночныя атаки, иногда разносилась вѣсть, что начинается новый бой. Солдаты мерзли въ окопахъ. По ночамъ морозы доходили до 8—9°, лужи замерзали. Полушубковъ все еще не было, хотя по приказу главнокомандующаго они должны были быть доставлены къ 1 октября. Солдаты поверхъ шинелей надѣвали китайскіе ватные халаты свѣтло-сѣраго цвѣта; видъ солдатъ былъ смѣшонъ и страненъ, японцы изъ своихъ окоповъ издѣвались надъ ними. Офицеры съ завистью разсказывали, какіе хорошіе полушубки и фуфайки у японцевъ, какъ тепло и практично одѣты захватываемые плѣнные.

Въ концѣ октября полушубки наконецъ пришли. Интенданты были очень горды, что опоздали съ ними всего на мѣсяцъ: въ русско-турецкую войну полушубки прибыли въ армію только въ маѣ *).

Дней черезъ пять послѣ прихода въ Суятунь намъ приказано было развернуться. Поставили мы три нашихъ госпитальныхъ шатра, но въ нихъ было холодно, какъ въ ледникѣ, больные и раненые зябли. Опять принялись за отдѣлку фанзъ.

Раненыхъ привозили мало, прибывали больше больные. Прибывали они съ сильно запущенными ревматизмами, бронхитами, дизентеріей; ноги у всѣхъ были опухшія отъ долгаго и неподвижнаго сидѣнія въ окопахъ. Больныхъ отправляли въ госпитали съ большою неохотою; солдаты разсказывали: всѣ сплошь страдаютъ у нихъ поносами, ломотою въ суставахъ, кашель бьетъ непрерывно; просится солдатъ въ госпиталь, полковой врачъ говоритъ: «ты притворяешься, хочешь удрать съ позиціи». И отправляли въ госпиталь только тогда, когда больного приходилось нести уже на носилкахъ.

Однажды вечеромъ въ нашу деревню пришелъ съ позиціи на отдыхъ пѣхотный полкъ. Солнце сѣло, западъ былъ ярко-оранжевый, на мокрой землѣ ужъ лежала темнота. Ряды черныхъ фигуръ въ косматыхъ папахахъ, съ иглами штыковъ, появлялись на невысокомъ холмѣ, вырѣзывались на огнѣ зари, спускались внизъ и тонули во мракѣ; надъ чернымъ горизонтомъ двигались дальше только черныя папахи и острый лѣсъ винтовокъ. Солдаты шли страннымъ, шатающимся шагомъ, и непрерывный кашель вился надъ полкомъ. Это былъ сплошной сухо-прыгающій шумъ, никогда я не слышалъ ничего подобнаго! И мнѣ стало понятно: вѣдь всѣхъ этихъ солдатъ, *всѣхъ сплошь*, нужно положить въ госпиталь; если отправлять заболѣвающихъ, то отъ полка останется лишь нѣсколько человѣкъ. И вотъ, значитъ, — сиди въ окопахъ больной, стынь, мокни, пока хватаетъ силъ, а тамъ уходи калѣкою на всю жизнь. И въ этомъ чувствовалась жуткая, но желѣзно-послѣдовательная логика: если людей бросаютъ подъ вихрь буравящихъ насквозь пуль, подъ снаряды, рвущіе тѣло

---

*) Впрочемъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, особенно гордиться было нечего: большое количество полушубковъ пришло въ армію даже не въ маѣ, а *черезъ годъ послѣ заключенія мира!* «Новое Время» сообщало *въ ноябрѣ 1906 года:* «Въ Харбинѣ за послѣднее время продолжаютъ прибывать какъ отдѣльные вагоны, такъ и цѣлые поѣзда грузовъ интендантскаго вѣдомства, состоящихъ главнымъ образомъ изъ теплой одежды. Грузы эти были отправлены изъ Россіи въ дѣйствующую армію еще во время стоянія послѣдней на Шахе, но до сихъ поръ гдѣ-то блуждали».

въ куски, то почему же останавливаться передъ безвозвратно ломающею болѣзнью? Мѣрка только одна,—годенъ ли еще человѣкъ въ дѣло. А дальше все равно.

И вотъ постепенно и у врача создавалось совсѣмъ особенное отношеніе къ больному. Врачъ сливался съ цѣлымъ, переставалъ быть врачомъ и начиналъ смотрѣть на больного съ точки зрѣнія его дальнѣйшей пригодности къ «дѣлу». Скользкій путь. И съ этого пути врачебная совѣсть срывалась въ обрывы самаго голаго военно-полицейскаго сыска и поразительнаго бездушія.

Армія стала наводняться выписанными изъ госпиталей солдатами, совершенно негодными къ службѣ. Возвращали въ строй солдатъ, еле еще ходившихъ послѣ перенесеннаго тифа; возвращали хромыхъ, задыхающихся, съ прострѣленною навылетъ грудью, могущихъ съ трудомъ поднять сведенную отъ раны руку до уровня плеча. Наконецъ на это обратило вниманіе даже военное начальство. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Военно-Полевому Медицинскому Управленію пришлось выпустить циркуляръ (№ 9060) такого содержанія: «Главнокомандующій изволилъ замѣтить, что въ части войскъ въ большомъ количествѣ возвращаются изъ госпиталей нижніе чины, либо совершенно негодные къ службѣ, либо еще не оправившіеся отъ болѣзней». Въ виду этого врачебнымъ учрежденіямъ рекомендовалось быть впредь болѣе осмотрительными при выпискѣ больныхъ.

Главнокомандующій изволилъ замѣтить... Но какъ же этого «не изволило замѣтить» военно-медицинское начальство? Какъ этого не «изволили замѣтить» сами врачи? Военнымъ генераламъ приходилось обучать врачей внимательному отношенію къ больнымъ!

Въ нашей канцеляріи, подъ руководствомъ полкового дѣлопроизводителя, съ утра до ночи кипѣла темная работа. Составлялись отчетныя вѣдомости, фабриковались счеты. Если для подписанія счета не находили китайца, то поручали сдѣлать это старшему писарю; онъ скопировывалъ нѣсколько китайскихъ буквъ съ длинныхъ красныхъ полосокъ, въ обиліи украшавшихъ стѣны любой китайской фанзы.

Смотритель нервничалъ. Онъ задумывался; въ разговорѣ часто терялъ нить; старался показать, что рѣдко заглядываетъ въ канцелярію.

— Состояніе, какъ у только-что павшей дѣвицы, — объяснялъ Селюковъ. — Съ одной стороны, ей пріятно, она и

завтра пойдетъ на свиданіе; съ другой стороны, неловко какъ-то на душѣ, тоже и за послѣдствія страшно.

Младшій Брукъ былъ унылъ, золъ, дулся на главнаго врача и смотрителя. Онъ всячески старался имъ показать, что «знаетъ ихъ продѣлки». Запося въ книгу какой-нибудь фальшивый счетъ, Брукъ вдругъ заявлялъ:

— Да этотъ счетъ подписывалъ нашъ старшій писарь!

Главный врачъ равнодушно бралъ въ руки счетъ и разсматривалъ его.

— Развѣ?.. Какъ искусно подписался, — совсѣмъ какъ китаецъ!

Вечеромъ, лежа въ кровати рядомъ съ смотрителемъ, Брукъ говорилъ:

— Главный врачъ увѣряетъ, что у насъ въ госпиталѣ совсѣмъ нѣтъ экономическихъ суммъ. А почему ихъ нѣтъ? Недавно главный врачъ положилъ себѣ въ карманъ двѣ тысячи рублей.

— Что-о?..—Смотритель удивленно выкатывалъ глаза и садился на своей кровати.—Откуда вы это знаете? Такія обвиненія можно высказывать, только имѣя доказательства. Я завтра спрошу Григорія Яковлевича, правда это или нѣтъ.

Душа Брука уходила въ пятки. Онъ блѣднѣлъ и начиналъ объяснять, что, можетъ-быть, ему это только такъ показалось.

Въ концѣ октября мы получили приказъ сняться и передвинуться верстъ на восемь на востокъ, въ деревню Мизантунь. Бросили отдѣланныя для больныхъ фанзы, бросили вырытыя для себя солдатами землянки. Перешли въ Мизантунь. Больныхъ теперь прямо ужъ немыслимо было держать въ шатрахъ: стояла глубокая, холодная осень. Принялись за отдѣлку фанзъ, солдаты нарыли себѣ землянокъ. Вдругъ новый приказъ, — перейти въ деревню Чепгоузу Западную, версты четыре на сѣверо-западъ. Опять все бросили и пошли. Солдаты были злы и раздраженно говорили:

— Рука не заносится, чтобъ работать!

Раньше они работали дружно и весело; теперь копали, рубили и мазали вяло, сонно, вполнѣ убѣжденные въ безсмысленности своей работы.

Къ каждой дивизіи придается въ военное время по два полевыхъ подвижныхъ госпиталя. Они должны обслуживать свою дивизію и повсюду слѣдовать за нею. Наша армія стояла подъ Мукденомъ съ августа до февраля на одномъ мѣстѣ. Но отдѣльныя войсковыя части то и дѣло передвигались и мѣнялись своими мѣстами. А слѣдомъ за ними передвигались и госпи-

тали. Мы передвигались, вновь и вновь отдѣлывали фанзы подъ больныхъ, наконецъ развертывались: новый приказъ,— опять свертываемся и опять идемъ за своею частью. У насъ былъ не полевой подвижной *госпиталь*,—было, какъ острили врачи, просто нѣчто «полевое-подвижное». Учрежденіе, несомнѣнно, было полевымъ, несомнѣнно, было подвижнымъ, — слишкомъ даже подвижнымъ! — но госпиталемъ оно не было. Безъ всякой пользы и толку оно моталось вслѣдъ за дивизіей, исполняя свое никому ненужное бумажное назначеніе.

Армія все время стояла на одномъ мѣстѣ. Казалось бы, для чего было двигать постоянно вдоль фронта безчисленные полевые госпитали вслѣдъ за ихъ частями? Что мѣшало разставить ихъ неподвижно въ нужныхъ мѣстахъ? Развѣ было не все равно, попадетъ ли больной солдатъ единой русской арміи въ госпиталь своей или чужой дивизіи? Между тѣмъ, стоя на мѣстѣ, госпиталь могъ бы устроить многочисленныя, просторныя и теплыя помѣщенія для больныхъ, съ изоляціонными палатами для заразныхъ, съ банями, съ удобною кухней.

Въ томъ сложномъ, большомъ дѣлѣ, которое творилось вокругъ, всего настоятельнѣе требовалась живая эластичность организаціи, умѣніе и желаніе приноровить данныя формы ко всякому содержанію. Но огромное, властное бумажное чудовище опутывало своими сухими щупальцами всю армію, люди осторожными, робкими зигзагами ползали среди этихъ щупальцевъ и думали не о дѣлѣ, а только о томъ, какъ бы не задѣть щупальца.

Переѣхали мы въ Ченгоузу Западную. Въ деревнѣ шелъ обычный грабежъ китайцевъ. Здѣсь же стояли два артиллерійскихъ парка. Между госпиталемъ и парками происходили своеобразныя столкновенія. Артиллеристы снимаютъ съ фанзы крышу; на дворѣ изъ грудъ соломы торчатъ бревна перемётовъ. Является нашъ главный врачъ или смотритель.

— Вы что это тутъ, фанзы разорять?.. Не знаете приказа главнокомандующаго? Вотъ я васъ сейчасъ же подъ судъ!..

Артиллеристы скрываются, а наши солдаты получаютъ приказаніе подобрать бревна и тащить ихъ въ госпиталь. Офицеры-артиллеристы продѣлывали то же самое съ нашими солдатами.

Холода становились сильнѣе. Временами выпадалъ снѣгъ. Въ Мукденѣ кубическая сажень дровъ стоила семьдесятъ-восемьдесятъ рублей, вскорѣ дошла уже до ста. Разореніе фанзъ приняло грандіозный характеръ. Цѣлыя деревни представляли собою лишь кучи полуразрушенныхъ глиняныхъ

стѣнъ. Каждый думалъ только о себѣ. Если воинская часть занимала въ деревнѣ десять фанзъ, то всѣ остальныя она пожирала на дрова. Уходя изъ деревни, она разоряла послѣднія фанзы и увозила съ собою деревянныя части. А впереди еще была суровая маньчжурская зима.

Рубились деревья на кладбищахъ. У каждаго китайскаго семейства есть среди его поля свое отдѣльное, неотчуждаемое родовое кладбище: на небольшомъ квадратномъ участкѣ развѣсистые осокори наклоняются надъ кучкой жмущихся другъ къ другу коническихъ могилокъ. Это — величайшая святыня для каждаго китайца, неприкосновенное, тихое «благословенное поле». Въ книгахъ о Китаѣ мы читаемъ: «китаецъ, по винѣ котораго чужеземцы получатъ возможность вторгнуться въ священную ограду этого поля, считается святотатцемъ. Членъ семьи, по винѣ котораго семья теряетъ этотъ участокъ, предается проклятію, и его имя вычеркивается изъ семейной книги».

Всею сущностью души китаецъ привязанъ къ этой величайшей для него святынѣ,—лежащему среди его нивы «полю предковъ». Когда мы стояли въ Мизантуни, былъ полученъ приказъ о выселеніи изъ деревни всѣхъ китайцевъ. Выселеніе производилось съ обычною свирѣпостью и бездушіемъ. На сборы было дано... два часа! Казаки съ нагайками въ рукахъ торопили съ укладкой, китайцы спѣшно совали въ корзины, что̀ попадало подъ руку.

— Ну, будетъ! Маршъ! — И казаки въ шеи выталкивали китайцевъ изъ фанзъ.

Всѣхъ выселили. Сейчасъ же нѣсколько стариковъ воротились назадъ. Ихъ опять выселили. Они опять воротились. И всѣ они умерли на могилахъ предковъ. Одного старика офицеры долго еще видѣли бродящимъ по своему кладбищу. На него махнули рукою. Онъ жилъ въ полѣ, въ убогомъ шалашѣ изъ каоляна, питался бобами, пилъ воду изъ лужи. Послѣ одной сильно морозной ночи его нашли на могилѣ замерзшимъ.

На этихъ тихихъ «благословенныхъ поляхъ» повсюду стучали теперь русскіе топоры, высокія деревья съ трескомъ валились на могилы. Вся широкая мукденская равнина на глазахъ обнажалась и превращалась въ голую пустыню. Когда мы пріѣхали, это была цвѣтущая страна: частыя, веселыя деревни прятались въ зелени, всюду темнѣли кладбищенскія рощи. Теперь деревьевъ не было, торчали одни пни. Скучно и мрачно сѣрѣли глиняныя развалины деревень. По полямъ сновали огромныя стаи бездомныхъ, обезумѣвшихъ отъ голода собакъ. Ночью прохожимъ солдатамъ приходилось отбиваться

отъ нихъ винтовками. Собаки грызлись между собою, разрывали другъ друга и тутъ же пожирали. На позиціяхъ онѣ глодали трупы, нападали на неподобранныхъ раненыхъ, въ тылу грызли китайскихъ покойниковъ.

Китайскіе гробы не закапываются въ землю; ихъ просто ставятъ наземь, а сверху насыпаютъ коническую могилу. Гробы дѣлаются большіе, крѣпкіе, изъ очень толстыхъ досокъ. Солдаты разрывали могилы, выворачивали крыши и стѣнки гробовъ на топливо, скелеты оставляли непокрытыми. И собаки глодали ихъ. Изъ раскрытыхъ могилъ улыбались пожелтѣвшіе безглазые черепа съ отвалившимися косами, и скрюченные, темные пальцы высовывались изъ истлѣвшихъ, широкихъ синихъ рукавовъ.

Въ нашъ госпиталь пріѣхалъ корпусный контролеръ со своими помощниками и приступилъ къ ревизіи.

Съ утра до поздняго вечера они просидѣли въ канцеляріи съ главнымъ врачомъ и смотрителемъ. Щелкали счеты, слышались слова: «изъ авансовой суммы», «на счетъ хозяйственныхъ суммъ», «фуражный листъ», «приварочное довольствіе». Свѣряли документы, подсчитывали, слѣдили, чтобъ копейка не разошлась съ копейкою. Главный врачъ и смотритель дѣловито давали объясненія. Все было сбалансировано вѣрно, точно и аккуратно.

Всѣ въ арміи прекрасно знали, что фуражъ, дрова и многое другое забирается войсковыми частями на мѣстѣ даромъ, что въ Мукденѣ китайскія лавочки совершенно открыто торгуютъ фальшивыми китайскими расписками въ полученіи какой угодно суммы. Однако контролеры добросовѣстно разсматривали каждый китайскій счетъ, тщательно подсчитывали, сходятся ли израсходованныя суммы съ суммами, указанными въ фальшивыхъ счетахъ. Цѣлью такого контроля могло быть только одно,—пріучить армію мошенничать аккуратно. И часы напролетъ люди, съ дѣловитымъ, серьезнымъ видомъ, сидѣли, щелкали счетами, надъ ними рѣялъ на своихъ сухихъ крыльяхъ безликій бумажный богъ и кивалъ имъ съ ласковымъ видомъ сообщника.

Контролеры уѣхали. Главный врачъ и смотритель ходили довольные и веселые. Младшій Брукъ корчился отъ зависти, худѣлъ и задумывался.

Любопытно было наблюдать этого юношу. Чтобъ имѣть отдѣльный уголъ, намъ, врачамъ, пришлось поселиться на другомъ концѣ деревни. Ходить оттуда въ палаты было далеко, и дежурный врачъ свои сутки дежурства проводилъ въ кан-

целяріи, гдѣ жилъ Иванъ Брукъ. Времени наблюдать его было достаточно.

Стройный и хорошенькій, очень любившій свою красоту, онъ охотно разсказывалъ, какъ женился на пожилой дочери статскаго совѣтника, какъ крестился для этого.

— И представьте себѣ, — съ недоумѣніемъ и укоромъ говорилъ онъ:—мой самый старшій братъ изъ-за этого порвалъ со мною всякія сношенія! Ну, почему? Когда я такъ хорошо устроился! За женой мнѣ дали въ приданое домикъ, — посмотрѣли бы вы, какой при немъ садъ, какіе въ саду фрукты! Выхлопотали мнѣ мѣсто въ банкѣ, получаю восемьдесятъ рублей жалованья...

Онъ показывалъ намъ всѣ фальшивые документы, разсказывалъ о мошенническихъ продѣлкахъ главнаго врача.

— Вотъ, недавно Давыдовъ привезъ изъ Мукдена документикъ. Посмотрите!

На тонкой китайской бумагѣ было написано: «за проданнаго быка 85 рублей получилъ сполна»,—и слѣдовала китайская подпись.

— Что жъ, восемьдесятъ пять рублей — это по-божески,— замѣтилъ я.

Глаза Брука заблестѣли весело и лукаво.

— Да, только никакого быка не покупали. Это тотъ быкъ, который уже былъ купленъ раньше. Сначала мы провели его по авансовымъ суммамъ (довольствіе команды), а теперь проводимъ по суточному окладу (довольствіе больныхъ)...

Брукъ весь сіялъ отъ удовольствія, но вдругъ глаза его потухли, и онъ становился злымъ.

— Но вы понимаете, какіе подлецы! Я знаю всѣ ихъ продѣлки, а мнѣ ничего отъ нихъ не перепадаетъ! Помните, въ Суятуни у насъ бывалъ дѣлопроизводитель полка: ему завѣдующій хозяйственной частью платитъ за молчаніе сто рублей въ мѣсяцъ, да еще есть другіе доходы...

— Ваня, будетъ тебѣ!—брезгливо говорилъ его братъ Давидъ.

— Но я свое возьму, пусть они не думаютъ. Я все намекаю главному врачу, что мнѣ его шашни извѣстны. Я нарочно *одолжилъ* у него пятьдесятъ рублей, не отдаю, и нѣсколько разъ намекалъ, что не считаю себя его должникомъ.

— Вотъ жулье!—замѣтилъ Давидъ.

— Кто? Я?—удивился Иванъ.

Давидъ вздохнулъ:

— Да-а, и ты, между прочимъ!

— Нѣтъ, вы поймите: я всѣ ихъ фальшивые счеты провожу по книгамъ, а они со мною не дѣлятся!

И Иванъ задумался.

— Да! Если бы они иначе поставили дѣло, то я воротился бы съ войны богатымъ человѣкомъ...

Въ его головѣ мало-по-малу зрѣлъ планъ.

— Вы знаете, я думаю, главный врачъ стѣсняется, не знаетъ, въ какой формѣ мнѣ предложить,—догадывался онъ.— На-дняхъ я буду имѣть съ нимъ объясненіе.

Наконецъ, планъ созрѣлъ. Однажды вечеромъ Брукъ послалъ съ солдатомъ-писаремъ письмо главному врачу такого содержанія:

«Многоуважаемый Григорій Яковлевичъ! Вы не можете не знать, что Вы зарабатываете деньги отчасти благодаря и моей помощи, я былъ бы Вамъ очень признателенъ, если бы Вы хоть часть барышей удѣлили и мнѣ».

Въ конвертъ, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, Брукъ предусмотрительно вложилъ еще пустой конвертъ,—«можетъ-быть, у Давыдова не окажется подъ рукой конверта». Солдатъ отнесъ письмо главному врачу, тотъ сказалъ, что отвѣта не будетъ.

Брукъ прождалъ въ канцеляріи два часа, потомъ пошелъ къ Давыдову. У него сидѣли сестры, смотритель. Главный врачъ шутилъ съ сестрами, смѣялся, на Брука не смотрѣлъ. Письмо, разорванное въ клочки, валялось на полу. Брукъ посидѣлъ, подобралъ клочки своего письма и удалился.

На слѣдующій день главный врачъ въ канцелярію не пришелъ, на третій, четвертый день—тоже. Брукъ подробно разсказывалъ намъ всю исторію, замиралъ и волновался.

— Ужасно я боюсь, вдругъ онъ переведетъ меня въ строй.

— Батенька мой, да вѣдь вы сами же прямо на это идете!— засмѣялся Шанцеръ.

Глаза Брука забѣгали, на побѣлѣвшихъ губахъ мелькнула подленькая улыбка.

— Тогда я на всѣхъ ихъ донесу!—быстро произнесъ онъ.

Воротился старшій Брукъ, ѣздившій въ командировку въ Харбинъ. Главный врачъ призвалъ его, разсказалъ о письмѣ, которое написалъ его братъ, и сказалъ:

— Я разорвалъ письмо, жалѣя васъ. Этотъ мальчишка даже не понимаетъ, что ему грозило за такое письмо. Поговорите съ нимъ и объясните... Что касается «барышей», — я, дѣйствительно, часть суммъ не показываю въ отчетахъ, а держу ихъ про запасъ, на случай, если на меня окажется начетъ. Вы знаете, какъ неясны и запутаны военные законы, контроль каждую минуту можетъ признать ту или другую трату незаконной,—и деньги будутъ взыскивать съ меня. Если же на-

чета не окажется, и все кончится благополучно, то послѣ войны я эти суммы подѣлю между всѣми.

Давидъ Брукъ собирался вечеромъ поговорить съ братомъ, но послѣ обѣда Иванъ уѣхалъ съ главнымъ врачомъ въ корпусное казначейство. Давидъ ужасно волновался, — вдругъ Иванъ въ дорогѣ опять заговоритъ съ главнымъ врачомъ о дѣлежкѣ.

Иванъ вернулся поздно вечеромъ.

— Ты знаешь, я въ дорогѣ поговорилъ съ главнымъ врачомъ,—объявилъ онъ брату.

Давидъ въ ужасѣ всплеснулъ руками:

— Дуракъ ты, дуракъ!

— Ничего не дуракъ,—спокойно возразилъ Иванъ. — Будь покоенъ, я его лучше знаю. Къ Рождеству мнѣ будетъ награда, каждый мѣсяцъ, за усиленные труды по канцеляріи, я буду получать добавочныхъ двадцать пять рублей, и кромѣ того онъ далъ мнѣ понять, что пятьдесятъ рублей, которые я у него одолжилъ, онъ считаетъ моими.

По дорогѣ въ Маньчжурію и здѣсь, въ самой Маньчжуріи, всѣхъ насъ очень удивляло одно обстоятельство. Армія испытывала большой недостатокъ въ офицерскомъ составѣ; раненыхъ офицеровъ, чуть оправившихся, снова возвращали въ строй; эвакуаціонныя комиссіи, по предписанію свыше, съ каждымъ мѣсяцемъ становились все строже, эвакуировали офицеровъ все съ бо́льшими трудностями. Здѣсь къ намъ то и дѣло обращались за врачебными совѣтами строевые офицеры,—хворые, часто совсѣмъ больные. Изъ прибывшихъ сюда къ началу войны многіе были до того переутомлены, что, какъ счастья, ждали раны или смерти.

А рядомъ съ этимъ масса здоровыхъ, цвѣтущихъ офицеровъ занимала покойныя и безопасныя должности въ тылу арміи. И что особенно удивительно, — на этихъ тыловыхъ должностяхъ офицеры и жалованіе получали гораздо большее, чѣмъ въ строю. Офицеры наполняли интендантства, были смотрителями госпиталей и лазаретовъ, комендантами станцій, этаповъ, санитарныхъ поѣздовъ, завѣдывали всевозможными складами, транспортами, обозами, хлѣбопекарнями. Здѣсь, гдѣ ихъ дѣло легко могли исполнять и чиновники, наличность офицеровъ считалась необходимой. А въ бояхъ ротами командовали зауряд-прапорщики, т.-е. нижніе чины, только на время войны произведенные въ офицеры; для боя спеціально-военныя познанія офицеровъ какъ будто не признавались важными. Роты шли въ бой съ культурнымъ, образованнымъ врагомъ подъ

предводительствомъ нижнихъ чиновъ, а въ это время пышащіе здоровьемъ офицеры, спеціально обучавшіеся для войны, считали госпитальные халаты и торговали въ вагонахъ офицерскихъ экономическихъ обществъ конфетами и чайными печеньями.

Однажды къ намъ въ госпиталь пріѣхалъ начальникъ нашей дивизіи. Онъ осмотрѣлъ палаты, потомъ пошелъ пить чай къ главному врачу.

— Да, поручикъ, вотъ что! — обратился генералъ къ смотрителю.—Вы переводитесь въ строй. Главнокомандующій приказалъ на покойныя тыловыя мѣста назначать оправившихся отъ ранъ строевыхъ офицеровъ, а здоровыхъ офицеровъ переводить въ строй. Можете выбрать, въ какой изъ нашихъ полковъ вы хотите перейти.

Смотритель побѣлѣлъ, какъ снѣгъ, колѣнки его задрожали, онъ сразу осунулся и сгорбился.

— Слушаю-съ!—упавшимъ голосомъ отозвался онъ.

— Ваше превосходительство! Ну, куда ему въ строй? — вмѣшался главный врачъ. — Офицеръ онъ никуда не годный, строевую службу совсѣмъ забылъ, притомъ трусъ отчаянный. А смотритель прекрасный... Увѣряю васъ, въ строю онъ будетъ только вреденъ.

Генералъ сквозь очки мелькомъ взглянулъ на смотрителя, и въ его глазахъ промелькнула усмѣшка; смотритель сидѣлъ сгорбившись, съ неподвижнымъ взглядомъ, и, видимо, нисколько не былъ задѣтъ указаніемъ на его трусость.

— Офицеръ не можетъ быть трусомъ, — рѣзко сказалъ генералъ.—И приказа главнокомандующаго я нарушить не могу. Подумайте и дайте знать въ штабъ, какой вы полкъ выбираете.

— Слушаю-съ!—еще разъ отозвался смотритель.

Генералъ уѣхалъ.

Смотритель рѣзко измѣнился. Прежде самодовольный, наглый и веселый, онъ теперь молчаливо сидѣлъ и сосредоточенно думалъ. Приходилъ за распоряженіями фельдфебель,—смотритель вяло махалъ рукой и отвѣчалъ:

— Дѣлайте, какъ хотите!

Шелъ къ сестрамъ и, стѣсняя ихъ, цѣлыми часами сидѣлъ у нихъ на тепломъ кханѣ (лежанкѣ). Сидѣлъ, поджавъ по-турецки ноги, мягкій, толстый, и молчалъ. Если начиналъ говорить, то въ такомъ родѣ:

— Когда меня, раненаго, принесутъ къ вамъ въ госпиталь...

Ходилъ онъ теперь сильно сгорбившись и, какъ паралитичный старикъ, волочилъ по землѣ свои толстыя ноги въ валенныхъ сапогахъ.

Приказъ главнокомандующаго былъ переданъ и во всѣ другія учрежденія. Повсюду разлилось безпокойство и уныніе.

Главный врачъ всѣ дни проводилъ въ разъѣздахъ и усиленно хлопоталъ за смотрителя. Раньше Давыдовъ постоянно высказывалъ недовольство его лѣностью и нераспорядительностью, да и теперь отзывался о немъ такъ: «На что этотъ увалень нуженъ въ строю! И тутъ-то, какъ смотритель, онъ никуда не годится!» Однако хлопоталъ за него дни напролетъ. «По добротѣ душевной. Жалко человѣка»,—объяснялъ самъ Давыдовъ. Но всѣ кругомъ ясно видѣли причину этой доброты. Смотритель былъ бездѣятеленъ и лѣнивъ; юркому, дѣловитому главному врачу это было только выгодно, всю хозяйственную часть онъ забралъ въ свои руки. Съ другой стороны, смотритель былъ, повидимому, человѣкъ «честный», т.-е. себѣ въ карманъ ничего не клалъ и притворялся, что не видитъ воровства главнаго врача. Съ нимъ, значитъ, не приходилось дѣлиться. Человѣкъ былъ самый подходящій.

Шли дни. Случилось какъ-то такъ, что назначеніе смотрителя въ полкъ замедлилось, явились какія-то препятствія, оказалось возможнымъ сдѣлать это только черезъ мѣсяцъ; черезъ мѣсяцъ сдѣлать это забыли. Смотритель остался въ госпиталѣ, а раненый офицеръ, намѣченный на его мѣсто, пошелъ опять въ строй.

И такъ же незамѣтно, совсѣмъ случайно, вслѣдствіе непредотвратимаго стеченія обстоятельствъ, сложились дѣла и повсюду кругомъ. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Для каждаго оказалось возможнымъ сдѣлать исключеніе изъ правила. Въ строй попалъ только смотритель султановскаго госпиталя. Султанову, конечно, ничего не стоило устроить такъ, чтобы онъ остался, но у Султанова не было обычая хлопотать за другихъ; а связи онъ имѣлъ такія высокія, что никакой другой смотритель ему не былъ страшенъ или неудобенъ.

И опять попрежнему на этапахъ, на станціяхъ, въ лазаретахъ и обозахъ,—всюду бросались въ глаза тѣ же пышащія здоровьемъ, упитанныя офицерскія физіономіи. Приказъ главнокомандующаго, какъ и другіе его приказы, безсильною бумажкою нѣсколько времени потрепался въ воздухѣ, пугая простаковъ, и юркнулъ подъ сукно.

Въ нашъ госпиталь шли больные, изрѣдка попадали и раненые. Лѣчить ли ихъ на мѣстѣ или эвакуировать въ тылъ? Это былъ вопросъ чрезвычайно сложный, насчетъ котораго начальство никакъ не могло столковаться. Пріѣзжалъ корпусный врачъ, узнавалъ, что мы эвакуируемъ больныхъ,—и разносилъ.

«У васъ—госпиталь, а вы его обращаете въ какой-то этапный пунктъ! Для чего же у васъ врачи, сестры, аптека?!» Пріѣзжалъ начальникъ санитарной части Треповъ, узналъ, что больные лежатъ у насъ по пяти-шести дней,—и разносилъ. «Почему больные лежатъ у васъ такъ долго, почему вы ихъ не эвакуируете?» На эвакуаціи онъ былъ положительно помѣшанъ.

Генералъ Треповъ былъ главнымъ начальникомъ всей санитарной части арміи. Какими онъ обладалъ данными для завѣдыванія этою отвѣтственною частью, навряд ли могъ бы сказать хоть кто-нибудь. Въ начальники санитарной части онъ попалъ не то изъ сенаторовъ, не то изъ губернаторовъ, отличался развѣ только своею поразительною нераспорядительностью, въ дѣлѣ же медицины былъ круглый невѣжда. Тѣмъ не менѣе генералъ вмѣшивался въ чисто-медицинскіе вопросы и щедро разсыпалъ выговоры врачамъ за то, въ чемъ былъ совершенно некомпетентенъ.

Однажды, обходя нашъ госпиталь, онъ остановилъ вниманіе на одномъ больномъ, лежавшемъ въ палатѣ хрониковъ.

— Чѣмъ онъ боленъ?..

— Сифилисомъ.

— Что-о?.. Съ сифилисомъ вы кладете въ общую палату?!

— Ваше превосходительство, у него третичная стадія, она не заразительна. А отдѣльной сифилитической палаты у насъ нѣтъ. Онъ къ намъ положенъ сегодня, завтра мы его эвакуируемъ.

— Это все равно! Это все равно! *Сифилитика* класть вмѣстѣ съ другими больными! Чтобъ этого у меня никогда больше не было!

Другой разъ, тоже въ палатѣ хрониковъ, Треповъ увидѣлъ солдата съ хроническою экземою лица. Видъ у больного былъ пугающій: красное, раздувшееся лицо съ шелушащеюся, покрытою желтоватыми корками, кожею. Генералъ пришелъ въ негодованіе и грозно спросилъ главнаго врача, почему такой больной не изолированъ. Главный врачъ почтительно объяснилъ, что это болѣзнь не заразная. Генералъ замолчалъ и пошелъ дальше. Уѣзжая, онъ поблагодарилъ главнаго врача за порядокъ въ госпиталѣ.

Послѣ каждаго посѣщенія высшаго начальства представитель военнаго учрежденія обязанъ извѣщать свое непосредственное начальство о состоявшемся посѣщеніи, съ сообщеніемъ всѣхъ замѣчаній, одобреній и порицаній, высказанныхъ осматривавшимъ начальствомъ. Главный врачъ телеграфировалъ корпусному врачу, что былъ начальникъ санитарной

части, осмотрѣлъ госпиталь и остался доволенъ порядкомъ. На слѣдующій день прискакалъ корпусный врачъ и накинулся на главнаго врача:

— Вы мнѣ телеграфировали, что Треповъ нашелъ все въ порядкѣ, а у меня былъ самъ Треповъ и сообщилъ, что сдѣлалъ вамъ выговоръ: вы держите заразныхъ больныхъ вмѣстѣ съ незаразными!

Главный врачъ въ недоумѣніи развелъ руками, объяснилъ корпусному врачу, въ чемъ дѣло, и сказалъ, что не считаетъ генерала Трепова компетентнымъ дѣлать врачамъ выговоры въ области медицины; не телеграфировалъ онъ о полученномъ выговорѣ изъ чувства деликатности, не желая въ официальной бумагѣ ставить начальника санитарной части въ смѣшное положеніе. Корпусному врачу только и осталось, что перевести разговоръ на другое.

Чтобы быть даже фельдшеромъ или сестрою милосердія, чтобы нести во врачебномъ дѣлѣ даже чисто-исполнительныя обязанности, требуются спеціальныя знанія. Для несенія же самыхъ важныхъ и отвѣтственныхъ врачебныхъ функцій въ полумилліонной русской арміи никакихъ спеціальныхъ знаній не требовалось; для этого нужно было имѣть только соотвѣтственный чинъ. Вотъ документъ, — и я совершенно серьезно увѣряю читателя, онъ взятъ мною не изъ юмористическаго журнала, онъ помѣщенъ въ приложеніи къ Приказу главнокомандующаго отъ 18 ноября 1904 г. за № 130.

Временный штатъ Управленія главнаго начальника Санитарной части при Главнокомандующемъ.

Главный начальникъ санитарной части (*генералъ-лейтенантъ*) — 1. Генералъ для порученій (*генералъ-майоръ*)—1. Составъ управленія: Начальникъ госпитальнаго отдѣленія (*можетъ быть изъ врачей*) — 1. Начальникъ эвакуаціоннаго отдѣленія (*можетъ быть изъ врачей*)—1. Для порученій: штабъ-офицеровъ—2, *врачей*—3.

Санитарно-статистическое бюро: Завѣдывающій бюро, *полковникъ, можетъ быть генералъ-майоръ* (*можетъ быть изъ врачей*)—1. Помощниковъ: *врачей*—2.

Управленіе Главнаго Полевого Военно-Медицинскаго Инспектора: Главный полевой военно-медицинскій инспекторъ—1. *Главный полевой хирургъ*—1. Правитель канцеляріи (*изъ врачей*)—1. Чины для порученій: *врачей 3-го медицинскаго разряда*—2, *4-го разряда*—2.

Главная полевая эвакуаціонная комиссія арміи: Предсѣдатель комиссіи, *генералъ-майоръ* (*можетъ быть полковникъ*)—1. Помощниковъ предсѣдателя—2. *Главный врачъ комиссіи*—1. Для порученій: оберъ-офицеровъ—6, *врачей*—10.

У японцевъ врачебно-санитарнымъ дѣломъ арміи завѣдывали извѣстные профессора-медики. У насъ, какъ видно изъ

приводимаго документа, кромѣ поста военно-медицинскаго инспектора, *ни одно* сколько-нибудь отвѣтственное мѣсто съ руководящею ролью не было предоставлено врачу. Просмотрите первый отдѣлъ документа, гдѣ опредѣляются штаты центральнаго врачебно-санитарнаго управленія всей арміи: генералъ-лейтенантъ, генералъ-майоръ... На второстепенныхъ должностяхъ *могутъ быть* врачи, а могутъ быть и полковники... Обязательно же врачами замѣщены только три должности — *для порученій!*..

И во всемъ документѣ тотъ же стиль выдержанъ весьма строго. Кое-гдѣ относительно второстепенныхъ должностей снисходительно помѣчено: «можетъ быть изъ врачей», вообще же врачамъ предоставлены лишь самыя низшія, чисто-исполнительныя должности,—правителей канцелярій, «для порученій» и т. д. И только одно исключеніе, портящее стиль: относительно главнаго полевого хирурга не прибавлено, что онъ только *можетъ быть* изъ врачей. Почему? Если начальникомъ санитарной части могъ быть бывшій губернаторъ, инспекторомъ госпиталей—бывшій полицеймейстеръ, то почему главнымъ полевымъ хирургомъ не могъ быть, напримѣръ, бывшій полицейскій приставъ?

Но все это слишкомъ печально, чтобъ смѣяться... И если бы еще, рядомъ съ невѣжественными генералами и полковниками, хоть роли ихъ помощниковъ несли талантливые, знающіе врачи! Но этого не было. Въ управленіи арміи мы не находимъ ни одного врача, сколько-нибудь авторитетнаго въ научномъ или моральномъ отношеніи. Вездѣ сидѣли бездарные врачи-чиновники съ бумажными душами, прошедшіе путь военной муштровки до полнаго обезличенія. Ждать отъ нихъ таланта, самостоятельнаго творчества, горячей любви къ дѣлу было бы то же самое, что искать теплой крови и живыхъ нервовъ въ стопѣ канцелярской бумаги. А что такое представляли собою военные носители высшихъ врачебныхъ должностей,—генералы Треповъ, Езерскій, Четыркинъ и др.—это читатель уже отчасти видѣлъ, отчасти еще увидитъ.

Послѣдствія такого состава высшаго врачебнаго управленія несла на себѣ многострадальная русская армія. Въ первомъ изъ боевъ, при Тюренченѣ, раненые шли и ползли безъ помощи десятки верстъ, а въ это время сотни врачей и десятки госпиталей стояли безъ дѣла. И то же самое повторялось во всѣхъ слѣдующихъ бояхъ, вплоть до великаго мукденскаго боя включительно. Громадный запасъ врачебныхъ силъ съ роковою правильностью каждый разъ оказывался совершенно неиспользованнымъ, и дѣло ухода за ранеными обставлялось

такъ, какъ будто на всю нашу армію было всего нѣсколько десятковъ врачей.

Наши начальники-врачи на свѣжую душу производили впечатлѣніе поражающее. Я бы не взялся изобразить ихъ въ беллетристической формѣ. Какъ бы ни смягчать дѣйствительность, какъ бы ни затемнять краски,—всякій бы, прочитавъ, сказалъ: это злобный шаржъ, пересоленная карикатура, такихъ людей въ настоящее время быть не можетъ!

И сами мы, врачи изъ запаса, думали, что такихъ людей, тѣмъ болѣе среди врачей, давно уже не существуетъ. Въ изумленіи смотрѣли мы на распоряжавшихся нами начальниковъ-врачей, «старшихъ товарищей»... Какъ будто изъ сѣдой старины поднялись тусклые, жуткіе призраки съ высокомѣрно-безстрастными лицами, съ гусинымъ перомъ за ухомъ, съ чернильными мыслями и бумажною душою. Въявь вставали передъ нами уродливые образы «Ревизора», «Мертвыхъ душъ» и «Губернскихъ очерковъ».

Имѣть собственное мнѣніе даже въ вопросахъ чисто-медицинскихъ подчиненнымъ не полагалось. Нельзя было возражать противъ діагноза, поставленнаго начальствомъ, какъ бы этотъ діагнозъ ни былъ легкомысленъ или намѣренно недобросовѣстенъ. На моихъ глазахъ полевой медицинскій инспекторъ третьей арміи дѣлалъ обходъ госпиталя. Взялъ листокъ одного больного, посмотрѣлъ діагнозъ,—«тифъ». Подошелъ къ больному, ткнулъ его рукою черезъ халатъ въ лѣвое подреберье и заявилъ:

— Это не тифъ, а инфлуэнца!

И велѣлъ немедленно перемѣнить діагнозъ. Военно-медицинскій инспекторъ тыла, при посѣщеніи подвѣдомственныхъ ему госпиталей, если слышалъ отъ ординатора діагнозъ «тифъ», хмурился и спрашивалъ:

— А какіе вы знаете симптомы тифа?

Одинъ изъ врачей отвѣтилъ:

— Я, ваше превосходительство, экзамены уже сдалъ и вторично сдавать не обязанъ.

Дерзкій былъ за это переведенъ въ полкъ. Для побывавшаго на войнѣ врача не анекдотомъ, а вполнѣ вѣроятнымъ фактомъ, вытекающимъ изъ самой сути царившихъ отношеній, представляется случай, о которомъ разсказываетъ д-ръ М. Л. Хейсинъ въ «Мірѣ Божіемъ» (1906, № 6): инспекторъ В., обходя госпиталь, спросилъ у ординатора:

— Увеличена ли у больного селезенка?

— Какъ прикажете, ваше превосходительство! — отвѣтилъ «находчивый» ординаторъ.

Грубость и невоспитанность военно-медицинскаго начальства превосходила всякую мѣру. Печально, но это такъ: военные генералы въ обращеніи со своими подчиненными были по большей части грубы и некультурны; но по сравненію съ генералами-*врачами* они могли служить образцами джентльменства. Я разсказывалъ, какъ въ Мукденѣ окликалъ д-ръ Горбацевичъ врачей: «послушайте, вы!». На обходѣ нашего госпиталя инспекторъ нашей арміи спрашиваетъ дежурнаго товарища:

— Когда положенъ этотъ больной?

— Сегодня.

— Когда ты сюда положенъ?— обращается онъ къ самому больному.

— Сегодня.

И подобнаго рода «провѣрка», которую иной постѣснился бы примѣнить къ своему лакею, здѣсь такъ беззаботно-просто дѣлалась по отношенію къ врачу!

Рядомъ съ этимъ высокомѣріемъ, пьянившимся своимъ чиномъ и положеніемъ, шло удивительное бездушіе по отношенію къ подчиненнымъ врачамъ. Эвакуаціонная комиссія, прозванная за строгость и придирчивость «драконовскою», назначаетъ на эвакуацію врача, перенесшаго очень тяжелый тифъ. Д-ръ Горбацевичъ, не осматривая больного товарища, ни разу не видѣвъ его, отмѣняетъ постановленіе комиссіи, и изнуренный болѣзнью врачъ возвращается на мѣсто его служенія. То, что въ бытность нашу въ Мукденѣ д-ръ Горбацевичъ продѣлывалъ съ прикомандированными врачами, повторялось не разъ. Былъ я какъ-то въ Мукденѣ въ серединѣ ноября: опять тридцать врачей бѣгаютъ, не зная, гдѣ пріютиться,—Горбацевичъ выписалъ ихъ изъ Харбина на случай боя и опять предупредилъ, чтобъ они не брали съ собой никакихъ вещей. И они ночевали при управленіи инспектора на голомъ полу, на цыновкахъ.

Одно, только одно горячее, захватывающее чувство можно было усмотрѣть въ безстрастныхъ душахъ врачебныхъ начальниковъ, — это благоговѣйно-трепетную любовь къ бумагѣ. Бумага была все, въ бумагѣ была жизнь, правда, тѣло... Передо мною, какъ живая, стоитъ тощая, лысая фигура одного дивизіоннаго врача, съ унылымъ, сухимъ лицомъ. Дѣло было въ Сыпингаѣ, послѣ мукденскаго разгрома.

— У васъ что-нибудь утеряно изъ обоза? — освѣдомился начальникъ санитарной части нашей арміи.

— Все утеряно, ваше превосходительство!—уныло отвѣтилъ дивизіонный врачъ.

— Все? И шатры, и перевязочный матеріалъ, и инструменты?

— Нѣтъ, это-то уцѣлѣло... Канцелярія вся утеряна.

Генералъ пренебрежительно отвернулся, а лицо дивизіоннаго врача стало еще унылѣе, голова еще лысѣе...

Во время того же мукденскаго отступленія офицеръ полуроты, приданной для охраны одного полевого госпиталя, просилъ главнаго врача принять его солдатъ на довольствіе.

— Не могу, поручикъ, не могу!—отвѣтилъ главный врачъ.

— Почему же? Вѣдь вы все равно довольствуете сто человѣкъ вашей команды.

— А вашихъ не могу-съ! Обозъ еще не весь собрался, нѣту канцеляріи.

Офицеръ не выдержалъ:

— Простите, докторъ, вы, можетъ-быть, думаете, что мои солдаты питаются бумагою? Нѣтъ, бумаги они не ѣдятъ.

Нашъ дивизіонный врачъ выговаривалъ полковымъ врачамъ, что у нихъ заполнены не всѣ графы вѣдомостей.

— Да у насъ для этихъ графъ нѣтъ данныхъ.

— Ну... ну... Все равно, пишите фиктивныя цифры, а чтобъ графы всѣ были заполнены.

Въ одномъ изъ нашихъ полковъ открылся брюшной тифъ. Корпусный врачъ спросилъ полкового:

— Дезинфекцію вы произвели?

— Какая же у насъ дезинфекція? У насъ нѣтъ никакихъ дезинфекціонныхъ средствъ.

— *Произвели вы дезинфекцію?* — выразительно повторилъ корпусный врачъ.

— Я же вамъ говорю...

— Надѣюсь, вы дезинфекцію *произвели?*

— Д-да... Но...

— Прекрасно! Пожалуйста, подайте мнѣ рапортъ, что дезинфекція произведена.

Когда, въ началѣ ноября, въ армію наконецъ были привезены полушубки, солдаты стали заражаться отъ нихъ сибирскою язвою. Появились случаи зараженія и въ нашей командѣ. Заработала бумажная машина, отъ насъ во всѣ стороны полетѣли телеграммы, въ отвѣтъ полетѣли къ намъ телеграммы со строгими приказами: «изолировать», «подвергнуть тщательнѣйшей дезинфекціи», «о сдѣланномъ донести»... Мы все сдѣлали, сообщили рапортомъ. Дивизіоннаго врача дома не было, принялъ рапортъ его помощникъ, съ которымъ мы были пріі-

ятелями. Съ серьезнымъ, дѣловымъ лицомъ онъ принялъ рапортъ, записалъ, что-то помѣтилъ, куда-то что-то отправилъ. Потомъ сѣли пить чай. За часомъ онъ съ лукавою усмѣшкою вдругъ спрашиваетъ насъ:

— Между нами! А вправду, производили вы дезинфекцію или нѣтъ?

Этотъ пріятельскій вопросъ былъ моментальнымъ просвѣтомъ во что-то большое и зловѣщее; онъ во всей обнаженности раскрылъ передъ нами суть дѣла. Пишутъ лживыя бумаги, начальство читаетъ и притворяется, что вѣритъ, потому что надъ каждымъ начальствомъ есть высшее начальство, и оно, всѣ надѣются, ужъ взаправду повѣритъ.

Какъ важна была для врачебнаго начальства бумага, и какъ глубоко-безразлично было для него здоровье живого солдата, показываетъ одинъ невѣроятный циркуляръ временно и. д. военно-медицинскаго инспектора арміи, д-ра Вредена.

Въ дѣлѣ снабженія войскъ и военно-врачебныхъ заведеній въ военное время предметами медицинскаго довольствія,—пишетъ докторъ Вреденъ,—имѣетъ важное значеніе правильное расходованіе этихъ предметовъ. Со стороны врача требуется обстоятельное знакомство какъ съ характеромъ военныхъ больныхъ, такъ и съ имѣющимися въ распоряженіи арміи средствами къ удовлетворенію нуждъ этихъ больныхъ, что пріобрѣтается только болѣе или менѣе продолжительною службою въ военномъ вѣдомствѣ, между тѣмъ почти половина врачей маньчжурской арміи принадлежитъ къ числу призванныхъ изъ запаса, не служившихъ вовсе въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ. Прямымъ слѣдствіемъ ихъ незнанія условій военнаго быта и военно-медицинской службы можетъ быть быстрое израсходованіе наиболѣе употребительныхъ средствъ *на такихъ больныхъ, которые, представляя одни только жалобы на болѣзненныя явленія вмѣсто дѣйствительныхъ страданій, подтверждаемыхъ объективными данными, не нуждались вовсе въ лѣченіи.* Въ результатѣ получатся жалобы на недостатокъ медикаментовъ вслѣдствіе скупости военно-медицинскаго снабженія, тогда какъ въ дѣйствительности будетъ незнакомство врачей съ военными больными и неумѣніе пользоваться предоставленными въ ихъ распоряженіе средствами. Обращая вниманіе подвѣдомственныхъ мнѣ врачей на это нежелательное явленіе въ расходованіи предметовъ медицинскаго довольствія, прошу болѣе опытныхъ военныхъ врачей ознакомить своихъ младшихъ, только-что призванныхъ изъ запаса, товарищей съ особенностями военно-медицинской службы въ дѣлѣ лѣченія больныхъ.

Рекомендуя, впрочемъ, соблюденіе экономіи въ расходованіи предметовъ медицинскаго довольствія, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, устраненіе недостатка въ медикаментахъ для больныхъ, дѣйствительно въ нихъ нуждающихся, а вовсе не экономію ради экономіи. *Хотя въ районѣ маньчжурской арміи и въ тылу имѣются большіе запасы медицинскаго имущества, высланнаго въ потребность арміи Обществомъ Краснаго Креста,* но возможность воспользоваться ими во всякое время не можетъ служить оправданіемъ къ легкомысленному расходованію медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ. Кромѣ того необходимо имѣть въ виду, что *обращеніе къ помощи Краснаго Креста*

можетъ подать поводъ и къ обвиненію военно-медицинскаго вѣдомства въ скудости снабженія арміи предметами медицинскаго довольствія. Нисколько не ограничивая позаимствованіе означенныхъ предметовъ изъ запасовъ Краснаго Креста, Полевое Военно-Медицинское Управленіе считаетъ только нужнымъ напомнить врачамъ, чтобъ эти позаимствованія имѣли мѣсто лишь въ случаяхъ дѣйствительной необходимости (Циркуляръ Полевого В.-Медиц. Упр-нія, отд. фармацевтическій, № 1156).

Я не знаю, возможно ли полнѣе, чѣмъ въ этомъ циркулярѣ, обнажить всю опустошенность русской военно-врачебной совѣсти. Дѣйствительно, военная медицина—это какая-то совсѣмъ особенная медицина. Наша обычная, человѣческая, научная медицина только ахнетъ отъ противопоставленія «однѣхъ только жалобъ на болѣзненныя явленія» «*дѣйствительнымъ* страданіямъ, подтверждаемымъ объективными данными»: многія болѣзни не представляютъ объективныхъ данныхъ и тѣмъ не менѣе, вопреки поученіямъ доктора Вредена, очень и очень «нуждаются въ лѣченіи». И дѣло здѣсь идетъ даже не о томъ, чтобы съ большею строгостью освобождать больныхъ солдатъ отъ работъ или эвакуировать ихъ,—нѣтъ, дѣло идетъ просто о дачѣ лѣкарствъ. Сдѣлаемъ невѣроятное предположеніе, что половина больныхъ безъ «объективныхъ данныхъ»—притворщики, не нуждающіеся въ лѣченіи. Казалось бы, что ужъ для другой половины дѣйствительно больныхъ, дѣйствительно нуждающихся въ лѣченіи,—потому что вѣдь не вправду же убѣжденъ д-ръ Вреденъ, будто каждая болѣзнь выражается объективными симптомами!—казалось бы, для этихъ дѣйствительно больныхъ можно бы рискнуть понапрасну дать лѣкарство притворщикамъ. Но нѣтъ, пусть лучше ужъ всѣ остаются безъ лѣченія, это не такъ важно; зато не будетъ «*жалобъ* на недостатокъ медикаментовъ, вслѣдствіе скудости военно-медицинскаго снабженія». Вотъ это много важнѣе. И замѣтьте,—именно *жалобъ* на недостатокъ боится медицинское управленіе, а не самого недостатка. Недостатка не будетъ. Изъ того же циркуляра мы узнаёмъ, что лѣкарства и перевязочный матеріалъ можно легко достать въ Красномъ Крестѣ, имѣющемъ ихъ «большіе запасы», которыми можно воспользоваться «во всякое время». Но мало ли что! Зато «обращеніе къ помощи Краснаго Креста можетъ подать *поводъ къ обвиненію военно-медицинскаго вѣдомства* въ скудости снабженія арміи предметами медицинскаго довольствія»...

Въ своемъ циркулярѣ д-ръ Вреденъ съ большимъ одобреніемъ отзывается объ «опытныхъ военныхъ врачахъ» и не выказываетъ никакого сомнѣнія, что они вполнѣ считаются съ указанными въ циркулярѣ «особенностями военно-медицинской

службы». Клевещетъ ли докторъ Вреденъ на военныхъ врачей, или они дѣйствительно заслуживали его одобренія?

Въ одномъ изъ нашихъ полковъ появился сильный брюшной тифъ. Околотокъ былъ биткомъ набитъ тифозными. Младшіе врачи указали на это старшему полковому врачу, военному.

— Да нѣтъ, что вы? Это не тифъ! Зачѣмъ въ госпиталь отправлять? Отлежатся и здѣсь.

Показали ему розеолы,—«неясны»; увеличенную селезенку,—«неясна»... А больные переполняли околотокъ. Тутъ же происходилъ амбулаторный пріемъ. Тифозные, выходя изъ фанзы за нуждою, падали въ обморокъ. Младшіе врачи возмутились и налегли на старшаго. Тотъ наконецъ подался, пошелъ къ командиру полка. Полковникъ заволновался:

— Нѣтъ, нѣтъ! Въ госпиталь отправлять не надо. Зачѣмъ? Вѣдь, бываетъ, тифъ переносятъ на ногахъ, это болѣзнь вовсе не такая опасная... Да и тифъ ли еще это?

Но больные все прибывали, мѣста не хватало. Волей-неволей пришлось отправить десятокъ самыхъ тяжелыхъ въ нашъ госпиталь. Отправили ихъ безъ діагноза. У дверей госпиталя, выходя изъ повозки, одинъ изъ больныхъ упалъ въ обморокъ на глазахъ бывшаго у насъ корпуснаго врача. Корпусный врачъ осмотрѣлъ привезенныхъ, всполошился, покатилъ въ полкъ, — и околотокъ наконецъ очистился отъ тифозныхъ.

Въ другомъ полку нашей дивизіи у старшаго врача, по отношенію къ больнымъ солдатамъ, было только два выраженія: «лодыря играть» и «миндаль разводить». Въ каждомъ солдатѣ онъ видѣлъ притворщика. Я объ этомъ врачѣ уже разсказывалъ въ первой главѣ «Записокъ»,—какъ онъ признавалъ притворщиками двухъ солдатъ, которые, по изслѣдованіи ихъ младшимъ врачомъ, оказались совершенно негодными къ службѣ. У врача этого было положеніе, — не помѣчать въ отчетахъ больше двадцати амбулаторныхъ больныхъ въ день. Въ дѣйствительности бывало человѣкъ по 70 — 80, но это какое же было бы санитарное состояніе полка!

Однажды на моемъ дежурствѣ въ госпиталь привезли нѣсколькихъ больныхъ солдатъ. Одинъ бросился мнѣ въ глаза своимъ лицомъ: молодой парень съ низкимъ, отлогимъ лбомъ, въ глазахъ — тупое, ушедшее въ себя страданіе, углы губъ сильно опущены.

— Что болитъ?

— Ваше благородіе, онъ глухъ, не слышитъ! — предупредилъ меня полковой фельдшеръ.

Я сталъ громко кричать солдату на ухо свои вопросы. Онъ

какъ будто очнется отъ глубокой задумчивости, повторитъ вопросъ и отвѣтитъ.

Въ октябрьскихъ бояхъ онъ былъ раненъ пулею въ бедро навылетъ; недавно его выписали изъ харбинскаго госпиталя назадъ въ строй; на правую ногу онъ замѣтно хромалъ.

Я его спросилъ, давно ли онъ оглохъ. Солдатъ разсказалъ, что года три назадъ, еще до службы, онъ возилъ съ братомъ снопы, упалъ съ воза и ударился головою оземь. Съ тѣхъ поръ пошелъ шумъ въ ушахъ, головокруженіе, постепенно развилась глухота.

— Взяли на службу, не повѣрили, что плохо слышу,—апатично разсказывалъ онъ. — Въ ротѣ сильно обижали по головѣ,—и фельдфебель, и отдѣленные. Совсѣмъ оглохъ. Жаловаться побоялся: и вовсе забьютъ. Пошелъ въ околотокъ, докторъ сказалъ: «Притворяешься! Я тебя подъ судъ отдамъ!..» Я бросилъ въ околотокъ ходить...

Весь вечеръ передо мною стояло лицо этого парня, на душѣ было горько и жутко.

Разсказалъ я о немъ главному врачу. Утромъ мы изслѣдовали комиссіей одного солдата съ грыжею для эвакуаціи въ Россію. Я предложилъ главному врачу изслѣдовать кстати и глухого. Мы подошли къ его койкѣ.

— Надѣнь халатъ! — обычнымъ голосомъ сказалъ главный врачъ, украдкою слѣдя за больнымъ.

Тотъ не двигался. Главный врачъ крикнулъ громче, — солдатъ заторопился и надѣлъ халатъ.

Принесли инструменты. Шанцеръ, спеціалистъ по ушнымъ болѣзнямъ, сталъ отоскопировать больного. Задняя часть одной изъ барабанныхъ перепонокъ оказалась утолщенной. Шанцеръ безпомощно повелъ плечами.

— Доказать что-нибудь тутъ очень трудно,—сказалъ онъ.— У науки нѣтъ средствъ узнать, симулируетъ ли больной глухоту на *оба* уха.

— Ничего, изслѣдуйте! Я узнаю! — съ хитрою усмѣшкою шепнулъ главный врачъ.

Онъ беззаботно разговаривалъ съ солдатомъ и исподтишка пристально слѣдилъ за нимъ. Говорилъ то громче, то тише, задавалъ неожиданные вопросы, со всѣхъ сторонъ подступалъ къ нему,—насторожившійся, съ предательски смотрящими глазами. У меня вдругъ мелькнулъ вопросъ: гдѣ я? Въ палатѣ больныхъ, съ врачами, или въ охранномъ отдѣленіи, среди жандармовъ и сыщиковъ?

— Симулируетъ! — рѣшительно и торжественно объявилъ главный врачъ. — Обратите вниманіе: на вопросы доктора

Шанцера онъ отвѣчаетъ немедленно, а моихъ какъ будто совсѣмъ не слышитъ.

— Вполнѣ понятно, — возразилъ я. — У Шанцера голосъ звонкій, а у васъ низкій и глухой.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ужъ со мною не спорьте, у меня на этотъ счетъ есть нюхъ. Сразу вижу, что симулянтъ... Ты какой губерніи?

Больной вслушался.

— Губерніи?.. Пермской губерніи! — выкрикнулъ онъ.

— Пермской? — значительно протянулъ главный врачъ. — Ну, вотъ видите! Это важное подтвержденіе: по статистикѣ, жители Пермской губерніи стоятъ на первомъ мѣстѣ по вызыванію ушныхъ болѣзней для избавленія отъ военной службы.

— Не знаю, но, судя по его разсказамъ, онъ, несомнѣнно, не симулируетъ, — возразилъ Шанцеръ. — Была течь? Не было. Глухота развилась не сейчасъ послѣ паденія, а постепенно, сначала былъ только шумъ въ ушахъ. Такъ симулировать могъ бы только спеціалистъ по ушнымъ болѣзнямъ, а не мужикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Симулянтъ несомнѣнный! — рѣшилъ главный врачъ. — Вы, штатскіе врачи, не знаете условій военной службы, вы, естественно, привыкли вѣрить каждому больному. А они этимъ пользуются. Тутъ гуманничанье не у мѣста.

Мы возражали яро. Глухота больного несомнѣнна. Но допустимъ даже, что она лишь въ извѣстной степени вѣроятна,— какое преступленіе главный врачъ беретъ на душу, отправляя на боевую службу, можетъ-быть, глухого, да къ тому еще хромого солдата. Но чѣмъ больше мы настаивали, тѣмъ упорнѣе стоялъ главный врачъ на своемъ; у него было «внутреннее убѣжденіе», — то непоколебимое, не нуждающееся въ фактахъ, опирающееся на нюхъ «внутреннее убѣжденіе», которымъ такъ сильны люди сыска.

Солдата выписали въ полкъ.

Чѣмъ больше я приглядывался къ «особенностямъ военно-медицинской службы», тѣмъ яснѣе становилось, что эти особенности — отчасти путемъ отбора, отчасти путемъ пересозданія человѣческой души — должны были выработать дѣйствительно совсѣмъ особенный типъ врача.

Солдатъ взятъ на службу силою, съ дѣломъ своимъ никакими интересами не связанъ, — естественно, онъ охотно будетъ притворяться больнымъ. И вотъ врачъ подходитъ къ больному не съ мыслью, какъ ему помочь, а съ вопросомъ, не

притворяется ли онъ. Одна необходимость этого постояннаго сыска мало-по-малу мѣняетъ душу врача, развиваетъ въ ней подозрительность, желаніе «поймать», «поддѣть» больного. Вырабатывается глубокое, враждебное недовѣріе къ больному солдату вообще. «Лодырь» — это постоянное слово въ лексиконѣ военнаго врача, для него его паціентъ *прежде всего* — лодырь, обратное должно быть доказано. Д-ръ Хейсинъ въ упомянутой выше статьѣ сообщаетъ про одного военнаго врача: врачъ этотъ давалъ больнымъ солдатамъ свою «смѣсь», состоявшую изъ такихъ дозъ рвотнаго, чтобъ не рвало, а только тянуло къ рвотѣ. «Если больной — лодырь, то въ другой разъ не придетъ и другимъ закажетъ!» Я уже разсказывалъ, какъ наша армія наполнилась выписанными изъ госпиталей солдатами, — по свидѣтельству главнокомандующаго, «либо совершенно негодными къ службѣ, либо еще не оправившимися отъ болѣзней». Профаны видѣли, что передъ ними — больные люди, а для врачей, затемненныхъ ихъ вытравляющею душу «опытностью», все это были только лодыри и лодыри. Очевидно, та же предпосылка о лодырнической сущности русскаго солдата была въ головѣ и д-ра Вредена, когда онъ сочинялъ свой безстыдный циркуляръ.

Другая «особенность военно-медицинской службы» заключалась въ томъ, что между врачомъ и больнымъ существовали самыя противоестественныя отношенія. Врачъ являлся «начальствомъ», былъ обязанъ говорить больному «ты», въ отвѣтъ слышать нелѣпыя: «такъ точно», «никакъ нѣтъ», «радъ стараться». Врача окружала ненужная, безсмысленная атмосфера гого почтительнаго, специфически-военнаго трепета, которая такъ портитъ офицеровъ и заставляетъ ихъ смотрѣть на солдатъ, какъ на низшія существа.

Мы были для нашихъ больныхъ «ихъ благородіями», и отъ желающаго требовались большія усилія, чтобъ заставить больныхъ не замѣчать назойливо сверкавшаго передъ ними, совершенно ненужнаго для дѣла, мундира врача.

VI.

ВЕЛИКОЕ СТОЯНІЕ: ДЕКАБРЬ—ФЕВРАЛЬ.

Въ концѣ ноября мы получили новый приказъ — передвинуться за двѣ версты на югъ, въ деревню Мозысань, гдѣ ужъ почти два мѣсяца спокойно, никѣмъ не тревожимый, стоялъ султановскій госпиталь. Мы опять эвакуировали всѣхъ боль-

ки.

ныхъ, свернули госпиталь и перешли въ Мозысань. Опять-е началась отдѣлка фанзъ подъ больныхъ. Но теперь она шла на широкую ногу.

Незадолго до нашего пріѣзда въ султановскомъ госпиталѣ произошло одно событіе.

Султановъ на военной службѣ былъ недавно, никакихъ знаковъ отличія не имѣлъ; за бой на Шахе его представили къ первой наградѣ, — Станиславу третьей степени, котораго имѣетъ всякій, самый маленькій чиновникъ. А командиру корпуса очень хотѣлось выдвинуть и выдѣлить Султанова. Для этого онъ все время держалъ теперь султановскій госпиталь впереди другихъ, чтобы въ случаѣ боя онъ оказался какъ бы «на передовыхъ позиціяхъ», и чтобы Султанова можно было представить къ Владиміру. Госпиталь былъ поставленъ въ богатую, не занятую воинскими частями деревню; въ многочисленныхъ просторныхъ фанзахъ можно было съ удобствомъ устроиться и самимъ, и устроить палаты для больныхъ. Госпиталь вышелъ хорошенькій и чистенькій, какъ игрушка, съ нимъ смѣшно было и сравнивать другіе госпитали, ютившіеся въ парѣ убогихъ, грязныхъ фанзъ.

Когда все было готово, командиръ корпуса устроилъ такъ, что главнокомандующій выразилъ желаніе осмотрѣть султановскій госпиталь. Въ ожиданіи Куропаткина, въ госпиталѣ каждый день чистили, мыли, мели; у входа въ палату Новицкая и Зинаида Аркадьевна соорудили два большихъ букета изъ хвойной зелени.

Куропаткинъ пріѣхалъ. Но пріѣхалъ онъ не по той дорогѣ, по которой его ждали. Онъ вышелъ изъ коляски сердитый, рапорта главнаго врача не принялъ.

— Скажите, пожалуйста, что у васъ тутъ за дороги къ госпиталю! Я сейчасъ чуть не вывалился на косогорѣ. Какъ же къ вамъ по такимъ дорогамъ будутъ возить раненыхъ?

Онъ прошелъ въ палату, не обративъ вниманія на букеты. Подошелъ къ сіявшему рукомойнику, поднялъ крышку, — внутри рукомойника была грязь. Велѣлъ затопить печку, — печка дымила. Осмотрѣлъ онъ всѣ палаты и спросилъ Султанова:

— Сколько же у васъ тутъ мѣстъ?

— Сто двадцать, ваше высокопревосходительство!

— Сто двадцать? А сколько штатныхъ мѣстъ полагается въ подвижномъ госпиталѣ?

— Мм... Двѣсти, ваше высокопревосходительство! — отвѣтилъ блѣдный Султановъ.

— Такъ... Приготовьте *шестьсотъ* мѣстъ. Обратите вниманіе на подъѣздныя дороги, печи и рукомойники.

Куропаткинъ уѣхалъ, очень мало восхищенный. Султановъ лѣниво потиралъ руки и говорилъ своимъ небрежнымъ, насмѣшливымъ голосомъ:

— Бѣда съ этимъ начальствомъ! Чего его къ намъ понесло? Его высокопревосходительству захотѣлось совершить легкую послѣобѣденную прогулку, а мы за это страдай!

Черезъ два дня пріѣхали какіе-то полковникъ и врачъ, спросили Султанова. Онъ вышелъ.

— Мы отъ главнокомандующаго,—вѣжливо заявилъ врачъ.— Исполнены его указанія?

Султановъ растерялся:

— Когда же я могъ успѣть?

— То есть, какъ это? — удивился врачъ. — А меня главнокомандующій еще вчера посылалъ, да я не успѣлъ... Приступлено ли, по крайней мѣрѣ, къ началу работъ?

— Д-да... Мы написали въ штабъ дивизіи...

— Полноте, это не дѣло, а бумагомараніе. А сдѣлали-то вы что?

— Что же я могу сдѣлать? У меня на это и средствъ нѣтъ.

Врачъ задумчиво покручивалъ бородку:

— Значитъ, такъ и доложить главнокомандующему?..

И они уѣхали.

Куропаткинъ телеграммою извѣстилъ корпуснаго командира, что нашелъ госпиталь въ полномъ хаосѣ, относитъ это всецѣло къ нераспорядительности начальствующихъ лицъ и приказываетъ принять самыя энергичныя мѣры къ приведенію госпиталя въ порядокъ.

Султановъ притворялся беззаботнымъ, посмѣивался и говорилъ:

— Мнѣ что! Только бы не повѣсили, а на остальное наплевать! Вѣдь всѣ мы ѣхали сюда исключительно затѣмъ, чтобъ получать непріятности. Ну, а одною больше, или меньше, — не все ли равно?

Работа въ деревнѣ закипѣла. Корпусный командиръ прислалъ роту саперовъ для исправленія дорогъ и отдѣлки фанзъ. Было рѣшено обратить деревню въ цѣлый госпитальный городокъ, въ нее перевели нашъ госпиталь и дивизіонный лазаретъ. Командиръ корпуса выхлопоталъ на оборудованіе госпиталей три тысячи рублей и завѣдующимъ работами назначилъ Султанова.

Въ ожиданіи, пока будутъ отдѣланы фанзы для нашего госпиталя, мы сидѣли безъ дѣла. Работы вскорѣ пошли вяло и медленно. Зато помѣщенія Султанова и Новицкой отдѣлывались на-диво. Саперный офицеръ, завѣдывавшій работами, цѣлые дни сидѣлъ у Султанова, у него же и обѣдалъ.

Въ султановскомъ госпиталѣ шли непрерывные праздники. То и дѣло пріѣзжалъ корпусный командиръ, пріѣзжали разные генералы и штабные офицеры. Часто Султановъ съ Новицкою и Зинаидой Аркадьевной уѣзжали на обѣды къ корпусному.

Въ госпиталѣ полною, безконтрольною хозяйкою была Новицкая. Солдаты команды обязаны были вытягиваться передъ нею во фронтъ. Врачамъ смѣшно было и подумать, чтобы Новицкая стала исполнять ихъ приказанія: она ихъ совершенно игнорировала. То и дѣло происходили столкновенія.

Новицкая была въ госпиталѣ старшею сестрою, за больными не ухаживала, а завѣдывала хозяйствомъ. Порціи для больныхъ обыкновенно выписывались съ вечера. Однажды врачъ забылъ вечеромъ выписать порціи; палатная сестра пришла къ Новицкой утромъ за яйцами и молокомъ.

— У васъ не выписано, я не выдамъ!

Врачъ написалъ требованіе, сестра съ этимъ требованіемъ пришла къ Новицкой вторично.

— Скажите вашему доктору, что не будетъ ему ни молока, ни яицъ! Пусть пишетъ во-время! — объявила Новицкая.

Сестра воротилась въ палату, сообщила врачу. Врачъ въ недоумѣніи опустилъ голову. Вошелъ въ палату старшій ординаторъ, д-ръ Васильевъ. Врачъ сообщилъ ему о послѣдовавшемъ «высочайшемъ отказѣ». — какъ же теперь быть? Значитъ, голодать больнымъ? Въ это время въ палату вошла Новицкая.

— А, вотъ она и сестра! — сказалъ Васильевъ. — Потрудитесь сейчасъ же отпустить для больныхъ молока и яицъ!

— Я сказала, не будетъ вамъ ничего! Впередъ будете выписывать съ вечера!

Маленькіе черные глаза Васильева свирѣпо выкатились и заворочались:

— Вы, барышня, понимаете, что вы такое говорите?.. Сестра! Я, старшій ординаторъ, *приказываю* вамъ немедленно отпустить для больныхъ молоко и яйца!

— Ни молока, ни яицъ вамъ не будетъ! — отрѣзала Новицкая и вышла, хлопнувъ дверью.

Больные солдаты въ недоумѣніи смотрѣли. Васильевъ пошелъ къ главному врачу. Султановъ пилъ кофе съ какимъ-то полковникомъ.

— Господинъ главный врачъ! Позвольте узнать, это по вашему приказанію рѣшено проморить сегодня слабыхъ больныхъ голодомъ?

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — поморщился Султановъ. — Что за вздоръ вы говорите?

Онъ распорядился выдать молоко и яйца.

Команда султановскаго госпиталя голодала. Нашъ главный врачъ кралъ во-всю, но онъ и смотритель заботились какъ о командѣ, такъ и о лошадяхъ. Султановъ кралъ такъ же, такъ же фабриковалъ фальшивые документы, но не заботился рѣшительно ни о комъ. Пища у солдатъ была отвратительная, жили они въ холодѣ. Обозныя лошади казались скелетами, обтянутыми кожей. Офицеръ-смотритель билъ солдатъ безпощадно. Они пожаловались Султанову. Султановъ затопалъ ногами и закричалъ на солдатъ:

— Не знаете порядка? Вы должны передавать мнѣ ваши претензіи черезъ смотрителя!

По удивительнымъ военнымъ правиламъ, если я жалуюсь на своего начальника, то жалобу свою я обязанъ подавать ему же. Наиболѣе смѣлые солдаты отправились къ смотрителю, изложили свои претензіи на него и попросили передать эти претензіи дальше.

— Вотъ вамъ претензіи! Вотъ вамъ «дальше»! — отвѣтилъ смотритель и нагайкою избилъ жалобщиковъ.

Солдаты видѣли постоянно пирующихъ въ ихъ госпиталѣ генераловъ и понимали, какъ безсмысленно ждать отъ нихъ заступничества. И ходили они угрюмые, молчаливые, вѣчно какіе-то взъерошенные, — и на нихъ было тяжело смотрѣть.

Султановскій госпиталь начиналъ входить въ славу не только въ корпусѣ, но и во всей нашей арміи. Повсюду разсказывали о выходкахъ Султанова и Новицкой, объ ихъ всемогуществѣ. За глаза ругали, въ глаза были вѣжливы и предупредительны. Никакихъ законовъ, никакихъ приказовъ для Султанова не существовало. Изъ штаба корпуса то и дѣло приходили въ наши учрежденія приказы — то прислать въ штабъ по десяти повозокъ для перевозки въ штабъ фуража и дровъ, то передать въ штабъ изъ хозяйственныхъ суммъ по нѣсколько соть рублей на пріобрѣтеніе для штаба стереотрубы или экипажей-американокъ. Всѣ учрежденія, разумѣется, немедленно исполняли приказы, Султановъ же оставлялъ ихъ даже безъ отвѣта.

Персоналъ дивизіоннаго лазарета, тоже переведеннаго въ нашу деревню, великолѣпно отдѣлалъ фанзу для своего помѣщенія: сложили хорошо и ровно грѣющую печку, потолокъ оклеили бѣлыми обоями, стѣны обили золотистыми цыновками, въ окна вставили стекла. Зашли къ нимъ Султановъ съ Новицкой. Они загадочно-внимательно оглядывали фанзу, любовались ею и восхищались. А черезъ два дня вдругъ изъ кор-

пуса пришелъ приказъ,—дивизіонному лазарету передвинуться изъ Мозысани въ деревню Ченгоузу Восточную. Передвиженіе ненужное, безсмысленное,—всего за версту на сѣверъ. Всѣмъ было ясно, что это — дѣло Султанова и Новицкой, которымъ приглянулась фанза.

— И чего ей еще? И такъ чуть не во дворцѣ живетъ!— возмущались изгоняемые врачи.

Однажды дивизіонный врачъ получилъ отъ Султанова бумагу. Въ этой бумагѣ Султановъ писалъ, что, «по личному приказанію командира корпуса», онъ представляетъ сестеръ милосердія своего госпиталя къ наградамъ: сестеръ Новицкую и Буланину (Зинаиду Аркадьевну)—къ золотымъ медалямъ на аннинской лентѣ «за усердный и самоотверженный уходъ за ранеными въ бою на р. Шахе»; двухъ другихъ сестеръ, какъ разъ дѣйствительно работавшихъ съ самоотверженіемъ, Султановъ представлялъ къ серебрянымъ медалямъ на станиславской лентѣ просто «за уходъ за ранеными».

Это представленіе возмутило даже нашего дивизіоннаго врача, — дряхлаго, себялюбиваго чинушу, полнаго только думами о себѣ. Онъ сдѣлалъ на бумагѣ приписку, что, по его мнѣнію, золотой медали заслуживаетъ также и сестра Валежникова (Вѣра Николаевна), тѣмъ болѣе, что, ухаживая за больными, она заразилась тифомъ.

— А Новицкую къ золотой медали представлять не за что, — замѣтилъ ему его помощникъ. — Всѣ вѣдь знаютъ, что она больныхъ даже и не видитъ, а только ѣздитъ на обѣды въ штабъ... Довольно съ нея и серебряной медали!

Помощникъ дивизіоннаго врача былъ человѣкъ съ живою душою. Своимъ дряхлымъ и туповатымъ патрономъ онъ вертѣлъ, какъ хотѣлъ. Но тутъ, въ первый разъ за всю ихъ совмѣстную службу, дивизіонный врачъ сверкнулъ глазами и рявкнулъ на него:

— Это не ваше дѣло! Прошу молчать!

Узнавъ о представленіи Султанова, нашъ главный врачъ поспѣшилъ представить къ медалямъ и своихъ сестеръ, — старшую, имѣвшую уже серебряную медаль за свою службу въ Россіи, къ золотой, остальныхъ—къ серебрянымъ.

Представленія прошли очень скоро. Только Вѣра Николаевна получила-таки, кажется, серебряную медаль. Новицкая, жившая все время «въ высшихъ сферахъ», высокомѣрно игнорировала мнѣніе другихъ сестеръ, но Зинаидѣ Аркадьевнѣ было неловко. Она забѣжала къ нашимъ сестрамъ, сообщила, что ей пожалована золотая медаль. Сама сіяя отъ радости, Зинаида Аркадьевна возмущалась, почему нашимъ сестрамъ даны серебря-

ныя медали, «когда всѣ одинаково работали». Объясняла она это тѣмъ, что будто бы дворянкамъ полагается давать золотыя медали, а не-дворянкамъ — серебряныя.

— Вѣдь это просто возмутительно!..—либеральничала она.— Ну, да это ужъ пускай бы. Разъ такой законъ, то ничего не подѣлаешь. А почему о насъ съ Новицкой Султановъ написалъ лучшія реляціи, чѣмъ о другихъ сестрахъ? Вѣдь всѣ мы работали совсѣмъ одинаково. Я положительно не могу выносить такихъ несправедливостей!..—И сейчасъ же, охваченная своею радостью, она прибавляла:—Теперь обязательно нужно будетъ еще устроить, чтобъ получить медаль на георгіевской лентѣ, иначе не стоило сюда и ѣхать.

Наступилъ канунъ Рождества. Японцы перебросили въ наши окопы записочки, въ которыхъ извѣщали, что русскіе спокойно могутъ встрѣчать свой праздникъ: японцы мѣшать имъ не станутъ и тревожить не будутъ. Разумѣется, коварнымъ азіатамъ никто не вѣрилъ. Всѣ ждали внезапнаго ночного нападенія.

Въ сочельникъ подъ вечеръ къ намъ пришелъ телеграфный приказъ: въ виду ожидающагося боя, немедленно выѣхать въ дивизіонный лазаретъ обоимъ главнымъ врачамъ госпиталей, захвативъ съ собой по два младшихъ врача и по двѣ сестры. Нашъ дивизіонный лазаретъ уже нѣсколько дней назадъ былъ передвинутъ изъ Ченгоузы версты на четыре къ югу, къ самымъ позиціямъ.

Приказъ представлялъ собою вопіющее беззаконіе: главнаго врача госпиталя *ни въ какомъ случаѣ* нельзя откомандировывать отъ его госпиталя, разъ госпиталь открытъ. При данныхъ же обстоятельствахъ эта командировка главныхъ врачей на позиціи была прямою нелѣпостью: если предстоитъ жестокій бой, то работы будетъ много не только въ дивизіонномъ лазаретѣ, но и въ госпиталяхъ; какъ же можно было оставлять госпитали безъ главныхъ врачей? Къ тому же, было совершенно неизвѣстно, понадобятся ли еще лишніе врачи въ лазаретѣ, даже будетъ ли вообще бой.

Дѣло не оставляло никакихъ сомнѣній: Султанову нуженъ Владиміръ съ мечами, Новицкой и Зинаидѣ Аркадьевнѣ нужны медали на георгіевскихъ лентахъ. Если командировать одного Султанова съ обѣими дѣвицами, то это слишкомъ бы бросилось всѣмъ въ глаза. И вотъ «на позиціи» было двинуто по половинѣ наличнаго врачебнаго состава обоихъ госпиталей.

Стемнѣло уже давно, мы выѣхали съ фонарями. Ночь стояла тихая, темная и весенне-теплая; снѣгу не было. Пріѣхали мы въ дивизіонный лазаретъ, стали пить чай. Всѣ смѣялись и

острили по поводу этой фантастической командировки. Пріѣхалъ Султановъ съ двумя своими врачами—и безъ сестеръ.

— А что же ваши сестры?

— Онѣ поѣхали на елку къ корпусному командиру,—отвѣтилъ Султановъ.

Поѣхали, конечно, Новицкая и Зинаида Аркадьевна, — почему же Султановъ не взялъ двухъ другихъ сестеръ? Но никому и въ голову не пришло спрашивать, всѣ понимали, что, если было сюда ѣхать, то именно Новицкой и Зинандѣ Аркадьевнѣ... А былъ данъ совершенно опредѣленный приказъ пріѣхать съ сестрами.

Часу въ девятомъ раздался одинъ ружейный выстрѣлъ, другой, — и вскорѣ на нашихъ позиціяхъ затрещалъ бѣшеный пачечный огонь. Тяжело загрохотали пушки. Всѣ примолкли. Творилось что-то жуткое. Ружейная стрѣльба распространялась все шире, бухали пушки, и снаряды съ завываніемъ уносились вдаль.

Мы приготовились къ пріему раненыхъ. Раненыхъ не привозили. А пальба перекатывалась бѣшено и лихорадочно, мимо скакали въ темнотѣ взволнованные ординарцы... На японскихъ позиціяхъ засвѣтился прожекторъ, голубоватый лучъ медленно пополз по нашимъ позиціямъ.

Раненыхъ мы такъ и не дождались. Къ полуночи пальба смолкла. Мы легли спать, а утромъ воротились домой. Необычная мобилизація госпитальнаго персонала «на позиціи» оказалась совершенно излишнею.

Разскажу кстати, что это была за пальба.

Разыгралась одна изъ самыхъ смѣхотворныхъ исторій за всю эту войну, вообще столь богатую юмористикою. Царило глубокое убѣжденіе, что японцы въ эту ночь что-то намъ готовятъ, нервы у всѣхъ были напряжены. Охотники одного изъ нашихъ полковъ услышали въ темнотѣ быстро приближавшійся со стороны японцевъ широкій, легкій и частый топотъ. Охотники открыли огонь. Увѣряютъ, что это было стадо китайскихъ свиней; оно вырвалось откуда-то изъ закуты и бѣжало по полю. Огонь охотниковъ былъ подхваченъ сидѣвшимъ въ окопахъ батальономъ, оттуда огонь передался въ сосѣднія части, дали знать въ батареи,—и пошла канонада. Офицеры, бывшіе въ это время на сопкахъ, разсказывали мнѣ: сверху вдоль русскихъ окоповъ были видны сплошныя, мерцающія огненныя линіи отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Командиръ батальона, обнаружившаго наступленіе свиней, послалъ командиру полка телеграмму: «дольше держаться не могу, пришлите подкрѣпленіе» (многіе офицеры честнымъ словомъ завѣряли

меня, что это фактъ). Стали рвать фугасы. Взорвали одинъ фугасъ, другой взорвался самъ собою...

И тутъ всѣ сгорѣли со стыда: огонь взрывовъ освѣтилъ вокругъ полнѣйшую пустыню. Нигдѣ ни одного врага. Между тѣмъ начали, наконецъ, отвѣчать изъ своихъ окоповъ и японцы, засвѣтился ихъ прожекторъ и съ недоумѣніемъ сталъ шарить по нашимъ позиціямъ, бѣшено трещавшимъ выстрѣлами.

Во всеподданнѣйшей телеграммѣ Куропаткина событіе это было изложено такъ:

Въ ночь на 25 декабря японцы начали-было тревожить насъ на фронтѣ центральной части нашего расположенія. Своевременно обнаруженные нашимъ сторожевымъ охраненіемъ, они встрѣчены были артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и послѣ перестрѣлки отошли назадъ. У насъ раненъ заурядъ-прапорщикъ, убито 3 и ранено 17 нижнихъ чиновъ.

Куропаткинъ только не прибавилъ, что они были убиты и ранены *русскими* пулями: пострадавшіе находились впереди окоповъ, въ дозорахъ и секретахъ, и на нихъ обрушился весь вихрь пуль.

Впрочемъ, какъ увѣрялъ одинъ шутникъ-офицеръ, были и японцы, пострадавшіе въ эту достопримѣчательную ночь: развѣдчики нашли во вражескихъ окопахъ нѣсколько труповъ японцевъ, лопнувшихъ отъ смѣха.

Однажды въ нашъ госпиталь принесли изъ сосѣдней деревни нѣсколько тяжело раненыхъ солдатъ. Раны были ужасны: одному оторвало обѣ руки, другому разорвало животъ, у остальныхъ были перебиты руки и ноги, проломлены головы. Ранены были они вотъ какъ: полкъ пришелъ съ позицій на отдыхъ въ деревню; одинъ солдатъ захватилъ съ собою подобранную на позиціяхъ неразорвавшуюся японскую шрапнель; солдаты столпились на дворѣ фанзы и стали разсматривать снарядъ: вертѣли его, щелкали, начали отвертывать дистанціонную трубку. Разумѣется, произошелъ взрывъ. Троихъ убило наповалъ, одиннадцать тяжело ранило. Пострадали три-четыре солдата, просто шедшіе мимо получать у каптенармуса валенки... Погибло полтора десятка человѣкъ. Изъ-за чего? Изъ-за «несчастной случайности»?

Нѣтъ, это не была несчастная случайность. Если заставить слѣпыхъ людей бѣжать по полю, изрытому ямами, то не будетъ несчастною случайностью, что люди то и дѣло станутъ падать въ ямы. Русскій же солдатъ находился именно въ подобномъ положеніи, и катастрофы были неизбѣжны.

Вся война была однимъ сплошнымъ рядомъ такого рода

катастрофъ. Выяснялось съ полною очевидностью, что для побѣды въ современной войнѣ отъ солдата прежде всего требуется не сила быка, не храбрость льва, а развитый, дисциплинированный разумъ человѣка. Этого-то у русскаго солдата и не оказалось. Поразительно-прекрасный въ своемъ беззавѣтномъ мужествѣ, въ желѣзной выносливости, — онъ былъ жалокъ и раздражающъ своею некультурностью и умственною мѣшковатостью.

Если бы даже вся организація нашей арміи представляла собою на-диво стройную, прекрасно налаженную машину,—а въ дѣйствительности и машина-то была на-диво неуклюжая и неслаженная,—то и тогда это невѣжество солдата было бы пескомъ, трущимся межъ всѣхъ колесиковъ машины.

— Какъ эта деревня называется?

— Не могимъ знать!

— А вы здѣсь давно стоите?

— Четвертый мѣсяцъ.

Китайцы выселены, спросить некого, дѣло спѣшное, — и безпомощно смотритъ посланный на свой планъ и не можетъ узнать, такъ ли онъ ѣдетъ, какъ нужно.

— Гдѣ-то тутъ неподалеку должна быть деревня Людогоу, не знаете вы ее?

— Никакъ нѣтъ!

Посланный ѣдетъ дальше, блуждаетъ. Наконецъ оказывается,—деревня, гдѣ онъ спрашивалъ солдатъ, и была какъ разъ Людогоу!

Сами солдаты безпомощно блуждали по мѣстности, не умѣя ни пользоваться компасомъ, ни читать картъ. Въ бояхъ, гдѣ прежняя стадная колонна теперь разсыпается въ широкія цѣпи самостоятельно дѣйствующихъ и отдѣльно чувствующихъ людей, нашъ солдатъ терялся и падалъ духомъ; выбывали изъ строя офицеры, — и сотня людей обращалась въ ничто, не знала, куда двинуться, что дѣлать.

Между позиціями, позади позицій, — вездѣ шла предательская, неуловимая разрушительная работа. Въ нужный моментъ самыя необходимыя приспособленія оказывались испорченными. Шла охота на китайцевъ, ихъ хватали, рубили имъ головы... Но при чемъ тутъ были китайцы! Большинство крупныхъ, существенныхъ предательствъ совершалось вовсе не китайскимъ злодѣйствомъ, а роднымъ русскимъ невѣжествомъ. Пусть за меня разсказываютъ официальные приказы:

Проводимыя въ районѣ дѣйствія нашихъ войскъ линіи военнаго телеграфа, шестовыя и кабельныя, нерѣдко подвергаются порчѣ самими же войсками и обозами. Такъ, напр., замѣчены случаи, что войска распо-

лагались биваками подъ самыми линіями телеграфа, и однажды костеръ былъ разведенъ на телеграфномъ кабелѣ; къ телеграфнымъ шестамъ привязывали лошадей; ѣдущіе казаки пиками обрывали проволоку; при прогонѣ порціоннаго скота по полямъ, безъ дорогъ, скотъ валитъ и ломаетъ шесты и рветъ проводъ; при осмотрѣ кабеля, подвѣшеннаго къ деревьямъ, случалось, что находили не только срубленныя вѣтки, на которыхъ висѣлъ кабель, но и разрубленный кабель; также при осмотрѣ кабеля оказывались надрѣзы изолировки, а иногда зачистки ея съ оголеніемъ жилы, что̀ дѣлается, вѣроятно, изъ любопытства. Главнокомандующій изволилъ приказать обратить вниманіе и т. д. (*Приказанія главнокомандующаго*, 14 ноября 1904 г., № 69).

Обращено вниманіе, что поломка телеграфныхъ шестовъ войсковыми обозами и конными фуражирами, несмотря на неоднократныя приказанія о принятіи противъ сего войсковымъ начальствомъ надлежащихъ строгихъ мѣръ, все еще продолжается. *Ежедневно* (!) поступаютъ жалобы на перерывъ телеграфныхъ сообщеній вслѣдствіе небрежнаго обращенія войскъ съ телеграфными линіями. Повозки, транспорты и вьюки слѣдуютъ часто по сторонамъ проѣзжихъ дорогъ, задѣваютъ и ломаютъ шесты. Главнокомандующій приказалъ вновь обратить вниманіе и т. д. (*Приказ. главнокомандующаго*, 5 декабря 1904 г., № 168).

Замѣчено, что на участкѣ, находящемся въ нашихъ рукахъ къ югу отъ станціи Суятунь, *полотно желѣзной дороги постепенно разрушается нашими же нижними чинами, которые растаскиваютъ шпалы на протяженіи цѣлыхъ звеньевъ*. То же небрежное отношеніе и отсутствіе сознанія причиняемаго вреда проявляется среди нижнихъ чиновъ *и въ отношеніяхъ ихъ къ линіямъ полевого телеграфа, мостамъ, гатямъ и другимъ техническимъ сооруженіямъ*, устройство и поддержаніе въ исправности которыхъ стоитъ огромныхъ затратъ и усилій. (Приказъ войскамъ 3-й маньчжурской арміи 1 янв. 1905 г., № 15).

Медленно и тягуче мѣсяцъ шелъ за мѣсяцемъ. Двѣ огромныя арміи неподвижно стояли другъ противъ друга; обѣ усиленно укрѣплялись и окапывались. Постепенно выросли одна противъ другой какъ бы двѣ длинныя, въ десятки верстъ, крѣпости, неприступно укрѣпленныя, снабженныя тяжелыми осадными орудіями. Повсюду тянулись окопы, редуты, люнеты, другъ съ другомъ они соединялись земляными ходами. Обѣ арміи, какъ кроты, закопались въ землю, тысячи глазъ пристально глядѣли изъ рвовъ, и въ каждаго неосторожнаго сейчасъ же летѣли пули. Было холодно, люди стыли въ окопахъ; отъ неподвижнаго стоянія опухали ноги, и атрофировались ножныя мышцы; выходя изъ окоповъ, солдаты шатались и шли, какъ пьяные.

На позиціяхъ были холодъ, лишенія, праздное стояніе съ постояннымъ нервнымъ напряженіемъ отъ стерегущей опасности. За позиціями, на отдыхѣ, шло безпробудное пьянство и отчаянная карточная игра. То же самое происходило и въ убогихъ мукденскихъ ресторанахъ. На улицахъ Мукдена китайскіе ребята зазывали офицеровъ къ «китайска мадама»,

которыя, какъ увѣряли дѣти, «шибко шанго». И кандидаты на дворѣ фанзы часами ждали своей очереди, чтобъ лечь на лежанку съ грязной и накрашенной четырнадцатилѣтней китаянкой.

Настроеніе арміи было мрачное и угрюмое. Въ побѣду мало кто вѣрилъ. Офицеры бодрились, высчитывали, на сколько тысячъ штыковъ увеличивается въ мѣсяцъ наша армія, надѣялись на балтійскую эскадру, на Портъ-Артуръ... Портъ-Артуръ сдался. Освободившаяся армія Ноги двинулась на соединеніе съ Оямой. Настроеніе падало все больше; хотѣлось мира; но офицеры говорили:

— Какъ тогда воротиться? Хоть снимай мундиръ, совѣстно будетъ показаться на улицѣ.

Было не мало офицеровъ, которые о мирѣ не хотѣли и слышать. У нихъ была своеобразная военная «честь», требовавшая продолженія войны.

У солдата никакой такой «чести» не было, войны онъ совершенно не понималъ и напрасно добивался отъ кого-нибудь разъясненій.

— Ваше благородіе, изъ-за чего эта война? — спрашивалъ онъ офицера.

— Японецъ виноватъ, мы не хотѣли. Онъ на насъ первый напалъ.

— Точно такъ... А только вѣдь безъ причины чего жъ ему нападать?

Молчаніе.

— Вотъ, говорятъ, изъ-за Маньчжуріи этой война. Да на что она намъ? Мы бы тутъ и задаромъ не стали жить. А черезъ Сибирь ѣхали,—вонъ сколько вездѣ земли, конца нѣтъ...

Положеніе желавшихъ «поддержать духъ арміи» было чрезвычайно затруднительное. Нельзя было и намека найти на что-нибудь, что зажигало бы душу желаніемъ подвига, желаніемъ борьбы во имя чего-то высокаго и свѣтлаго.

При штабѣ главнокомандующаго издавалась спеціальная газетка, «Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій». Газетка эта, имѣвшая задачею играть роль Тиртея русской арміи, представляла собою нѣчто поразительное по своей бездарности, лживости, отсутствію огня и вдохновенія. Казенно-слащавыя фразы о вѣрѣ, царѣ и отечествѣ, о чести родины, бахвальство безъ мѣры и безъ оглядки—вотъ что должно было питать духъ участниковъ титанической борьбы, гдѣ отъ канонады въ потрясенномъ насквозь воздухѣ ступались грозы, и цѣлыя равнины устилались кровавыми коврами труповъ. Мнѣ не разъ еще придется цитировать эту поистинѣ замѣчательную газетку.

А вотъ въ какомъ родѣ писали патріотическіе авторы брошюрокъ, въ большомъ количествѣ распространявшихся среди солдатъ. Передо мною изящно изданная книжка, съ прекрасными иллюстраціями, подъ заглавіемъ: «Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ, или геройская смерть рядового Дмитрія Ѳомина». Начинается разсказъ такъ:

— Нѣтъ, братъ-япоша, моихъ рукъ тебѣ не миновать, отвѣдаешь теперь русскихъ щей да каши, блюда-съ—за первый сортъ...

Такъ думалъ рядовой Дмитрій Ѳоминъ, находясь въ засадѣ съ ружьемъ наготовѣ и зорко слѣдя за японскимъ развѣдчикомъ.

Японецъ ползетъ по скаламъ, рискуя каждую минуту свалиться.

И японцу тоже не легко, думалъ Ѳоминъ, *онъ тоже вѣдь исполняетъ приказанія своего начальства.* И ему даже жаль стало японца. Въ другое время Ѳоминъ навѣрно помогъ бы ему вскарабкаться, но теперь, *полный готовности исполнить приказанія своего собственнаго начальства и угодить ему,* онъ ждалъ, не могъ дождаться, пока японецъ не приблизится къ нему настолько, чтобъ наброситься на него неожиданно и схватить его...

Бѣдная русская армія, бѣдный, бѣдный русскій народъ! Вотъ что должно было зажечь его огнемъ борьбы и одушевленія,— желаніе *угодить начальству!*. Но напрасно авторъ-патріотъ думаетъ, будто и японцы только «исполняли приказанія своего начальства». Нѣтъ, *этотъ* огонь не грѣетъ души и не зажигаетъ сердца. А души японцевъ горѣли сверкающимъ огнемъ, они рвались къ смерти и умирали улыбаясь, счастливые и гордые.

Немировичъ-Данченко сообщаетъ, что однажды въ частной бесѣдѣ Куропаткинъ сказалъ: «да, приходится признать, что въ настоящее время войны ведутся не правительствами, а народами». Признать это приходилось всякому, имѣющему глаза и уши. Времена, когда русская «святая скотинка» карабкалась вслѣдъ за Суворовымъ на Альпы, изумляя міръ своимъ безсмысленнымъ геройствомъ, — времена эти прошли безвозвратно.

Каждый день въ нашъ госпиталь привозили съ позицій раненыхъ. Поражало, какая масса ихъ ранена въ кисти рукъ, особенно правой. Сначала мы принимали это за случайность, но чрезмѣрное постоянство такихъ ранъ вскорѣ бросилось въ глаза. Приходитъ дежурный фельдшеръ, докладываетъ:

— Ваше благородіе, пять раненыхъ привезли.

— Въ руки ранены?

— Такъ точно!—сдерживая улыбку, отвѣчаетъ фельдшеръ.

Разспрашиваешь солдата, при какихъ обстоятельствахъ онъ раненъ. Раненый путается, сбивается. «Протянулъ руку за

ковыльяномъ», «потянулся на брустверъ за патронами»... Сестрамъ, съ которыми солдаты меньше стѣснялись, они прямо разсказывали:

— Какъ случилось! Высунешь однѣ руки и стрѣляешь. Вѣдь вотъ, въ руку попало. А высунь-ка я голову, — прямо бы въ голову и угодило!

Главный начальникъ тыла въ одномъ изъ своихъ приказовъ пишетъ:

Въ госпитали тыла поступило большое число нижнихъ чиновъ съ поранениями пальцевъ на рукахъ. Изъ нихъ съ пораненными только указательными пальцами 1.200. Отсутствіе указательнаго пальца на правой рукѣ освобождаетъ отъ военной службы. Поэтому, а также принимая во вниманіе, что пальцы хорошо защищаются при стрѣльбѣ ружейной скобкой, есть основаніе предполагать умышленное членовредительство. Въ виду вышеизложеннаго главнокомандующій приказалъ назначить слѣдствіе для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности.

Солдаты только и жили, что ожиданіемъ мира. Ожиданіе было страстное, напряженное, съ какою-то почти мистическою вѣрою въ близость этого желаннаго, все не приходящаго «замиренія». Чуть гдѣ на стоянкѣ раздастся «ура!»—солдаты всѣхъ окрестныхъ частей встрепенутся и взволнованно спрашиваютъ:

— Что это? Не замиреніе ли?

Однажды утромъ, въ серединѣ января, мой денщикъ говоритъ мнѣ:

— 27-го числа война кончится. — И загадочно улыбается.

— Черезъ годъ?—усмѣхнулся я.

— Никакъ нѣтъ, въ этомъ мѣсяцѣ,— отвѣтилъ онъ увѣренно.

И разсказалъ мнѣ исторію. Въ Кромскомъ полку есть солдатъ-провидецъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, что война кончится ровно черезъ годъ послѣ ея начала, 27 января 1905 года. Ротный узналъ про это предсказаніе и поставилъ провидца на три часа подъ ружье. Идетъ мимо командиръ полка, спрашиваетъ:— «За что стоишь?» — «За правду, ваше высокородіе!» — «За какую правду?» — Солдатъ разсказалъ. — «Ну, передай твоему ротному, чтобъ онъ тебѣ отъ меня еще три часа набавилъ».—«Нѣтъ, ваше высокородіе, вы меня не обижайте, а вотъ послушайте, что я скажу! Вамъ на почтѣ письмо лежитъ, а въ томъ письмѣ прописано, что у васъ братецъ въ Россіи померъ». Оказалось вѣрно. Полковникъ пошелъ и все разсказалъ Куропаткину. Куропаткинъ вызвалъ солдата, сталъ на него кричать и топать ногами, а солдатъ говоритъ: «Ваше высокопревосходительство! У васъ въ правомъ карманѣ коробка спичекъ, а спичекъ въ ней сорокъ двѣ штуки». Куро-

пагкинъ пересчиталъ спички — вѣрно. Онъ оставилъ солдата при себѣ. «Если, говоритъ, сбудется, какъ ты сказалъ, произведу тебя въ офицеры, не сбудется,—разстрѣляю».

Пошелъ я въ палату. Раненые и больные оживленно говорили и разспрашивали о предсказаніи кромца. Быстрѣе свѣта, ворвавшагося въ тьму, предсказаніе распространилось по всей нашей арміи. Въ окопахъ, въ землянкахъ, на бивакахъ у костровъ,—вездѣ солдаты съ радостными лицами говорили о возвѣщенной близости замиренія. Начальство всполошилось. Прошелъ слухъ, что тѣхъ, кто станетъ разговаривать о мирѣ, будутъ вѣшать.

— Ну-у!.. Веревокъ не хватитъ!—съ усмѣшкою возражали солдаты.

Мы посмѣивались надъ предсказаніемъ, но,—человѣческая натура! — такъ хотѣлось мира, что, вопреки очевидности, въ глубинѣ души все-таки жило какое-то глупое, радостное ожиданіе. И слухи шли, подкрѣплявшіе это ожиданіе. Разсказывали, что интендантство распорядилось представить ему требовательныя вѣдомости только на три мѣсяца впередъ, а не на шесть, какъ было раньше; войскамъ велѣно не запасать провіанту, а потреблять уже заготовленные консервы; германскій императоръ каждый день будто бы бываетъ то у русскаго посла, то у японскаго; войскъ изъ Россіи больше ужъ не отправляютъ... Разсказывали, что январскій фланговой бой у Сандепу былъ предпринятъ по приказанію изъ Петербурга, чтобъ въ послѣдній разъ попытать счастья. Уложили пятнадцать тысячъ человѣкъ и не смогли взять одной деревни. Разсчитали, что, если начать бой по всему фронту, то придется уложить сотни тысячъ людей безъ всякаго результата,— и начали переговоры о мирѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, сообщали слухи, мы уже поѣдемъ домой.

Пришло 27 января. Мира, конечно, нѣтъ. Мы смѣемся, напоминаемъ солдатамъ объ ихъ вѣщемъ кромцѣ. Они конфузятся и чешутъ за ухомъ:

— Значитъ, ошибся...

Было горькое разочарованіе. И слухи пошли ужъ совсѣмъ другіе: рѣшено сформировать новую трехсотысячную армію для Кореи, построить новый огромный флотъ; Японія разсчитываетъ воевать еще въ теченіе всего 1905 года...

На душѣ у всѣхъ было тяжело и смутно.

Въ большомъ количествѣ въ госпитали шли офицеры. Въ одномъ изъ нашихъ полковъ, еще не участвовавшемъ ни въ одномъ бою, выбыло «по болѣзни» двадцать процентовъ офи-

церскаго состава. Съ наивнымъ цинизмомъ къ намъ заходили офицеры посовѣтоваться частнымъ образомъ, нельзя ли эвакуироваться вслѣдствіе той или другой венерической болѣзни.

— Знаете, съ сентября ужъ мѣсяца здѣсь, надоѣло, хочется въ Россію.

Эвакуировался одинъ изъ адъютантовъ штаба нашей дивизіи, по доброй волѣ поѣхавшій на войну.

— Зачѣмъ же вы ѣхали?

— Мы всѣ были убѣждены, что въ октябрѣ война кончится, что будетъ она въ родѣ китайской. А для движенія по службѣ поѣхать было выгодно.

На моемъ дежурствѣ явился въ нашъ госпиталь одинъ высокій, бравый капитанъ.

— Здравствуйте, докторъ! — сказалъ онъ солиднымъ барскимъ басомъ, протягивая руку. — Вотъ, пріѣхалъ лечь къ вамъ въ госпиталь.

— Что у васъ болитъ?

— Видите ли, въ чемъ дѣло. Я человѣкъ ужъ не молодой, притомъ женатый, избалованный. Имѣю въ Москвѣ собственность. Оставаться здѣсь я рѣшительно больше не въ состояніи. Въ этихъ окопахъ и землянкахъ такія антисанитарныя условія, что прямо невозможно! Я началъ кашлять, въ ногахъ ломота... Пули, снаряды,—этого я, разумѣется, не боюсь; но, знаете, ревматизмъ захватитъ на всю жизнь—пріятнаго мало... Вы меня будьте добры только эвакуировать въ Харбинъ, у меня тамъ въ эвакуаціонной комиссіи есть одинъ хорошій пріятель-москвичъ, тамъ я ужъ устроюсь...

Когда появлялся слухъ о готовящемся боѣ, волна офицеровъ, стремившихся въ госпитали, сильно увеличивалась. Про этихъ «героевъ мирнаго времени» въ арміи сложилась цѣлая пѣсенка:

Пришелъ приказъ итти впередъ,
Въ госпиталя валитъ народъ,—
Вотъ такъ кампанія!
Вотъ такъ кампанія!..
Шимоза мимо пролетѣла,
Меня нисколько не задѣла,
Но я контуженъ!
Но я контуженъ!
Свидѣтельство я получу
И вмигъ на сѣверъ укачу.
Вѣдь югъ такъ вреденъ!
Вѣдь югъ такъ вреденъ!..

Командиры рвали и метали, глядя на бѣгство своихъ офицеровъ. Пріѣхалъ къ намъ въ госпиталь одинъ штабсъ-капитанъ съ хроническимъ желудочно-кишечнымъ катарромъ. Къ

его санитарному листку была приложена четвертушка бумаги съ слѣдующими строками командира полка:

«По глубокому моему убѣжденію, штабсъ-капитанъ N. страдаетъ *тыломаніей* — болѣзнью, къ сожалѣнію, очень распространенною среди гг. офицеровъ. Прошу это мое заявленіе приложить къ санитарному листку».

Завѣдывать офицерскою палатою было мучительно. Больные изводили своими мелочными, пустяковыми жалобами.

— Ахъ, да, докторъ! Я вамъ забылъ сказать! — басилъ московскій собственникъ.—Я замѣчаю еще, что за послѣдніе два мѣсяца у меня сильно похудѣли руки и ноги.

Другой сообщалъ:

— Прошлою весною я лѣчился въ Крыму кактусомъ. Какъ по-вашему, не слѣдуетъ ли мнѣ еще разъ повторить курсъ этого лѣченія?

— Докторъ, у меня еще вотъ что̀ бываетъ,—заявлялъ третій.—Когда жарко, то у меня кружится голова и появляется тошнота.

— Да это у всѣхъ такъ.

— Нѣтъ, у меня какъ-то особенно...

Иногда хотѣлось остановиться посреди палаты и хохотать безъ удержу. Это — *воины!* Всю жизнь они прожили на хлѣбахъ народа, и единственнымъ оправданіемъ ихъ жизни могло быть только то, отъ чего они теперь такъ старательно увертывались. Теперь, впрочемъ, смѣяться мнѣ ужъ не хочется...

Однажды въ нашъ госпиталь неожиданно пріѣхалъ Куропаткинъ. Черные съ сѣдинкою волосы, умный и твердый взглядъ на серьезномъ, сумрачномъ лицѣ, простой въ обращеніи, безъ тѣни бурбонства и генеральства. Единственный изъ всѣхъ здѣшнихъ генераловъ, онъ безусловно импонировалъ. Замѣчанія его были дѣльны и лишены самодурства.

Между прочимъ, Куропаткинъ зашелъ и въ офицерскую палату

— Вы чѣмъ больны? — обратился онъ къ одному офицеру

— Общее нервное разстройство, ваше высокопревосходительство! — отвѣтилъ офицеръ и, спѣша воспользоваться случаемъ, прибавилъ: — За меня хлопочетъ начальникъ дивизіи, чтобъ перевести на нестроевую должность.

— Кто хлопочетъ? — спросилъ Куропаткинъ, слегка поднявъ брови.

— Начальникъ ** дивизіи, ваше высокопревосходительство!

— А вы чѣмъ больны? — обратился Куропаткинъ къ другому офицеру.

— Простуда, ломота въ суставахъ, кашель, — поспѣшно перечислялъ тотъ свои болѣзни.

Куропаткинъ слегка вздохнулъ, спросилъ третьяго, четвертаго, и молча, не прощаясь, вышелъ.

Видимо, впечатлѣніе было для него старое и знакомое. Еще мѣсяцъ назадъ онъ издалъ слѣдующій, полный насмѣшки и яду, приказъ:

Изъ полученныхъ отъ санитарно-статистическаго бюро свѣдѣній оказывается что болѣзненность на тысячу списочнаго состава среди нижнихъ чиновъ арміи лишь немногимъ превышаетъ болѣзненность мирнаго времени: болѣзненность же среди офицеровъ превышаетъ болѣе, чѣмъ вдвое, болѣзненность нижнихъ чиновъ. Обращаю на это вниманіе всѣхъ начальствующихъ лицъ. Обращаю вниманіе также на то, что именно офицеры, находясь въ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ, должны показывать нижнимъ чинамъ примѣръ сознательнаго отношенія къ условіямъ сохраненія здоровья. При этомъ надо помнить, что болѣть отъ собственной неосторожности въ военное время предосудительно (*Приказъ* 17 декабря 1904 г., № 305).

А рядомъ съ подобными господами въ госпиталь прибывали изъ строя такіе давнишніе, застарѣлые калѣки, что мы разводили руками. Прибылъ одинъ подполковникъ, только мѣсяцъ назадъ присланный изъ Россіи «на пополненіе»: глухой на одно ухо, съ сильнѣйшею одышкою, съ застарѣлымъ ревматизмомъ, во рту всего пять зубовъ... Было удивительно смотрѣть на этого строевого офицера-развалину и вспоминать здоровенныхъ молодцовъ, сидѣвшихъ въ тылу на должностяхъ комендантовъ и смотрителей.

Другой такой же, тоже подполковникъ. Ему 58 лѣтъ, хроническій ревматизмъ, катарръ желудка, одышка, сердце плохое, на обоихъ глазахъ два раза дѣлали какія-то операціи. Славный старикъ, какіе бываютъ среди старичковъ-офицеровъ, скромный и ненавязчивый.

— Какъ вы съ такимъ здоровьемъ служите?—изумился я.

— Что жъ подѣлаешь!.. Жена и то убѣждала выйти въ отставку, да какъ выйдешь? До эмеритуры осталось всего два года. А у меня четверо дѣтей, да еще трое сиротъ-племянниковъ. Всѣхъ нужно накормить, одѣть... А хвораю-то я ужъ давно. Комиссія два раза выдавала удостовѣреніе, что мнѣ необходимо лѣчиться водами въ Старой Руссѣ, тамъ есть для офицеровъ казенныя мѣста. Но вѣдь знаете сами, нашему брату-армейцу трудно чего-нибудь добиться, протекціи нѣтъ. Казенныя мѣста всегда заняты штабными, а намъ и доступу нѣтъ...

И этотъ старый-старый старикъ три мѣсяца стылъ въ окопахъ!..

Выписку и переводъ изъ госпиталя больныхъ офицеровъ взялъ у насъ на себя самъ главный врачъ. Онъ ужасно вов-

мущался «трусостью и недобросовѣстностью» русскихъ офицеровъ, говорилъ:

— Это насмѣшка надъ нами! Стану я эвакуировать этихъ лодырей, какъ же! Всѣхъ назадъ въ строй выпишу!

Но постоянно выходило какъ-то такъ: смирные, ненавязчивые выписывались обратно въ строй, люди же съ апломбомъ и со связями эвакуировались. Между прочимъ, былъ эвакуированъ въ Харбинъ къ своему пріятелю изъ эвакуаціонной комиссіи также и наглый московскій собственникъ.

Однажды на моемъ дежурствѣ поздно вечеромъ зовутъ меня въ пріемную. Прихожу. У стола стоялъ въ мѣховой николаевской шинели ротмистръ графъ Зарайскій, адъютантъ командира нашего корпуса, а рядомъ съ нимъ—высокая, стройная дама въ шубкѣ и бѣлой мѣховой шапочкѣ.

— Здравствуйте, докторъ, — сказалъ графъ. — Пріѣхалъ лечь къ вамъ въ госпиталь: ѣздилъ въ Харбинъ, продуло меня, въ ухѣ образовался нарывъ... А еще привезъ вамъ вотъ новую сестру.

И онъ познакомилъ меня съ дамой.

Новую сестру?.. По штату, на госпиталь полагается четыре сестры,—у насъ ихъ было уже шесть: кромѣ четырехъ штатныхъ, еще «сестра-мальчикъ» и жена офицера, недавно воротившаяся изъ Харбина послѣ перенесеннаго тифа. И этимъ-то сестрамъ дѣлать было рѣшительно нечего, онѣ хандрили, жаловались на скуку и бездѣлье. А тутъ еще седьмая!

Графа проводили въ офицерскую палату, дама отправилась ночевать къ нашимъ сестрамъ.

У всѣхъ было негодующее изумленіе,—зачѣмъ эта сестра, кому она нужна? Утромъ, когда главный врачъ зашелъ въ офицерскую палату, графъ Зарайскій попросилъ его принять въ госпиталь сверхштатною сестрою привезенную имъ даму.

— Это моя добрая знакомая, я ѣздилъ въ Харбинъ встрѣчать ее.

Главный врачъ отвѣтилъ неопредѣленно, воротился къ себѣ. Какъ разъ въ это время заѣхалъ къ нему дивизіонный врачъ. Узналъ онъ о просьбѣ графа и вышелъ изъ себя.

— Это ужъ седьмая сестра будетъ въ госпиталѣ! Ни за что не позволю!—горячился онъ.

— И главное, на что, на что она мнѣ?—вторилъ главный врачъ. — Я и съ своими-то сестрами не знаю, что дѣлать, и онѣ то мнѣ совсѣмъ ненужны!

Смотритель еще подливалъ масла въ огонь:

— А какъ мы ихъ всѣхъ будемъ перевозить? Особые экипажи для нихъ заказывать, что ли?

Дивизіонный врачъ, весь кипя гнѣвомъ, пошелъ въ палату къ графу. Одна изъ нашихъ сестеръ лукаво обратилась къ смотрителю:

— Давайте на пари, что эта сестра останется у насъ!

— Какъ это можетъ быть, что вы говорите! Смѣяться они надъ нами, что ли, хотятъ!

Дивизіонный врачъ воротился отъ графа. Теперь онъ молчалъ и на вопросы главнаго врача отвѣчалъ уклончиво. Пріѣхавъ къ себѣ, онъ написалъ начальнику дивизіи письмо, гдѣ сообщалъ о желаніи новой сестры поступить въ нашъ госпиталь и спрашивалъ, принять ли ее. Начальникъ дивизіи отвѣтилъ, что удивляется его письму: по закону, подобнаго рода вопросы дивизіонный врачъ рѣшаетъ собственною властью, и ему лучше знать, нужны ли въ госпиталѣ сестры. Тогда дивизіонный врачъ предоставилъ рѣшеніе нашему главному врачу. Главный врачь сестру принялъ.

— Вотъ еще новая обуза свалилась на плечи! — раздраженно говорилъ онъ нашимъ сестрамъ. — Какъ я теперь всѣхъ васъ буду перевозить?

Сестры передали это новой сестрѣ. Она при встрѣчѣ сказала главному врачу:

— Я слышала, я васъ буду сильно стѣснять при переѣздахъ?

— Ну, что тамъ!—добродушно отвѣтилъ Давыдовъ.—Вѣдь мы обыкновенно передвигаемся не больше, какъ на пять, на шесть верстъ. Въ крайнемъ случаѣ можно будетъ всѣхъ васъ перевезти въ два раза.

Помѣщеніе сестеръ было очень небольшое. Новая сестра сильно стѣснила всѣхъ своими сундуками и чемоданами. Наши сестры дулись. Но новая сестра какъ будто этого не замѣчала, держалась мило и добродушно. Она сообщила сестрамъ, что ужасно боится больныхъ, что вида крови совсѣмъ не выноситъ.

— Лучше я буду у васъ въ качествѣ горничной, буду убирать и подметать нашу фанзу,—смѣясь, говорила она.

Цѣлые дни новая сестра проводила въ офицерской палатѣ при графѣ.

А отъ графа охалъ и морщился весь госпиталь. Однажды ему не понравился поданный бульонъ: графъ велѣлъ передать, что если ему еще разъ подадутъ такой бульонъ, то онъ набьетъ морду повару. Смотритель ежечасно бѣгалъ къ графу справляться, хорошо ли ему. Однажды графъ сказалъ: «не

дурно бы выпить вина!». Смотритель тотчасъ же прислалъ бутылку прекрасной мадеры, пожертвованной для больныхъ. Но у графа былъ нарывъ въ наружномъ слуховомъ проходѣ, и, конечно, никакихъ показаній къ вину не существовало.

Графъ посмѣивался надъ этими ухаживаніями и говорилъ:

— Хорошо, что я не требователенъ, а то бы они мнѣ каждый день и шампанскаго давали!

Кстати о пожертвованіяхъ. Больныхъ у насъ обыкновенно было немного, но изъ склада жертвованныхъ вещей при Красномъ Крестѣ главный врачъ постоянно получалъ разныя хорошія вещи, — теплую одежду, вина, готовыя папиросы. Давали тамъ безъ счета и безъ контроля, больше даже, чѣмъ спрашивалось: «тамъ кому-нибудь раздадите!» И дѣлалась мелкая, противная гнусность: скупой главный врачъ щедро угощалъ пріѣзжавшихъ знакомыхъ жертвованнымъ коньякомъ и мадерой, курилъ жертвованныя папиросы и даровою водкою поилъ команду, приходившую поздравлять его съ днемъ ангела или рожденія.

Вскорѣ главный врачъ отдалъ въ распоряженіе вновь пріѣхавшей сестры небольшую, стоявшую въ сторонѣ фанзу, отведанную подъ больныхъ. Онъ назначилъ сестрѣ отдѣльнаго денщика. По закону, сестрамъ денщиковъ не полагается, наши сестры, конечно, ихъ не имѣли: онѣ сами убирали свое помѣщеніе, стирали себѣ бѣлье и т. п. Давыдовъ далъ новой сестрѣ казенную лампу, отпускалъ казенный керосинъ, убѣждалъ ее не жалѣть дровъ, чтобы въ фанзѣ было тепло. Другія же сестры дровъ никогда не видѣли: имъ выдавали для топки перемѣшанный съ навозомъ каолянъ, служившій подстилкою лошадямъ.

Сестры всѣмъ этимъ, конечно, страшно возмущались, указывали, въ какой онѣ живутъ тѣснотѣ, и какъ просторно помѣщена пріѣхавшая сестра. Мы совѣтовали имъ:

— Заявите главному врачу, чтобы часть изъ васъ перевели къ ней.

— Ахъ, Боже мой! Какъ вы не понимаете? Ей необходимо жить *одной!*..

Графъ вскорѣ выздоровѣлъ и выписался изъ госпиталя. И каждый вечеръ у одинокой фанзочки, гдѣ жила новая сестра, до поздней ночи стояла корпусная «американка» или дремалъ солдатъ-вѣстовой, держа въ поводу двухъ лошадей, графскую и свою.

Красавица-русалка Вѣра Николаевна, отболѣвшая въ Харбинѣ тифомъ, не захотѣла вернуться въ султановскій госпи-

таль и осталась сестрою въ Харбинѣ. Тогда на ея мѣсто перевелась въ султановскій госпиталь штатною сестрою жилица одинокой фанзочки, «графская сестра», какъ ее прозвали солдаты. Въ качествѣ штатной сестры, она стала получать жалованье около 80 руб. въ мѣсяцъ. Жить она осталась въ той же фанзѣ, только вмѣсто нашего солдата ей теперь прислуживалъ солдатъ изъ султановскаго госпиталя.

Въ нашемъ госпиталѣ лежалъ одинъ раненый офицеръ изъ сосѣдняго корпуса. Офицеръ былъ знатный, съ большими связями. Его пріѣхалъ провѣдать его корпусный командиръ. Старый-старый старикъ, — какъ говорили, съ громаднымъ вліяніемъ при дворѣ.

У насъ же въ госпиталѣ лежалъ солдатъ изъ его корпуса, съ правою рукою, въ дребезги разбитою осколками снаряда. Мы уговаривали солдата согласиться на ампутацію, но онъ отказывался:

— Что я безъ руки дѣлать буду? Можетъ, какъ-нибудь заживетъ... У меня трое ребятъ.

Но въ рукѣ ужъ начиналась гангрена. Когда генералъ вышелъ изъ офицерской палаты, нашъ главный врачъ сказалъ ему:

— Ваше высокопревосходительство! У насъ лежитъ одинъ солдатъ изъ вашего корпуса; ему необходимо ампутировать руку, а онъ не соглашается. Можетъ-быть, вамъ удастся его уговорить.

— А... Да-да-да, хорошо!.. Проведите меня къ нему. Я съ нимъ поговорю.

Генерала ввели въ солдатскую палату, подвели къ раненому.

— Ты знаешь, кто я?—спросилъ генералъ.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Ну, такъ вотъ. Доктора тебѣ говорятъ, и я тебѣ то же самое говорю: нужно тебѣ отрѣзать руку, а то помрешь!

Солдатъ молчалъ и грустно смотрѣлъ на генерала.

— Понялъ меня?

— Такъ точно!

— Ну, вотъ... И ты не печалься. Въ Петербургѣ у государыни императрицы есть великолѣпныя искусственныя руки и ноги. Такую тебѣ дадутъ руку, — никто и не узнаетъ, что не настоящая.

Солдатъ молчалъ.

— Такъ, значитъ, вотъ что я тебѣ совѣтую. Ты такъ и сдѣлай. Понялъ меня? Ну, прощай!.. Ты грамотный?

— Такъ точно!

Генералъ двинулся къ выходу и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Вѣдь писать онъ можетъ научиться и лѣвой рукой... .

Отгремѣлъ январьскій бой подъ Сандепу. Нѣсколько дней студеный воздухъ дрожалъ отъ непрерывной канонады, на вечерней зарѣ виднѣлись на западѣ огоньки вспыхивающихъ шрапнелей. Было такъ холодно, что въ топленыхъ фанзахъ, укутавшись всѣмъ, чѣмъ возможно, мы не могли спать отъ холода. А тамъ на этомъ морозѣ шли бои.

Потомъ канонада прекратилась, стало тихо, какъ будто всѣ звуки замерзли. Пошли вѣсти о происшедшемъ дѣлѣ. Русскіе заняли было Сандепу и окрестныя деревни, но затѣмъ отступили обратно, потерявъ около пятнадцати тысячъ человѣкъ. Уборка и перевозка раненыхъ были поставлены еще небрежнѣе, чѣмъ во всѣ предыдущіе бои. Спаслись только тѣ, которые собственными силами могли добраться до перевязочныхъ пунктовъ, остальные замерзли. Не хватало ни арбъ, ни носилокъ. Раненыхъ везли въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ. Въ Мукденѣ мнѣ разсказывали, что въ одномъ пришедшемъ съ юга санитарномъ поѣздѣ оказалось тридцать труповъ замерзшихъ въ дорогѣ раненыхъ. Инспекторъ госпиталей второй арміи, Солнцевъ, застрѣлился. Разсказывали объ оставленной имъ запискѣ, онъ винилъ себя, что изъ-за его нераспорядительности померзли тысячи раненыхъ. Другіе разсказывали, что Солнцевъ сошелъ съ ума въ самомъ началѣ боя и покончилъ съ собою въ припадкѣ сумасшествія.

Въ неудачѣ дѣла одни винили Куропаткина, другіе—командовавшаго второй арміей Гриппенберга. На глазахъ всей арміи происходила ихъ ссора. Разсказывали о письмахъ Куропаткина, оставленныхъ Гриппенбергомъ безъ отвѣта, объ отъѣздѣ Гриппенберга изъ арміи безъ вѣдома главнокомандующаго. Передавали слова, громко сказанныя Гриппенбергомъ на харбинскомъ вокзалѣ, что Куропаткинъ—государственный преступникъ, котораго слѣдуетъ предать суду. Съ изумленіемъ слѣдили всѣ, какъ Гриппенбергъ, чтобы доказать свою правоту, выбалтывалъ иностраннымъ корреспондентамъ военныя тайны о количествѣ и распредѣленіи нашихъ войскъ на театрѣ войны.

И, въ параллель этому, разсказывали о недавнемъ столкновеніи, происшедшемъ въ штабѣ японской арміи между маршаломъ Оямой и начальникомъ его штаба Кодамой. Кодама будто бы далъ пощечину Оямѣ за то, что маршалъ систематически приписывалъ себѣ идеи и планы, вырабатывавшіеся

Кодамой. Вспыхнуло что-то угрожающее, вспыхнуло—и сейчасъ же погасло. Ояма забылъ свою пощечину, Кодама—свою личную обиду. Оба они были нужны для дѣла, и оба остались работать рядомъ.

Было ли это вправду, не знаю. Но объ этомъ разсказывали съ горечью, съ завистью, съ восторгомъ,—какъ разсказывали о великомъ одушевленіи японцевъ, о талантливости ихъ вождей, объ образованности офицеровъ и культурности солдатъ, объ удивительной практичности, остроуміи и слаженности всей ихъ организаціи.

Герценъ когда-то писалъ: «Европа намъ нужна, какъ идеалъ, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ; если она не такая, ее надобно выдумать». Такое же отношеніе царило здѣсь къ японцамъ: если у нихъ не было такъ, какъ разсказывали, то *должно было быть такъ*, должно было быть, «какъ идеалъ, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ». Это являлось необоримою душевною потребностью среди державно царившей кругомъ безтолочи, среди бездарности не внушавшихъ довѣрія вождей, некультурности офицеровъ и тупой апатіи солдатъ.

И все, что намъ удавалось узнавать про японцевъ, могло вызывать только стыдъ за себя и преклоненіе передъ ними. Удивительна была у нихъ заботливость о солдатѣ: снаряженіе прочное, легкое и удобное, тщательно обдумана каждая мелочь; по позиціямъ развозилось для солдатъ чистое бѣлье, грязное отбиралось и отдавалось въ стирку китайцамъ-прачкамъ; передъ боемъ японцы тщательно мылись, поэтому раны ихъ труднѣе заражались и протекали удивительно благопріятно. И всѣ стороны жизни солдата служили предметомъ такого же заботливаго вниманія. У насъ же солдатъ былъ только сѣрымъ человѣческимъ матеріаломъ. Грязный, въ немытомъ мѣсяцами бѣльѣ, кишащій вшами, задыхающійся подъ тяжестью двухпудовой амуниціи, знающій только «молчать» и «не разсуждать!». Были вещи удивительныя, которымъ трудно повѣрить: наши офицеры платили за фунтъ сахару въ офицерскихъ экономическихъ обществахъ 18 коп.; солдатамъ доступъ въ эти общества воспрещался, и они платили за сахаръ въ греческихъ и армянскихъ лавочкахъ по сорокъ копеекъ.

Чѣмъ больше у тебя есть, тѣмъ больше тебѣ дастся,—вотъ было у насъ основное руководящее правило. Чѣмъ выше по своему положенію стоялъ русскій начальникъ, тѣмъ больше была для него война средствомъ къ обогащенію: прогоны, пособія, оклады,—все было сказочно-щедро. Для солдатъ же война являлась полнымъ разореніемъ, семьи ихъ голодали,

пособія изъ казны и отъ земствъ были до смѣшного нищенскія, и тѣ выдавались очень неаккуратно, — объ этомъ изъ дому то и дѣло писали солдатамъ.

Нашъ главнокомандующій получалъ въ годъ 144 тысячи рублей, каждый изъ командующихъ арміей — по сто тысячъ съ чѣмъ-то. Командиръ корпуса получалъ 28—30 тысячъ. Лейбъ-акушеръ проф. Оттъ, какъ сообщали «Новости», былъ командированъ на нѣсколько мѣсяцевъ на Дальній Востокъ, для осмотра врачебныхъ учрежденій, съ окладомъ въ 20 тыс. руб. въ мѣсяцъ! Съ изумленіемъ читали мы въ иностранныхъ газетахъ, что у японцевъ маршалы и адмиралы получаютъ въ годъ всего по шесть тысячъ рублей, что мѣсячное жалованье японскихъ офицеровъ—около тридцати рублей. Одинъ русскій корпусный командиръ получалъ больше, чѣмъ Того, Ноги, Куроки и Нодзу, взятые вмѣстѣ. Зато солдатамъ своимъ японская казна платила по пять рублей въ мѣсяцъ; нашъ же солдатъ получалъ въ мѣсяцъ «по усиленному окладу»... *сорокъ три съ половиной копейки!*

Въ концѣ января я получилъ изъ Гунчжулина телеграмму отъ пріятеля унтеръ-офицера, раненаго подъ Сандепу и лежавшаго въ одномъ изъ гунчжулинскихъ госпиталей. Я поѣхалъ его провѣдать.

Въ мукденскомъ вокзалѣ подхожу я къ кассѣ, спрашиваю билетъ. Оказывается, билета нельзя получить безъ записки коменданта станціи. Я отправился къ коменданту.

— Теперь уже поздно, приходите до половины двѣнадцатаго. Сейчасъ выдать записки не могу.

— Но позвольте, поѣздъ отходитъ еще черезъ сорокъ минутъ!

— Все равно, приходили бы во-время!

— Скажите, пожалуйста, откуда я могу знать, что у васъ значитъ «во-время». Въ офиціальномъ «Вѣстникѣ Маньчжурскихъ Армій» публикуются часы отхода поѣздовъ, и вы тамъ не заявляете, что нужно пріѣзжать за часъ до отхода. А я двѣнадцать верстъ протрясся на морозѣ, спѣшно вызванъ телеграммой къ раненому знакомому.

— Это до меня не касается!—невозмутимо возразилъ комендантъ.

— Тогда скажите, пожалуйста, къ кому мнѣ здѣсь обратиться выше васъ?

— Не знаю —И комендантъ отвернулся.

Мы препирались еще минутъ пять,—за это время можно было бы выдать нѣсколько десятковъ удостовѣреній. Наконецъ комендантъ смилостивился и выдалъ записку.

Я получилъ билетъ. Поѣздъ состоялъ изъ ряда теплушекъ, среди нихъ темнѣлъ своими трубами одинъ классный вагонъ. Онъ былъ полонъ офицерами и военными чиновниками. Съ трудомъ отыскалъ я себѣ мѣсто.

Разговорился съ сосѣдями, изумляюсь порядкамъ, царящимъ на вокзалѣ.

— А вы зачѣмъ же билетъ брали?—удивился сосѣдъ-офицеръ.

— А какъ же иначе?

— Неужели вы не знаете, что у насъ все законное обставляется всячески трудностями спеціально для того, чтобы люди дѣйствовали незаконно?

— Какъ же, однако, безъ билета? Спроситъ кондукторъ...

— Что-о?.. Пошлите его къ чорту, больше ничего! А станетъ приставать,—дайте въ морду.

Оказалось, большинство въ вагонѣ ѣхало безъ билетовъ. Съ этой поры и я сталъ ѣздить безъ билета и самъ просвѣщалъ неопытныхъ новичковъ. Получить билетъ было трудно и хлопотливо, нужно было проходить цѣлый рядъ инстанцій; въ одномъ помѣщеніи выдавали удостовѣреніе, въ другомъ прикладывали печать, въ третьемъ снабжали билетомъ, комендантъ держались надменно и грубо. Ѣхать же безъ билета было удивительно легко и просто.

Отъ Мукдена до Гунчжулина около двухсотъ верстъ. Эти двѣсти верстъ мы ѣхали трое сутокъ. Поѣздъ долгими часами стоялъ на каждомъ разъѣздѣ. Разсказывали, что гдѣ-то къ сѣверу произошло крушеніе санитарнаго поѣзда, много раненыхъ перебито и вновь перерано, и путь спѣшно очищается.

Въ вагонѣ шли непрерывные разсказы и споры. Ѣхало много участниковъ послѣдняго боя. Озлобленно ругали Куропаткина, смѣялись надъ «геніальностью» его всегдашнихъ отступленій. Одинъ офицеръ ужасно удивился, какъ это я не знаю, что Куропаткинъ давно уже сошелъ съ ума.

Куропаткина ругали. Дѣйствительно, непригодность его была слишкомъ очевидна. Но я спрашивалъ:

— Ну, хорошо, а кого же, по-вашему, слѣдовало бы назначить на его мѣсто?

И сколько разъ за всю войну я ни задавалъ этотъ вопросъ, всегда я получалъ одинъ отвѣтъ:

— Кого?..—Офицеръ задумывался, пожималъ плечами.—Да назначить-то, собственно, некого, это правда!

Подполковникъ, участвовавшій въ послѣднемъ бою, раздраженно разсказывалъ:

— Пусть исторія рѣшаетъ, почему мы проигрывали другіе бои, а насчетъ этого боя я вамъ ручаюсь, что проиграли мы

его исключительно благодаря безтолковости и неумѣлости нашихъ начальниковъ. Помилуйте, съ самаго начала выводятъ на полномъ виду цѣлый корпусъ, словно на высочайшій смотръ. Японцы видятъ и, конечно, стягиваютъ подкрѣпленія...

Онъ разсказывалъ, какъ при атакахъ систематически не поспѣвали во-время резервы, разсказывалъ о непостижимомъ довѣріи начальства къ завѣдомо плохимъ картамъ: Сандепу обстрѣливали по «картѣ № 6», взяли, послали въ Петербургъ ликующую телеграмму, — и вдругъ неожиданность: сейчасъ же за разрушенною частью деревни стоитъ другая, никѣмъ не подозрѣвавшаяся, съ дѣвственно-нетронутыми укрѣпленіями, пулеметы изъ редюитовъ пошли косить ворвавшіеся полки,—и мы отступили. Зато теперь, на «карту № 8», эта другая часть деревни нанесена весьма точно...

— Но я васъ спрашиваю: вѣдь до Ляояна вся эта мѣстность была въ нашихъ рукахъ,—какъ же мы не удосужились снять точно плановъ?

— А у насъ вотъ что было, — разсказывалъ другой офицеръ.—Восемнадцать нашихъ охотниковъ заняли деревню Бейтадзы,—великолѣпный наблюдательный пунктъ, можно сказать, почти ключъ къ Сандепу. Неподалеку стоитъ полкъ; начальникъ охотничьей команды посылаетъ къ командиру, проситъ прислать двѣ роты. «Не могу. Полкъ въ резервѣ, безъ разрѣшенія своего начальства не имѣю права». Пришли японцы, прогнали охотниковъ и заняли деревню. Чтобъ отбить ее обратно, пришлось уложить три батальона...

— Да, хоть милліонъ войска сюда привези, побѣды все равно не будетъ,—вздохнулъ подполковникъ...

Черезъ двое сутокъ къ ночи мы были за тридцать верстъ отъ Гунчжулина. Спать я не ложился,—каждую минуту ждалъ, что пріѣдемъ. Но пріѣхали мы въ Гунчжулинъ только черезъ сутки, въ два часа ночи.

Вышелъ я на перронъ. Пустынно. Справляюсь, гдѣ стоятъ госпитали,—за нѣсколько верстъ отъ станціи. Спрашиваю, гдѣ бы тутъ переночевать. Сторожъ сказалъ мнѣ, что въ Гунчжулинѣ есть офицерскій этапъ. Далеко отъ станціи? «Да вотъ, сейчасъ направо отъ вокзала, всего два шага». Другой сказалъ, полверсты, третій,—версты полторы. Ночь была темная и мутная, играла мятель.

Я пошелъ ходить по платформѣ. Стоитъ что-то въ родѣ барака, я зашелъ въ него. Оказывается, фельдшерскій пунктъ для пріемки больныхъ съ санитарныхъ поѣздовъ. Дежуритъ фельдшеръ и два солдата. Я попросился у нихъ посидѣть и обогрѣться. Но обогрѣться было трудно, въ баракѣ градусникъ

показывалъ 3° мороза, отовсюду дуло. Солдатъ устроилъ мнѣ изъ двухъ скамеекъ кровать, я постелилъ бурку, покрылся полушубкомъ. Все-таки было такъ холодно, что за всю ночь только раза два я забылся на полчаса.

Въ седьмомъ часу утра я услышалъ кругомъ шумъ и ходьбу. Это сажали въ санитарный поѣздъ больныхъ изъ гунчжулинскихъ госпиталей. Я вышелъ на платформу. Въ подходившей къ вокзалу новой партіи больныхъ я увидѣлъ своего пріятеля съ ампутированной рукой. Вмѣстѣ съ другими его отправляли въ Харбинъ. Мы проговорили съ нимъ часа полтора, пока стоялъ санитарный поѣздъ.

Поѣздъ ушелъ. Я отправился разузнавать, когда отходитъ поѣздъ на Мукденъ.

— Въ четыре часа дня. Но вчера, впрочемъ, онъ не шелъ.

— Можетъ-быть, и сегодня не пойдетъ?

— Можетъ-быть.

Кто-то сообщилъ мнѣ, что на пятомъ пути стоитъ воинскій поѣздъ, который сейчасъ отправляется на югъ. Я спросилъ разрѣшенія у начальника эшелона, поѣхалъ съ воинскимъ. Тутъ же ѣхало еще нѣсколько офицеровъ со стороны.

Къ вечеру поѣздъ остановился на подъемѣ.—у паровоза не хватило силы втащить вагоны. Воротились къ разъѣзду, отцѣпили часть вагоновъ, поѣхали дальше. Ночью, на другомъ подъемѣ, четыре заднихъ вагона оторвались и побѣжали назадъ. Отправились ихъ ловить. Проводникъ вагона разсказывалъ намъ: въ движеніи происходятъ постоянныя задержки, ихъ стараются наверстать, для этого гонятъ скорѣе, чѣмъ можно, вмѣсто тридцати вагоновъ прицѣпляютъ сорокъ. Изъ-за этого новыя неожиданности. Вагоны плохи и стары: въ оторвавшемся вагонѣ крюкъ выскочилъ вмѣстѣ съ деревомъ брусьевъ.

Утромъ мы пересѣли въ другой поѣздъ, обогнавшій нашъ эшелонъ. Дряхлый, облѣзлый вагонъ III-го класса подозрительно трещалъ и качался, по временамъ подъ грязнымъ поломъ что-то оглушительно грохотало, вагонъ начиналъ подпрыгивать. Въ клозетѣ стояли грязныя лужи, кранъ не дѣйствовалъ.

Ночью, когда всѣ ужъ спали, насъ вдругъ разбудилъ проводникъ и попросилъ всѣхъ выйти изъ вагона: вагонъ дальше не пойдетъ.

— Почему?

— Износился.

— Повертилось что? Въ ремонтъ пойдетъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ износился. Выбросятъ.

Мы, смѣясь, выходили изъ вагона. «Совсѣмъ износился!»

Ночью, на полпути, не поломка какая-нибудь произошла, а просто вагонъ *совсѣмъ износился*! Можно сказать, былъ онъ использованъ до тла, до дыръ!.. Но тутъ намъ стали понятны и причины частыхъ крушеній.

До шести утра мы ждали на станціи: поѣздъ маневрировалъ, для насъ прицѣпили вагонъ-теплушку. Вошли мы въ нее. — холодъ невообразимый, въ одномъ изъ оконъ нѣтъ рамы. Чугунная печка холодная. Нѣкоторые изъ офицеровъ ѣхали съ денщиками, — денщики ухитрились чѣмъ-то задѣлать выбитое окно, сбѣгали за истопникомъ.

— Топи печку!

Истопникъ принесъ дровъ, растапливалъ, растапливалъ. Дрова сырыя, не загораются. Офицеры ругались.

— Я, ваше благородіе, сбѣгаю сейчасъ, сухой ящикъ принесу для растопки, — сказалъ истопникъ и поспѣшно ушелъ.

Второй звонокъ. Офицеры не закрывали отдвижной двери, чтобъ истопникъ успѣлъ вскочить въ вагонъ.

Денщики смѣялись:

— Воротится онъ теперь, жди! Радъ, что удралъ!

Такъ и оказалось. Поѣздъ двинулся, истопникъ не явился. Было ужасно холодно, пальцы ногъ зябли и нѣмѣли. Денщики возились у печки, сжигали коробку спичекъ за коробкою. Дрова шипѣли, фыркали и загораться не хотѣли.

Всѣ были злы и ругались. На станціяхъ, кромѣ самыхъ крупныхъ, ничего нельзя было найти поѣсть, нельзя было даже купить хлѣба. Офицеры, ѣхавшіе изъ командировокъ, разсказывали о повсемѣстной безпріютности, — негдѣ поѣсть, негдѣ переночевать, указываютъ на какой-то этапъ, а онъ за пять верстъ отъ станціи.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ мы? Въ тылу полумилліонной арміи или на островѣ Робинзона Крузо?.. Ну, и государство россійское!..

А въ вагонѣ становилось все холоднѣе. Начинала болѣть голова, морозъ пробирался въ самую сердцевину костей. Блестяще-пушистый иней бѣлѣлъ на стѣнахъ. Никто ужъ не ругался, всѣ свирѣпо молчали, сидѣли на деревянныхъ нарахъ и кутались въ полушубки.

На одной изъ остановокъ двое денщиковъ выскочили изъ вагона, пропадали минутъ пять и воротились съ плутовато-смѣющимися лицами. Они тщательно задвинули за собою дверь. Одинъ разстегнулъ на груди полушубокъ и вынулъ изъ-за пазухи стащенный гдѣ-то топоръ.

— Ну-ка, ваше благородіе, подвиньтесь маленько!

Денщикъ засунулъ топоръ за перекладину и выломалъ изъ наръ доску.

— Этотъ товаръ будетъ сухой! — сказалъ онъ, положилъ доску на полъ и сталъ ее рубить.

Печка запылала, по вагону пошло тепло. При общемъ смѣхѣ въ печку полетѣла вторая доска, третья... Нары исчезали, но печка накалялась. Мы толпились вокругъ, оттирали застывшія руки, распахивали навстрѣчу теплу полушубки.

— Ну, и ш-шельма же народъ!.. — восхищенно говорили офицеры.

Денщики копошились среди развороченныхъ наръ, съ трескомъ отдирали и выламывали доски. Печка пылала, заиндивѣвшія стѣны отмокали, становилось все теплѣе.

Въ началѣ февраля пошли слухи, что 12-го числа начнется генеральный бой. Къ нему готовились сосредоточенно, съ непроявлявшимися чувствами. Что будетъ?.. Разсказывали, будто Куропаткинъ сказалъ одному близкому лицу, что, по его мнѣнію, кампанія уже проиграна безвозвратно. И это казалось вполнѣ очевиднымъ. Но у офицеровъ лица были непроницаемы, они говорили, что позиціи наши прямо неприступны, что обходъ положительно невозможенъ, и трудно было понять, вправду ли они убѣждены въ этомъ или стараются обмануть себя.

Пробравшіеся въ тылъ японскіе смѣльчаки взорвали за Гунчжулиномъ желѣзнодорожный мостъ. Разсказывали, что у Телина появились массы прекрасно вооруженныхъ хунхузовъ, что они горятъ неистовою ненавистью къ русскимъ за поруганныя могилы и разрушенныя кумирни. Слухи о близости боя крѣпли. Надвигалось что-то чудовищно-огромное, чувствовалось, должно произойти что-то, чего никогда еще не бывало въ мірѣ.

Въ «Вѣстникѣ Маньчжурскихъ Армій» появилась грозно-радостная передовая статья. Въ ней писалось, что войскъ у насъ больше, что наша побѣда несомнѣнна, что японцы сами прекрасно это понимаютъ, и что желанный часъ расплаты наступилъ.

VII.

МУКДЕНСКІЙ БОЙ.

Съ утра по всему фронту бѣшено загрохотали орудія. Былъ теплый, совсѣмъ весенній день, съ юга дуло бодрящимъ теплomъ. Тонкій слой снѣга таялъ подъ солнцемъ, голуби суетились подъ карнизами фанзъ и начинали вить гнѣзда; стрекотали сороки и воробьи. Пушки гремѣли, завывали летящіе снаряды; у всѣхъ была одна серьезная, жуткая и торжественная мысль: «Началось...»

Съ заходомъ солнца канонада замолкла. Всю ночь по колоннымъ дорогамъ передвигались съ запада на востокъ пѣхотныя части, батареи, парки. Подъ небомъ съ мутными звѣздами далеко разносился въ темнотѣ шумъ колесъ по твердой, мерзлой землѣ. Въ третьемъ часу ночи взошла убывающая луна,—желтая, въ мутной дымкѣ, какъ будто размазанная. Части все передвигались, и въ воздухѣ стоялъ непрерывный, ровно-рокочущій шумъ колесъ.

Медленно и грозно потянулся день за днемъ. Поднимались мятели, сухой, сыпучій снѣгъ тучами несся въ воздухѣ. Затихало. Трещали морозы. Падалъ снѣгъ. Грѣло солнце, становилось тепло. На позиціяхъ все грохотали пушки, и спѣшно ухали ружейные залпы,—короткіе, сухіе и отрывистые, какъ будто кто-то кололъ тамъ дрова. По ночамъ вдали сверкали огоньки рвущихся снарядовъ; на темномъ небѣ мигали слабые отсвѣты орудійныхъ выстрѣловъ, осторожно ползали лучи прожекторовъ.

Наши госпитали стояли за Путиловскою сопкою. На сопкѣ творилось что-то ужасное. Съ утра до вечера японцы осыпали ее снарядами изъ одиннадцатидюймовыхъ гаубицъ. Стальныя чудовища, фыркая, мчались изъ невидимой дали, били въ окопы, въ загражденія и волчьи ямы; сѣро-желтые и черноватые клубы взрывовъ выносились на высоту, ширились и развѣтвлялись, какъ невидано-огромные кусты; отрывались отъ сопки и таяли, грязня небо, а снизу выносились все новые и новые дымовые столбы. Такъ было днемъ. Ночью же происходили непрерывные штурмы сопки. Ея скаты были устланы японскими трупами. Шли слухи, что японцы во что бы то ни стало рѣшили овладѣть сопкою, и было похоже на то,—такая масса все новыхъ и новыхъ полковъ шла каждую ночь на штурмъ. Только много позднѣе мы узнали, въ чемъ тутъ было дѣло. Стремительныя атаки японцевъ на нашъ

лѣвый флангъ и центръ заставили думать Куропаткина, что именно тутъ они и готовятъ свой ударъ; сюда Куропаткинъ и стянулъ главныя силы. Между тѣмъ японцы постепенно переводили свои войска на противоположный флангъ, гдѣ обходная армія Ноги заходила намъ въ тылъ. Путиловская сопка была въ центрѣ. Каждую ночь проходившіе мимо японскіе полки штурмовали сопку, а утромъ уходили дальше на западъ; съ востока же подходили новые полки. И получалось впечатлѣніе, что на нашъ центръ брошена чуть не вся японская армія.

Воздухъ былъ насыщенъ слухами. Одни разсказывали, что станція Шахе въ нашихъ рукахъ, что у японцевъ отнято семнадцать орудій, что на лѣвомъ нашемъ флангѣ Линевичъ опрокинулъ японцевъ и гонитъ ихъ къ Ляояну. Другіе сообщали, что на обоихъ фронтахъ японцы продвинулись впередъ.

Въ султановскомъ госпиталѣ уже мѣсяца полтора была еще новая сверхштатная сестра, Варвара Ѳедоровна Каменева. Ея мужъ, артиллерійскій офицеръ изъ запаса, служилъ въ нашемъ корпусѣ. Она оставила дома ребенка и пріѣхала сюда, чтобъ быть недалеко отъ мужа. Вся ея душа какъ будто была изъ туго натянутыхъ струнъ, трепетно дрожавшихъ скрытою тоскою, ожиданіемъ и ужасомъ. Ея родственники имѣли крупныя связи, ей предложили перевести ея мужа въ тылъ. Съ отчаяніемъ сжимая руки, она отвѣтила:

— Если онъ на это пойдетъ, я перестану его уважать!

И теперь, когда мы всѣ, давно привыкшіе къ канонадѣ, разговаривали и смѣялись, почти не слыша ея, сестра Каменева сидѣла съ блѣдной, разсѣянной улыбкой, прислушивалась и слабо вздрагивала при каждомъ пушечномъ выстрѣлѣ.

Офицерскія палаты нашихъ госпиталей были биткомъ-набиты офицерами. У одного охрипло горло, у другого покалывало въ боку, третій жаловался на «боли въ головѣ, и въ плечѣ, и въ заднемъ проходѣ». До поздней ночи они играли въ преферансъ и въ винтъ, вставали часовъ въ одиннадцать дня. Лежалъ тамъ и ординарецъ изъ штаба нашей дивизіи, поручикъ Шестовъ. Какъ разъ передъ началомъ боя подъ нимъ споткнулась лошадь, онъ ушибъ себѣ большой палецъ руки. И вотъ уже шестой день поручикъ лежалъ у насъ. Держа руку на черной перевязи, онъ ходилъ въ гости къ намъ, въ султановскій госпиталь, въ земскій отрядъ, съ мѣсяцъ назадъ основавшійся тоже въ нашей деревнѣ.

Ему массировала руку хорошенькая сестра Леонова.

— Что, вы ужъ кончаете? Пожалуйста, помассируйте

еще!—просилъ поручикъ и, какъ котъ, щурился, нѣжась отъ поглаживаній маленькихъ и мягкихъ рукъ дѣвушки.

По вечерамъ поручикъ старался встрѣтиться съ Леоновой на улицѣ, шелъ рядомъ, улыбаясь остренькою улыбкою сатира, тянулъ ее гулять въ уединенныя мѣста. Леонова наконецъ взмолилась доктору, чтобъ онъ освободилъ ее отъ массированія поручика.

Канонада съ каждымъ днемъ усиливалась. Робко и осторожно, какъ будто сама себѣ не довѣряя, по арміи стала распространяться волнующая вѣсть: японцы обходятъ нашъ правый флангъ.

— Что за пустяки!—смѣялись офицеры.

А слухъ расползался и крѣпъ. Смутная тревога росла. Однажды вечеромъ мы сидѣли за чаемъ въ земскомъ отрядѣ. Тутъ же былъ и поручикъ Шестовъ, съ правою рукою на черной перевязи.

— А объ обходѣ-то говорятъ все настойчивѣе! —замѣтилъ я.

Шестовъ оглядѣлъ меня и снисходительно улыбнулся.

— Эхъ, докторъ! И какъ можете вы этому вѣрить? Это невозможно!

Забывъ, что онъ не можетъ владѣть правою рукою, поручикъ взялъ клочокъ бумаги и сталъ мнѣ чертить на немъ расположеніе нашихъ и японскихъ войскъ. Изъ чертежа этого съ полною, очевидною наглядностью вытекало, что обойти японцамъ нашу армію невозможно въ такой же мѣрѣ, какъ перебросить свою армію на луну.

На завтра, около пяти часовъ вечера, японскія орудія загремѣли прямо за Мукденомъ.

Но что поручикъ! Повидимому, и у всѣхъ военачальниковъ было непоколебимое убѣжденіе въ полнѣйшей невозможности обхода. Въ самомъ началѣ боя одинъ офицеръ былъ посланъ на фуражировку на крайній правый флангъ. Воротившись, онъ донесъ по начальству, что видѣлъ движущіяся на сѣверъ густыя колонны японцевъ. Командиръ корпуса написалъ на донесеніи: «дуракъ!», а начальникъ дивизіи сказалъ: «слѣдовало бы этого господина за распространеніе ложныхъ слуховъ отдать подъ судъ!». Разсказывалъ мнѣ врачъ, самъ слышавшій эти слова генерала. Врачъ спросилъ:

— Ваше превосходительство, развѣ обходъ такъ ужъ невозможенъ?

Генералъ въ изумленіи вытаращилъ на него глаза.

— Обходъ?! Ахъ, да! Вѣдь вы, впрочемъ, не военный...— Онъ обратился къ начальнику штаба:— Полковникъ, пожалуйста, объясните доктору всю нелѣпость этого предположенія.

Орудія гремѣли за Мукденомъ и бѣшено гремѣли по всему фронту. Никогда я еще не слышалъ такой канонады: въ минуту было отъ сорока до пятидесяти выстрѣловъ. Воздухъ дрожалъ, вылъ и свистѣлъ. Поваръ земскаго отряда Ѳерапонтъ Бубенчиковъ сокрушенно прислушивался къ завыванію рѣзавшихъ воздухъ снарядовъ, ложился на землю и повторялъ:

— Прощай, Москва! Не видать тебѣ больше Ѳерапонта Бубенчикова.

Разсказывали, что на Мукденъ идетъ съ запада двадцать пять тысячъ японцевъ, что бой кипитъ уже у императорскихъ могилъ близъ Мукдена; другіе двадцать пять тысячъ идутъ глубокимъ обходомъ прямо на Гунчжулинъ.

Земскій отрядъ получилъ отъ начальника санитарной части телеграмму: по приказанію главнокомандующаго, всѣмъ учрежденіямъ земскимъ и Краснаго Креста, не имѣющимъ собственныхъ перевозочныхъ средствъ, немедленно свернуться, итти въ Мукденъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ уѣзжать на сѣверъ. Но палаты земскаго отряда, какъ и нашихъ госпиталей, были полны ранеными. Земцы прочли телеграмму, посмѣялись—и остались.

Передо мною сидѣлъ на табуреткѣ пожилой солдатъ съ прострѣленною мякотью бедра. Солдатъ былъ въ сѣрой неуклюжей шинели, лицо заросло лохматою бородою. Когда я обращался къ нему съ вопросомъ, онъ почтительно вытягивался и пытался встать.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Сорокъ, говорятъ... А тамъ кто его знаетъ.

— Давно на войнѣ?

— Съ Покрова. Насъ въ Красноярскъ пригнали на обмундированіе, тамъ стояли. Значитъ, стали вызывать охотниковъ на войну, я пошелъ.

Посмотрѣлъ я на него,—совсѣмъ старикъ, съ смирными мужицкими глазами.

— Не жалѣешь, что пошелъ?

— Не... Вотъ ногу бы залѣчить, опять бы пойти,—задумчиво отвѣтилъ онъ.

Шершавый какой-то, понуренный... Что у него въ душѣ? Чуялось смутное проникновеніе большимъ общимъ дѣломъ, сознаніе властной связи съ чѣмъ-то важнымъ. Было непонятно, и чувствовалось, что этого не поймешь.

Въ палату ввели невысокаго человѣка въ чуждой, странной формѣ. Раненые зашевелились, взгляды направились на вошедшаго.

— Японецъ!.. Японецъ!..

Невысокій человѣкъ медленно подвигался, опираясь на плечо санитара и волоча лѣвую ногу; онъ внимательно смотрѣлъ кругомъ исподлобья блестящими черными глазами. Увидѣлъ мои офицерскіе погоны, вытянулся и приложилъ руку къ козырьку,—ладонью впередъ, какъ у насъ козыряютъ играющіе въ солдаты мальчики. Поблѣднѣвшее лицо было покрыто слоемъ пыли, губы потрескались и запеклись, но глаза смотрѣли бойко и быстро.

Пуля засѣла у японца въ поясницѣ. Я показалъ знакомъ, чтобъ онъ раздѣлся. Солдаты молчали и слѣдили за японцемъ съ пристальною, любопытствующею непріязнью. Я спросилъ его, какой онъ арміи,—Оку? Японецъ быстро улыбнулся и предупредительно закивалъ головою:

— Оку! Оку!

— Оку?..—Я сомнительно поглядѣлъ на японца.—Не Нодзу ли? Ходя (пріятель),—Нодзу?

Его быстрые, шельмовскіе глаза засмѣялись, онъ опять закивалъ головою:

— Нодзу! Нодзу!

Японецъ раздѣвался. Снялъ широкую верблюжью шинель съ козьимъ воротникомъ, подъ нею былъ мѣховой полушубокъ-безрукавка. Солдаты засмѣялись. Японецъ взглянулъ на нихъ и тоже засмѣялся. За полушубкомъ слѣдовалъ черный мундиръ съ сорванными погонами (чтобъ не узнали, какого полка), за мундиромъ — жилетка, за жилеткою — еще жилетка. Смѣхъ усиливался, перешелъ въ хохотъ. Хохотали солдаты, хохоталъ японецъ. И оттого, что онъ такъ весело и добродушно хохоталъ со всѣми, въ смѣхѣ солдатъ пропала враждебность, и милый, дружный, соединяющій смѣхъ стоялъ въ фанзѣ.

Японецъ снялъ еще фуфайку и коленкоровую рубаху. Пулевая рана въ поясницѣ уже запеклась. Японецъ вопросительно кивнулъ мнѣ головою, потеръ руки и потомъ сталъ тереть свою круглую стриженую голову съ жесткими, черными волосами.

— Помыться проситъ!—догадался фельдшеръ.

Я велѣлъ принести тазъ теплой воды и мыла. Глаза японца радостно заблестѣли. Онъ сталъ мыться. Боже мой, какъ онъ мылся! Съ блаженствомъ, съ вдохновеніемъ... Онъ вымылъ голову, шею, туловище; разулся и сталъ мыть ноги. Капли сверкали на крѣпкомъ, бронзовомъ тѣлѣ, тѣло сверкало и молодѣло отъ охватывавшей его чистоты. Всѣхъ кругомъ захватило это умываніе. Палатный служитель сбѣгалъ къ баку и принесъ еще воды.

Японецъ благодарно взглянулъ на него и радостно засмѣялся.

Служитель поглядѣлъ кругомъ и тоже засмѣялся. Японецъ опять принялся тереть мыломъ грудь, шею и щетинистую голову. Скатывалась мыльная пѣна, брызгала вода, японецъ фыркалъ и встряхивался.

Въ углу на нарахъ лежалъ раненый въ бедро солдатъ, котораго я только-что перевязалъ. Смотрѣлъ онъ, смотрѣлъ на японца; смотрѣлъ, какъ тепло сверкало подъ водою его чистое, крѣпкое тѣло. Вдругъ вздохнулъ, почесалъ въ головѣ и рѣшительно приподнялся:

— Ну-ка! Дай-ка-ся, и я помоюсь!..

Съ позицій сестрѣ Каменевой передали извѣстіе, что ея мужъ, артиллерійскій офицеръ, смертельно раненъ: онъ поднялся на наблюдательную вышку, его пенснэ сверкнуло на солнцѣ, и мѣткая пуля пробила ему голову. У Каменевой имѣлся собственный шарабанъ и лошадь. Она поспѣшно уѣхала на позиціи.

Орудія за Мукденомъ гремѣли попрежнему, но вѣсти пошли хорошія. Разсказывали, что самъ Куропаткинъ во главѣ шестнадцатаго корпуса ударилъ на обходный отрядъ, окружилъ его и разбилъ; три тысячи японцевъ побросали ружья и сдались. Нашъ артельщикъ, ѣздившій въ Мукденъ, видѣлъ на вокзалѣ толпы плѣнныхъ.

Къ вечеру въ нашу деревню привезли огромный транспортъ раненыхъ. Часть ихъ приняли мы, часть — султановскій госпиталь и земскій отрядъ.

Раненые были съ Путиловской сопки и ея окрестностей. Къ западу отъ сопки лежали два сильно блиндированныхъ окопа, въ нихъ сидѣло двѣ роты; надъ головами — толстыя балки, на аршинъ засыпанныя землею, впереди — узкія бойницы, заложенныя мѣшками съ пескомъ. Въ послѣднія ночи изъ этихъ окоповъ уложили массу японцевъ, шедшихъ на штурмъ сопки. И вотъ сегодня днемъ японцы направили на окопы осадныя орудія. Одинъ снарядъ за другимъ билъ рядомъ, прямо въ окопы, огромныя блиндажныя балки разлетались въ щепы. Черезъ полчаса вмѣсто двухъ грозныхъ окоповъ была каша изъ земли, обломковъ бревенъ и окровавленныхъ, изувѣченныхъ людей.

Раненыхъ вносили въ палаты, клали на кханы, устланные соломою. Они лежали и сидѣли, — обожженные, съ пробитыми головами и раздробленными конечностями. Многіе были оглушены, на вопросы не отвѣчали и сидѣли, неподвижно вытаращивъ глаза.

— Отчего они не говорятъ? — въ удивленіи спрашивала сестра.

— Вѣроятно, разрывъ барабанной перепонки, оглохли... А можетъ-быть, сотрясеніе мозга.

— Смотрите, заговорилъ!..

Бородатый солдатъ съ синимъ, раздувшимся лицомъ опирался локтемъ здоровой руки о подушку и необычно-громко, какъ говорятъ глухіе, разсказывалъ сосѣду:

— Я ему говорю: «не выглядывай безъ дѣла», а онъ глянулъ... Товарищу моему голову расколола, татарчика всего въ клочья разорвала, а меня вотъ только чуть помяла...

Его сосѣдъ чуждо смотрѣлъ на него, молчалъ и медленно мигалъ.

— Ваше благородіе! Правду говорятъ, — опять насъ японецъ обошелъ?—таинственно обратился ко мнѣ другой раненый.

— Говорятъ, обошелъ.

Солдатъ помолчалъ и недоумѣвающимъ полушопотомъ спросилъ:

— Что это, ваше благородіе, никакъ у насъ удачи не выходитъ?

Восточно-сибирскаго стрѣлка, съ разбитою въ дребезги ногою, понесли въ операціонную для ампутаціи. Желто-восковое лицо все было въ черныхъ пятнышкахъ отъ ожоговъ, на опаленной бородѣ кончики волосъ закрутились. Когда его хлороформировали, стрѣлокъ, забываясь, плакалъ и ругался. И, какъ изъ темной, недоступной глубины, поднимались слова, выдававшія тайныя думы солдатскаго моря:

— Обгадилась Россія!.. Что народу даромъ губятъ! Бьютъ, уродуютъ, а толку нѣту!..

И опять рвались ругательства, и глухо звучало пѣніе, похожее на плачъ.

Въ палатахъ укладывали раненыхъ, кормили ужиномъ и поили чаемъ. Они не спали трое сутокъ, почти не ѣли и даже не пили, — некогда было, и негдѣ было взять воды. И теперь ихъ мягко охватывало покоемъ, тишиною, сознаніемъ безопасности. Въ фанзѣ было тепло, уютно отъ яркихъ лампъ. Пили чай, шли оживленные разговоры и разсказы. Въ чистомъ бѣльѣ, раздѣтые, солдаты укладывались спать и съ наслажденіемъ завертывались въ одѣяла.

Вдругъ, въ девять часовъ вечера, телеграмма отъ корпуснаго врача: по приказанію командира корпуса, немедленно эвакуировать изъ госпиталей всѣхъ раненыхъ, лишнее казенное имущество уложить и отвезти на сѣверъ, въ деревню Хуньхепу.

Поднялась суета. Спѣшно запрягались повозки. Расталкивали только-что заснувшихъ раненыхъ, снимали съ нихъ госпитальное бѣлье, облекали въ прежнюю рвань, напяливали полушубки. Въ смертной усталости раненые сидѣли на койкахъ, качались и, слдя, засыпали. Одну бы ночь, одну бы только ночь отдыха, — и какъ бы она подкрѣпила ихъ силы, какъ бы стоила всѣхъ лѣкарствъ и даже перевязокъ!

Подали двѣнадцать повозокъ. Лошади фыркали и ржали, мелькали фонари. Офицеры въ своей палатѣ играли въ преферансъ; поручикъ Шестовъ, съ рукою на черной перевязи, лежалъ въ постели и читалъ при свѣчкѣ переводный романъ Онэ. Главный врачъ сказалъ офицерамъ, чтобъ они не безпокоились и спали ночь спокойно, — ихъ онъ успѣетъ отправить завтра утромъ.

На дворѣ при фонаряхъ выносили и укладывали въ повозки раненыхъ солдатъ. Было морозно, мерцали звѣзды, на югѣ гремѣли орудія и вспыхивали безшумные отсвѣты. Ползалъ по небу широкій лучъ прожектора. Справа колебалось далекое огромное зарево.

Раненыхъ предстояло везти за пять верстъ, на Фушунскую вѣтку. А многіе были ранены въ животъ, въ голову, у многихъ были раздроблены конечности... Изъ-за этихъ раненыхъ у насъ вышло столкновеніе съ главнымъ врачомъ, и все-таки не удалось оставить ихъ хоть до утра.

Ко мнѣ взволнованно подошелъ фельдшеръ Пастуховъ.

— Ваше благородіе, раненымъ уже роздали билетики, а я не успѣлъ съ нихъ діагнозовъ списать въ книгу. Позвольте отобрать билетики.

— Вотъ еще! Ужъ уложили больныхъ въ повозки, — полчаса имъ ждать на морозѣ, пока вы будете вписывать діагнозы! Не надо.

— Главный врачъ приказали.

— Трогай!—свирѣпо крикнулъ я кучерамъ.

Транспортъ двинулся. Раненые были укутаны всѣмъ, что только нашлось у насъ подъ рукою, но все-таки они сильно мерзли въ дорогѣ. Одни просили ѣхать поскорѣе,—очень холодно; другіе просили ѣхать потише,—очень трясетъ.

Пріѣхали, наконецъ, на Фушунскую вѣтку, въ Гудядзы. Тамъ ужъ скопилась масса транспортовъ изъ окрестныхъ госпиталей, шла суетливая толчея, долго распредѣляли больныхъ по госпиталямъ. Принятые раненые сейчасъ же засыпали мертвымъ сномъ. Ихъ опять будили, чтобы переодѣть въ госпитальное бѣлье...

Врачи сообщили мнѣ, что, по слухамъ, японцы сильно

тѣснятъ насъ на правомъ флангѣ, берутъ деревню за деревнею, стремясь соединиться съ обходной арміей. На лѣвомъ флангѣ наши тоже подались на шесть верстъ.

Ѣхалъ я назадъ. Была ужъ глубокая ночь, а вдали повсюду бѣшено работали пушки, и, какъ зарницы, вспыхивали отсвѣты взрывовъ. Звѣзды смотрѣли не мигая, окаймленныя мутными вѣнчиками.

Во второмъ часу ночи къ намъ въ фанзу вошли два взволнованныхъ казака съ винтовками за плечами.

— Ваше благородіе, изъ васъ никто сейчасъ отъ Юзантуня не проѣзжалъ верхомъ?

— Я сейчасъ съ сѣвера пріѣхалъ, изъ Гудядзъ.

— Нѣтъ, отъ Юзантуня?

Казаки разыскивали японскаго шпіона, одѣтаго русскимъ военнымъ врачомъ. Около Байтапу онъ спросилъ пѣхотинцевъ, куда ушла 25-я дивизія, тѣ сказали. Потомъ раздумались: лицо съ косыми глазами, русскій выговоръ плохой. Сообщили казакамъ. Казаки бросились вдогонку. Подозрительный врачъ разспрашивалъ у Юзантуня артиллеристовъ, потомъ обозныхъ. Обозные почувствовали сомнѣніе, хотѣли задержать врача, онъ повернулъ лошадь и ускакалъ, а солдаты были безъ винтовокъ. Далѣе слѣдъ японца терялся. Кто-то видѣлъ какого-то военнаго врача, направлявшагося къ нашей деревнѣ...

— Это, значитъ, не вы были?

Казаки вышли изъ фанзы и поскакали дальше.

— Да, не дремлютъ японцы, работаютъ, — вздохнулъ Селюковъ.

Шанцеръ задумчиво прислушивался къ грохоту орудій. Онъ нервно и брезгливо повелъ плечами.

— Господи! Кажется, и сами-то пушки русскія стрѣляютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ японскія! Что-то такое тупое въ ихъ звукѣ, вялое...

Утромъ встрѣчаемся мы съ врачами-земцами.

— Вы не уѣхали?—удивились мы.

— Съ какой стати?

— Вѣдь вы же получили приказъ уѣхать.

— Эка! Станемъ мы исполнять ихъ приказы! Мы сюда пріѣхали работать, а не кататься по желѣзнымъ дорогамъ.

Оказывается, и вчерашняго приказанія эвакуировать раненыхъ они тоже не исполнили, а всю ночь оперировали. У одного солдата, раненнаго въ голову, осколокъ височной кости повернулся ребромъ и врѣзался въ мозгъ; больной рвался,

бился, сломалъ подъ собою носилки. Ему сдѣлали трепанацію, вынули осколокъ,—больной сразу успокоился; можетъ-быть, былъ спасенъ. Если бы онъ попалъ къ намъ, его съ врѣзавшимся въ мозгъ осколкомъ повезли бы въ тряской повозкѣ на Фушунскую вѣтку, кость врѣзывалась бы въ мозгъ все глубже...

— Мы вѣдь Треповыхъ хорошо знаемъ,—смѣялись земцы.— Они люди военные, для нихъ самое главное — телеграфировать въ Петербургъ: «всѣ раненые вывезены». А что половина ихъ отъ этого перемретъ,—«на то и война». Чѣмъ мы рискуемъ? Везти тяжелыхъ раненыхъ, перетряхивать ихъ, перегружать — вѣрная для нихъ смерть. Когда придется отступать, тогда и обсудимъ, что дѣлать... А Трепова намъ чего бояться? Ну, обругаетъ,—что жъ такое!

Въ тотъ же день, 19-го февраля, мы получили приказъ: раненыхъ больше не принимать, госпиталь свернуть, уложиться и быть готовыми выступить по первому извѣщенію. Пришелъ вечеръ, все у насъ было разорено и уложено, мы не ужинали. Разсказывали, что на правомъ флангѣ японцы продолжаютъ насъ тѣснить. Куропаткинъ окружилъ и разбилъ обходный отрядъ, но сзади, уступами, появляются все новыя и новыя обходныя колонны.

— Прутъ безъ числа, какъ свиньи, какъ саранча! — въ трепетномъ недоумѣніи и ужасѣ разсказывали проѣзжіе казаки. — Раздѣвшись на штурмъ бѣгутъ, въ однѣхъ гимнастеркахъ. Тысячами ихъ кладутъ, а они еще грубѣе впередъ прутъ, словно пьяные...

Въ два часа ночи изъ штаба корпуса пришла телеграмма,— обоимъ госпиталямъ немедленно выступить въ деревню Хуньхепу, верстъ за семь на сѣверо-западъ. Черезъ четверть часа пришла новая телеграмма: командиръ корпуса разрѣшалъ намъ переночевать на мѣстѣ и выступить утромъ.

— Очевидно, вспомнилъ что Новицкой нужно поспать ночь,—догадывались мы.

Утромъ мы выѣхали. Земцы прощались съ нами и посмѣивались.

— А вы остаетесь?—спрашивали мы съ смутнымъ стыдомъ и завистью.

— Остаемся. Удрать всегда поспѣемъ. Дѣло немудрое.

Было тихое солнечное утро. Нашъ обозъ, поднимая пыль, медленно двигался по дорогѣ. Мы ѣхали верхомъ. Сзади, слѣва, спереди гремѣли пушки. Среди приглядѣвшихся очертаній ѣхавшихъ съ обозомъ всадниковъ одна фигура была новая. Это былъ поручикъ Шестовъ. Рука его окончательно

поправилась, и вчера его выписали изъ госпиталя. Но поручикъ «не зналъ, гдѣ теперь находится штабъ», и поѣхалъ вмѣстѣ съ нами.

Хуньхепу было биткомъ набито обозами и артиллерійскими парками. Всѣ фанзы были переполнены. Мы пріютились въ убогомъ глиняномъ сарайчикѣ. Пошли пить чай къ знакомымъ врачамъ стоявшаго въ Хуньхепу госпиталя.

Тамъ разсказывали, что отъ царя получена телеграмма, поздравляющая армію съ побѣдой.

— Какая же побѣда?

— Говорятъ, обходная армія разбита въ пухъ, мы переходимъ въ наступленіе.

— А сколько въ нашемъ корпусѣ потерь! Въ Х-вскомъ полку легло полторы тысячи человѣкъ. Z-скій полкъ уничтоженъ почти цѣликомъ, командиръ полка убитъ...

— Чортъ возьми, масленица наступаетъ!.. Вотъ такъ масленица!

— А вы слышали, господа? Японцы перебросили въ наши окопы записку, въ ней они 25-го февраля приглашаютъ русскихъ въ Мукденъ на блины.

— Вотъ нахалы!..

Пріѣхалъ въ Хуньхепу и султановскій госпиталь. Фанзъ для него тоже, конечно, не оказалось. Султановъ, какъ всегда въ походѣ, былъ раздражителенъ и неистово-золъ. Съ трудомъ нашелъ онъ себѣ на краю деревни грязную, вонючую фанзу. Первымъ дѣломъ велѣно было печникамъ-солдатамъ вмазать въ печь плиту и повару — готовить для Султанова обѣдъ. Новицкая оглядывала грязную, закоптѣлую фанзу, пахнувшую чеснокомъ и бобовымъ масломъ, и печально говорила:

— А въ Мозысани потолокъ и стѣны были у насъ оклеены розовыми обоями, на полу были цыновки...

Султановъ, желтый и сердитый, послалъ командиру корпуса телеграмму:

«Не нашелъ ни одной свободной фанзы; гдѣ прикажете помѣститься?»

Мнѣ представился нашъ корпусный, читающій приходящія телеграммы: въ такомъ-то полку легло полторы тысячи человѣкъ, такой-то полкъ уничтоженъ цѣликомъ, тамъ-то появились съ фланга японцы, — д-ръ Султановъ не можетъ себѣ найти удобнаго помѣщенія...

А поручику Шестову все никакъ не удавалось узнать, гдѣ находится штабъ дивизіи. Поэтому онъ снова легъ въ здѣшній госпиталь. Когда мы пили у врачей чай, онъ зашелъ къ

нимъ. Неожиданно увидѣвъ насъ, поручикъ напряженно нахмурился, молчаливо сѣлъ въ уголокъ и сталъ перелистывать истрепанный томъ «Нивы».

Пришелъ нашъ главный врачъ, хмурый и разстроенный.

— Получена новая телеграмма, — перейти мостъ черезъ рѣку Хуньхе и тамъ ждать дальнѣйшихъ приказаній.

— А какъ дѣла, не знаете?

— Что! Японцы прорвали центръ, Суятунь горитъ. Здѣсь велѣно заготовить керосину, чтобы при первомъ приказѣ зажечь всѣ склады. Контроль, казначейство и обозы второго разряда переводятся на сѣверъ...

Къ вечеру мы получили вторую телеграмму, — немедленно итти въ дер. Палинпу, къ востоку отъ Мукдена.

Мы выступили, когда солнце садилось. Вѣтеръ чуть вѣялъ, горизонтъ былъ мутный—отъ дыма? отъ пыли? Безконечные обозы столпились у узкаго, ветхаго и истоптаннаго понтоннаго моста черезъ р. Хуньхе. Мы томительно-долго ждали своей очереди.

Съ той стороны шла рота борисоглѣбцевъ.

— Откуда, братцы?

— Провожали мортиры въ Телинъ.

Наконецъ перешли мы мостъ, пошли ровнѣе. Стемнѣло, было тихо, звѣздно и очень холодно. Мы дошли до южныхъ воротъ Мукдена и повернули направо вдоль городской стѣны. Надъ обозомъ неподвижно стояла очень мелкая, густая пыль; она забивалась въ глаза, въ носъ, трудно было дышать. Становилось все холоднѣе, ноги въ стременахъ стыли.

— Да, «ночь повѣяла темной прохладой»!—вздохнулъ Селюковъ, ежась отъ холода.

Мы шли, шли... Никто изъ встрѣчныхъ не зналъ, гдѣ деревня Палинпу. На нашей картѣ ея тоже не было. Ломалась фура, мы останавливались, стояли, потомъ двигались дальше. Останавливались надъ провалившимся мостомъ, искали въ темнотѣ проѣзда по льду и двигались опять. Все больше охватывала усталость, кружилась голова. Свѣтлѣла въ темнотѣ ровно-сѣрая дорога, слѣва непрерывно тянулась высокая городская стѣна, за нею мелькали вершины деревьевъ, гребни изогнутыхъ крышъ, — тихіе, таинственно-чуждые въ своей особой отъ насъ жизни.

Стѣна осталась назади, пошли поля и рощи. Было ужъ очень поздно, царственно сіявшій Юпитеръ склонялся къ западу. Никто не зналъ, гдѣ Палинпу, и когда мы туда придемъ.

— Хорошо еще, что идемъ мы туда не обычное бездѣлье,—

мрачно философствовалъ Селюковъ. — А если бы мы тамъ были нужны?

Озябшій аптекарь, сильно подвыпивший, вылѣзъ изъ своей повозки. Въ полушубкѣ и папахѣ, онъ шагалъ по пыльной дорогѣ и заплетающимся языкомъ говорилъ:

— Пріятно этакъ ѣхать на холодѣ, когда знаешь, что впереди тебя ждетъ чаекъ, ужинъ, постель теплая... А такъ непріятно!

Палиппу мы не нашли и заночевали въ встрѣчной деревнѣ, биткомъ набитой войсками. Офицеры разсказывали, что дѣла наши очень хороши, что центръ вовсе не прорванъ; обходная армія Ноги съ огромными потерями отброшена назадъ; почта, контроль и казначейство переводятся обратно на Хуньхепу.

Утромъ оказалось, что мы находимся всего въ полуверстѣ отъ Палиппу. Мы перешли туда.

Медленно тянулся день за днемъ. Съ свернутыми шатрами и упакованнымъ въ повозки перевязочнымъ матеріаломъ, мы безъ дѣла стояли въ Палиппу. Въ голубой дымкѣ рисовались стѣны и башни Мукдена, невдалекѣ высилась большая, прекрасная кумирня. Деревни вокругъ города стояли еще цѣлыя, рощи не были порублены. Но теперь опять фанзы постепенно разграблялись и разрушались, вѣковыя деревья падали подъ русскими топорами. Опять китайцы съ вѣжливыми, сдержанными лицами пытались жаловаться офицерамъ на «ломайло» (грабежъ) солдатъ, а офицеры равнодушно отвѣчали:

— Пу-тунда (не понимаю)!

— Путунде? — предупредительно переспрашивали китайцы и, улыбаясь, кивали головами.

Пушки гремѣли за Мукденомъ и отъ̀туда широкимъ полукругомъ къ югу, загибаясь за нами на востокъ. Мимо насъ непрерывною вереницею тянулись на сѣверъ обозы. Къ намъ подъѣзжали конные солдаты-ординарцы.

— Ваше благородіе, какъ тутъ проѣхать въ Сандіазу?

— Не знаю. Она въ какихъ мѣстахъ?

— Не могу знать. Велѣно только поскорѣе донесеніе доставить въ Сандіазу...

И солдатъ ѣхалъ дальше.

Мимо насъ проходили на сѣверъ госпитали. Другіе, подобно нашему, стояли свернутыми по окрестнымъ деревнямъ и тоже не работали. А шелъ ужасающій бой, каждый день давалъ тысячи раненыхъ. Завидѣвъ флагъ госпиталя, къ намъ подъѣзжали повозки съ будочками, украшенными краснымъ крестомъ.

— Ваше благородіе, тутъ у васъ госпиталь? Раненыхъ мы привезли.

— Не принимаемъ. Госпиталь свернутъ.

— Ну, что жъ намъ дѣлать? Ах-хъ ты, Боже мой!.. Съ утра ѣздимъ, нигдѣ не можемъ сдать.

— А вы откуда?

— Изъ Суятуня выѣхали...

Изъ Суятуня! Это двадцать верстъ!.. Изъ будочекъ неслись стоны и оханья. Транспортъ, потряхивая изувѣченныхъ людей, вяло двигался дальше искать пристанища.

Какъ-то прошелъ мимо насъ и транспортъ носилокъ на мулахъ. Спереди и сзади въ бамбуковыя ручки носилокъ было впряжено по мулу, а на носилкахъ подъ парусиновыми будочками лежали раненые. Идея прекрасная: мулы идутъ, бойко и ровно перебирая тонкими ногами, носилки плавно колышутся, какъ лодочка на лѣнивыхъ волнахъ. Идея прекрасная. Но на моихъ глазахъ пара муловъ заартачилась, стала биться, сломала ручку носилокъ и вывалила на землю солдата съ раздробленнымъ пулею колѣннымъ суставомъ. Солдаты-погонщики разсказывали, что мулы совсѣмъ не съѣзжены, изъ двухсотъ муловъ только десятокъ паръ «идутъ ладно», а остальные то и дѣло артачатся, ломаютъ и опрокидываютъ носилки. Къ тому же погонщики наши совсѣмъ не умѣли управлять мулами, привыкшими къ китайскимъ понуканіямъ; погонщики постоянно путали эти понуканія, командовали «вправо», когда хотѣли повернуть влѣво. Въ довершеніе всего, по курьезной ироніи генія языка, китайское «тпру» или «тпруе» обозначаетъ какъ разъ обратное тому, что у насъ: наше «но!». По забывчивости, погонщики кричали: «Тпру!.. Стой, дьяволъ!.. Тпру!..» А мулы добросовѣстно пускались вскачь.

Заходили къ намъ въ фанзу продрогшіе офицеры, просили обогрѣться, пили чай.

— Какъ дѣла?

— Плохи! Всѣ наши чудно укрѣпленныя позиціи приказано бросить и отойти за Хуньхе.

— Но, скажите, — какъ все это случилось? Вѣдь войскъ у насъ больше, чѣмъ у японцевъ.

— Больше!—задумчиво отзывался казачій есаулъ.—Больше. И артиллерія теперь лучше.

— Пѣхота наша стрѣляетъ куда мѣтче японской. Японцы только тѣмъ берутъ, что не жалѣютъ патроновъ.

— Да... О кавалеріи ужъ и говорить нечего.

— А насъ все-таки бьютъ...

— Почему?

— Да, почему?..

Мимо все шли и шли обозы, шли теперь также пѣхотныя колонны. Кольцо пушечной канонады загибалось вокругъ насъ все круче. Молодой китаецъ изъ сосѣдней фанзы, съ наглымъ и продувнымъ лицомъ подгороднаго жителя, вспоминалъ китайско-японскую войну и разсказывалъ намъ, что въ то время китайскія войска бѣжали передъ японцами совсѣмъ такъ же, какъ теперь — русскія.

— Цитайска солдата, русска солдата—игаянъ (одинаково). Ибенъ (японецъ)—пафъ! пафъ! Цитайска солдата бѣги-бѣги, русска солдата бѣги-бѣги! Тхунъ-тхунъ игаянъ (совсѣмъ все равно)!

И онъ развязно хлопалъ насъ по плечу, закатывался хохотомъ и указывалъ на отступавшія колонны. У жернова старикъ-китаецъ заботливо подбиралъ съ земли въ совочекъ сорный каолянъ, просыпанный при кормежкѣ нашими лошадьми. Я случайно взглянулъ на старика: онъ держалъ въ рукѣ совочекъ и черезъ глиняный заборъ неподвижно смотрѣлъ на двигавшіяся въ пыли войска. Морщинистое лицо китайца все исказилось отъ ѣдкой ненависти и злораднаго торжества. Но онъ замѣтилъ, что я смотрю на него,—и сразу лицо его стало безстрастнымъ, ничего не выражающимъ.

А обозы и войска все двигались мимо. Гдѣ штабъ нашего корпуса, никто не зналъ. Подъѣзжали къ намъ казаки-забайкальцы, подъѣзжали саперы почтово-телеграфной роты, ординарцы,—всѣ спрашивали, гдѣ штабъ корпуса.

— Не знаемъ! Сами очень этимъ интересуемся.

Мы были въ недоумѣніи,—уходить ли намъ или ждать приказаній. Можетъ-быть, объ насъ просто забыли, а можетъ-быть, и нѣтъ никакой нужды уходить. Воротился ѣздившій въ Мукденъ каптенармусъ и сообщилъ, что на вокзалѣ сняты всѣ почтовые ящики, телеграммъ не принимаютъ; на платформѣ лежатъ груды прибывшихъ изъ Россіи частныхъ посылокъ, ихъ раздаютъ желающимъ направо и налѣво: «все равно, сейчасъ все будемъ жечь».

На югѣ поднимались густые клубы дыма отъ подожженныхъ нами складовъ на Фушунской вѣткѣ. Пушки гремѣли. Прошелъ мимо Каспійскій полкъ. Прошли, шатаясь, два пьяныхъ, исхудалыхъ солдата, съ глазами, красными отъ водки, пыли и усталости.

— Ваше благородіе, куда тутъ Петровскій полкъ прошелъ?— спрашивали они неслушающимися языками.

— Не знаю... Гдѣ это вы выпили?

— Мимо складовъ шли, черезъ вѣтку. Все раздаютъ

сколько хочешь, бери, — спиртъ, коньякъ, сахаръ... Одежу всякую...

Прошли обозы 19-го и 20-го восточно-сибирскихъ полковъ. Обозы сопровождалъ офицеръ. Мы спросили его, въ какомъ положеніи дѣла.

— Сзади только наши два полка, больше никого нѣтъ. За ними японцы. Вашъ госпиталь зачѣмъ здѣсь?

— Мы не получали приказа двигаться.

— Я бы вамъ совѣтовалъ сняться и уйти. А то съ нами подъ Ляояномъ было: замѣшкались госпитали, нашимъ полкамъ пришлось ихъ прикрывать, изъ-за этого мы массу понесли потерь.

— А скажите, пожалуйста,—правда, мы отдаемъ Мукденъ?

— Мукденъ?!—изумился офицеръ.—Что вы такое говорите! Нѣ-ѣтъ!.. Вѣдь армія только мѣняетъ фронтъ, больше ничего.

Насталъ вечеръ,—тихій, безвѣтреный. Солнце сѣло, западъ былъ красновато-мутный отъ пыли и дыма. Засвѣтился тонкій серпъ молодого мѣсяца, подъ нимъ зеленоватымъ свѣтомъ мерцала вечерняя звѣзда. Черные клубы пожарнаго дыма стали окрашиваться заревомъ. Въ сосѣдней деревнѣ, на берегу рѣки Хуньхе, стали восточно-сибирскіе стрѣлки 19-го и 20-го полковъ. Главный врачъ поѣхалъ туда посовѣтоваться, что намъ дѣлать. Начальникъ бригады, генералъ Путиловъ, предложилъ оставить у него одного нашего солдата; черезъ этого солдата онъ дастъ намъ знать, когда уходить.

Всю ночь на югѣ, надъ подожженными складами, колыхались огромные клубы огненнаго дыма. На западѣ вздымалось и быстро росло новое зарево. Въ рощѣ близъ сосѣдней деревни часто стучали въ темнотѣ топоры: стрѣлки готовили засѣки.

Назавтра, 24 февраля, съ ранняго утра кругомъ загремѣли пушки. Онѣ гремѣли близко и со всѣхъ сторонъ, было впечатлѣніе, что мы ужъ цѣликомъ охвачены однимъ огромнымъ, гремящимъ, огненнымъ кольцомъ. Въ сосѣдней деревнѣ тучами рвались шрапнели, ахали шимозы, трещали ружейныя пачки: японцы, подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ, переправлялись черезъ рѣку Хуньхе.

Всѣ кругомъ были заняты огромнымъ, важнымъ, смертно-серьезнымъ дѣломъ. А мы стояли — безъ дѣла, безъ цѣли, безъ смысла, какъ незванные гости, пришедшіе не во-время.

Въ одиннадцатомъ часу изъ сосѣдней деревни прибѣжалъ дежурившій тамъ нашъ солдатъ. Онъ принесъ намъ приказаніе генерала Путилова немедленно сняться и уходить на сѣверъ, къ Хоулину.

У насъ все было готово, лошади стояли въ хомутахъ. Черезъ четверть часа мы выѣхали. Поспѣшно подошла рота солдатъ и залегла за глиняныя ограды нашихъ дворовъ. Изъ сосѣдней деревни показались медленно отступавшіе стрѣлки. Надъ ними зарождались круглые комочки дыма; съ завивающимся трескомъ рвались въ воздухѣ шрапнели, казалось, стрѣлковъ гонитъ передъ собою злобная стая какихъ-то невиданыхъ воздушныхъ существъ.

Мы ѣхали на сѣверъ. Съ юга дулъ бѣшеный вѣтеръ, въ тускломъ воздухѣ метались тучи сѣро-желтой пыли, въ десяти шагахъ ничего не было видно. По краямъ дороги валялись издыхающіе волы, сломанныя повозки, брошенные полушубки и валенки. Отставшіе солдаты вяло брели по тропинкамъ или лежали на китайскихъ могилкахъ. Было удивительно, какъ много среди нихъ пьяныхъ.

Шагали по дорогѣ три солдата. Они были трезвы и изнурены.

— Какого полка?

— Иркутскаго.

— Гдѣ же вашъ полкъ?

— Не можемъ знать, ищемъ его.

Ихъ полкъ стоялъ около Ердагоуской сопки. Эти трое находились впереди окоповъ, въ секретѣ. Ночью полкъ отвели отъ позицій, а о нихъ забыли. Хватились они,—окопы пусты, войска ушли...

Обозовъ на дорогѣ скоплялось все больше, то и дѣло приходилось останавливаться. Наискосокъ по грядамъ поля шелъ навстрѣчу батальонъ пѣхоты. Верховой офицеръ хриплымъ, озлобленнымъ голосомъ кричалъ встрѣчному офицеру:

— Александръ Петровичъ, гдѣ полковникъ Пановъ?

— Не знаю, я его два дня не видалъ.

— Чортъ ихъ всѣхъ удави! Это не порядокъ у насъ, а б—къ какой-то!.. Куда батальонъ вести?

Какъ будто въ самомъ воздухѣ начинала чувствоваться безпомощная, недоумѣвающая растерянность. Видно было, никто кругомъ ничего не знаетъ и не понимаетъ. Обозы окончательно остановились. По поперечной дорогѣ непрерывною вереницею мчались къ западу орудія забайкальской казачьей батареи. Мелькали въ пыли черныя тонкодулыя пушки, морды лошадей, желтые околыши, бронзовыя, косоглазыя лица бурятовъ-ѣздовыхъ. Мы стояли. Межъ орудій проскочилъ на нашу сторону запыленный верховой офицеръ-ординарецъ. У него было молодое, измученное и растерянное лицо.

— Не знаете, гдѣ тутъ деревня Юншинпу?—торопливо спросилъ онъ насъ.

— Не знаемъ.

— Эй, ты, ходя (пріятель)! Гдѣ тутъ Юншинпу?—крикнулъ онъ проходившему китайцу.

Китаецъ, не поднимая головы, молча шелъ по дорогѣ. Офицеръ наскакалъ на него и бѣшено замахнулся нагайкою. Китаецъ что-то сталъ говорить, разводилъ руками. Офицеръ помчался въ сторону. Изъ-подъ копытъ его лошади вѣтеръ срывалъ гигантскіе клубы желтоватой пыли.

Вдругъ мчавшаяся батарея стала задерживаться. Казаки-буряты натягивали поводья, лошади заѣзжали въ сторону, орудія остановились. Громко ругаясь, проѣхалъ офицеръ-артиллеристъ.

— Опять велѣно назадъ повернуть! — обратился онъ къ намъ, незнакомымъ, и въ бѣшенствѣ разводилъ руками.— Повѣрите ли, съ утра все время только и дѣлаемъ, что мотаемся съ одного конца на другой: то къ Мукдену пошлютъ, то поворачиваютъ назадъ!..

И въ обратную сторону опять замелькали въ пыли орудія, и запрыгали темныя лица бурятовъ съ приплюснутыми носами.

Дорога очистилась, мы двинулись дальше. Шли, шли. Со всѣхъ сторонъ гремѣли пушки, сзади и справа трещалъ частый ружейный огонь.

Часамъ къ двумъ мы пришли въ Хоулинъ. Но останавливаться здѣсь нечего было и думать. Всѣ поспѣшно снимались и уходили на сѣверъ. На откосѣ горы, заросшей громадными кедрами и соснами, мы только сдѣлали привалъ на полчаса, чтобъ поѣсть. Съ дороги сквозь деревья мчались клубящіяся тучи пыли, пламя нашихъ костровъ пригибалось къ песку. Выше насъ, подъ соснами, трепыхали бѣлые флаги съ краснымъ крестомъ, тамъ работалъ перевязочный пунктъ Новочеркасскаго полка и какой-то дивизіонный лазаретъ. Окровавленные раненые шевелились, стонали, умирали. Увезти ихъ было не на чемъ, и они лежали рядами. За горою лихорадочно трещала ружейная стрѣльба, пули жужжали въ соснахъ. Съ вершины горы видны были перебѣгавшіе назадъ новочеркассцы, падали убитые и раненые, слѣдомъ наступали растянутыми цѣпями японцы.

Ѣхать, ѣхать!.. Какъ вѣчные жиды, бездѣльные, никому ненужные, мы двинулись дальше съ десятками повозокъ, нагруженныхъ ненужнымъ «казеннымъ имуществомъ». Выбросить вонъ всю эту кладь, наложить въ повозки изувѣченныхъ людей, на которыхъ сейчасъ посыплются шрапнели... Какъ можно! Придется отвѣчать за утерянное имущество. Ружейная пальба

становилась ближе, громче. Раненые волновались, поднимались на рукахъ, въ ужасѣ прислушивались...

И мы уѣхали.

Шла широкая китайская дорога, съ обѣихъ сторонъ заросшая кустами. Въ клубахъ пыли густо двигались обозы. На краю дороги, у трехъ фанзъ, толпился народъ; подъѣзжали и отъѣзжали повозки. Это былъ интендантскій складъ. Его не успѣли вывезти и прежде, чѣмъ зажечь, раздавали все направо и налѣво проходившимъ войскамъ. Подъѣхали нашъ главный врачъ со смотрителемъ, взяли ячменю, консервовъ.

— Хотите бочку спирта?—предложилъ интендантскій чиновникъ.

У Давыдова жадно загорѣлись глаза; онъ колебался. Но смотритель рѣшительно воспротивился: недостаетъ, чтобъ команда еще перепилась въ дорогѣ.

Нашъ обозъ двинулся дальше. Солдаты втихомолку озлобленно ругали смотрителя за отказъ отъ спирта.

А у огромной спиртовой бочки съ выбитымъ дномъ стоялъ интендантскій заурядъ-чиновникъ и черпакомъ наливалъ спирту всѣмъ желавшимъ.

— Бери, ребята, больше! Все равно, жечь!

Кругомъ толпились солдаты съ запыленными, измученными лицами. Они подставляли папахи, чиновникъ доверху наливалъ папаху спиртомъ, и солдатъ отходилъ, бережно держа ее за края. Тутъ же онъ припадалъ губами къ папахѣ, жадно, не отрываясь, пилъ, отряхивалъ папаху и весело шелъ дальше.

Все больше мы обгоняли шатающихся, безмѣрно-пьяныхъ солдатъ. Они теряли винтовки, горланили пѣсни, падали. Неподвижныя тѣла валялись у краевъ дороги въ кустахъ. Три артиллериста, размахивая руками, шли куда-то въ сторону по грядамъ съ срѣзаннымъ каоляномъ.

Но кто же были эти интендантскіе чиновники? Предатели, подкупленные японцами? Негодяи, желавшіе порадоваться на полный позоръ русской арміи? О, нѣтъ! Это были только добродушные россійскіе люди, они только не могли принять душою мысли,—какъ можно собственною рукою поджечь такую драгоцѣнную жидкость, какъ спиртъ?!. И во всѣ послѣдующіе дни, во все время тяжелаго отступленія, армія наша кишѣла пьяными. Какъ будто праздновался какой-то радостный всеобщій праздникъ. Разсказывали, что въ Мукденѣ и въ деревняхъ китайцы, подкупленные японскими эмиссарами, напаивали нашихъ измученныхъ боемъ отступавшихъ солдатъ дьявольскою китайскою сивухою—ханьшиномъ. Можетъ-быть, это и было. Но всѣ пьяные солдаты, которыхъ я разспрашивалъ,

сообщали, что они получили водку, спиртъ или коньякъ изъ разнаго рода русскихъ складовъ, обреченныхъ на сожженіе. Зачѣмъ было японцамъ тратиться на китайцевъ! У нихъ былъ болѣе страшный для насъ, болѣе вѣрный и безкорыстный союзникъ. Это—тотъ самый черный союзникъ, съ которымъ тщетно боролся главнокомандующій своими бумажками; союзникъ, неуловимо перерывавшій наши телеграфныя и телефонныя сообщенія, разворачивавшій самые нужные участки нашего желѣзнодорожнаго пути и систематически сѣявшій неистовую къ намъ ненависть среди смирныхъ мѣстныхъ жителей.

Мы шли по песчанымъ, лѣсистымъ холмамъ до наступленія темноты. Грохотъ пушекъ чуть доносился теперь изъ глухой дали.

У дороги, въ лѣсу, стоялъ на горкѣ богатый китайскій хуторъ, обнесенный каменною стѣною. Мы остановились въ немъ на ночевку. Всѣ фанзы были уже биткомъ набиты офицерами и солдатами. Намъ пришлось помѣститься въ холодномъ сараѣ съ сорванными дверями.

Знакомыя лица—осунувшіяся, зеленовато-сѣрыя отъ пыли—казались новыми и чуждыми. Плечи вяло свисали, не хотѣлось шевелиться. Воды не было,—не было не только, чтобы умыться, но даже для чаю: весь ручей вычерпали до дна раньше пришедшія части. Съ большимъ трудомъ мы добыли четверть ведра какой-то жидкой грязи, вскипятили ее и, засыпавъ чаемъ, выпили. Подошли два знакомыхъ офицера.

— Какъ дѣла?

Они безнадежно махнули рукою:

— Вездѣ войска бѣгутъ, японцы напираютъ отовсюду... Сегодня заняли Мукденъ...

— Сегодня... Позвольте, вѣдь сегодня—24-е февраля!..— воскликнулъ я.

Мы переглянулись, пораженные: еще недѣлю назадъ японцы приглашали русскихъ на 25-е февраля къ себѣ въ Мукденъ «на блины»... Конечно, это было только случайное совпаденіе, но какой-то суевѣрный трепетъ пробѣжалъ по душѣ.

Быстро вошелъ помощникъ смотрителя Брукъ, держа надъ головою бѣлый листокъ.

— Господа! Сегодняшній номеръ «Вѣстника Маньчжурскихъ Арміи»!

Мы жадно схватились за листокъ...

Вотъ, онъ и теперь лежитъ передо мною,—я сохранилъ его,—этотъ историческій листокъ, вышедшій изъ-подъ типографскаго станка во время всеобщаго бѣгства русской арміи. Номеръ отъ 24 февраля 1905 г. (№ 201—202).

Сегодня были отбиты атаки японцевъ на Нюсинтунь, причемъ наши войска сами перешли въ наступленіе... На Саньтайцзы было отбито пять атакъ... Потери непріятеля очень велики, и сегодня къ вечеру онъ замѣтно подался назадъ... Сегодня утромъ выбита послѣдняя партія японцевъ изъ дер. Юнхуантунь. Командиръ корпуса именемъ Главнокомандующаго благодарилъ войска... По наблюденію нашего охотника, японскіе обозы отступаютъ на югъ... Войска бодры, готовятъ чай (!), ожидая атаку. Японцы, разстрѣливаемые почти въ упоръ, отступили... Съ утра идетъ упорный бой на позиціяхъ въ окрестностяхъ Фанцзятуня. На этомъ участкѣ и въ резервахъ боевыхъ позицій играетъ музыка нѣкоторыхъ нашихъ полковыхъ оркестровъ... Настроеніе войскъ—спокойное, веселое...

Слѣдующій номеръ «Вѣстника» уже не вышелъ,—типографія была брошена, и редакторамъ пришлось спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ. Но до послѣдней минуты, до послѣдняго номера они твердили, что все у насъ идетъ великолѣпно, и ни словомъ не обмолвились о томъ, что наши позиціи уже отданы японцамъ, что склады подожжены, и Мукденъ бросается...

Лучше же всего окончаніе номера. Виньетка, а за нею, съ буквальною точностью, слѣдуетъ:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы;—
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Эти стихи, въ переводѣ великаго русскаго писателя-поэта, поручика Тенгинскаго пѣхотнаго полка Михаила Юрьевича Лермонтова, убитаго въ 1841 году, участника сраженій,—человѣка воинской доблести, съ истинно-русскою душой.

Точка... Все... Что это? Къ чему? Въ чемъ смыслъ?

Всѣ хохотали. А назавтра, во время отступленія, повсюду уже повторялось стихотвореніе, въ pendant къ вышеприведенному импровизированное однимъ молодымъ казакомъ-хорунжимъ:

Тихо на дорогѣ
Сладкимъ сномъ все спитъ,
Только грозный Ноги
На Харбинъ спѣшитъ.
Насъ уже немножко,
Всѣ бѣгутъ въ кусты...
Подожди, япошка!
Отдохни жъ и ты!

Всю ночь мы промерзли въ холодномъ сараѣ. Я совсѣмъ почти не спалъ отъ холода, забывался только на нѣсколько минутъ. Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, всѣ поднялись и стали

собираться. На хуторѣ набилась масса обозовъ. Чтобъ при выѣздѣ не было толкотни, старшій по чину офицеръ распредѣлилъ порядокъ выступленія частей. Нашъ обозъ былъ назначенъ въ самый конецъ очереди.

Въ сѣрыхъ сумеркахъ повозка за повозкою выѣзжали на дорогу. До насъ было еще далеко. Мы напились чаю и зашли съ Шанцеромъ въ фанзу, гдѣ спали офицеры. Она была уже пуста. Мы присѣли на кханъ (лежанку). Постланныя на немъ золотистыя цыновки были теплы, и тепло было въ фанзѣ. Я прилегъ на цыновку, положилъ подъ голову папаху; мысли въ головѣ замѣшались и медленно стали опускаться въ теплую, мягкую мглу.

Шанцеръ будилъ меня. Я отвѣтилъ, что посплю, пока придетъ время ѣхать, пусть онъ тогда прилетъ за мною. Черезъ полчаса я проснулся, — освѣжившійся, бодрый. Вышелъ на дворъ. За раскидистыми соснами пылала красная заря, было совсѣмъ свѣтло. По пустыннымъ дворамъ хутора тихо и неслышно ходилъ старый китаецъ-хозяинъ.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!—услышалъ я задыхающійся отъ волненія голосъ моего деньщика.

Я откликнулся. Онъ подбѣжалъ.

— Идите скорѣе, всѣ уѣзжаютъ!.. Сзади японская кавалерія напала..

Мы побѣжали за хуторъ, гдѣ ночевалъ нашъ обозъ. Въ воздухѣ стояла близкая и частая ружейная трескотня. Привыкшій къ ней, я раньше совсѣмъ не обратилъ на нее вниманія... Что такое? Какъ тутъ успѣли появиться японцы?

Наши повозки одна за другою быстро выкатывались на дорогу. Шанцеръ и главный врачъ верхомъ стояли на вершинѣ горки и смотрѣли. Я сѣлъ на лошадь и подскакалъ къ нимъ. Только-что поднявшееся солнце косыми лучами освѣщало желтовато-сѣрую равнину, по ней мчались всадники чуждаго вида, съ желтыми околышами фуражекъ; они мчались наперерѣзъ дороги, по которой мы вчера подъѣхали къ хутору. На дорогѣ видны были сквозь пыль русскіе обозы; солдаты съ безумными лицами нахлестывали лошадей. За горою трещали частые ружейные выстрѣлы и бухали пушки.

Мы повернули и поскакали слѣдомъ за нашимъ обозомъ. Дорога шла вдоль подножія горы, заросшей густымъ лѣсомъ. Надъ деревьями зародился бѣловатый комочекъ дыма, и донесся звукъ разорвавшейся шрапнели. Другой, третій дымки,— и шрапнели ровно и часто пошли лопаться надъ лѣсомъ.

По дорогѣ бѣшено мчались обозы, пѣшіе солдаты бѣжали кустами. На дворъ придорожной фанзы сустились блѣдные

пѣхотинцы, дрожащими руками поспѣшно надѣвали вещевые мѣшки и прицѣпляли котелки. Изъ фанзы вышелъ офицеръ съ фуражкою на затылкѣ.

— Это что такое!..—грозно крикнулъ онъ на своихъ солдатъ.

— Вотъ, ваше благородіе... Всѣ уѣзжаютъ...

— Уѣзжаютъ?.. Пусть уѣзжаютъ! А мы будемъ драться... Смирно!

Обозы мчались. На дорогѣ было тѣсно, часть повозокъ свернула въ сторону и скакала прямо по полю, черезъ грядки. Изъ лѣсу вылетѣлъ на нашу дорогу артиллерійскій паркъ. Двойные зеленые ящики были запряжены каждый въ три пары лошадей, ѣздовые яростно хлестали лошадей по взмылившимся бокамъ. Ящики мчались, гремя огромными коваными колесами. Артиллеристы скакали, какъ будто передъ ними была пустая дорога, а она вся была полна обозами.

— Стойте вы, дьявслы! Куда прете?—озлобленно кричали на артиллеристовъ.

Но тѣ мчались, опрокидывая повозки. Надъ крутившимися обозами пронесся отчаянный крикъ и вдругъ оборвался: дышло зарядпаго ящика на всемъ скаку ударило въ голову солдата, поддерживавшаго на косогорѣ свою повозку, онъ съ расколотымъ черепомъ повалился подъ кованыя колеса. Паркъ промчался дальше.

То тамъ, то здѣсь опрокидывалась повозка. Солдаты обрубали постромки, садились на лошадей и скакали прочь. Глаза на блѣдныхъ лицахъ были огромные, безумные, невидящіе.

А справа отъ насъ, по широкой отлогой лощинѣ, навстрѣчу лопавшимся шрапнелямъ шла въ контръ-атаку разсыпанная цѣпь. Косые лучи утренняго солнца скользили по лощинѣ, солдаты шли въ вывернутыхъ наизнанку папахахъ, съ винтовками въ рукахъ, съ строгими, серьезными лицами. Сзади, изъ канавы, выглядывали штыки резервовъ.

Значитъ, есть защитники! И у всѣхъ стало легче на душѣ. Паника утихала. Обозы спѣшили, но безуміе исчезло съ лицъ, глаза становились человѣческими. Дорога повернула направо, прошла сквозь большую китайскую деревню. Лѣсистыя горы, трещавшія выстрѣлами, остались назади.

Вдругъ остановка. Наѣзжавшіе сзади обозы одинъ за другимъ остановились. Что такое?

Мы проѣхали впередъ. Прямо поперекъ дороги стояла артиллерія.

— Нельзя ли вамъ немножко отъѣхать въ сторону, чтобъ пройти обозамъ?—просили обозные офицеры.

Артиллерійскій подполковникъ равнодушно и высокомѣрно оглядывалъ ихъ.

— Не могу. Жду приказа.

Съ десять минутъ всѣ стояли. За орудіями тянулась пустынная дорога.

— А вы слышали? Обозы, которые шли за нами, всѣ перехвачены японцами.

Опять по обозамъ пронеслось что-то нервное. Артиллеристы стояли неподвижно и молчаливо-насмѣшливыми глазами смотрѣли на волновавшіеся обозы. Наконецъ подполковникъ что-то скомандовалъ. Батарея взъѣхала на горку и стала устанавливать орудія. Обозы двинулись.

Орудія постояли на горкѣ,—вдругъ видимъ, ихъ снова прицѣпили къ передкамъ, батарея спустилась съ горки и влилась въ гущу обозовъ.

— Повоевали! Будетъ!—смѣялись обозные.

Вдали надъ полями тянулась съ юга на сѣверъ густая сѣро-желтая полоса пыли, уходившая подъ небо. Это была Мандаринская дорога, сплошь запруженная отступавшими.

VIII.

НА МАНДАРИНСКОЙ ДОРОГѢ.

По широкой дорогѣ сплошнымъ потокомъ медленно двигались обозы. Повозки, арбы, орудія и зарядные ящики, какъ льдины во время ледохода, тѣснились, жали другъ друга, медленно останавливались и медленно двигались дальше. Клубилась ѣдкая сѣро-желтая пыль, слышались хриплые крики и ругательства.

Нашъ обозъ стоялъ на краю дороги, но въѣхать на дорогу не могъ. Повозки непрерывно двигались одна за другою, заняя спѣшила не отстать отъ передней, чтобъ не дать намъ врѣзаться.

— Эй, придержи лошадей! — грозно-начальническимъ голосомъ крикнулъ нашъ смотритель обозному солдату.

Солдатъ взглянулъ, засмѣялся и хлестнулъ лошадь. Повозка прокатилась, слѣдомъ за нею все катились новыя повозки, спѣшили и ревниво жались другъ къ другу. Но одна зазѣвалась и отстала на аршинъ отъ передней. Кучеръ нашей первой повозки встрепенулся, яростно ударилъ по лошадямъ и вкатился на дорогу. Его кнутъ со свистомъ захлесталъ по

мордамъ насѣдавшихъ сзади лошадей. Наши повозки одна за другою быстро вкатывались на дорогу, кучера-солдаты съ злыми и торжествующими лицами хлестали кнутами морды подгоняемыхъ наперерѣзъ, встававшихъ на дыбы чужихъ лошадей. Всѣ кричали, ругались.

И повсюду слышны были крики и ругательства.

Былъ ясный, теплый, слегка вѣтреный день. Въ стороны тянулись сѣро-желтыя поля съ грядами. Обозы въ десять-двадцать рядовъ медленно двигались по дорогѣ. По тропинкамъ вдоль края дороги брели безпорядочныя толпы строевыхъ солдатъ, ѣхали верховые офицеры, казаки, обозные солдаты на лошадяхъ съ обрубленными постромками. Въ гущѣ повозокъ нашъ обозъ постепенно разрывался, онъ шелъ теперь уже въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Было удивительно, какъ легко онъ и всѣ кругомъ терялись изъ виду. На минуту заговоришься съ кѣмъ-нибудь, оглянешься, — и нѣтъ ужъ знакомыхъ повозокъ. Тянутся на шестерочныхъ фурахъ гигантскіе черные понтоны, трясутся китайскія арбы съ флагами Краснаго Креста... Скачешь впередъ, скачешь назадъ,—нигдѣ ни одного знакомаго лица, ни одной знакомой повозки. Ѣдешь одинъ, бросивъ надежду кого-нибудь отыскать, — вдругъ совсѣмъ рядомъ замѣчаешь повозку своего госпиталя, вдругъ окликаетъ чей-нибудь знакомый голосъ.

Потокъ обозовъ, окутанный пылью, медленно двигался, останавливался, стоялъ, опять начиналъ двигаться. Въ узкихъ мѣстахъ дороги — у въѣздовъ въ деревни, у мостовъ — шумѣла и крутилась свалка. Десять рядовъ повозокъ не могли проѣхать заразъ, и онѣ мчались, старались перерѣзать другъ другу путь, сталкивались, мѣшали другъ другу. Въ пыли мелькали красныя, озвѣрѣлыя лица, слышался звукъ затрещинъ, свистъ кнутовъ, хриплыя ругательства. Какъ всегда, начальство, такое надоѣдливое тамъ, гдѣ оно не нужно, здѣсь отсутствовало; никто властный не распоряжался, повозки бились и загораживали путь въ безсмысленной свалкѣ. Сзади насѣдали другіе обозы, получался огромный заторъ, и весь потокъ до самаго горизонта останавливался.

Съ боковыхъ дорогъ на Мандаринскую дорогу вливались все новые обозы. Назади широкимъ полукольцомъ гремѣли пушки, перекатывалась ружейная трескотня. По каоляновымъ грядкамъ шелъ къ дорогѣ сибирскій стрѣлокъ съ окровавленной повязкой на рукѣ.

— Изъ боя сейчасъ?

— Такъ точно!

— Ну, что японцы?

Онъ махнулъ рукою:

— Такъ и прутъ!.. Безъ числа!..

Проѣхала крытая парусиною двуколка, въ ней лежалъ раненый офицеръ. Его лицо сплошь было завязано бинтами, только чернѣло отверстіе для рта; повязка промолкла, она была, какъ кроваво-красная маска, и изъ нея сочилась кровь. Рядомъ сидѣлъ другой раненый офицеръ, блѣдный отъ потери крови. Грустный и слабый, онъ поддерживалъ на колѣняхъ кровавую голову товарища. Двуколка тряслась и колыхалась, кровавая голова моталась безсильно, какъ мертвая.

Среди пыли, въ грудѣ двигавшихся обозовъ, мелькнуло знакомое женское лицо. Безмѣрно-измученное, блѣдное, съ черными кругами вокругъ глазъ. Я узналъ сестру Каменеву, жену артиллерійскаго офицера. Каменева ѣхала въ своемъ шарабанѣ одна, безъ кучера. Она сидѣла бокомъ, а на днѣ шарабана лежало что-то большое, угловатое, прикрытое клеенкою.

Я пробрался межъ повозокъ къ Каменевой, поздоровался.

— Вы однѣ?

— Одна. — Она отвѣтила голосомъ какъ будто изъ другого міра. Глаза смотрѣли неподвижно, — огромные, темные, средь темныхъ круговъ.—Вы знаете, я заказала въ Мукденѣ гробъ, я хотѣла сдать его на поѣздъ, отвезти въ Россію... Гробъ не поспѣлъ, такъ на поѣздъ не приняли... Не приняли... Станцію уже бросали...

Вдругъ я понялъ: то большое и угловатое, что лежало подъ клеенкою на днѣ шарабана, было трупъ ея мужа. Сквозь вѣтерокъ отъ шарабана прорывался удушливый запахъ гніющаго мяса.

— Варвара Ѳедоровна! Ну, что ужъ теперь дѣлать! Похороните тѣло здѣсь, я вамъ это устрою... Гдѣ вамъ его съ собою везти!

Она съ чуждымъ удивленіемъ взглянула на меня.

— Нѣтъ, я его довезу... Если тутъ брошу, все равно съ ума сойду...

— Ваше благородіе! Господинъ докторъ! — крикнулъ съ той стороны дороги солдатъ, различившій сквозь пыль мою бѣлую перевязь съ краснымъ крестомъ. Онъ махалъ мнѣ рукою и подзывалъ къ себѣ.

Я пробрался сквозь потокъ обозовъ. На откосѣ дороги лежалъ солдатъ съ мутными глазами и блѣднымъ, скорбнымъ лицомъ. Возлѣ него стоялъ другой солдатъ съ повязкою на головѣ.

— Господинъ докторъ! Окажите ему какую помощь! Что

же это за безобразіе! Человѣкъ пулею въ животъ раненъ, а его никто и подобрать не хочетъ... Околѣвай, какъ собака!

Я слѣзъ съ лошади, осмотрѣлъ раненаго. Прострѣленный животъ былъ покрытъ повязкою, пульсъ едва прощупывался.

— Вонъ сколько повозокъ ѣдетъ,—до верху гружены! Ишь, цѣлый возъ съ валенками... А его тутъ бросить?.. Валенки дороже человѣка!

Что было дѣлать? Мы останавливали повозки, просили скинуть часть груза и принять раненаго. Кучера-солдаты отвѣчали: «не смѣемъ», начальники обозовъ, офицеры, отвѣчали: «не имѣемъ права». Они соглашались положить раненаго поверхъ груза, но раненый такъ здѣсь и очутился: съ раною въ животѣ лежалъ на верхушкѣ воза, цѣпляясь за веревки,— обезсилѣлъ и свалился.

И ѣхали мимо повозки. И проѣзжали люди съ виноватыми лицами, стараясь не смотрѣть на лежащаго человѣка. Вспомнилось, какъ всѣ жадно справлялись, — защищаетъ ли насъ кто сзади, есть ли за нами прикрытіе? Тамъ бились люди, спасая насъ, тоже вотъ и этотъ умиравшій. Теперь, ненужный, онъ валялся въ пыли на откосѣ, и всѣ старались поскорѣе проѣхать мимо, чтобъ не обжогъ ихъ скорбный упрекъ, глядѣвшій изъ мутившихся глазъ.

У меня было въ карманѣ нѣсколько порошковъ опія. Я далъ раненому порошокъ, влилъ ему въ ротъ изъ фляги коньяку. Что еще можно было сдѣлать?..

Тихонько, какъ воръ, я сѣлъ на свою лошадь и поѣхалъ дальше.

Валялась опрокинутая двуколка, нагруженная винтовками. Валялись мѣшки съ овсомъ и рисомъ. Издыхающія лошади широко вздували огромные животы, ерзая по землѣ вытянутыми мордами. Брели безпорядочныя толпы пѣхотинцевъ съ вяло болтающимися на плечахъ винтовками, ѣхали казаки. Въ сверкавшей подъ солнцемъ дали, какъ глухіе раскаты грома, непрерывно гремѣли пушки.

Подъѣхалъ знакомый драгунскій офицеръ.

— Ну, что, ротмистръ, какъ тамъ дѣла?

— Что! Полный разгромъ, полный! Наши бѣгутъ, какъ зайцы! Появится на горѣ кучка японцевъ, и цѣлый полкъ удираетъ...

Ѣхали мимо молодцеватые казаки, съ лихо заломленными набекрень шапками, — смѣшно было смотрѣть на эту молодцеватость. Стыдно было смотрѣть на сверкающіе въ пыли штыки пѣхоты, такіе теперь негрозные и жалкіе. И жалкими,

никому никогда нестрашными казались вяло бредущіе, мѣшковатые солдаты.

Съ пыльныхъ лицъ смотрѣли сконфуженные, недоумѣвающіе глаза.

— Ваше благородіе! Правда, противъ насъ пять державъ воюетъ?

Я вздохнулъ:

— Нѣтъ! Всего одна единственная!

— Ни-какъ нѣтъ! Пять державъ! Вѣрно знаемъ. Откуда у одной столько войсковъ? Прутъ отовсюду безъ числа... Пять державъ, вѣрно!

— Какія же пять?

— Японія, значитъ. Китай... Америка... Англія... Потомъ эта, какъ ее?.. За нашимъ лѣвымъ флангомъ какая земля лежитъ, эта.

— Корея?

— Такъ точно! Пять державъ...

У спуска къ мосту тѣснились обозы. Артиллерійскій паркъ расталкивалъ вокругъ себя повозки, колеса повозокъ трещали. Ѣздовые-артиллеристы горячили лошадей, готовые ринуться наперерѣзъ.

— Земляки, потише! Задавите!—крикнулъ обозный солдатъ.

— Дави!! — гаркнулъ артиллеристъ, сидѣвшій на козлахъ зарядного ящика.

Къ нему подскакалъ пѣхотный подполковникъ.

— Ах-хъ ты, с-сукинъ сынъ! Ты что тутъ командуешь?.. Стоять на мѣстѣ! Куда прете?

Глаза артиллериста блеснули зловѣще и нагло.

— «Куда»! Туда жъ, куда и вы!

Грозные огоньки вспыхнули въ глазахъ подполковника. Но что-то еще болѣе грозное и страшное мелькнуло на лицѣ солдата. И я вдругъ почувствовалъ,—теперь стало возможнымъ и легкимъ то, что еще пару сутокъ назадъ было бы трудно даже вообразить. Почувствовалъ это и подполковникъ.

— Вали, ребята! Не зѣвай!

Ѣздовые ударили по лошадямъ, и паркъ врѣзался въ обозы. Свистѣли кнуты, зарядные ящики одинъ за другимъ вкатывались на мость. Подполковникъ, блѣдный отъ гнѣва, молча смотрѣлъ вслѣдъ.

Все дальше, медленно и судорожно ползъ впередъ безконечный потокъ обозовъ. На краю дороги сидѣлъ усталый солдатъ-музыкантъ съ огромною, блестящею трубою черезъ плечо. Ковыляла на поводу шершавая, бѣлая китайская лошаденка; у нея была вывихнута задняя нога. Лошаденка,

горбя спину, жалко прыгала бокомъ на трехъ ногахъ. Спереди ее тянулъ за узду одинъ солдатъ, сзади ѣхалъ другой и подгонялъ хворостиною. Лошаденка мало отзывалась на удары, поэтому солдатъ норовилъ попасть ей по больному мѣсту ноги. Тогда, еще больше сгорбивъ спину, лошаденка начинала быстро прыгать.

— Чего вы ее не бросите?—сказалъ я солдату.

— Рады бы бросить. Вотъ ужъ какъ намучились съ нею!.. Приказано вести.

Опять терялись изъ виду повозки и люди, опять неожиданно находились. И всѣ, кого за эти полгода я встрѣчалъ въ Маньчжуріи, всѣ были здѣсь. Какъ будто тянулся какой-то безконечный Невскій проспектъ съ огромно-незнакомою толпою, изъ которой каждую минуту выныривали знакомыя лица.

Подъѣхали два саперныхъ офицера нашего корпуса. Молодой поручикъ злорадно смѣялся и весело потиралъ руки.

— Вы слышали? Весь обозъ нашего корпуснаго командира попалъ въ руки японцамъ!—сообщилъ онъ.—Охъ, и радъ же я! Самъ, подлецъ, удралъ, никого объ отступленіи не извѣстилъ. Мы изъ-за него весь свой обозъ потеряли. Вотъ, только что на насъ, то и осталось!

— И васъ не извѣстили?—засмѣялся я.—Мы тоже ушли безъ извѣщенія.

— Да это еще что!.. А что вчера было! Казакъ привезъ донесеніе, что въ Фулинѣ японцы. Корпусный засмѣялся,—«вздоръ!»—и велѣлъ намъ проводить въ Фулинъ телеграфъ. Тамъ стоялъ штабъ нашей арміи. Пошли мы съ нашей телеграфной ротой. Пальба адская. Посылаетъ меня командиръ роты къ корпусному, докладываю, что въ Фулинѣ японцы, что въ насъ оттуда стрѣляютъ. Корпусный выслушалъ.—«Стрѣляютъ?—и ядовито смотритъ на меня.—На то, поручикъ, и война, чтобъ стрѣляли! Ступайте и проводите телеграфъ!» Проводимъ. Кругомъ обжариваютъ шрапнелью. Ѣдетъ какой-то эсаулъ съ казаками. «Вы, говоритъ, чего здѣсь? Уходите скорѣй, японцы идутъ!» Помчался я въ штабъ,—тамъ ужъ развороченный муравейникъ, всѣ садятся на лошадей. Я къ начальнику штаба: «что прикажете дѣлать съ кабелемъ, снять его?»—«Не знаю, не знаю, какъ хотите! Только совѣтую вамъ поскорѣе уходить!»—«Не можете ли вы дать намъ прикрытіе?»—«Нѣтъ, нѣтъ, ничего не могу! Управляйтесь, какъ знаете!.. До свиданія!» И поскакали всѣ...

Спутникъ поручика, полный и усатый штабсъ-капитанъ, угрюмо молчалъ. Поручикъ оживленно вертѣлся на сѣдлѣ и все смѣялся.

— У насъ кабель, а вотъ у капитана всѣ понтоны попали въ гости къ японцамъ. Понтонному батальону приказали итти въ прикрытіе на Хуньхе, какъ пѣхотѣ. Отступаютъ они, — а понтоны всѣ вотъ они! «Чего вы не уѣхали?»—«Да намъ не было приказу». Такъ и бросили понтоны, еле успѣли увести лошадей!.. То-есть, такая безтолочь! Вотъ ѣдутъ. Всѣ безъ головъ, ей-Богу! Это вамъ только такъ кажется, что съ головами. Головы всѣ назади потеряны.

По краямъ дороги валялись пьяные. Сидитъ на пригоркѣ солдатъ,—винтовка межъ колѣнъ, голова свѣсилась; тронешь его за плечо, онъ, какъ мѣшокъ, валится на бокъ... Мертвъ? Непробудно спитъ отъ усталости? Пульсъ есть, отъ краснаго лица несетъ сивухою...

Другой идетъ шатаясь, винтовка болтается на плечѣ.

— Гдѣ это ты, землякъ, выпилъ?

— Казаки поднесли, дай имъ Богъ здоровья... Вижу, ѣдутъ всѣ пьяные... Говорю: дали бы солдату рюмочку! — «Зачѣмъ рюмочку? Вотъ тебѣ кружка, намъ не жалко. Сейчасъ ханшинный заводъ у китайцевъ обчистили». Выпилъ кружку. Какъ пилъ, — скверно такъ, противно! А выпилъ, — теплота пошла по жиламъ, рука сама собой за другой кружкой потянулась. Главное дѣло, безъ денегъ, чудакъ-человѣкъ!

На возу сидѣлъ унтеръ-офицеръ съ смѣющимся лицомъ и изъ большого деревяннаго ящика продавалъ по полтиннику бутылки коньяку, рома и портвейна. Онъ захватилъ ящикъ въ складѣ Краснаго Креста, обреченномъ на сожженіе.

Было жарко, голова кружилась отъ усталости. Обозы въѣхали въ большую китайскую деревню. Китайцы стояли у фанзъ, щурясь отъ солнца и пыли, и смотрѣли на отступавшихъ съ безстрастными, ничего не выражавшими лицами.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!

На пригоркѣ солдатъ нашей команды махалъ мнѣ рукою.

— Пожалуйте сюда въ проулокъ, тамъ наши стали.

На полянкѣ за фанзами, на берегу рѣчки, стояли бивакомъ оба госпиталя, нашъ и султановскій. Стояло еще нѣсколько учрежденій нашего корпуса, тутъ же былъ и корпусный комендантъ.

Дымились костры, солдаты кипятили воду для чая и грѣли консервы. Отъ врачей султановскаго госпиталя мы узнали, что они со времени выхода изъ Мозысани тоже не работали и стояли, свернувшись, къ югу отъ Мукдена. Но ихъ, конечно, штабъ корпуса не забылъ извѣстить объ отступленіи. Султановъ, желтый, осунувшійся и угрюмый, сидѣлъ на складномъ стулѣ, и Новицкая клала сахаръ въ его кофе.

Мы закусывали, пили чай. Надъ улицею клубилась пыль. Скрипѣли обозы, слышались ругательства. За деревнею черезъ рѣчку былъ узенькій, ветхій мостикъ, и обозы приступомъ брали свою очередь попасть на ту сторону.

Проѣхалъ мимо разъѣздъ казаковъ.

— Напрасно тутъ прохлаждаетесь, за горою японцы, — равнодушно сказали они.

Это было невѣроятно, — мы ушли слишкомъ далеко. Но у всѣхъ появилась нервная торопливость. Спѣшно кончали поить лошадей и увязывали возы.

Комендантъ нашелъ около нашей полянки переѣздъ черезъ рѣчку и опредѣлилъ порядокъ слѣдованія обозовъ. Первымъ былъ поставленъ султановскій госпиталь, хотя по нумераціи онъ слѣдовалъ за нашимъ.

Султановскій обозъ перебрался черезъ рѣчку и потянулся по пашнямъ къ Мандаринской дорогѣ. Двинулся нашъ. Спускъ къ рѣчкѣ былъ крутой. Подъемъ еще круче. Лошади вытягивали зады и скользили ногами, свистѣли кнуты, солдаты, облѣпивъ повозки, тянули ихъ въ гору вмѣстѣ съ лошадьми.

Сзади нашего обоза ужъ скопилась масса подошедшихъ новыхъ обозовъ. Черезъ узкій мостикъ тоже непрерывно лилась вереница повозокъ.

Вдругъ за рѣчкою, въ полѣ около китайскаго кладбища, безшумно взвился огромный столбъ желтовато-сѣраго дыма, и потомъ донесся короткій, какъ будто пустой трескъ. Я въ недоумѣніи смотрѣлъ. Что такое? Новый столбъ дыма взвился средь деревьевъ кладбища, вѣтки летѣли въ воздухъ, суки обламывались. Я не успѣлъ еще сознать, въ чемъ дѣло, какъ мнѣ все ужъ объяснилъ смерчомъ закрутившійся вокругъ ужасъ.

Повозки за рѣчкою, прыгая, мчались по грядамъ пашенъ, солдаты, наклонившись, бѣшено хлестали лошадей. Внизу у переправы въ дикой сумятицѣ бились люди, лошади и повозки. Все кругомъ рвалось и неслось куда-то.

Оглушительно ахнуло у спуска къ мосту. Изъ дыма вылетѣла лошадь съ сломанными оглоблями. Мчался артиллерійскій паркъ, задѣвая и опрокидывая повозки. Мелькнулъ человѣкъ, сброшенный съ козелъ на землю, вывернувшаяся рука замоталась подъ колесами, онъ кувыркнулся въ пыли, поднялся на колѣни и, сбитый мчавшимися лошадьми, опять повалился подъ колеса.

Еще разорвался снарядъ, и еще. Чей-то задыхающійся голосъ крикнулъ:

— Мишка! Руби постромки!

Голосъ врѣзался въ смятенныя души, какъ властное приказаніе, котораго слушаются, не разсуждая. Солдаты поспѣшно рубили постромки у повозокъ, вскакивали верхомъ и въ карьеръ выносились на ту сторону. Другіе не догадывались сѣсть на лошадей, выпускали ихъ на волю, а сами бѣжали бѣгомъ.

— Мерзавцы! Вы куда? За обозною сволочью?.. По мѣстамъ!! — донесся изъ сумятицы хриплый, отчаянный, плачущій голосъ.

Артиллеристъ-поручикъ съ обнаженною шашкою крутился верхомъ среди пушекъ, застрявшихъ въ гущѣ обозовъ. Орудійная прислуга, не глядя на него, рубила постромки у орудій.

— Ты что?.. Ты что-о?!.

Поручикъ размахнулся шашкою и ударилъ солдата по плечу. Солдатъ отшатнулся, молча втянулъ голову и побѣжалъ внизъ по откосу. Худой и длинный артиллерійскій капитанъ съ блѣднымъ лицомъ, съ огромными глазами, сидѣлъ верхомъ неподвижно. Онъ понялъ,—теперь ужъ ничего не подѣлаешь.

Съ грохотомъ блеснула на пригоркѣ шимоза и осыпала насъ глиною. Солдаты-артиллеристы поспѣшно садились на лошадей и скакали прочь. Я поскакалъ слѣдомъ. Поручикъ выронилъ шашку и схватился за голову.

У спуска къ переправѣ сбились брошенныя повозки, люди, лошади. По высокому берегу промчался мимо артиллерійскій поручикъ. Его лицо было красно, губы безсмысленно бормотали что-то, глаза горѣли сумасшедшимъ огнемъ. Въ безумномъ бѣгѣ онъ мчался куда-то вдоль рѣчки, навстрѣчу лопавшимся шрапнелямъ, и его ноги бѣшено рвали шпорами бока лошади.

Я выскакалъ на тотъ берегъ. За рѣчкою, одинъ среди брошенныхъ орудій, неподвижно все сидѣлъ на своей лошади худой артиллерійскій капитанъ. У него что-то было въ рукѣ, онъ поднялъ руку, близко отъ головы сверкнулъ огонекъ, и капитанъ мѣшкомъ свалился на землю съ вдругъ рванувшейся лошади.

Въ воздухѣ замелькали дымки шрапнелей. По пашнѣ бѣжали, спотыкаясь, солдаты, другіе скакали на лошадяхъ съ волочившимися по землѣ постромками. У всѣхъ были безумно-невидящіе, прыгающіе глаза. Мчались огромныя повозки съ черными понтонами. Мчалась тяжело нагруженная фура съ краснымъ крестомъ, блѣдный солдатъ на козлахъ сѣкъ кнутомъ лошадей, и было странно смотрѣть: онъ гналъ ихъ прямо на крутой косогоръ и обязательно долженъ былъ опрокинуться. И фура налетѣла на косогоръ, и легко, какъ будто

ужъ заранѣе приготовившись. свалилась въ оврагъ, и такъ должно было быть.

Но какъ же тутъ очутились японцы? Потомъ, уже много позже, мы узнали: два-три японскихъ орудія съ бѣшеною удалью проскакали въ образовавшійся прорывъ на нѣсколько верстъ впередъ, безъ всякаго прикрытія стали на горкѣ и открыли огонь по переправѣ. И побѣжали всѣ эти массы вооруженныхъ людей, и погибло имущества на сотни тысячъ.

Давно уже назади осталась рѣчка съ рвавшимися снарядами, а обозы все мчались вскачь. Съ повозокъ сбрасывали тяжелыя вещи, чтобъ легче было ѣхать. Сразу что-то вдругъ оборвалось, и отношеніе къ «имуществу» странно измѣнилось. Раньше боялись сбросить съ воза пару изношенныхъ хомутовъ, чтобъ положить раненаго,—теперь легко выбрасывали цѣлые тюки солдатскихъ шинелей, мѣшки съ фуражомъ и припасами, офицерскіе чемоданы и корзины. Выбрасывали часто безъ всякой нужды. Было въ этомъ что-то тянущее къ себѣ и безудержно-стихійное. Какъ будто брошенное назади имущество, неслышно для сознанія, шептало душамъ: «больше или меньше, — теперь все равно! никто не спроситъ!».

Мы уже были верстъ за пять отъ рѣчки, обозы шли уже обычнымъ ходомъ. Ѣхалъ отбившійся отъ своего парка зарядный ящикъ; вдругъ сидѣвшій на козлахъ ящика солдатъ крикнулъ ѣздовымъ:

— Стой!

Остановились. Солдатъ не спѣша слѣзъ, выдвинулъ сзади какой-то ящичекъ, досталъ деревянную ложку и осьмушку табаку.

— Довольно повозились, будя!.. Скидывай, ребята, постромки!

Постромки скинули, артиллеристы сѣли верхомъ на лошадей и, бросивъ ящикъ, поѣхали налегкѣ.

Какъ будто нигдѣ ни на что не стало хозяина. Мое сдѣлалось чужимъ, чужое—моимъ. Чуть опрокидывалась повозка, солдаты бросались ее грабить. Повсюду появились люди-шакалы, вынюхивавшіе добычу. Мнѣ впослѣдствіи разсказывали, — мародеры нарочно производили по ночамъ ложныя тревоги и, пользуясь суматохою, грабили обозы. Во время обозной паники на рѣкѣ Пухе два казака бросились ломать денежный ящикъ понтоннаго парка; фельдфебель застрѣлилъ изъ револьвера одного казака, ранилъ другого и вывезъ ящикъ.

Хищное «ломайло», вскормленное на беззащитныхъ китайцахъ, теперь шипящими сѣрными огоньками вспыхнуло и по-

бѣжало внутри самой нашей арміи. Разгорались глаза, хватало ненужное. Его бросали, хватали другое.

И пропадалъ стыдъ.

Смѣющійся солдатъ ѣхалъ, болтая ногами, на лошади съ обрубленными постромками. Лихо сдвинувъ папаху на затылокъ, онъ разсказывалъ:

— Погналъ насъ японецъ съ позицій, бѣжалъ я, бѣжалъ... Пристalъ къ госпиталю, пошелъ съ нимъ. Стали по госпиталю шрапнелями бить, я опять побѣжалъ. Вижу, фурманка стоитъ съ лошадью. Отрѣзалъ постромки, сѣлъ и поѣхалъ. На дорогѣ мѣшокъ съ сухарями поднялъ, концертовъ (консервовъ), ячменю забралъ для лошади — и ѣду вотъ... Расчудесно!..

Валялись надорвавшіяся лошади, сломанныя повозки. Густо усѣивали дорогу брошенные полушубки, тюки, винтовки. Брели безпорядочныя, оборванныя толпы солдатъ, и трудно было повѣрить, что такъ недавно это были стройныя колонны войскъ.

— Ваше благородіе, что же это такое? — спрашивали солдаты.—Совсѣмъ насъ такъ гонятъ, какъ мы въ двѣнадцатомъ году француза гнали.

— Я такъ думаю, — закатилась навѣки счастливая звѣзда Россіи!—сказалъ шеголеватый ефрейторъ, по лицу и голосу— бывшій приказчикъ.

Пожилой солдатъ съ лохматою бородою мрачно отозвался:

— Превозмоглась силою матушка Рассея. Дошла до предѣла.

Онъ шагалъ, зловѣще кивалъ головою и повторялъ непонятныя слова:

— Превозмоглась силою. Превозмоглась...

И тянулась впередъ безконечная лента обозовъ. Опять неожиданно терялись изъ виду знакомыя лица и повозки и снова находились. Опять сидѣлъ у дороги усталый солдатъ съ большою, блестящею трубою черезъ плечо. Проѣхала въ шарабанѣ полуобезумѣвшая Каменева со своимъ страшнымъ грузомъ. Согнувшись горбомъ, мучительно прыгала шершавая бѣлая лошаденка съ вывихнутою ногою; ѣхавшій сзади солдатъ старался ударить ее хворостиною по больному мѣсту. Она здѣсь, эта лошаденка! Спаслась!.. Да, такъ и должно было быть. Бросались орудія и обозы, горѣли назади милліонные склады, а эту ненужную, увѣчную лошаденку тащили, спасали—и, конечно, спасутъ. Вдругъ почуялся въ этомъ какой-то огромный, болѣзненно-карикатурный символъ.

Блѣдный казакъ съ прострѣленною грудью трясся на верху

нагруженной двуколки, цѣпляясь слабѣющими руками за веревки поверхъ брезента. Два солдата несли на носилкахъ офицера съ оторванною ногою. Солдаты были угрюмы и смотрѣли въ землю. Офицеръ, съ безумными отъ ужаса глазами, обращался ко всѣмъ встрѣчнымъ офицерамъ и врачамъ:

— Ради Бога, господа! Они хотятъ меня бросить, не позволяйте имъ!

Передавали слухи, что отъ второй и третьей арміи не осталось ничего; войска безъ выстрѣла сдаются цѣлыми батальонами; японцы несмѣтными массами появляются всюду и бѣшено насѣдаютъ на отступающихъ.

— Ну, теперь, несомнѣнно, конецъ войнѣ! — говорили откровенные.

То же самое тайною, невысказываемою мыслью сидѣло въ головахъ солдатъ. Когда улеглась паника отъ обстрѣла переправы, откуда-то донеслось дружное, радостное «ура!». Оказалось, саперы подъ огнемъ навели обрушившійся мостъ, вывезли брошенныя орудія, и командиръ благодарилъ ихъ. А по толпамъ отступавшихъ пронесся радостно-ожидающій трепетъ, и всѣ жадно спрашивали другъ друга:

— Что это? Замиреніе объявлено?

Медленно-медленно двигался потокъ обозовъ. Дороги были отвратительныя, подъемы крутые, мосты узкіе, полуобрушившіеся. И каждый думалъ только о себѣ.

Вотъ — узкая дорога, поперекъ глубокій ухабъ, и въ одну сторону онъ глубже, чѣмъ въ другую. Каждая повозка застреваетъ въ этомъ ухабѣ. Свищутъ кнуты надъ выбивающимися изъ силъ лошадьми, надрываются отъ натуги помогающіе солдаты,—выѣхала повозка! А въ ухабѣ застреваетъ слѣдующая, и опять вокругъ нея суета, крики и свистъ кнутовъ. Болѣе высоко нагруженная повозка ухаетъ въ ухабъ и опрокидывается на бокъ. А взять бы пару лопатъ,—и въ пять минутъ можно бы забросать ухабъ землею, и тогда гони повозки хоть рысью. Но каждый думалъ только о себѣ и своей повозкѣ.

Но отчего же такъ ужасны, такъ непроѣздны были дороги? Въ теченіе всей войны мы отступали; вѣдь можно же было,— ну, хоть съ маленькою вѣроятностью, — предположить, что опять придется отступать. Въ томъ-то и было проклятіе: самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ отступленія у насъ признавалось одно,—упорно заявлять, что отступленія не будетъ, упорно дѣйствовать такъ, чтобы никому не могла прійти въ голову даже мысль, будто возможно отступленіе.

Удивительное дѣло! Японцамъ за всю компанію ни разу не

пришлось отступать, но они каждый разъ принимали самыя заботливыя и тщательныя мѣры на случай отступленія. Мы только и знали, что отступали,— и каждый разъ отступленіе было для насъ неожиданностью, и снова и снова мы отступали «неготовыми дорогами». За Телиномъ черезъ рѣку Ляохе вель всего только одинъ желѣзнодорожный мостъ. Наша (третья) армія перешла рѣку по трещавшему, заливавшемуся водою льду. Разыграйся бой всего на одну недѣлю позже,— по льду ужъ нельзя было бы перейти, и всю нашу армію японцы взяли бы голыми руками.

Мнѣ разсказывали, что еще подъ Дашичао Куропаткинъ, осматривая госпитали, спросилъ одного главнаго врача, почему при госпиталѣ нѣтъ бани и хлѣбопекарни. Главный врачъ замялся и отвѣтилъ, что они не знаютъ, долго ли тутъ придется простоять. Куропаткинъ твердо и спокойно заявилъ:

— Видите, вотъ рѣка? *Дальше этой рѣки японцы не пойдутъ.* Стройте каменную хлѣбопекарню, стройте баню. Пусть солдатики попарятся.

«Дальше этой рѣки» японцы отбросили насъ за сотни верстъ. Но и подъ Мукденомъ опять все шло въ прежнемъ духѣ. Склады боевыхъ и хозяйственныхъ принадлежностей были тонкою линіей вытянуты параллельно фронту. Начальствующія лица только и говорили, что отступленія не будетъ. За недѣлю до мукденскаго боя нашимъ госпиталямъ было выражено начальствомъ недовольство за небольшой запасъ дровъ и велѣно было запасти ихъ по пять-шесть кубовъ. Кубъ въ это время стоилъ около ста рублей. Закупили, а черезъ двѣ недѣли эти горы дровъ пылали передъ наступавшими японцами. «Отступленія не будетъ, отступленія не будетъ»... Ляоянъ мы отдали въ августѣ, до этого времени вся страна сѣвернѣе Ляояна была въ нашихъ рукахъ,— и мы не озаботились снять съ нея хорошаго плана. Къ чему?.. И вотъ въ дѣлѣ подъ Сандепу одною изъ причинъ нашей неудачи оказалось... отсутствіе хорошихъ картъ, неправильное представленіе о мѣстонахожденіи деревни Сандепу!

Слово — сила... Говорить побольше, какъ можно больше громкихъ, грозныхъ, «поддерживающихъ духъ» словъ — это было самое главное. И не важно было, что дѣла все время жестоко насмѣхаются надъ словами, — ничего! Только еще суровѣе нахмурить брови, еще значительнѣе и зловѣщѣе произнести угрожающее слово... При самомъ своемъ пріѣздѣ Куропаткинъ заявилъ, что миръ будетъ заключенъ только въ Токіо,— а ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вся русская армія горько-насмѣшливо напѣвала:

Куропаткинъ горделивый
Прямо въ Токіо спѣшилъ, —
„Что ты ржешь, мой конь ретивый?
Что ты шею опустилъ?“

Прибывъ въ армію, Гриппенбергъ въ торжественной рѣчи сказалъ солдатамъ: «Если кто изъ васъ отступитъ, я его заколю; если я отступлю, — заколи меня!» Сказалъ — и отступилъ отъ Сандепу.

Въ началѣ мукденскаго боя госпитали, стоявшіе на станціи Суятунь, были отведены на сѣверъ. По этому случаю, какъ мнѣ разсказывали, Каульбарсъ издалъ приказъ, гдѣ писалъ (самъ я приказа не видѣлъ): госпитали отведены потому, что до Суятуни достигали снаряды японскихъ осадныхъ орудій, но это отнюдь не обозначаетъ отступленія: *отступленія ни въ коемъ случаѣ не будетъ, будетъ только движеніе впередъ...* А черезъ недѣлю вся армія, какъ подхваченная ураганомъ, не отступала, а бѣжала на сѣверъ.

И уже во время самаго бѣгства, за нѣсколько часовъ до потери своей типографіи, офиціальный «Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій» сладко пѣлъ о десяткахъ отбитыхъ атакъ, о готовящемся отступленіи японцевъ, и знакомилъ своихъ читателей съ произведеніями «поручика Тенгинскаго полка» Лермонтова.

Разсказываютъ, что во время «опійной» англо-китайской войны китайцы, чтобы испугать англичанъ и «поддержать духъ» своихъ, выставляли на видныхъ мѣстахъ огромныя, ужасающаго вида пушки, сдѣланныя... изъ глины. Китайцы шли въ бой, дѣлая страшныя рожи, кривляясь и испуская дикіе крики. Но все-таки побѣдили англичане. Противъ глиняныхъ пушекъ у нихъ были не такія большія, но зато чугунныя, взаправду стрѣлявшія пушки. Противъ кривляній и страшныхъ рожъ у нихъ была организація, дисциплина и внимательный расчетъ.

Солнце садилось, небо стало яснымъ, тихимъ. Пахло весною, было тепло. Высоко въ небѣ, беззаботные къ тому, что творилось на землѣ, косяками летѣли на сѣверъ гуси. А кругомъ въ пыли все тянулись усталые обозы, мчались, ни на кого не глядя, проклятые парки и батареи, брели разстроенныя толпы солдатъ.

Охватывала смертная усталость. Голова кружилась, туловище еле держалось въ сѣдлѣ. Хотѣлось пить, но всѣ колодцы по дорогѣ были вычерпаны. Конца пути не было. Иногда казалось: еще одна минута, и свалишься съ лошади. А тогда

конецъ. Это было вполнѣ ясно. Никому до тебя не будетъ дѣла, каждый думай о себѣ самъ.

А тамъ, въ надвигавшемся сзади промежуткѣ между отступавшими русскими и наступавшими японцами, ждало то, что было страшнѣе плѣна, страшнѣе смерти. Въ этомъ промежуткѣ, какъ шакалы, отставшихъ подстерегали жители опустошенной нами страны, эти зловѣще-молчаливые люди съ загадочными, безстрастными лицами. Всякій зналъ, — пощады отъ нихъ не будетъ и не можетъ быть, мы сами дѣлали все, чтобы зажечь ихъ души кровавою, неутолимою ненавистью къ намъ. Мнѣ вспоминалось, какъ въ забайкальской степи буряты рѣзали для насъ овцу, вспоминалось, что я тогда передумалъ.

И въ холодномъ ужасѣ замирала душа. Изо всѣхъ силъ напрягалась воля, чтобъ удержать тѣло на сѣдлѣ, и рука нащупывала за поясомъ револьверъ, — здѣсь ли онъ, избавитель на случай.

Потомъ, уже много позже, я узналъ то, отъ чего и теперь душа трепещетъ въ изумленіи и желаніи благоговѣйно преклониться. Одинъ студентъ-медикъ остался при нашихъ госпиталяхъ въ Мукденѣ, попалъ въ плѣнъ къ японцамъ; его вскорѣ отпустили, и онъ разсказывалъ въ «Харбинскомъ Вѣстникѣ»: китайцы по доброй волѣ подбирали на Мандаринской дорогѣ русскихъ раненыхъ и приносили ихъ въ Мукденъ, въ японскіе госпитали! Вѣдь не награды же себѣ за это ждали они отъ японцевъ, — японцы вообще были скупы на награды; заваленные своими ранеными, они должны были очень кисло встрѣчать китайцевъ съ ихъ ношею... И такъ-то вотъ отомстили намъ эти загадочные люди за свою разоренную страну, за поруганные нами могилы и храмы.

Солнце сѣло, надъ зарею слабо блестѣлъ серпъ молодого мѣсяца. Я съѣхался съ Шанцеромъ и Селюковымъ. Шанцеръ по-обычному былъ возбужденъ и жизнерадостенъ. Селюковъ сидѣлъ на лошади, какъ живой трупъ. Отъ нихъ я узналъ, что половина нашего обоза была брошена у переправы, гдѣ мы попали подъ огонь японцевъ.

Мы условились не разлучаться и зорко слѣдить другъ за другомъ въ этомъ предательскомъ обозномъ потокѣ, глотавшемъ и терявшемъ въ себѣ людей, какъ песчинки.

Становилось темнѣе. Серпъ мѣсяца зашелъ. Сзади и слѣва клубились огненныя зарева. Мы пробирались по придорожнымъ тропинкамъ. Смутно-сѣрая земля показывала подъ ногами несуществующіе провалы и скрывала настоящія ямы. Ѣхать безъ дороги было невозможно, а спуститься на дорогу нечего

было и думать: она кишѣла копошащимися обозами, нашимъ лошадямъ сейчасъ же бы порвали и поломали ноги. Днемъ обозы шли медленно, теперь они почти все время стояли. Двинутся, проѣдутъ сотню саженъ и опять станутъ. Нашъ обозъ мы давно уже потеряли изъ виду.

Было холодно. По сторонамъ дороги всюду стояли биваки и горѣли костры, отъ огней кругомъ было еще темнѣе. Костровъ, разумѣется, нельзя было разводить, но объ этомъ никто не думалъ.

Насъ пріютили у своего костра офицеры ** полка, остановившіеся со своимъ батальономъ на короткую ночевку. Они радушно угостили насъ коньякомъ, сардинками, чаемъ. Была горячая благодарность къ нимъ и радостное умиленіе, что есть на свѣтѣ такіе хорошіе люди.

На югѣ медленно дрожало большое, сплошное зарево. На западѣ, вдоль желѣзнодорожнаго пути, горѣли станціи. Какъ будто рядъ огромныхъ, тихихъ факеловъ тянулся по горизонту. И эти факелы уходили далеко впередъ насъ. Казалось, всѣ, кто зналъ, какъ спастись, давно уже тамъ, на сѣверѣ, за темнымъ горизонтомъ, а мы здѣсь въ какомъ-то кольцѣ.

Сбившійся съ дороги офицеръ-ординарецъ сидѣлъ рядомъ со мною, мѣшалъ ложечкою чай въ желѣзной кружкѣ и разсказывалъ:

— Никто не знаетъ, гдѣ полкъ. Куда ѣхать? Вдругъ вижу, — штабъ нашей арміи. Стоитъ Каульбарсъ, допрашиваетъ плѣннаго японца. Я подошелъ, стою. Подъѣхалъ еще какой-то офицеръ, спрашиваетъ вполголоса, гдѣ седьмой стрѣлковый полкъ. Каульбарсъ услышалъ, быстро обернулся. «Что? Что такое?» — «Мнѣ, ваше высокопревосходительство, нужно знать, гдѣ седьмой стрѣлковый полкъ». Каульбарсъ посмотрѣлъ на него:—«Седьмой полкъ?», отвернулся и пожалъ плечами.—«Я не знаю. куда дѣвалась вся моя армія, а онъ спрашиваетъ, гдѣ седьмой полкъ!»

Я положилъ голову на ноги тяжело спавшаго Селюкова, укрылся полушубкомъ. Охватило тихимъ, теплымъ покоемъ. Одинъ изъ офицеровъ озлобленно разсказывалъ ординарцу, его голосъ звучалъ быстро, прерывая самого себя:

— Мы стояли на флангѣ третьей арміи, около второй. Сзади насъ осадная батарея. 19-го числа вдругъ узнаёмъ, что ее увезли. Куда? Знаете, куда? *Въ Телинъ!..* Мы вѣрить не хотѣли. Ихъ спасали! Въ началѣ боя спасали пушки! Страшно,— вдругъ достанутся японцамъ!.. Да что же это такое? Пушки существуютъ для арміи, или армія для пушекъ?!

Я уже начиналъ забываться, вдругъ сознаніе сразу воро-

тилось. Мнѣ вспомнилось, — какъ разъ около того времени, при переходѣ черезъ р. Хуньхе, мы встрѣтили роту борисоглѣбцевъ: они провожали мортиры тоже въ Телинъ.

— Мы дрались три дня, и артиллеріи у насъ не было. Противъ японскихъ орудій у насъ были только винтовки. Не только осадную батарею, всѣ орудія куда-то убрали!.. У насъ считается лучше положить тысячу солдатъ, чѣмъ подвергнуть опасности одну пушку. Телеграфируй, что легла цѣлая дивизія, — честь! Телеграфируй, что потеряли одно орудіе, — позоръ! И все время у насъ думали не о томъ, чтобъ нанести пушками вредъ японцамъ, а только о томъ, какъ бы онѣ не попали въ руки японцевъ... Да развѣ позоръ отдать орудіе, если оно сдѣлало все, что можно?

— Да, вотъ японцы этого не боятся! — отозвался глухой басъ. — Нахальнѣйшимъ образомъ вылетаютъ съ орудіями впередъ безъ всякаго прикрытія и жарятъ, куда нужно.

— И правильно! Пропала пушка, — чортъ съ нею! Что нужно было, сдѣлала!

Я слушалъ, и вдругъ мнѣ вспомнился одинъ эпизодъ изъ итальянскаго похода Бонапарта. Онъ осаждалъ Мантую. Ей на выручку двинулась изъ Тироля огромная австрійская армія. Тогда Бонапартъ бросилъ подъ Мантуей свои тяжелыя осадныя орудія, около двухсотъ пушекъ, ринулся навстрѣчу австрійцамъ и разбилъ ихъ на-голову... Хотѣлось смѣяться при одной мысли, — кто бы у насъ посмѣлъ бросить двѣсти осадныхъ орудій! Всю бы армію погубили, а ужъ пушки бы постарались спасти.

Становилось понятнымъ, почему и наши госпитали такъ поспѣшно отводились назадъ въ самомъ началѣ боя. Вездѣ была безмѣрная, ждущая самаго худшаго осторожность. Не осторожность холодной, все взвѣшивающей отваги. Осторожность трусости, боязнь риска, боязнь, что скажутъ *тамъ*...

Я засыпалъ. Тотъ же озлобленный, самъ себя прерывающій голосъ ругалъ артиллеристовъ:

— Это нарывъ на тѣлѣ арміи, все равно, что генеральный штабъ. Дворянчики, въ моноклякъ, французятъ, въ узкихъ брючкахъ и лакированныхъ сапогахъ... Когда намъ пришлось итти въ контръ-атаку, оказалось, никакой артиллеріи нѣтъ, мы взяли деревню безъ артиллерійской подготовки... А они, голубчики, вотъ гдѣ! Удираютъ и всѣхъ топчутъ по дорогѣ! Знаютъ, что ихъ орудія — самая большая драгоцѣнность арміи!

— Нѣтъ, господа, но что же это солдаты наши? — спрашивалъ другой голосъ, тихій и грустный. — Гдѣ эти прежніе

львы? Выглянетъ изъ-за могилокъ пара японцевъ, и цѣлая рота бѣжитъ...

— Сволочь-солдатъ! — сердито прогудѣлъ глухой басъ. — Эту всю армію только по госпиталямъ разложить, а чтобы Куропаткинъ ихъ объѣзжалъ и раздавалъ теплыя фуфайки.

— Докторъ! Докторъ! Проснитесь!

Рука мягко и осторожно трогала меня за плечо. Батальонъ уходилъ. Мы встали.

Было все такъ же темно, вездѣ горѣли костры; внизу, на дорогѣ, чернѣли кишѣвшіе обозы. Наши голодныя лошади грустно пощипывали по землѣ остатки прошлогодней травы. Со сна стало еще холоднѣе, спать хотѣлось безмѣрно.

Проходили мимо кучки солдатъ.

— Не слыхать, далеко японцы?

— За версту отсюда. Сейчасъ вонъ за той горой.

Кругомъ были крутые обрывы. Мы сѣли верхомъ, спустились на дорогу и поѣхали, пробираясь между стоявшими обозами. Проѣхали съ версту. Обозы стояли, какъ остановившійся на бѣгу потокъ. Горѣли костры.

Загораживая проѣздъ, темнѣли тяжело нагруженныя фуры; дальше передъ ними была ровная, пустая дорога. Солдаты дремали на повозкахъ.

— Чего это вы стоите? Сломалось у васъ что?

— Никакъ нѣтъ.

— Что жъ вы другихъ задерживаете?

Они помолчали.

— Лошадей кормимъ... Ихъ благородіе, господинъ капитанъ, легли спать, не велѣли себя будить.

— Вотъ негодяй!.. Чего же вы въ сторону не съѣдете? Развѣ не видите, изъ-за васъ всѣ обозы стоятъ?!

— Приказано тутъ стоять, а то потомъ трудно будетъ въѣхать на дорогу.

Услышалъ нашъ разговоръ подъѣхавшій сзади обозный подполковникъ. Шатаясь и задыхаясь отъ негодованія, онъ пошелъ будить капитана.

Мы поѣхали дальше. Постепенно дорога снова заполнялась обозами, они теперь двигались, и пробираться среди нихъ становилось все труднѣе. Мы чуть не потеряли Селюкова. А ѣхать по краю дороги было невозможно... Все равно! Дождемся здѣсь свѣта, будь, что будетъ!

На пригоркѣ сидѣли у костра три солдата-сапера, стояли обозныя фурманки. Солдаты потѣснились и пустили насъ къ костру.

— Что, ваше благородіе, правду болтаютъ, будто замиреніе объявлено? — спросилъ меня одинъ.

— Ну, сейчасъ гдѣ же переговоры вести, не найдешь никого. А миръ, конечно, близко. Продолжать войну невозможно, это совсѣмъ ясно.

— Гдѣ ужъ тамъ! Пора бы кончать. Сколько времени воюемъ!—Онъ помолчалъ.—А какъ скажете, платить намъ придется японцу?

— Да, вѣроятно, потребуютъ и контрибуціи.

— Еще больше на крестьянство тягости наложутъ... Нѣтъ, тогда ужъ лучше дальше воевать.

Сзади раздался въ темнотѣ одинъ ружейный выстрѣлъ, другой, и затрещала пальба. Пальба была не дальше, какъ за версту. Всѣ насторожились.

— Ого! Не дремлютъ японцы!—сказалъ Шанцеръ, нервно оживляясь.—Гонятъ безъ отдыху. Видно, рѣшили дѣйствовать иначе, чѣмъ прежде. Послушались совѣтовъ.

— И кто имъ эти совѣты даетъ!—удивился солдатъ.

— Въ иностранныхъ газетахъ все время пишутъ, что главная ошибка японцевъ — разобьютъ, а преслѣдовать не преслѣдуютъ.

Солдатъ почесалъ за ухомъ.

— И такъ разуменъ, а его еще со всѣхъ сторонъ учатъ!

Пальба разгоралась, становилась ближе. Внизу мчались по дорогѣ обозы, слышались крики и ругательства. Мимо костра пробѣгали кучки солдатъ.

— Что это тамъ, земляки, за пальба?

— Что! Насѣдаетъ японецъ, всѣ обозы отбилъ!

— А прикрытіе есть у насъ?

— Какое прикрытіе! Стрѣльнутъ наши разъ, и бѣгутъ...

Пробѣгали мимо солдаты, и мчались внизу обозы. Саперы поспѣшно сводили свои фурманки на дорогу.

— Поѣдемъ и мы?—спросилъ Шанцеръ.

Селюковъ сидѣлъ смертельно-усталый, понуривъ голову.

— Я не поѣду. Все равно, съ лопади свалюсь.

У меня на душѣ тоже была тупая, ни на что не отзывающаяся усталость. Ну, въ плѣнъ возьмутъ, ну, застрѣлятъ,— это было такъ безконечно безразлично! Спать, спать — одно лишь важно.

— Я тоже спать залягу.—сказалъ я.—Да и гдѣ тутъ ѣхать? Все равно, обозы затопчутъ.

Мы стали укладываться у костра. Трещала и перекатывалась пальба,—она не волновала души. Занимались къ сѣверу пожаромъ все новыя станціи, — это были простые факелы,

равнодушно и дѣловито горѣвшіе на горизонтѣ... Мелькнула мысль о далекихъ, милыхъ людяхъ. Мелькнула, вспыхнула и равнодушно погасла.

Я проснулся на разсвѣтѣ. Костеръ давно потухъ, руки подъ мышками затекли отъ полушубка, холодъ пробирался до костей. У пепла костра, покрытые инеемъ, спали Шанцеръ и Селюковъ. Лошади наши уныло стояли, понуривъ головы.

На дорогѣ попрежнему медленно тянулись къ сѣверу безконечные обозы. У края валялись стащенные съ дороги два солдатскихъ трупа, — истоптанные колесами и копытами, покрытые пылью и кровью. А гдѣ же японцы? Ихъ не было. Ночью произошла совершенно безпричинная паника. Кто-то завопилъ во снѣ: «Японцы! Пли!»—и взвился ужасъ. Повозки мчались въ темнотѣ, давили людей, сваливались съ обрывовъ. Солдаты стрѣляли въ темноту и били своихъ же.

Я разбудилъ Селюкова и Шанцера, мы сѣли верхомъ и поѣхали. Звѣзды гасли, разгоралась холодная заря. Мы напоили у рѣки лошадей.

Свѣтлѣло все больше. Справа изъ-за сопокъ выплыло солнце, въ воздухѣ потянуло тепломъ. Тѣло отдохнуло, на душѣ стало свѣжо и бодро. Впереди, въ сверкающей голубой дымкѣ, виднѣлся далекій городъ, изящно рисовались купола кумиренъ и изогнутые края крышъ.

...городъ дальній утромъ,
Полный тайны, полный блеска...

Навстрѣчу намъ ѣхалъ по дорогѣ офицеръ... Поручикъ Шестовъ! Тотъ ординарецъ изъ штаба, который во время боя ѣздилъ съ нашими госпиталями, такъ какъ «не зналъ, гдѣ теперь штабъ». Поручикъ иронически оглядѣлъ насъ и съ высокомѣрною усмѣшкою спросилъ:

— Удираете?

— Удираемъ.

— А я ѣду въ Мукденъ.

— Въ Мукденъ?

— Да, въ Мукденъ! — значительно подчеркивая, отвѣтилъ поручикъ. Какъ будто въ своей храбрости онъ зналъ что-то такое, чего мы въ своей трусости не хотѣли знать.

— Счастливаго пути!..

Мы въѣхали въ городъ. Телинъ это? Нѣтъ, до Телина еще верстъ тридцать... По прямой, узкой улицѣ двигались обозы и батареи, проходили толпы солдатъ. Подъ веселымъ утреннимъ солнцемъ медленно лился чуждый потокъ черезъ тихую, свою жизнь китайскаго городка. Изъ трубъ вились дымки,

такіе обычно-мирные. У харчевни, подъ серебряной рыбой на красномъ столбѣ, толпились китайцы. Перебѣгали черезъ улицу ребята съ черными косичками на темени. Сквозь разрывы бумажныхъ оконъ любопытно блестѣли дѣвичьи глаза.

Миновали городъ, мѣстность становилась холмистѣе. Передъ мостомъ столпилось море повозокъ. Казаки работали нагайками, расчищая путь какому-то обозу.

— Куда прете, сукины дѣти?! Жди своей очереди!

— Станетъ тебѣ командующій арміей ждать!.. Сворачивай!

Казаки, наклоняясь съ сѣделъ, хватали обозныхъ лошадей подъ уздцы. Свистѣли нагайки. Мимо проносился обозъ штаба третьей арміи. Проѣхалъ въ коляскѣ какой-то важный генералъ. Солдаты, злобно посмѣиваясь, смотрѣли вслѣдъ.

— Чтой-то въ бой такъ они не спѣшили, не просили дороги! А теперь ишь какъ гонитъ!..

— Гдѣ жъ ему ждать! У него большое дѣло назади!..

Мѣстность дѣлалась все выше, вокругъ тѣснились тяжелыя сопки. Стало холодно, вѣтеръ поднималъ тучи пыли. Обозы попрежнему ссорились и старались перерѣзать одинъ другой у узкихъ мѣстъ дороги. Дисциплина на глазахъ падала.

— Я тебя, мерзавецъ, шашкой!—кричалъ офицеръ.

— А я тебя штыкомъ! — кричалъ въ отвѣтъ солдатъ.— Храберъ нынѣ сталъ! А гдѣ въ бою былъ?.. За могилками лежали, а насъ впередъ посылали?..

Передавались страшныя вещи про расправы солдатъ съ офицерами. Разсказывали про какого-то полковника: вдали показались казаки-забайкальцы; по желтымъ околышамъ и лампасамъ ихъ приняли за японцевъ, вспыхнула паника; солдаты рубили постромки, безтолково стрѣляли въ своихъ. Полковникъ бросился къ нимъ, сталъ грозно кричать, хотѣлъ прикрикнуть и два раза выстрѣлилъ на воздухъ изъ револьвера. Солдаты сомкнулись вокругъ него.

— Ты кто такой? Какъ смѣешь по своимъ стрѣлять?

Дали по немъ нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовокъ и подняли на штыки. Все это оказалось правдою. Фамилія полковника была Тимофеевъ. Онъ не былъ убитъ на смерть, а недѣли черезъ три умеръ отъ ранъ въ Гунчжулинѣ.

Днемъ мы встрѣтились съ частью нашего обоза, при которой были д-ръ Гречихинъ и помощникъ смотрителя Брукъ. Дальше мы пошли вмѣстѣ. Гдѣ главный врачъ и смотритель, никто не зналъ.

Къ вечеру вдали показалась огромная гора, увѣнчанная укрѣпленіями. За горою лежалъ Телинъ. Дорога расходилась въ двѣ стороны. У ея раздѣленія стоялъ вѣховой офицеръ и кричалъ:

— Шестой и шестнадцатый корпусы—направо, первый и десятый—налѣво!

Въ первый разъ за этотъ долгій путь, полный безтолочи и безначалія, кто-то распоряжался, кто-то хоть о чемъ-нибудь подумалъ... Мы подошли къ подножію горы. Тянулись бывшіе огороды, обнесенные невысокими глиняными оградами. Густо стояли биваки, равнина дымилась кострами. Мы тоже стали.

Здѣсь же были уже всѣ три другіе госпиталя нашего корпуса. Желтый и совершенно больной Султановъ лежалъ въ четырехконной повозкѣ, предназначенной для сестеръ. Новицкая, съ черными, запекшимися губами и пыльнымъ лицомъ, сердито и звонко, какъ хозяйка-помѣщица, кричала на солдатъ. Прохожіе солдаты съ изумленіемъ смотрѣли на этого невиданаго командира.

— Что это надъ вами баба командуетъ? — съ усмѣшкою спрашивали они султановскихъ солдатъ.

Султановцы угрюмо молчали и отворачивались.

Подошла къ намъ Зинаида Аркадьевна.

— Нѣтъ, будетъ, будетъ!—говорила она, въ красивомъ изнеможеніи роняя руки. — Довольно ужасовъ насмотрѣлись, прощайте! Мы уѣзжаемъ въ Харбинъ по желѣзной дорогѣ!.. А вы знаете, бѣдная Варвара Ѳедоровна! Она отбилась отъ насъ и всю дорогу ѣхала совсѣмъ одна въ своемъ шарабанѣ, а въ ногахъ у нея — скорченный, полуразложившійся трупъ ея мужа... Пріѣхала сюда, хотѣла на здѣшнемъ вокзалѣ сдать на поѣздъ трупъ, — не принимаютъ. Наконецъ въ ней принялъ участіе какой-то генералъ,—такой милый! Велѣлъ трупъ зашить въ рогожи и сдалъ на поѣздъ, какъ грузъ. Она поѣхала вмѣстѣ съ трупомъ...

Мы устроились въ убогомъ глиняномъ сарайчикѣ. Заходили знакомые офицеры, врачи.

— Нашему корпусному командиру приказано выставить дивизію на позиціи передъ Телиномъ, а въ штабѣ не знаютъ, гдѣ полки. Всѣ растеряли.

— Будетъ бой подъ Телиномъ?

— Богъ вѣсть! Такъ, арьергардный пустячокъ какой-нибудь... Войскъ не соберешь, да и боевыхъ припасовъ нѣтъ: всѣ склады были сейчасъ за позиціями,—часть разстрѣляли, часть взорвали на воздухъ, чтобъ не достались японцамъ.

— Да, господа!.. Что же это такое вышло?..

Молодой ординарецъ съ прострѣленною рукою разсказывалъ:

— Съ утра ищу штабъ нашего корпуса, никто не знаетъ, гдѣ онъ. Говорятъ мнѣ: «вонъ поѣздъ главнокомандующаго, спросите тамъ». Пошелъ, спрашиваю. «Обратитесь въ опе-

раціонное отдѣленіе, вонъ въ томъ вагонѣ». Вхожу. На столѣ разложены карты, полковникъ генеральнаго штаба водитъ пальцемъ по картѣ и вполголоса говоритъ двумъ генераламъ: «У насъ 360 батальоновъ, а у японцевъ только 270. И вотъ, я васъ спрашиваю,—какъ же все это случилось?» Неловко,—какъ будто подслушиваю. Я кашлянулъ.—«Что вамъ угодно?»—«Мнѣ нужно знать, гдѣ штабъ ** корпуса». Полковникъ юмористически посмотрѣлъ на меня.—«Да-а... Гдѣ штабъ ** корпуса!»—разсмѣялся и ушелъ...

На телинскомъ вокзалѣ была масса народу. Пили водку и чай, ужинали. Рядомъ со мною сидѣлъ сухой интендантскій чиновникъ съ погонами статскаго совѣтника. Онъ разсказывалъ своему сосѣду, обозному подполковнику, какъ они нигдѣ не могутъ найти перевозочныхъ средствъ, какъ жгутъ склады. Интимно наклонившись къ собесѣднику, онъ громкимъ полушопотомъ прибавлялъ:

— Теперь каждый день даетъ намъ доходу по полторы, по двѣ тысячи рубликовъ!..

Мы укладывались спать въ нашемъ сарайчикѣ. Изъ штаба принесли приказъ: завтра на зарѣ итти на станцію Каюань, въ тридцати пяти верстахъ сѣвернѣе Телина. Воротился съ вокзала засидѣвшійся тамъ Брукъ и сообщилъ, что на вокзалѣ паника: снимаютъ почтовые ящики и телеграфные аппараты, всѣ бѣгутъ; японцы подступаютъ къ Телину.

IX.

СКИТАНІЯ.

На разсвѣтѣ мы поднялись и стали собираться. Всѣ были возбуждены и нервны. Чувствовалась надвигающаяся съ юга угроза. Проходили роты и батальоны.

— Откуда?

— Съ позицій.

— Давно пришли?

— Только сейчасъ.

— А японцы далеко?

— Верстъ десять.

Солнце встало и свѣтило сквозь мутную дымку. Было тепло. Обозъ за обозомъ снимался съ мѣста и вливался на дорогу въ общій потокъ обозовъ. Опять ѣхавшіе по дорогѣ не пускали новыхъ, опять повсюду свистѣли кнуты и слышались ругательства. Офицеры кричали на солдатъ, солдаты совсѣмъ такъ же кричали на офицеровъ.

Что-то все больше распадалось. Рушились преграды, которыя, казалось, были крѣпче стали. Толстый генералъ, вышедши изъ коляски, сердито кричалъ на поручика. Поручикъ возражалъ. Споръ разгорался. Вокругъ стояла кучка офицеровъ. Я подъѣхалъ. Поручикъ, блѣдный и взволнованный, задыхаясь, говорилъ:

— Я васъ не хочу и слушать! Я служу не вашему превосходительству, а Россіи и государю!

И всѣ офицеры кругомъ всколыхнулись и тѣснѣе сдвинулись вокругъ генерала.

— А позвольте, ваше превосходительство, узнать, гдѣ вы были во время боя?—крикнулъ худой, загорѣлый капитанъ съ блестящими глазами. — Я пять мѣсяцевъ пробылъ на позиціяхъ и не видѣлъ ни одного генерала... Гдѣ вы были при отступленіи? Всѣ красные штаны попрятались, какъ клопы въ щели, мы пробивались одни! Каждый пробивался, какъ зналъ, а вы удирали!.. А теперь, назади, всѣ повылѣзли изъ щелей! Всѣ хотятъ командовать!

— Бѣгуны! Красноштанники!—кричали офицеры.

Поблѣднѣвшій генералъ поспѣшно вышелъ изъ толпы, сѣлъ въ свою коляску и покатилъ.

— Мер-рзавцы!.. Продали Россію!—неслось ему вслѣдъ.

Около вокзала, вокругъ вагоновъ, кишѣли толпы пьяныхъ солдатъ. Летѣли на землю какія-то картонки, тюки, деревянные ящики. Это были вагоны офицерскаго экономическаго общества. Солдаты грабили ихъ на глазахъ у всѣхъ. Вскрывали ящики, насыпали въ карманы сахаръ, разбирали бутылки съ коньякомъ и ромомъ, пачки съ дорогимъ табакомъ.

— Эй, ты, ваше благородіе! Гляди!—кричалъ мнѣ пьяный солдатъ, грозя бутылкою рома.—Попировалъ вашъ братъ, будетъ! Дай и намъ!

Другой сыпалъ въ грязь сверкавшіе, какъ снѣгъ, куски сахару и изступленно топталъ ихъ сапогами.

— Вотъ тебѣ твой сахаръ!.. Сами по пятиалтынному покупали, а солдатъ плати сорокъ!.. Разбогатѣлъ солдатъ, сорокъ три съ половиною копейки жалованья ему идетъ!.. На, ѣшь сахаръ свой!

То, что онъ говорилъ про сахаръ, было вѣрно. Я ужъ писалъ объ этомъ: въ офицерскихъ экономическихъ обществахъ товары отпускались только офицерамъ: солдатамъ приходилось платить за все двойную-тройную цѣну въ вольныхъ греческихъ и армянскихъ лавочкахъ.

— Вотъ! Выпилъ!—вызывающе говорилъ первый солдатъ. Онъ остановился передъ мордою моей лошади и демонстра-

тивно сталъ пить изъ горлышка ромъ. Потомъ оторвался отъ бутылки, взглянулъ на меня. — Ставь подъ ружье, ну!.. С-сукины дѣти!.. Сами, какъ черти, пьяные,—«Гдѣ водку досталъ? Не продавать нижнему чину водки!.. Подъ ружье на четыре часа!..» Ну, ставь подъ ружье! Ставь, что ли!

Съ наливавшимся кровью лицомъ солдатъ наступалъ на меня. Я поѣхалъ прочь. Онъ кричалъ мнѣ вслѣдъ ругательства.

Нашъ обозъ медленно двигался по узкимъ улицамъ Телина. Пьяные солдаты грабили китайскіе, армянскіе и русскіе магазины, торговцы бѣгали, кричали и суетились. Съ трудомъ останавливали грабежъ въ одномъ мѣстѣ, онъ вспыхивалъ въ другомъ. Близъ площади въ канавѣ валялся китаецъ, съ головою, разсѣченною шашкою.

Застревая въ узкихъ улицахъ, безпорядочнымъ потокомъ двигались обозы и батареи; брели толпы солдатъ съ болтающимися на плечахъ винтовками. Китайцы стояли у фанзъ и смотрѣли съ обычно-безстрастными лицами. Но то и дѣло, взглянувъ на нихъ неожиданно, я ловилъ горѣвшій въ глазахъ огонь злорадно-торжествующей ненависти, какъ у того старика въ Палипну. И такъ же глаза эти подъ нашими взглядами быстро гасли, становились тусклыми и равнодушными.

Мы вышли изъ города. Дорогу пересѣкала широкая, замерзшая рѣка Ляохе. Слѣва прозрачно сѣрѣлъ надъ рѣкою чудный, ажурный, какъ будто сотканный изъ паутины желѣзнодорожный мостъ. Черезъ пару дней онъ былъ взорванъ на воздухъ передъ наступавшими японцами.

Обозы переходили рѣку по льду. Ледъ былъ уже очень плохой, онъ трещалъ и гнулся подъ тяжестью повозокъ; изъ дыръ, бурля, выступала вода и растекалась мутными лужами. Слѣва отъ насъ тянулась по льду грязчая дорога, обрывавшаяся на большой полыньѣ: утромъ здѣсь подломился ледъ подъ обозами.

Я ѣхалъ верхомъ. Лошадь, по колѣна въ водѣ, боязливо ступала на потрескивавшій ледъ. Жутко было подумать,—что, если бы бой разыгрался всего хоть на недѣлю позже? Тогда была бы Березина.

Въ сотнѣ шаговъ отъ рѣки поднимался на той сторонѣ крутой, высокій валъ. Должно-быть, китайская дамба, предохранявшая поля отъ разливовъ Ляохе. Лошади и люди выбивались изъ силъ, втаскивая повозки на этотъ крутой валъ. И опять странно было смотрѣть: два десятка солдатъ въ полчаса проложили бы сквозь валъ прекрасную, ровную дорогу. Но никто этого не дѣлалъ, распоряжаться было некому. Въ арміи существовало цѣлое вѣдомство «военныхъ сообщеній»,

но гдѣ теперь находились представители этого вѣдомства, что они дѣлали,—зналъ только одинъ Вездѣсущій.

Мы перебрались черезъ дамбу, свернули влѣво и пошли по «колонной» дорогѣ вдоль желѣзнодорожнаго пути.

По рельсамъ, обгоняя насъ, мчались на сѣверъ поѣзда, груженые спасаемымъ добромъ. Картина была невиданая: каждый вагонъ, какъ кусокъ сахару—мухами, былъ густо облѣпленъ бѣглыми солдатами. Солдаты сидѣли на крышахъ вагоновъ, на буферахъ, на приступочкахъ, на тормозахъ, на тендерѣ...

Обозы прежнимъ густымъ потокомъ двигались по широкой колонной дорогѣ. Эта дорога была заблаговременно проложена русскими, но была проложена такъ заблаговременно, что ко дню отступленія добрая половина мостовъ сгнила и провалилась; обозы шли *мимо* мостовъ, накатывая дороги прямо черезъ русла замерзшихъ ручьевъ. Если бы была грязь, если бы были дожди?..

То и дѣло отъ потока обозовъ отдѣлялось нѣсколько повозокъ и направлялось къ лежавшимъ въ сторонѣ китайскимъ деревнямъ. Было видно, какъ солдаты стояли на скирдахъ и бросали въ повозки снопы каоляна и чумизы. Вокругъ солдатъ суетились и прыгали фигурки китайцевъ. Солдатъ взмахивалъ кулакомъ, и китаецъ кубаремъ летѣлъ со скирда на землю.

А на станціяхъ высились огромные склады фуража и провіанта. Рядами тянулись огромные «бунты» чумизной и рисовой соломы, по тридцать тысячъ пудовъ каждый; желтѣли горы жмыховъ, блестѣли цыновки зернохранилищъ, до верху наполненныхъ ячменемъ, каоляномъ и чумизою. Но получить оттуда что-нибудь было очень не легко. Мнѣ разсказывалъ одинъ офицеръ-стрѣлокъ. Онъ дрожалъ отъ бѣшенства и трясъ сжатыми кулаками.

— Послалъ я въ интендантство за консервами и ячменемъ, — не выдали, нужно требованіе. Написалъ требованіе, послалъ,—возвращаются люди ни съ чѣмъ: *требованіе должно быть написано чернилами, а не карандашомъ!*.. Ну, скажите, гдѣ тутъ достать чернилъ?! Слава Богу, что нашелся огрызокъ карандаша!.. Такъ и ушли безъ всего, а на завтра всѣ склады пожгли!

До самаго послѣдняго часа выдача каждаго пуда ячменя или соломы была обставлена неодолимыми формальностями. Когда указывалось на то, что вѣдь все равно же придется все сжигать, начальство грозно хмурило брови и въ негодованіи возражало:

— Что вы такое говорите?! Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

А ужъ вдалекѣ гремѣли пушки, и трещалъ пачечный огонь японцевъ. Тогда вдругъ дѣло мѣнялось. Бери всякій безъ всякихъ требованій, сколько хочешь и можешь, склады поливались керосиномъ и пылали.

— И вездѣ, вездѣ эта тайна, глупая, никому ненужная!— измученнымъ голосомъ говорилъ сѣдой артиллерійскій полковникъ.—До послѣдней минуты все отъ всѣхъ скрываютъ, а потомъ дымомъ пускаютъ на воздухъ милліоны!

Какой-то встрѣчный генералъ отдалъ распоряженіе: «Главнокомандующій приказалъ гнать подводы рысью. На ночевки не останавливаться!». Но вслѣдствіе плохихъ мостовъ и тѣсноты происходили постоянныя остановки, мы шли медленно. За день прошли всего четырнадцать верстъ и остановились на ночлегъ въ китайской деревнѣ.

При насъ была только часть изъ нашего уцѣлѣвшаго обоза. Не было также ни главнаго врача, ни смотрителя. Власть главнаго врача перешла къ старшему ординатору Гречихину, власть смотрителя—къ его помощнику Бруку. И только оттого, что не было съ нами тѣхъ двухъ людей, кругомъ стало чистоплотно и просторно. Командѣ нашей мы объявили, что примѣнимъ самыя строгія мѣры къ тому, кто стащитъ что-нибудь у китайцевъ. А чтобъ имъ не было въ этомъ нужды, мы купили имъ у китайцевъ для топлива каоляновой соломы, условились съ хозяевами, сколько заплатимъ за ночевку въ ихъ фанзахъ. И угрюмые китайцы вдругъ стали къ намъ предупредительны и радушны. Вошелъ въ фанзу трясущійся отъ дряхлости старикъ съ рѣдкою бородою и, улыбаясь, поставилъ на столъ двѣ зажженныхъ, толстыхъ красныхъ свѣчки.

— Капытана шибко шанго! — говорили китайцы, кивали головами и въ знакъ одобренія поднимали кверху большіе пальцы.

Наши солдаты хмурились и были недовольны. Ихъ возмущало до глубины души, что мы платимъ китайцамъ, когда можемъ не платить. Зашелъ къ намъ на дворъ чужой солдатъ и сталъ ломать ворота. Я его прогналъ. Наши солдаты неодобрительно слѣдили за мною. Они сдержанно говорили:

— Хорошо, тепло. А то, хоть по мордѣ бей солдата, все растащитъ.

И они начинали доказывать, что такъ китайцамъ и нужно.

— Нашъ царь приказалъ имъ уволиться на двадцать пять верстъ отъ желѣзной дороги, а они чего тутъ торчатъ?

Разсказывали, какъ мучатъ китайцы захваченныхъ рус-

скихъ, какъ, бросая свои фанзы, начинаютъ печи порохомъ: затопятъ солдаты печку,—взрывъ, всѣхъ перебьетъ кирпичами. Я возражалъ:

— Ну, скажите, а если бы у насъ въ Россіи вотъ такъ же бы воевали между собою нѣмцы и турки, — вы бы иначе поступали?.. Разорили всѣхъ, разграбили, пустили по міру...

— Да, ваше благородіе! Это такъ на военной службѣ всегда полагается! Въ самой Россіи у насъ, на маневрахъ, и то никому ни на что запрета нѣту. У насъ полковой командиръ былъ. Придемъ съ маневровъ мокрые, рѣчку переходили. Мужикъ запретъ ригу,—«ломай замокъ, я отвѣчаю!». Все беремъ, что нужно, вездѣ намъ дорога вольная.

— Нѣтъ, ваше благородіе, что ни говорите, а они, китайцы эти, насъ ненавидятъ!

— Да, голубчикъ мой, ну, за что же насъ любить-то? Если бы мы съ ними обращались справедливо, не грабили ихъ, не били, тогда бы дѣло другое. А такъ за что же насъ любить?

— Нѣтъ, все равно! Что китайцы, что всякіе другіе католики,—имъ православный человѣкъ всегда ненавистенъ, рады его на куски разрѣзать.

Стемнѣло, мы собирались ложиться спать. По двору, какъ тѣнь, неслышно ходилъ китаецъ.

— Ходя (пріятель), ты чего тутъ? Спать пора!

Китаецъ отрицательно повелъ рукою:

— Капитанъ сыпи-сыпи (спи-спи), китаезъ клюгома ходи, сольдата ломайло!

Утромъ мы пошли дальше, къ вечеру пришли въ Каюань. Тамъ скопилась масса обозовъ и войсковыхъ частей. Мы ночевали въ фанзѣ рядомъ съ уральскими казаками. Они ругали пѣхоту, разсказывали, какъ дикими толпами пѣхотинцы бѣжали вдоль желѣзной дороги; Куропаткинъ послалъ уральцевъ преградить имъ отступленіе, — солдаты стали стрѣлять въ казаковъ.

Мы ужъ привыкли,—теперь всѣ ругали другъ друга. Кавалерія ругала пѣхоту и артиллерію, пѣхота—кавалерію и артиллерію и т. д. Солдаты ругали офицеровъ и генераловъ, офицеры—генераловъ и солдатъ, генералы—офицеровъ и солдатъ.

Объ окончаніи войны уральцы не хотѣли и слышать:

— Какъ войну кончать! Никогда еще этого съ Россіей не было. Стыдно домой ворочаться, бабы засмѣютъ, не будутъ слушаться.

На югѣ гремѣли пушки. Пришелъ новый приказъ — итти дальше на сѣверъ, въ Чантафу. Въ дорогѣ мы узнали, что Телинъ взятъ, и японцы продолжаютъ насѣдать.

При переѣздѣ черезъ какую-то рѣчку мы нагнали уцѣлѣвшую другую часть нашего обоза. При немъ были главный врачъ и смотритель, были также двѣ сестры (остальныя сестры были съ нами).

Главный врачъ охотно и долго разсказывалъ о своихъ скитаніяхъ вмѣстѣ со смотрителемъ, о лишеніяхъ, испытанныхъ ими въ дорогѣ. А пріѣхавшія съ ними сестры сообщали о нихъ странныя вещи. Послѣ обстрѣла, которому подвергся нашъ обозъ, главный врачъ и смотритель исчезли, и никто ихъ ужъ не встрѣчалъ. Сестры ѣхали съ частью обоза, гдѣ былъ и денежный ящикъ. Офицерскаго чина не было, командовалъ обозомъ унтеръ-офицеръ Сметанниковъ. Онъ распоряжался умѣло и энергично, сестры встрѣтили съ его стороны столько заботливости, сколько никогда не видѣли отъ главнаго врача и смотрителя. Пріѣхали въ Телинъ, стали бивакомъ. Вдругъ узнаютъ, что главный врачъ и смотритель здѣсь же, въ Телинѣ, ужинаютъ на вокзалѣ. Команда ужасно обрадовалась, Сметанниковъ поскакалъ на вокзалъ. Но главный врачъ къ обозу не поѣхалъ; онъ только велѣлъ Сметанникову стоять и безъ его распоряженія не уходить, хотя бы всѣмъ грозилъ плѣнъ. Переночевалъ обозъ. На югѣ гремѣли пушки, японцы наступали. Главный врачъ и смотритель опять исчезли.

Сметанниковъ не зналъ, что дѣлать. Солдаты угрожающе насѣдали на него:

— Душегубъ! Чего намъ тутъ стоять? Видишь, всѣ уходятъ!.. Старшему-то врачу хорошо говорить, его въ плѣнъ возьмутъ, а насъ раньше плѣна всѣхъ перерѣжутъ.

А тутъ еще подвернулся проѣзжій казакъ.

— Дурье, чего стоите? Уходите, сейчасъ тутъ японецъ будетъ.

Посовѣтовался Сметанниковъ съ сестрами и рѣшилъ ѣхать. Черезъ полтора сутокъ къ нимъ, наконецъ, присоединились главный врачъ и смотритель. Сестры боялись, какъ бы Сметанникову не пришлось отвѣчать за самовольный уходъ. Онѣ сказали главному врачу:

— Это мы виноваты, что обозъ ушелъ изъ Телина, мы велѣли Сметанникову.

Давыдовъ равнодушно отвѣтилъ:

— Конечно, такъ и нужно было... Чего же тамъ было стоять?

Догадываясь и боясь вѣрить своей догадкѣ, сестры осторожно оглядывались и шопотомъ сообщали:

— Вы знаете, у насъ получилось такое впечатлѣніе, — главному врачу очень хотѣлось, чтобъ денежный ящикъ попалъ въ руки японцевъ...

Пахну́ло такимъ душевнымъ смрадомъ, какого не хотѣлось ждать даже отъ Давыдова. И я вспомнилъ: еще въ самомъ началѣ отступленія главный врачъ мелькомъ сказалъ, что для вѣрности переложитъ деньги изъ денежнаго ящика себѣ въ карманъ... Уу, воронье!..

И сколько такого воронья — наглаго, хищнаго и тупо-жаднаго — кружилось надъ отступавшею, измученною арміей и надъ многострадальнымъ маньчжурскимъ краемъ!

Нашъ обозъ остановился: впереди образовался обычный заторъ обозовъ. Съ главнымъ врачомъ разговаривалъ чистенькій артиллерійскій подполковникъ, начальникъ парковой бригады. Онъ только недѣлю назадъ прибылъ изъ Россіи и ужасно огорчался, что, по общему мнѣнію, войнѣ конецъ. Разспрашивалъ Давыдова, давно ли онъ на войнѣ, много ли «заработалъ».

— Хороша у васъ пара лошадокъ, — говорилъ главный врачъ, большой любитель лошадей.

— А что̀, правда, недурненькія?

— Собственныя?

— Да. Купилъ по сорокъ рублей пару бракованныхъ лошадей, ихъ отдалъ въ часть, а оттуда выбралъ вотъ эту парочку. Хороши?

Отъ ближней китайской деревни шли къ обозамъ артиллеристы и несли на плечахъ по связкѣ сноповъ чумизной соломы. Подскакали верхомъ два взволнованныхъ китайца. Одинъ изъ нихъ, переводчикъ, съ тонкимъ, интеллигентнымъ лицомъ, обратился на чистомъ русскомъ языкѣ къ подполковнику:

— Посмотрите! Ваши солдаты тащатъ у китайцевъ солому.

Подполковникъ отвернулся:

— Не одни мои солдаты тащатъ!

И онъ тронулъ лошадь шпорами. Переводчикъ, закусивъ губы, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Терпѣніе китайцевъ скоро лопнетъ, и мы начнемъ въ васъ стрѣлять! — гнѣвно крикнулъ онъ и медленно поѣхалъ прочь.

На душѣ было горько-смѣшно: гдѣ предѣлъ, чтобы наконецъ лопнуло китайское терпѣніе?

Мы простояли въ Чантафу двое сутокъ. Пришла вѣсть, что Куропаткинъ смѣщенъ и отозванъ въ Петербургъ. Вечеромъ наши госпитали получили приказъ отъ начальника санитарной части третьей арміи, генерала Четыркина. Нашему госпиталю предписывалось итти на сѣверъ, остановиться у разъѣзда № 86, раскинуть тамъ шатеръ и стоять до 8 марта, а тогда, въ двѣнадцать часовъ дня (вотъ какъ точно!), не ожидая приказанія, итти въ Гунчжулинъ.

Но мы при отступленіи потеряли половину обоза, функціонировать въ качествѣ госпиталя не имѣли возможности, и объ этомъ, конечно, своевременно было сообщено генералу. Однако приказаніе нужно было исполнять.

Выступили мы. Опять по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго пути тянулись на сѣверъ безконечные обозы и отступавшія части. Разсказывали, что японцы уже взяли Каюань, что уже подожженъ разъѣздъ за Каюанемъ. Опять насъ обгоняли поѣзда, и опять всѣ вагоны были густо облѣплены бѣглыми солдатами. Передавали, что въ Гунчжулинѣ задержано больше сорока тысячъ бѣглыхъ, что пятьдесятъ офицеровъ отдано подъ судъ, что идутъ безпощадные разстрѣлы.

Часа въ четыре дня мы пришли на назначенный разъѣздъ. Полная пустыня, — ни одной деревеньки вблизи, ни рѣки, ни деревьевъ; только одинъ маленькій колодецъ, въ которомъ воды хватало на десятокъ лошадей, не больше. Главный врачъ телеграфировалъ Четыркину, что на разъѣздѣ нѣтъ ни дровъ, ни фуража, ни воды, что госпиталь функціонировать здѣсь не можетъ, и просилъ разрѣшенія стать гдѣнибудь на другомъ мѣстѣ.

Переночевали. Отвѣта на телеграмму не было. Но теперь, съ распатавшеюся спайкою, все дѣлалось очень легко и просто. Мы снялись безъ разрѣшенія и пошли къ Сыпингаю.

Сыпингай кишѣлъ войсками и учрежденіями. У станціи стоялъ роскошный поѣздъ новаго главнокомандующаго, Леневича. Поѣздъ сверкалъ зеркальными стеклами, въ вагонѣ-кухнѣ работали повара. По платформѣ расхаживали штабные, — чистенькіе, нарядные, откормленные, — и странно было видѣть ихъ среди проходившихъ мимо изнуренныхъ, покрытыхъ пылью офицеровъ и солдатъ. Рождалась злоба и вражда.

Шли и расползались волнующіе, зловѣщіе слухи: японцы уже въ двадцати верстахъ отъ Сыпингая: Ноги съ шестидесятитысячною арміею подходитъ съ тыла къ Гирину; японцы захватили часть обоза Куропаткина, и въ ихъ руки попали планы обороны Владивостока. Общее впечатлѣніе было, что продолжать войну совершенно немыслимо, что войска деморализованы до крайней степени. У всѣхъ на устахъ было одно слово, — «Седанъ». А между тѣмъ сообщали, что въ Петербургѣ рѣшено продолжать войну во что бы то ни стало, что главнокомандующимъ, «для подъема духа арміи», назначается великій князь Николай Николаевичъ...

Все вокругъ давало впечатлѣніе безмѣрной всеобщей растерянности и непроходимой бестолочи. Встрѣтилъ я знакомаго офицера изъ штаба нашей арміи. Онъ разсказалъ, что, по

слухамъ, параллельно нашимъ войскамъ, за пятнадцать верстъ отъ желѣзной дороги, идетъ японская колонна.

— Но вѣдь это же можно вѣрно установить развѣдками!— съ недоумѣніемъ возразилъ я.

— Э, вы не можете себѣ представить, что̀ сейчасъ дѣлается въ штабахъ! Это сказка какая-то, которой свѣжій человѣкъ не повѣритъ. Казалось бы, чего ужъ горячѣй время, чѣмъ теперь, штабы должны бы работать день и ночь. А всѣ сидятъ сложа руки. Я себѣ *выдумалъ* дѣло, чтобъ не видѣть, что̀ кругомъ... И только одинъ горячій, поднимающій интересъ у всѣхъ—къ наградамъ. Только о наградахъ вездѣ и говорятъ.

Разсказывали много анекдотовъ про освѣдомленность японцевъ.

Къ нашему генералу приводятъ плѣннаго японскаго офицера. Генералъ въ это время отдаетъ приказаніе ординарцу:

— Поѣзжайте сейчасъ же къ командиру N—скаго полка и передайте ему то-то.

— А гдѣ, ваше превосходительство, стоитъ полкъ?

— Гдѣ?.. Какъ ее, деревню эту?..

Генералъ припоминаетъ и безпомощно щелкаетъ пальцами. Японецъ предупредительно приходитъ ему на помощь:

— N—скій полкъ, ваше превосходительство, стоитъ въ деревнѣ Z.

Другой анекдотъ:

Казакъ доставляетъ въ штабъ человѣка въ русской офицерской формѣ и докладываетъ, что поймалъ переодѣтаго японскаго шпіона.

— Да это русскій офицеръ!

— Никакъ нѣтъ, японецъ.

— Да русскій же. Что̀ ты городишь?

— Японецъ, вѣрно говорю: первое, — больно хорошо по-русски говоритъ, а главное,—великолѣпно знаетъ расположеніе нашихъ войскъ.

Мы простояли въ Сыпингаѣ нѣсколько дней и 8-го марта, въ 12 час. дня, исполняя предписаніе генерала Четыркина, выступили въ Гунчжулинъ.

Теперь дороги были просторны и пусты: большинство обозовъ уже ушло на сѣверъ. Носились слухи, что вокругъ рыщутъ шайки хунхузовъ и нападаютъ на отдѣльно идущія части. По вечерамъ, когда мы шли въ темнотѣ по горамъ, на отрогахъ сопокъ загадочно загоралась сухая прошлогодняя трава, и длинныя ленты огня ползли мимо насъ, а кругомъ была тишина и безлюдіе. Говорили, что это китайцы указы-

ваютъ японцамъ пути отступленія русскихъ. На душѣ было жутко и нервно.

Кое-гдѣ въ встрѣчныхъ деревняхъ стояли сторожевыя охраненія въ одну или двѣ роты. Однажды утромъ проѣхали мы такую деревню, спускаемся на равнину. По лощинѣ, сломя голову, мчалось штукъ пять черныхъ китайскихъ свиней, а за ними, широко вытянувшись по равнинѣ, бѣжали солдаты съ винтовками. Иногда то тотъ, то другой солдатъ присѣдалъ, дѣлалъ что-то непонятное и бѣжалъ дальше. Наша команда съ жаднымъ, сочувственнымъ интересомъ слѣдила за происходившимъ.

— О, здорово! Попалъ... Кувыркнулась!

— Нѣтъ, мимо. Ранилъ только... Опять побѣжала.

— «Побѣжала»!.. Гдѣ жъ побѣжала? Вонъ штыкомъ прикалываетъ.

Солдаты стрѣляли по свиньямъ; вѣтеръ дулъ отъ насъ, и выстрѣловъ не было слышно, только слабо сверкали огоньки у дулъ винтовокъ.

Четыре солдата бѣжали свиньямъ наперерѣзъ. Одинъ присѣлъ, выстрѣлилъ съ колѣна, — мимо. Пуля, ноя, пронеслась надъ нашими головами. Солдаты, какъ маленькіе ребята, все забыли, увлекшись охотою. Мелькали огоньки выстрѣловъ, свистѣли пули...

Не вѣрилось глазамъ: это—въ двухъ шагахъ отъ японцевъ, это—въ то время, когда ложная боевая тревога можетъ повести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ!..

Изъ-за горки показались три осторожно вглядывающихся казака съ пиками. Солдаты съ торжествомъ тащили къ деревнѣ убитыхъ свиней.

Въ облегченномъ оживленіи отъ отсутствія жданой опасности, казаки подскакали къ солдатамъ и стали ихъ ругать. Возмущенный главный врачъ кричалъ:

— Эй, казаки! Арестовать ихъ!.. Веди ихъ сюда!

Казаки подвели двухъ испуганныхъ солдатъ съ бѣлыми, какъ известка, лицами. Одинъ былъ молодой, безусый парень, другой—съ черною бородкою, лѣтъ за тридцать. Казаки разсказывали:

— Шла наша сотня вдоль пути, вдругъ слышимъ,—пальба, надъ головами зазыкали пули. Командиръ послалъ насъ развѣдать, а это они, подлецы!

— Отверни штыки! — распоряжался главный врачъ. — Посмотрѣть, заряжены ли у нихъ винтовки!.. Ах-хъ, вы, сукины дѣти, а?!. Подъ судъ безъ разговоровъ!.. Иди за нами!

Казаки поскакали догонять свою сотню. Мы двинулись

дальше, сопровождаемые арестованными. Они шли, медленно ворочая широко открытыми глазами, блѣдные отъ нежданно свалившейся бѣды. Наши солдаты сочувственно заговаривали съ ними.

На берегу рѣки, подъ откосомъ, лежалъ, понуривъ голову, отставшій отъ гурта волъ. У главнаго врача разгорѣлись глаза. Онъ остановилъ обозъ, спустился къ рѣкѣ, велѣлъ прирѣзать быка и взять съ собою его мясо. Новый барышъ ему рублей въ сотню. Солдаты ворчали и говорили:

— Можетъ, онъ больной какой! Все равно, не станемъ его ѣсть!

Главный врачъ притворялся, что не слышитъ ворчаній, тыкалъ пальцемъ въ окровавленное легкое и говорилъ:

— Э!.. Совсѣмъ здоровый! Прямо грѣхъ столько мяса бросать на дорогѣ!

Къ арестованнымъ не было приставлено караула. Они воспользовались отвлеченнымъ отъ нихъ вниманіемъ и скрылись.

Пришли мы въ Гунчжулинъ. Онъ тоже весь былъ переполненъ войсками. Помощникъ смотрителя Брукъ съ частью обоза стоялъ здѣсь уже дней пять. Главный врачъ отправилъ его сюда съ лишнимъ имуществомъ съ разъѣзда, на который мы были назначены генераломъ Четыркинымъ. Брукъ разсказывалъ: пріѣхавъ, онъ обратился въ мѣстное интендантство за ячменемъ. Лошади уже съ недѣлю ѣли одну солому. Въ интендантствѣ его спросили:

— Вашъ госпиталь откуда?

— Изъ-подъ Мукдена.

— А, изъ-подъ Мукдена! Нѣтъ вамъ ячменю: мы бѣглымъ не даемъ!

И не дали... Здѣсь сказался тотъ удивительный «патріотизмъ», которымъ такъ блисталъ въ эту войну тылъ, ни разу не нюхавшій пороху. Все время, до самаго мира, этотъ тылъ изъ своего безопаснаго далека горѣлъ воинственнымъ азартомъ, обливалъ презрѣніемъ истекавшую кровью армію и взывалъ къ «чести и славѣ Россіи».

Но нужно и то сказать: героизмъ, отвага, самопожертвованіе были тамъ, назади; а здѣсь больше всего бросалась въ глаза человѣческая трусость, безстыдство, моральная грязь,— всѣ темные отбросы, которые въ первую очередь выплеснула изъ себя гигантская волна отступавшей арміи.

Въ буфетѣ встрѣтилъ я офицерика одного изъ нашихъ полковъ; командиръ его роты былъ убитъ въ самомъ началѣ боя, и командованіе перешло къ нему.

— Вы какъ здѣсь?

Онъ весело отвѣтилъ:

— Да вотъ, заболѣлъ! Ревматизмъ въ ногахъ. Обращался въ госпиталь, не принимаютъ.

— И давно вы здѣсь?

— Недѣли полторы.

— Кто же вашею ротою командуетъ?

— Тамъ у насъ заурядъ-прапорщикъ одинъ есть.

— А что же вы тутъ дѣлаете?

— Поджидаю нашъ полкъ.

Онъ его здѣсь поджидаетъ!.. И самъ — весело-беззаботный, жизнерадостный, даже не понимающій позора своего поступка!

На поѣздахъ, шедшихъ на сѣверъ, все проѣзжали бѣглые солдаты. Были командированы спеціальные офицеры ловить ихъ. Сидитъ такой офицеръ въ вагонѣ-теплушкѣ. Въ вагонѣ темно, снаружи ярко свѣтитъ мѣсяцъ. Вырисовывается фигура лѣзущаго въ вагонъ солдата съ винтовкой.

— Эй, борода! Куда?

— Ничего, землячки, я одинъ!

— Ты куда ѣдешь-то?

— Да повка своего ищу.

— Это ты въ Харбинъ ѣдешь «повка» своего искать?

И солдата арестовывали.

Знакомый врачъ, завѣдывавшій дезинфекціоннымъ поѣздомъ, разсказывалъ мнѣ: при отступленіи отъ Мукдена въ свободный вагонъ-теплушку набились раненые офицеры. Пріѣхалъ поѣздъ въ Куанчендзы. Вдругъ многіе изъ «раненыхъ» скинули съ себя повязки, вылѣзли изъ вагона и спокойно разошлись въ разныя стороны. Повязки были наложены на здоровое тѣло!.. Одинъ подполковникъ, съ густо забинтованнымъ глазомъ, сообщилъ доктору, что онъ раненъ снарядомъ въ роговую оболочку. Докторъ снялъ повязку, ожидая увидѣть огромную рану. Глазъ совсѣмъ здоровый.

— Куда жъ вы ранены?

— Я не раненъ, а этого... Какъ это называется?.. Близко, знаете, пролетѣлъ снарядъ... Контузія... Я контуженъ въ роговую оболочку.

Теперь былъ полный просторъ для дѣятельности главнаго инспектора госпиталей Езерскаго, о которомъ я ужъ не мало разсказывалъ. Бывшій полицеймейстеръ попалъ въ свою сферу. Онъ рыскалъ по станціямъ, рыскалъ по поѣздамъ, устраивалъ форменные обыски и облавы. Разсказывали, что онъ нашелъ въ поѣздѣ двухъ офицеровъ, спрятавшихся отъ него подъ пустой котелъ на вагонѣ-платформѣ. Но генералъ Езерскій не

ограничивался ловлею бѣглыхъ въ товарныхъ и пассажирскихъ поѣздахъ. То же самое онъ продѣлывалъ и въ поѣздахъ санитарныхъ. Провѣрялъ и отмѣнялъ діагнозы врачей, высаживалъ больныхъ, которыхъ признавалъ здоровыми. Повидимому, дѣятельность его, наконецъ, обратила на себя вниманіе: его перевели куда-то въ тылъ, кажется, во Владивостокъ.

Наступленіе японцевъ остановилось. Понемножку все начинало приходить въ порядокъ. Связи между частями возстанавливались.

Ходили слухи, что разъѣзды наши нигдѣ не могутъ найти японцевъ. Всѣ они куда-то безслѣдно исчезли. Говорили, что они идутъ обходомъ по обѣ стороны желѣзной дороги, что одна армія подходитъ съ востока къ Гирину, другая съ запада къ Бодунэ.

Поздно вечеромъ 14-го марта наши два и еще шесть другихъ подвижныхъ госпиталей получили отъ генерала Четыркина новое предписаніе, — завтра, въ 12 час. дня, выступить и итти въ деревню Лидіатунь. Къ приказу были приложены кроки мѣстности съ обозначеніемъ главныхъ деревень на пути. Нужно было итти тридцать верстъ на сѣверъ вдоль желѣзной дороги до станціи Фанцзятунь, а оттуда верстъ двадцать на западъ.

Всѣ наши войсковыя части стояли здѣсь, въ Гунчжулинѣ. Для чего же намъ было итти туда, какая цѣль? Но не наше дѣло разсуждать. Отправились.

Погода измѣнилась. Было хмуро, холодно и вѣтрено. Къ вечеру засѣялъ мелкій дождь, а въ сумеркахъ пошелъ мокрый снѣгъ. Мы переночевали у разъѣзда въ крѣпостцѣ пограничниковъ, утромъ двинулись дальше. По данной схемѣ пора было сворачивать влѣво, вдали виднѣлась станція Фанцзятунь. Мы спрашивали встрѣчныхъ китайцевъ, гдѣ деревня Лидіатунь. Всѣ дружно указывали на востокъ отъ желѣзной дороги. А наша схема указывала на западъ. Тогда мы стали спрашивать о попутныхъ деревняхъ, нанесенныхъ на нашу схему,— Дава, Хуньшиміоза. Ихъ китайцы указывали на западъ.

Главный врачъ нанялъ китайца-проводника, но, по своей торгашеской привычкѣ, не условился предварительно о цѣнѣ, а просто сказалъ, что «моя тебѣ плати чэнь (деньги)». Китаецъ повелъ насъ. Снѣгъ все падалъ, было холодно и мокро. Подвигались мы впередъ медленно. Къ ночи остановились въ большой деревнѣ за семь верстъ отъ желѣзной дороги.

Кругомъ ни намека на присутствіе русскихъ войскъ. Ни одного солдата, ни одного казака. Только китайцы. Проѣхали

мимо другіе госпитали, отправленные вмѣстѣ съ нами. Всѣ недоумѣвали, всѣ ругали Четыркина.

— Куда же это онъ насъ посылаетъ? Куда-то въ глубь Китая, совсѣмъ однихъ! Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Просто, должно-быть, ткнулъ перстомъ въ карту, куда попало: направить мои госпитали вотъ сюда! А начальство будетъ видѣть, что онъ не сидитъ безъ дѣла, чѣмъ-то занятъ, что-то распредѣляетъ...

Мы ночевали въ большой, богатой фанзѣ у старика-китайца съ серьезныхъ, интеллигентнымъ лицомъ. Главный врачъ, какъ онъ всегда дѣлалъ на остановкахъ, успокоительно потрепалъ хозяина по плечу и сказалъ, чтобъ онъ не безпокоился, что за все ему будетъ заплачено.

Снѣгъ все падалъ, — мелкій, медленный, безъ вѣтра. Къ утру его нападало съ четверть аршина, и кругомъ былъ совсѣмъ зимній видъ. Главный врачъ рѣшилъ переждать здѣсь день, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Было скучно и тоскливо. Солдаты тащили изъ сараевъ, что попадало подъ руку. Старикъ-хозяинъ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, молчаливо расхаживалъ по двору, не протестовалъ и только оглядывалъ послѣ ухода солдатъ сараи. Стыдно было смотрѣть на его серьезное, задумчивое лицо съ отпечаткомъ какого-то своеобразнаго, аристократическаго изящества.

Наутро мы собрались уѣзжать. Главнаго врача обступили китайцы, у которыхъ онъ бралъ фуражъ, дрова, у которыхъ въ фанзахъ ночевали нижніе чины. Главный врачъ, какъ будто занятый какимъ-то дѣломъ, нетерпѣливо говорилъ:

— Да подождите вы! Потомъ!

Обозъ былъ готовъ, главному врачу подвели верховую лошадь.

— Ну, получите! — торопливо сказалъ главный врачъ и сталъ одѣлять обступившихъ его китайцевъ. Кому далъ полтинникъ, кому рубль. Нашему хозяину онъ далъ пятирублевку.

Китайцы загалдѣли, стали черезъ нашего проводника-переводчика высчитывать, сколько у нихъ солдаты пожгли дровъ и каоляновой соломы, сколько взяли для лошадей чумизы. Нашъ хозяинъ ничего не говорилъ. Онъ только держалъ въ рукахъ пятирублевку и грустно, какъ будто стыдясь за Давыдова, смотрѣлъ на него.

— Ничего вамъ больше не будетъ! Вотъ мошенники, а? — сердито говорилъ главный врачъ.

— Извѣстно, жулье! Все врутъ! — поддерживали его солдаты, враждебно поглядывая на китайцевъ.

— За глаза довольно, сколько имъ заплатилъ! А имъ все мало! — возмущался Давыдовъ.

Мы негодующе вмѣшались:

— Отчего вы въ такомъ случаѣ не сговариваетесь съ ними заранѣе насчетъ цѣны? Нуженъ каолянъ, нужна чумиза, — купите и заплатите деньги. А вы берете просто, не торгуетесь, даже не контролируете, сколько забираютъ солдаты.

— Это такіе подлецы, рады шкуру содрать!

— Не знаю, мы безъ васъ когда ѣхали, всегда отлично устраивались съ китайцами, и никакихъ у насъ недоразумѣній не бывало.

— Довольно! Цуба (прочь)! — крикнулъ Давыдовъ на китайцевъ и сѣлъ на свою лошадь. — Ѣдемъ!.. Ходя (пріятель), веди! — обратился онъ къ проводнику.

Проводникъ смотрѣлъ на него негодующими глазами.

— Моя не хочетъ! — заявилъ онъ.

Главный врачъ опѣшилъ.

— Я тебѣ два рубля заплачу, — лянга рубли! — сказалъ онъ, поднявъ кверху два пальца.

Проводникъ мотнулъ головою и пошелъ прочь.

Мы поѣхали безъ проводника. Въ сосѣдней деревнѣ Давыдовъ нанялъ другого китайца вести насъ въ Лидіатунь.

Новый проводникъ былъ здоровенный парень съ обмотанною вокругъ макушки толстою косою, съ наглыми, чему-то смѣющимися глазами. Онъ шелъ впереди обоза, опираясь на длинную палку, ступая по снѣгу своими китайскими броднями съ характерными ушками на тылѣ стопы. Было морозно, снѣгъ блестѣлъ подъ солнцемъ. Дороги были какія-то глухія, мало наѣзженныя. Далеко назади осталась желѣзная дорога, по снѣгу чуть слышно доносились свистки и грохотъ проходящихъ поѣздовъ. Наконецъ и эти звуки утонули въ снѣжной тишинѣ.

Мы шли и шли дальше. Нигдѣ ни одного русскаго лица. Деревень здѣсь почти не было, были отдѣльные, густо разсѣянные хутора по три, по четыре фанзы вмѣстѣ. Китайцы у воротъ внимательно и по-обычному молчаливо-безстрастно провожали насъ взглядами.

Сіяло солнце, сверкалъ снѣгъ. Солдаты инстинктивно жались ближе къ повозкамъ. Проводникъ въ мѣховомъ треухѣ молча шагалъ впереди обоза, опираясь на длинную палку и все смѣясь чему-то своими наглыми, выпуклыми глазами.

— Ваше благородіе, это что же, — китайскій Сусанинъ насъ ведетъ? — спросилъ меня каптенармусъ.

Было очень похоже на то...

Дошли мы наконецъ до деревни Хуньшиміоза. Здѣсь окончательно узнали, что никакой Лидіатуни въ округѣ нѣтъ, —

есть деревни Лидіу и Лидіафань. Вдали виднѣлись стоянки раньше пришедшихъ госпиталей. Они расположились въ большой деревнѣ Лидіафань. Всѣ фанзы были заняты, намъ не осталось ни одной. И здѣсь у всѣхъ было ощущеніе недоумѣнія и заброшенности. Одинъ изъ госпиталей ночевалъ вчера въ деревнѣ, гдѣ наканунѣ, по словамъ китайцевъ, провелъ ночь большой отрядъ хорошо вооруженныхъ хунхузовъ.

Нашъ госпиталь сталъ въ небольшомъ хуторѣ версты за двѣ отъ Лидіафани.

Китайцы поспѣшно уносили на коромыслахъ куда-то вдаль корзины и мѣшки съ имуществомъ. Наши хозяева любезно разговаривали съ нами, любезно улыбались, и въ то же время озабоченно и быстро переговаривались между собою, поглядывая на расхищаемые солдатами стожки каоляна. Смотритель всегда равнодушно и лѣниво допускалъ грабежъ. Но теперь онъ вдругъ набросился на солдатъ и грозно заявилъ, что, если кто-нибудь хоть хворостину возьметъ у китайцевъ безъ его разрѣшенія, онъ того сейчасъ же отдастъ подъ судъ.

Теперь, когда кругомъ запахло опасностью, смотритель рѣзко измѣнился. Сталъ скроменъ и задумчивъ, вдругъ вспомнилъ о своихъ правахъ и началъ самъ, помимо главнаго врача, закупать провіантъ и фуражъ, за все платя наличными деньгами. Главный врачъ хмурился и ссорился съ нимъ, но смотритель былъ теперь твердъ и рѣшителенъ. Китайцы нашли себѣ въ немъ горячаго защитника. За командою своею онъ строго слѣдилъ, чтобъ не грабили. Повѣяло маленькою опасностью, маленькою возможностью отпора, — и вдругъ такъ легко оказалось устраиваться съ китайцами, не обижая ихъ!

Мы простояли день, другой. На имя главнаго врача одного изъ госпиталей пришелъ новый приказъ Четыркина, — всѣмъ госпиталямъ развернуться, и такому-то госпиталю принимать тяжело-раненыхъ, такому-то — заразныхъ больныхъ и т. д. Нашему госпиталю предписывалось принимать «легко-больныхъ и легко-раненыхъ, до излѣченія». Всѣ хохотали. Конечно, ни одинъ изъ госпиталей не развернулся, потому что принимать было некого.

Свѣтъ понемножку таялъ. Стояла холодная черно-бѣлая слякоть. Ночи были непроглядно-темныя. Вокругъ хутора у насъ ходилъ патруль, на дворѣ и у воротъ стояло по часовому. Но въ двухъ шагахъ не было ничего видно, и хунхузы легко могли подойти безъ выстрѣла къ самому хутору. А они были теперь вооружены японскими винтовками, обучены строю и производили наступленіе по всѣмъ правиламъ тактики.

Однажды поздно вечеромъ, когда мы уже ложились спать, по дорогѣ, а затѣмъ на дворѣ нашей фанзы раздался частый, дробный топотъ скачущей лошади. Вошелъ чужой, блѣдный солдатъ и подалъ смотрителю записку. Она была отъ смотрителя сосѣдняго госпиталя.

«По доходящимъ слухамъ, этою ночью большая партія хунхузовъ собирается произвести нападеніе на наши госпитали, о чемъ сообщаю вамъ для свѣдѣнія».

По всѣмъ душамъ пронеслась тревога. Смотритель поблѣднѣлъ и послалъ денщика за фельдфебелемъ.

— У васъ тамъ, кажется, есть охранная рота? — спросилъ онъ солдата, привезшаго записку.

— Такъ точно.

Смотритель послалъ съ нимъ записку, въ которой просилъ, въ виду нашего отдаленнаго нахожденія, прислать намъ на подмогу взводъ изъ охранной роты.

Своихъ штыковъ у насъ было восемьдесятъ пять, считая денщиковъ и кашеваровъ. Сорокъ солдатъ оцѣпили со всѣхъ сторонъ нашъ хуторъ, остальнымъ приказано было спать одѣтыми, съ заряженными винтовками подъ рукою. На дворѣ было темно, какъ въ погребѣ. Мы и фельдшера осматривали свои револьверы.

— Ну, китайца что̀ бояться! Не японецъ! — презрительно говорили солдаты. — Я одинъ на себя два десятка возьму.

— А ни одного китайца сегодня на всемъ хуторѣ нѣту. Видно, упредили ихъ, всѣ ушли. А вчера сколько ихъ было въ фанзы набившись!

— Ну, всѣ тутъ! Они въ соломѣ ночуютъ, на дворѣ.

Но китайцы, дѣйствительно, исчезли.

— Вотъ сволочь какая! — негодовали и изумлялись солдаты. — Сразу видно было. Всѣ на тебя такъ и смотрятъ, словно волки. Вотъ, этотъ хозяинъ нашъ, хромой: вчера взяли мы у него въ клѣти картошки, — такъ и ѣлъ насъ глазами! Всѣхъ бы ихъ слѣдовало переколоть.

Часъ шелъ, другой. Охраннаго взвода не прислали. Смотритель, обвѣшанный поверхъ шинели оружіемъ, сидѣлъ и чутко прислушивался. Остальные дремали. Какъ глупо! Какъ все глупо!.. Сидимъ здѣсь, — безъ толку, безъ цѣли. Можетъ-быть, сейчасъ придется драться до послѣдняго вздоха, чтобы живьемъ не попасть въ руки людей, которыхъ мы же озлобили до озвѣрѣнія. И для чего все?

На столѣ лежала книжка: «Buch der Lieder». Гречихинъ, практикуясь въ нѣмецкомъ языкѣ, читалъ ее. Открылъ я книжку...

Am Ganges duftet's und leuchtet's,
Und Riesenbäume blühn.
Und schöne, stille Menschen
Vor Lotosblumen knien.

Старые, знакомые, прекрасные звуки... Раскрылось передъ душою что-то важное, чистое и свѣтлое. И такъ это было удивительно-далеко отъ всей окружающей темноты, слякоти, близости ненужной крови...

Нападенія въ эту ночь не было. Вѣроятно, китайцы сообщили хунхузамъ, что мы предупреждены и приготовились къ нападенію.

Наутро мы рѣшили перебраться въ деревню, гдѣ стояли остальные госпитали, чтобы быть вмѣстѣ. Главный врачъ уѣзжалъ въ казначейство на станцію Куанчендзы и написалъ письмо старшему въ чинѣ главному врачу; въ письмѣ онъ просилъ потѣсниться и дать въ деревнѣ мѣсто нашему госпиталю, такъ какъ, на основаніи приказа начальника санитарной части третьей арміи, мы тоже должны стоять въ этой деревнѣ. Шанцеръ и я поѣхали съ письмомъ.

Насъ принялъ высокій, сухой старичокъ съ сѣденькою бородкою, съ погонами статскаго совѣтника. Онъ медленно и методически перечиталъ письмо Давыдова. Одинъ разъ, потомъ другой, третій.

— Тутъ написано: «на основаніи приказа»... Какого приказа? — спросилъ онъ.

— Какъ какого? Да этотъ приказъ былъ переславъ намъ за вашею же подписью.

— Ахъ, этого... Но вѣдь тутъ нѣтъ мѣста, все занято. Чѣмъ же вамъ тамъ плохо?

Мы объяснили, что стоимъ одиноко и, въ случаѣ нападенія хунхузовъ, окажемся совсѣмъ безпомощными.

— Хунхузовъ боитесь? — съ усмѣшечкою спросилъ старичокъ. — Но вѣдь у васъ же есть команда, она вооружена винтовками.

— У васъ здѣсь въ деревнѣ семь командъ и цѣлая охранная рота, и то сегодня ночью вы не дали намъ даже взвода.

— Гм! — Старичокъ замолчалъ, какъ будто не слышалъ нашего возраженія.

— А здѣсь всѣ расположились очень широко, — продолжалъ Шанцеръ. — Въ вашемъ госпиталѣ, напр., отдѣльная большая фанза отведена подъ канцелярію, отдѣльная подъ аптеку. Это чрезмѣрная роскошь.

Старичокъ задумчиво смотрѣлъ на письмо, потомъ взглянулъ на наши погоны.

— Вы вѣдь младшіе ординаторы?

— Да.

— Ну, съ вами я, во всякомъ случаѣ, рѣшать этотъ вопросъ никакъ не считаю возможнымъ. Я пришлю сегодня вашему главному врачу письмо, съ предложеніемъ пожаловать ко мнѣ завтра въ десять часовъ утра, мы съ нимъ дѣло и обсудимъ... Больше ничѣмъ не могу служить?

Мы пили чай у младшихъ врачей его госпиталя. И у нихъ было, какъ почти вездѣ: младшіе врачи съ гадливымъ отвращеніемъ говорили о своемъ главномъ врачѣ и держались съ нимъ холодно-офиціально. Онъ былъ когда-то старшимъ врачомъ полка, потомъ долго служилъ дѣлопроизводителемъ при одномъ крупномъ военномъ госпиталѣ и оттуда попалъ на войну въ главные врачи. Медицину давно перезабылъ и живетъ только бумагою. Врачи расхохотались, когда узнали, что Шанцеръ нашелъ излишнимъ отдѣльное большое помѣщеніе для канцеляріи.

— Да вѣдь въ ней для него вся душа госпиталя! Врачи, аптека, палаты — это только неважные придатки къ канцеляріи! Бѣдняга-письмоводитель работаетъ у насъ по двадцать часовъ въ сутки, — пишетъ-пишетъ... Мы живемъ съ главнымъ врачомъ въ сосѣднихъ фанзахъ, встрѣчаемся десятокъ разъ въ день, а ежедневно получаемъ отъ него бумаги съ «предписаніями»... Посмотрѣли бы вы его приказы по госпиталю,—это цѣлые фоліанты!

Самъ старичокъ, оказалось, ужасно перетрусилъ, узнавъ о готовящемся нападеніи хунхузовъ, и слышать не хотѣлъ, чтобы послать намъ на помощь хоть одного солдата.

Зашли мы съ врачами еще въ другой госпиталь. Тамъ главный врачъ оказался человѣкомъ, но его госпиталь и самъ помѣщался очень тѣсно: всѣ помѣщенія захватилъ старичокъ статскій совѣтникъ. Какъ разъ вошелъ и самъ старичокъ.

— Вотъ-съ, слышали? Они хунхузовъ боятся! — съ усмѣшечкою сообщилъ онъ.

— Да понятное дѣло! Какой же смыслъ тамъ оставаться?— возразилъ главный врачъ, у котораго мы сидѣли. — Загнали насъ сюда къ чорту на кулички, — разумѣется, нужно держаться всѣмъ вмѣстѣ!

— И что это за удивительное распоряженіе Четыркина!— засмѣялся Шанцеръ.—Какой былъ смыслъ загнать насъ сюда?

— Это не наше дѣло разсуждать!—строго и сухо замѣтилъ старичокъ.—Вы сами, можетъ-быть, еще хуже распорядились бы.

— Ну, хуже ужъ, кажется, трудно!—усмѣхнулся одинъ изъ его врачей.

Заговорили о мукденскомъ разгромѣ, о видахъ на миръ.

— И когда вся эта грязная исторія кончится! — вздохнулъ кто-то.

Старичокъ широко и недоумѣвающе раскрылъ глаза.

— Какая грязная исторія? О чемъ вы говорите?..

Назавтра мы перебрались въ ихъ деревню, а черезъ два дня пришелъ новый приказъ Четыркина, — всѣмъ сняться и итти въ городъ Маймакай, за девяносто верстъ къ югу. Маршрутъ былъ расписанъ съ обычною точностью: въ первый день остановиться тамъ-то, — переходъ 18 верстъ, во второй день остановиться тамъ-то,—переходъ 35 верстъ, и т. д. Вечеромъ 25-го марта быть въ Маймакаѣ. Какъ мы убѣдились, все это было расписано безъ всякаго знанія качества дороги, и шли мы, конечно, не руководствуясь даннымъ маршрутомъ.

Отъ привезшаго приказъ офицера мы узнали пріятную вѣсть: нашъ корпусъ переводится изъ третьей арміи во вторую. Значитъ, мы уходимъ изъ-подъ попечительной власти генерала Четыркина.

— —

Утромъ мы выступили въ походъ.

Снѣгъ сталъ, дороги были еще грязныя, но начинало обсыхать. На поляхъ виднѣлись работающіе китайцы. Они выворачивали мотыками изъ грядъ каоляновые корни, вывозили на поля кучи перегною. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ больше начинало пахнуть русскимъ духомъ. По дорогѣ все чаще встрѣчались спѣшащія на сѣверъ арбы, нагруженныя китайскимъ имуществомъ, женщинами и дѣтьми.

Стали попадаться разрушенныя фанзы съ снятыми на топку крышами. Все больше ихъ. Вмѣсто хуторовъ — лишь кучи глины, соломы и остатки стѣнъ. Жилыя фанзы биткомъ набиты русскими солдатами. Китайцевъ становилось все меньше. По полямъ опять сновали стаи обездомѣвшихъ, пугливыхъ собакъ. Валились деревья подъ русскими топорами.

Знакомыя, приглядѣвшіяся картины. Мы въѣзжали въ родную атмосферу. Смотритель опять сталъ развязенъ и самоувѣренъ, главный врачъ опять безвозбранно обиралъ на ночевкахъ китайцевъ, платилъ имъ цѣлковые и полтинники и ругалъ мошенниками.

Черезъ три дня мы пришли въ Маймакай. Городъ былъ биткомъ набитъ войсками и бѣжавшими изъ деревень жителями. Жутко было войти въ фанзу, занятую китайцами. Какъ разлагающійся кусокъ мяса — червями, она кишѣла сбитыми

въ кучу людьми. Въ вони и грязи копошились мужчины, женщины и дѣти. здоровые и больные.

Въ штабѣ и лазаретѣ говорили о возможности близкаго отступленія. Разсказывали, что впереди на восемьдесять верстъ нигдѣ не находятъ японцевъ, что они гдѣ-то глубокимъ обходомъ идутъ на сѣверъ. Разсказывали, что японцы прислали намъ приглашеніе разговѣться у нихъ на Пасху въ Харбинѣ. Вспоминали, какъ они недавно приглашали насъ на блины въ Мукденъ... Рѣшено, какъ передавали, бросить сыпингайскія позиціи и отступить за Сунгари, къ Харбину.

X.

ВЪ ОЖИДАНІИ МИРА.

Насъ поставили за нѣсколько верстъ къ сѣверу отъ Майкакая, близъ Мандаринской дороги.

Днемъ дулъ сильный вѣтеръ. Къ вечеру онъ затихъ, заря нѣжно алѣла. Недалеко отъ нашей стоянки, у колодца, столпилась кучка солдатъ-артиллеристовъ. Я подошелъ. На землѣ, вытянувъ морду, неподвижно лежала лошадь, она медленно открывала и закрывала глаза. Около стоялъ артиллерійскій штабсъ-капитанъ. Мы откозыряли другъ другу.

— Что это, больна лошадь?—спросилъ я.

— Да... Все время еле ходила. А сейчасъ напоили, она вотъ упала и не можетъ встать. Задъ отнялся... Все — слѣдствіе 25-го февраля,—прибавилъ капитанъ, понизивъ голосъ, чтобы не слышали солдаты.—Масса лошадей надорвалась за отступленіе, дохнутъ теперь, какъ мухи.

— Вы здѣсь, поблизости стоите?

— Да, вонъ въ томъ хуторѣ на ночевку остановились. Завтра опять идемъ.

— Куда?

— Куда! Конечно, на сѣверъ! — съ усмѣшкою отвѣтилъ капитанъ.

— А что слышно про японцевъ?

— Говорятъ, ужъ подъ Гириномъ.—Мы пошли съ нимъ прочь отъ колодца.—А вы слышали? Съ 18-го марта ведутся мирные переговоры.

— Да что вы?

— Сегодня въ штабѣ нашей арміи получено извѣстіе: государь созвалъ земскій соборъ, объявилъ, что война оказалась для насъ неудачною, и что приходится заключить миръ.

Пришелъ я домой, разсказалъ нашимъ. Никого изъ нижнихъ чиновъ въ фанзѣ не было. Но ужъ черезъ пять минутъ по всѣмъ дворамъ, по всѣмъ фанзамъ, вездѣ оживленно разговаривали солдаты, слышались радостные разспросы, смѣхъ. И вездѣ звучало:

— Восемнадцатаго марта... Восемнадцатаго марта...

На тихомъ небѣ, надъ закатомъ, свѣтился узкій серпъ молодого мѣсяца. На душѣ было свѣтло и радостно, хотѣлось говорить, говорить съ каждымъ встрѣчнымъ о томъ, что кончилось кровавое безуміе, хотѣлось вѣрить самому и увѣрить другихъ. И вездѣ звучало:

— Восемнадцатаго марта... Восемнадцатаго марта...

Ко мнѣ подошли два солдата:

— Ваше благородіе, правду говорятъ, замиреніе будетъ?

— Говорятъ.

— А скажите, какъ,—придется *ему* платить?

— Вѣроятно, придется.

Они печально задумались.

— Нѣтъ, тогда лучше дальше воевать, а то что же?

Только-что произошелъ невѣроятный, небывалый въ нашей исторіи разгромъ русской арміи. А повсюду всѣ говорили только объ одномъ,—о наградахъ. Штабы кишѣли безчисленными представленіями къ наградамъ, награды посыпались, какъ изъ рога изобилія.

Наблюдалось то же самое, что и послѣ боя на Шахе, послѣ Ляоянскаго боя, послѣ всѣхъ предыдущихъ боевъ. Чуть не ежедневно въ приказахъ по арміямъ появлялись длиннѣйшіе списки лицъ, награжденныхъ боевыми отличіями. Если бы подсчитать всѣ эти сотни Станиславовъ, Аннъ и Владиміровъ съ мечами, этихъ безчисленныхъ солдатскихъ Георгіевъ, то можно бы подумать, что была побѣдоноснѣйшая изъ всѣхъ войнъ, увѣнчавшая нашу армію славнѣйшими лаврами. Какъ будто этимъ ливнемъ изъ крестовъ армія хотѣла скрыть отъ себя и другихъ тотъ стыдъ, который тайно грызъ ее; какъ будто хотѣла показать, сказать всему міру: да, почему-то насъ упорно преслѣдуютъ безпросвѣтныя неудачи, но каждый генералъ, каждый офицеръ, каждый солдатъ оказываетъ чудеса мужества, это сплошь—выдающіеся герои.

Офицеры, бывшіе на русско-турецкой войнѣ, поражались этимъ обиліемъ наградъ. Въ то время, по ихъ словамъ, не было ничего необычнаго, что офицеръ, участвовавшій въ двухъ-трехъ крупныхъ бояхъ, не имѣлъ ни одной награды. Красный анненскій темлякъ «за храбрость», какой-нибудь

маленькій орденъ съ мечами были уже цѣнными отличіями. Теперь же красный темлякъ, — въ офицерскомъ просторѣчіи именуемый «клюквою» или «брусникою», — почти сдѣлался простымъ ярлыкомъ, свидѣтельствовавшимъ только, что данный офицеръ участвовалъ въ бою. Въ штабахъ прямо говорили, что ужъ двѣ-то «очередныхъ» награды за войну получитъ каждый. Командиръ 10-го армейскаго корпуса, извѣстный К. В. Церпицкій, — одинъ изъ немногихъ генераловъ, оказавшихся достойными своего поста, — былъ вынужденъ издать по своему корпусу слѣдующій странный приказъ:

Въ будущемъ *строго воспрещаю представлять къ наградамъ всѣхъ офицеровъ поголовно* (!!), а представлять только заслуживающихъ наградъ своей храбростью, мужествомъ, распорядительностью и истиннымъ исполненіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей (*Приказъ войскамъ 10-го арм. корпуса*, 1905, № 39).

Какъ-то встрѣтилъ я одного артиллерійскаго офицера-неудачника, не получившаго за всю войну ни одной награды. Онъ острилъ: «пошлю свою карточку въ «Новое Время»: офицеръ, не получившій на театрѣ войны ни одной награды». И это, дѣйствительно, было такою рѣдкостью, что карточка вполнѣ заслуживала помѣщенія въ газетѣ.

Боевыя награды, ордена съ мечами, получали интенданты, контролеры, тыловые врачи. Такая крупная награда, какъ Владиміръ съ мечами, давалась штабнымъ офицерамъ «за разновременныя отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ». Станислава второй степени съ мечами, также «за отличіе въ разновременныхъ дѣлахъ съ японцами», получилъ отъ Куропаткина... «корреспондентъ, потомственный дворянинъ Немировичъ-Данченко»! (*Приказъ главноком.*, 1904, № 755).

Особенно щедро награждались штабные, и противъ нихъ въ арміи было сильное озлобленіе. Налетавшіе въ штабы изъ столицъ офицеры со связями откровенно называли свои поѣздки въ армію «крестовымъ походомъ». Передавали, — конечно, анекдотическое, но очень характерное, — разсужденіе такого офицера: «Вполнѣ понятно, что офицеръ на передовыхъ позиціяхъ получаетъ красный темлякъ, а я — Владиміра. Вѣдь онъ при этомъ сразу имѣетъ двѣ награды: во-первыхъ, — темлякъ, во-вторыхъ, — то, что остался живъ; а что можетъ быть выше этой награды? Мнѣ же и вся-то награда только въ орденѣ».

Уваженіе къ орденамъ въ арміи сильно пало. Въ Россіи, увидѣвъ обвѣшаннаго боевыми отличіями офицера, люди могли почтительно поглядывать на него, какъ на героя. Здѣсь, при видѣ такого офицера, прежде всего каждому приходила мысль:

— Охлопота-алъ!..

Столь же щедро и безтолково сыпались награды и на нижнихъ чиновъ. Высшее начальство, обходя госпитали, по собственной волѣ вѣшало георгіевскіе кресты тѣмъ, кому хотѣло. Разумѣется, боевыхъ заслугъ раненыхъ начальство не знало,—и кресты вѣшались тѣмъ, кто попадался на глаза, кто умѣлъ хорошо отвѣтить начальству, кто возбуждалъ сожалѣніе тяжестью своихъ пораненій. Разсказывали, — и если даже это неправда, то характерна самая возможность такихъ разсказовъ, — будто Линевичъ, обходя госпиталь, повѣсилъ георгіевскій крестъ на грудь тяжело раненому солдату, солдата же этого, какъ оказалось, пристрѣлилъ его собственный ротный командиръ за отказъ итти въ атаку. Въ Мозысани у насъ лежалъ одинъ солдатъ, которому пришлось ампутировать руку: полкъ былъ на отдыхѣ далеко за позиціями, залетѣлъ шальной 6-дюймовый снарядъ и оторвалъ солдату кисть руки. Случайно его увидѣлъ у насъ его корпусный командиръ и «изъ жалости» выхлопоталъ солдату георгіевскій крестъ. За солдата было очень пріятно, но какою же это являлось профанаціею «боевой» награды! Вмѣстѣ съ солдатомъ тѣмъ же снарядомъ было ранено нѣсколько воловъ изъ порціоннаго гурта. Вѣдь эти волы ничуть не въ меньшей мѣрѣ заслуживали георгіевскаго креста, чѣмъ солдатъ.

Быть на глазахъ начальства, тереться около начальства — это было весьма важно для полученія награды. Въ приложеніи къ Приказу главнокомандующаго (Линевича) отъ 19-го сентября 1905 года за № 2011 объявлено, что награждаются серебряною медалью съ надписью «за усердіе» на Станиславской лентѣ «за труды и отлично-усердную службу» *прислуги поѣзда главнокомандующаго*, — проводники вагоновъ такіе-то (семь человѣкъ) и смазчикъ такой-то. Я нисколько не сомнѣваюсь, что всѣ эти лица «отлично-усердно» несли свою легкую службу въ поѣздѣ главнокомандующаго, стоявшемъ цѣлыми недѣлями на одномъ мѣстѣ. Но вообще приказы были *очень* небогаты награжденіями поѣздной прислуги. А я видѣлъ какъ «отлично-усердно» несли свою крайне-тяжелую службу проводники и смазчики воинскихъ и санитарныхъ поѣздовъ.

Если даже признавать вообще пользу отличій и орденовъ, то все-таки совершенно неоспоримо, что такъ, какъ награжденія были поставлены въ нашей арміи, они приносили только вредъ. Странно награждать за простое исполненіе долга, — вѣдь за неисполненіе долга жестоко наказываютъ. Предполагается (всякій профанъ такъ именно и смотритъ на

боевой орденъ), что награжденный совершилъ что-то особенное, исключительное, изъ ряду выходящее. Но вѣдь такихъ на всю армію могутъ быть только десятки, ну, сотня-другая. Слава ихъ подвиговъ должна гремѣть по всему міру, имена ихъ должны быть извѣстны всякому. У насъ же награжденныхъ были многія тысячи, и о «подвигахъ» большинства можно было узнать только изъ наградныхъ списковъ.

Понятно, что только о наградахъ вездѣ и говорили, только о наградахъ и думали. Онѣ мелькали кругомъ, маня и дразня, такія доступныя, такія мало-требовательныя. Человѣкъ былъ въ бою, вокругъ него падали убитые и раненые, онъ однако не убѣжалъ,—какъ же не претендовать на награду?

Подобно офицерамъ, и солдаты каждый свой шагъ начинали считать достойнымъ награды. Въ концѣ года, уже послѣ заключенія мира, наши госпитали были расформированы и команды отправлены въ полки. Солдаты уходили сильно пьяные, былъ жестокій морозъ, одинъ свалился на дорогѣ и заснулъ. Его товарищъ воротился за полверсты назадъ и сказалъ, чтобы пьянаго подобрали. Назавтра онъ является къ главному врачу и требуетъ, чтобъ его представили къ медали «за спасеніе погибавшаго».

— Ты съ ума сошелъ?!

— Никакъ нѣтъ! Я васъ покорнѣйше прошу, какъ я его спасъ, то желаю медали... Какъ вамъ будетъ угодно!

— Да, дурья голова, пойми ты! Медаль дается, когда человѣка спасаютъ съ опасностью жизни. А ты что,—версту лишнюю прошелъ и за это требуешь медали!

— Какъ вамъ будетъ угодно! Не представите, буду жаловаться... За что обижаете?

Мы, младшіе врачи госпиталя, были уже представлены главнымъ врачомъ къ Станиславу третьей степени и получили его за полное ничегонедѣланіе въ бою на Шахе. Теперь, послѣ мукденскаго боя, главный врачъ представилъ насъ къ Аннѣ третьей степени съ мечами. Сестеръ онъ представилъ къ золотымъ медалямъ на аннинской лентѣ, а старшую сестру, уже имѣвшую золотую медаль,—къ серебряной медали на георгіевской лентѣ. Въ мотивировкѣ представленія было сказано, что мы перевязывали раненыхъ подъ огнемъ непріятеля. Мы смѣялись и возражали, что перевязывать мы ужъ потому не могли, что у насъ не было даже перевязочнаго матеріала. Только старшая сестра, которой для службы въ ея общинѣ очень была важна георгіевская ленточка, упорно, подъ всеобщими улыбками утверждала, что она перевязывала подъ

огнемъ. Главный врачъ всѣхъ насъ въ душѣ ненавидѣлъ, мы, не стѣсняясь, смѣялись при немъ надъ наградами, но онъ все-таки представлялъ насъ къ орденамъ, потому что это было выгодно: если отличились всѣ его подчиненные,—ясно, и самъ онъ заслуживалъ награды.

Въ султановскомъ госпиталѣ дѣло было поставлено еще шире. Султановъ представилъ Новицкую къ золотой медали на георгіевской лентѣ, остальныхъ сестеръ—къ серебрянымъ медалямъ на георгіевской лентѣ. Обо всѣхъ, разумѣется, также было написано, что онѣ перевязывали раненыхъ подъ огнемъ непріятеля, и что при этомъ особенно отличилась своею самоотверженностью сестра Новицкая.

Но начальникъ дивизіи былъ у насъ теперь другой. Еще къ Новому году прежній начальникъ дивизіи, вялый и покладистый старикъ, разстроился нервами и эвакуировался въ Россію. На его мѣсто попалъ генералъ умный, энергичный и самостоятельный. Въ концѣ мукденскаго боя, во время всеобщей паники, онъ въ порядкѣ привелъ свою дивизію съ лѣваго фланга къ желѣзной дорогѣ и задержалъ насѣдавшихъ японцевъ. Разсказывали, что Куропаткинъ сказалъ ему: «встрѣчаю перваго генерала, который не потерялъ головы». Этотъ генералъ совсѣмъ не хотѣлъ считаться съ особенными симпатіями, которыя питалъ корпусный командиръ къ султановскому госпиталю. За недѣлю до мукденскаго боя онъ дѣлалъ инспекторскій смотръ обоимъ нашимъ госпиталямъ, нашелъ у Султанова людей плохо устроенными, лошадей худыми, изнуренными, отчетность запущенною, и въ приказѣ по дивизіи сдѣлалъ всемогущему Султанову рѣзкій выговоръ.

Теперь начальникъ дивизіи запротестовалъ противъ султановскаго представленія сестеръ къ наградамъ. Онъ не находилъ никакихъ основаній выдѣлять Новицкую изъ другихъ сестеръ: если она, дѣйствительно, заслуживаетъ золотой медали, то одинаково заслуживаютъ ее и другія сестры. Заносчивая Новицкая ужасно этимъ возмущалась. Султановъ давалъ обѣдъ. За однимъ столомъ сидѣла «знать»,—корпусный командиръ, начальникъ штаба, Новицкая и Султановъ, за другимъ—остальныя сестры и штабные чиномъ помельче. Адъютантъ сообщилъ сестрамъ, что всѣхъ ихъ собираются представить къ золотымъ медалямъ. Новицкая услышала это и громко заявила:

— Мнѣ будетъ очень, очень непріятно, если меня сравняютъ со *всѣми*.

Послѣ этого корпусный сталъ еще сильнѣе настаивать передъ начальникомъ дивизіи, чтобъ остальнымъ сестрамъ были

даны серебряныя медали. Начальникъ дивизіи рѣшительно отвѣтилъ:

— Вотъ въ наградномъ листѣ графа для замѣчаній вашего высокопревосходительства, можете тамъ написать, что хотите. А я своего отзыва не измѣню.

Самъ Султановъ получилъ за мукденскій бой очень крупную награду. Однажды, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, корпусный пріѣхалъ на обѣдъ къ Султанову и за обѣдомъ торжественно повѣсилъ ему на шею Анну второй степени съ мечами.

Насъ передвинули верстъ на пять еще къ сѣверу, въ деревню Тай-пинь-шань. Мы стали за полверсты отъ Мандаринской дороги, въ просторной усадьбѣ, обнесенной глиняными стѣнами съ бойницами и башнями. Богатыя усадьбы всѣ здѣсь укрѣплены на случай нападенія хунхузовъ. Хозяина не было: онъ со своею семьею уѣхалъ въ Маймакай. Въ этой же усадьбѣ стоялъ обозъ одного пѣхотнаго полка.

Наступала весна. Почки набухали, пробивались веселыя стрѣлки молодой травы, желтоватыя луговины получали зеленоватый отсвѣтъ. Однажды подъ-вечеръ на дворѣ появился полный старикъ-китаецъ въ мѣховомъ треухѣ, съ рябымъ, безусымъ лицомъ. У него была старчески-добрая улыбка; онъ ковылялъ на больныхъ ногахъ, опираясь на длинную и тонкую палку. Китайцы-работники, почтительно глядя на него, сообщали намъ:

— Бульсой, бульсой (большой) капитанъ!.. Тхунъ-тхунъ хажаинъ!

И показывали руками кругомъ: хозяинъ надо всѣмъ.

Ковыляя на своихъ ножкахъ, старикъ ходилъ по двору и осматривалъ его, добродушно-любезно улыбался намъ, попросилъ у насъ разрѣшенія войти въ свою фанзу. Ему позволили. Онъ вошелъ, осмотрѣлся. Видимо, остался очень доволенъ, что ничего не сломано.

— Шанго (хорошо)!—сказалъ онъ.

— Ломайло мэ ю (ломать, портить ничего не будемъ)!—успокоительно говорили ему.

— Шанго!—повторилъ онъ.

Сѣлъ на дворѣ на ящикъ, посасывая свой аршинный чубукъ. Изъ боковой фанзы съ поднятыми верхними рамами оконъ доносились возгласы и пѣніе,—у насъ служили всенощную. Слышны были странныя моленія о страждущихъ, о мирѣ всего міра... Старикъ съ любопытствомъ прислушивался.

Помѣститься ему въ своей усадьбѣ было негдѣ: все было

занято нами и нашею командою. Къ ночи старикъ уѣхалъ обратно въ Маймакай.

Китайцы выѣзжали на поля. Начинался сѣвъ. Начальниковъ русскихъ частей объѣзжали два китайскихъ чиновника съ шариками на шляпахъ, со свитою изъ пестрыхъ китайскихъ полицейскихъ съ длинными палками. Чиновники предъявляли бумагу, въ которой власти просили русскихъ начальниковъ не препятствовать китайцамъ въ обработкѣ полей. Русскіе начальники прочитывали бумагу, великодушно кивали головами и заявляли чиновникамъ, что, конечно, конечно... какой тутъ даже можетъ быть разговоръ...

Однажды утромъ я услышалъ въ отдаленіи странные китайскіе крики, какой-то рыдающій вой... Я вышелъ. На второмъ, боковомъ дворѣ, гдѣ помѣщался полковой обозъ, толпился народъ,—солдаты и китайцы; стоялъ рядъ пустыхъ арбъ, запряженныхъ низкорослыми китайскими лошадьми и мулами. Около пустой ямы, выложенной цыновками, качаясь на больныхъ ногахъ, рыдалъ рябой старикъ-хозяинъ. Онъ выл, странно поднималъ руки къ небу, хватался за голову, и наклонялся, и заглядывалъ въ яму.

Въ этой ямѣ, подъ набросанными сверху каоляновыми кореш-ками, у старика было зарыто четыреста пудовъ каоляноваго зерна. Сегодня утромъ съ арбами и съ рабочими онъ пріѣхалъ, чтобъ взять сѣмена для сѣва, разрылъ яму,—она была пуста.

Начальникъ обоза, флегматическій капитанъ съ рыжими отвисшими усами, былъ здѣсь. Онъ съ равнодушнымъ любопытствомъ слѣдилъ за старикомъ, на вопросы переводчика удивленно пожималъ плечами и говорилъ, что каоляна никто не бралъ.

— Николай Сергѣевичъ, вы не знаете,—можетъ-быть, кто изъ нашихъ солдатъ взялъ?—спрашивалъ онъ прапорщика. Въ его голосѣ было что-то притворное и неестественное.

— Нѣтъ!

— Бралъ кто изъ васъ, ребята, его каолянъ? —обращался капитанъ къ командѣ.

— Никакъ нѣтъ! —неохотно отвѣчали солдаты, глядя въ сторону.

Старикъ прыгнулъ въ яму. Онъ валялся на днѣ, корчился въ конвульсивныхъ рыданіяхъ и что-то кричалъ по-китайски. Переводчикъ объяснилъ: старикъ проситъ закопать его въ ямѣ, потому что теперь ему, все равно, остается умирать съ голоду.

Солдаты, хмурые и угрюмые, молча расходились.

Вечеромъ денщики разсказали намъ: недѣли полторы назадъ

обозные солдаты случайно наткнулись на зарытый каолянъ и сообщили о немъ своему командиру. Капитанъ далъ каждому по три рубля, чтобъ никому не говорили, и глухою ночью, когда всѣ спали, перетаскалъ съ этими солдатами каолянъ въ свои амбары.

Я потомъ разспрашивалъ объ этомъ обозныхъ солдатъ. Они со злобою, съ презрѣніемъ разсказали то же самое и вовсе не хотѣли ничего скрывать.

— Мы что жъ! Что намъ прикажутъ, то солдатъ и долженъ дѣлать. А грѣхъ на командирѣ.

Только конюхъ Михеевъ, откопавшій каолянъ и сообщившій о немъ капитану, говорилъ:

— Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Послѣдняго китай лишился. Мнѣ за это Богъ отплатитъ.

Старикъ-хозяинъ исчезъ, и больше мы его ужъ не видѣли.

И вездѣ кругомъ шелъ обычный грабежъ. Разрушались на топливо фанзы, отбирались у китайцевъ послѣдніе запасы. Вышелъ тусклый приказъ главнокомандующаго:

Главнокомандующій приказалъ подтвердить, чтобы начальствующими лицами было обращено самое строгое вниманіе на сохраненіе въ цѣлости китайскихъ деревень въ тыловыхъ районахъ армій и на правильность эксплоатаціи мѣстныхъ запасовъ продовольствія и фуража (*Приказъ № 365*).

Опять сухою, безсильною бумажкою этотъ приказъ промелькнулъ и исчезъ.

Но, сравнительно съ прежнимъ, замѣчалось одно новое: непротивленіе и смиренное безмолвіе китайцевъ начинало исчезать. Сбывалось предсказаніе встрѣченнаго нами при отступленіи переводчика, что китайское терпѣніе скоро лопнетъ.

По утрамъ на Мандаринской дорогѣ то и дѣло находили зарѣзанныхъ или застрѣленныхъ солдатъ и казаковъ. Ѣздить по дорогамъ въ одиночку было опасно. Отправлявшіеся на фуражировку транспорты возвращались пустыми, въ повозкахъ лежали солдаты въ окровавленныхъ повязкахъ. Они разсказывали о схваткахъ съ хунхузами, о томъ, что китайцы цѣлыми деревнями, вооружившись чѣмъ попало, нападаютъ на нашихъ фуражировъ.

Было похоже, что начиналась партизанская война, свирѣпая и безпощадная, какъ всѣ партизанскія войны. Шли слухи, что недавно хунхузы захватили двухъ русскихъ офицеровъ, продѣли имъ въ носы желѣзныя кольца и на веревочкахъ, съ связанными назадъ руками, водятъ за собою; сами ѣдутъ верхомъ, а плѣнники бѣгутъ слѣдомъ; ночевать ихъ оставляютъ на дворѣ въ грязи и подъ дождемъ.

Въ концѣ апрѣля мы получили изъ штаба дивизіи слѣдующую странную телефонограмму:

Спѣшно. Командующій арміей приказалъ: немедленно предупредить обозы и учрежденія, находящіеся по тыловымъ путямъ, чтобы они были готовы къ отраженію нападенія конныхъ хунхузскихъ и японскихъ (!) отрядовъ.

Что̀ это такое? Въ тылу у насъ свободно бродятъ непріятельскіе отряды, бороться съ ними поручается нестроевымъ частямъ... Значитъ, фланги нашей арміи открыты, заслоновъ нѣтъ? Значитъ, вѣрны слухи, что въ одинъ прекрасный день обходная армія японцевъ можетъ отрѣзать русскимъ отступленіе и двинуться на насъ съ сѣвера?

Наутро пришелъ новый приказъ: предписывалось укрѣплять фланзы, дѣлать въ заборахъ бойницы, высылать впередъ дозоры, устроить сигнальныя вѣхи. Ночи опять были темныя, жутко-безпокойныя. Стонъ спящаго сосѣда принимался за отдаленный стонъ раненаго, каждый звукъ пріобрѣталъ грозное, настораживающее значеніе.

А добывать фуражъ становилось все труднѣе. Окрестныя деревни были опустошены. Лошади голодали, ихъ кормили гнилою соломою и гнилымъ каоляномъ. Настроеніе на позиціяхъ и въ ближнемъ тылу было угнетенное. Побѣды никто не ждалъ. Самые ярые патріоты-офицеры не разсчитывали на въ конецъ деморализованную армію. Они, правда, доказывали, что теперешнія позиціи буквально неприступны, что обходъ совершенно немыслимъ,—но то же самое говорилось и передъ ляоянскимъ, и передъ мукденскимъ боемъ, и серьезно никто въ это не вѣрилъ. Всѣ ждали и надѣялись лишь на одно: вотъ придетъ наконецъ балтійская эскадра, уничтожитъ японскій флотъ, отрѣжетъ японскую армію,—и тогда все измѣнится.

Разсказывали, что Линевичъ послалъ въ Петербургъ секретную телеграмму, гдѣ сообщалъ, что войскъ у насъ меньше, чѣмъ у японцевъ, духъ совершенно упалъ, на побѣду нѣтъ никакой надежды, нашей арміи грозитъ опасность умереть съ голоду. Онъ считаетъ долгомъ вѣрноподданнаго сообщить объ этомъ, а объ остальномъ, какъ солдатъ, разсуждать не смѣетъ: прикажутъ,—пойдетъ въ бой хоть съ ротою.

Про Куропаткина, оставшагося здѣсь командовать первой арміей, разсказывали, что онъ все свое время проводитъ на передовыхъ позиціяхъ, и у всѣхъ его приближенныхъ — впечатлѣніе, словно онъ упорно и настойчиво ищетъ смерти.

Апрѣль мѣсяцъ мы безъ дѣла простояли въ деревнѣ Тай-

пинь-шань. Въ началѣ мая насъ на то же бездѣлье передвинули верстъ на десять сѣвернѣе и поставили недалеко отъ станціи Годзядань. Султановскій госпиталь, какъ и прежде, все время стоялъ недалеко отъ штаба корпуса.

Деревья и поля уже густо зеленѣли, наступили жары. Повсюду на случай отступленія прокладывались и окапывались дороги, наводились мосты.

Мимо насъ проводили съ позиціи на станцію партіи плѣнныхъ японцевъ и хунхузовъ. Вмѣстѣ съ ними подъ конвоемъ шли и обезоруженные русскіе солдаты. Мы спрашивали конвойныхъ:

— Эти за что арестованы?

— За что нашего брата арестуютъ? Офицеровъ ругали,— угрюмо и неохотно отвѣчали конвойные.

Получено было секретное предписаніе тщательно вскрывать и просматривать письма, приходящія изъ Россіи на имя солдатъ, такъ какъ въ большомъ количествѣ присылались прокламаціи противоправительственнаго содержанія.

Приходили вѣсти о волненіяхъ въ Россіи, о забастовкахъ, о громадныхъ демонстраціяхъ. Офицеры острили:

— Вы слышали? Въ Россіи забастовали всѣ грудные младенцы. Требуютъ свободы слова и... свободы дѣйствій...

— Да, и въ Россію теперь возвращаться плохо, и тамъ дѣла неважныя...

— Ничего! Пріѣдемъ,—усмиримъ!

— Нѣтъ, господа, какъ мы пріѣдемъ? Вѣдь на улицу не показывайся. Читали, какъ въ Петербургѣ зимою избили одного генерала?

— А какъ насъ провожали, когда мы сюда ѣхали. Какъ «ура» кричали!

— Д-да... А теперь сторонкой, переулочкомъ проходи, а то изобьютъ.

— Такъ это же чернь!

— Да, да! Та самая, которая «ура» кричала!

— Чортъ возьми! Нѣтъ, ужъ лучше бы нашъ корпусъ оставили въ Сибири, а потомъ, когда все забудется, и воротиться.

Мрачный поручикъ съ краснымъ носомъ рѣшительно махалъ рукою:

— Это что ужъ говорить! Воротимся домой,—будутъ насъ студенты бить по мордѣ!

— Ну, это еще посмотримъ, кто кого!..

И глаза зловѣще загорались.

Съ 17-го мая по арміи пошли глухіе слухи, что гдѣ-то около Японіи балтійская эскадра разбита адмираломъ Того. Слухи съ каждымъ днемъ росли, становились настойчивѣе, опредѣленнѣе — и все невѣроятнѣе. Разсказывали, что эскадра совершенно уничтожена, лучшіе броненосцы потоплены, остальные захвачены японцами, Рождественскій и Небогатовъ въ плѣну, но Владивостокъ прорвался только одинъ крейсеръ; японскій же флотъ не понесъ никакихъ потерь. Самые крайніе пессимисты со смѣхомъ передавали эти «преувеличенные» слухи. Но день шелъ за днемъ, — невѣроятное оказывалось вѣрнымъ: грозный флотъ, который такъ восхваляли, вѣру въ который такъ усиленно старались вселить въ армію, — флотъ этотъ, словно игрушечный, разлетѣлся въ куски подъ дальнобойными орудіями Того, не принесши японцамъ никакого вреда. Оказывалось, балтійская эскадра была новою огромною глиняною пушкою, которая должна была только пугать японцевъ своимъ видомъ.

Отчаяніе, ужасъ, негодованіе царили въ арміи. Какъ все это могло случиться? Солдаты упорно отказывались вѣрить въ гибель эскадры.

— Можетъ, это такъ себѣ въ газетахъ написано, врутъ!

У всѣхъ ихъ было глубокое, все возраставшее недоумѣніе,— откуда у этого японца, о которомъ до войны даже не слыхалъ никто,—откуда у него эта волшебная непобѣдимость и сила?

— Ну, теперь ужъ миръ несомнѣненъ! — говорили всѣ съ увѣренностью.—Перейдены всѣ предѣлы безумія!

Слухи ползли, клубились и разрастались. Разсказывали, что японцы только и ждали морского боя, и теперь всѣми силами собираются ударить на насъ, подготовились они грандіозно, и если произойдетъ бой, то вся наша армія будетъ прямо сметена съ лица земли.

На ухо передавали другъ другу извѣстія, что въ Петербургѣ, когда пришла вѣсть о гибели эскадры, произошли громадныя народныя волненія, убито четырнадцать тысячъ человѣкъ.

Слухи о мирѣ становились настойчивѣе. Сообщали, что японцы ужъ начали-было наступленіе — и вдругъ остановили его. Солдаты ждали мира съ какимъ-то почти болѣзненнымъ напряженіемъ и тоскою. Глаза ихъ мрачно загорались. Они говорили:

— Какъ скотину, послали насъ сюда на убой, невѣдомо на что!

Наконецъ 1-го іюня появилось правительственное сообщеніе,

что президентъ Рузвельтъ предложилъ русскому правительству свое посредничество для веденія мирныхъ переговоровъ съ Японіей, и что русское правительство приняло предложеніе Рузвельта.

И началась пытка. Эта пытка тянулась все лѣто, около двухъ съ половиною мѣсяцевъ.

Жадно ловились всѣ извѣстія изъ Вашингтона. Солдаты ежедневно ходили на станцію покупать номера «Вѣстника Маньчжурскихъ Армій». Посредничество Рузвельта принято, уполномоченные Россіи и Японіи собираются съѣхаться... И вдругъ приказъ Линевича, въ которомъ онъ приводитъ царскую къ нему телеграмму: «Твердо надѣюсь на доблестныя свои войска, что въ концѣ концовъ они съ помощью Божіею одолѣютъ всѣ препятствія и приведутъ войну къ благополучному для Россіи окончанію».

И опять: мѣстомъ встрѣчи уполномоченныхъ назначенъ Вашингтонъ, но уполномоченные съѣдутся только въ августѣ, черезъ два мѣсяца! Почему такъ долго? А въ другихъ телеграммахъ сообщалось, что Ояма перешелъ въ стремительное наступленіе. Съ позицій приходили слухи, что начинается генеральный бой. Японцы высадились на Сахалинѣ, заняли Корсаковскій постъ и быстро продвигались въ глубь острова.

Стояли жары, и шли дожди. Въ воздухѣ непрерывно парило. Слухи о предстоящемъ боѣ становились все настойчивѣе, слухи о мирныхъ переговорахъ и о перемиріи все глуше. Солдаты говорили:

— Лучше бы ужъ не писали ничего, а то телеграммами этими только тиранятъ сердце каждаго человѣка. Читаетъ сегодня солдатъ газету, радуется: «замиреніе!». А завтра откроешь газету,—такая могила, и не глядѣлъ бы! Какъ не думали, не ждали, лучше было. А теперь — днемъ мухи не даютъ спать, ночью—мысли. Раньше солдатъ цѣлый котелокъ борщу съѣдалъ одинъ, а теперь четверо изъ котелка ѣдятъ, и остается. Никому и ѣсть-то не охота.

Появилась въ «Вѣстникѣ Маньчжурскихъ Армій» телеграмма, отправленная главнокомандующимъ царю. Въ этой телеграммѣ Линевичъ заявлялъ, что армія съ огорченіемъ слышитъ о начинающихся мирныхъ переговорахъ и вся, какъ одинъ человѣкъ, горитъ желаніемъ сразиться съ врагомъ.

Солдаты читали телеграмму и враждебно смѣялись.

— Видно, мало денегъ нагребъ себѣ, потому такъ и пишетъ. По двѣнадцать тысячъ рублей въ мѣсяцъ получаетъ,— чего ему?

— И чего вретъ царю? Опрашивалъ насъ, что ли?

— Ну, а кабы опросилъ, развѣ бы кто сказалъ?.. У насъ разъ было на опросѣ претензій. Спрашиваетъ насъ генералъ: «Всѣмъ довольны?»—«Такъ точно, ваше превосходительство!»—«Пищу хорошую получаете?»—«Такъ точно!»—«Кофей сегодня всѣ пили?»—«Такъ точно!». Генералъ смотритъ, смѣется:—«Какой же это вы сегодня кофей пили?» Извѣстное дѣло, солдатъ на все: «такъ точно!»—больше ничего.

Настроеніе солдатъ быстро, на глазахъ, мѣнялось. Они неохотно отдавали честь офицерамъ; то и дѣло происходили столкновенія. Комментаріи къ приходившимъ изъ Россіи вѣстямъ были зловѣщіе...

Въ серединѣ іюля Витте поѣхалъ въ Вашингтонъ, и всѣ облегченно вздохнули: теперь ужъ дѣло вѣрное! Но вдругъ распространился слухъ, что его отозвали съ дороги обратно. Патріотическія газеты писали противъ мира, Хабаровская дума во всеподданнѣйшемъ адресѣ умоляла царя не принимать мира, если японцы будутъ требовать контрибуціи или «хоть пяди русской земли». Царская резолюція на адресѣ гласила: «Вполнѣ раздѣляю чувства, одушевляющія Хабаровскую думу». Ходатайства разныхъ невѣдомыхъ мѣстечекъ встрѣчали такой же пріемъ. Можетъ-быть, все это лишь для того, чтобъ сдѣлать японцевъ поуступчивѣе? А если рѣшеніе вполнѣ серьезно?..

А утомленіе войною у всѣхъ было полное. Не хотѣлось крови, не хотѣлось ненужныхъ смертей. На передовыхъ позиціяхъ то и дѣло повторялись случаи въ родѣ такого: казачій разъѣздъ, какъ въ мѣшокъ, попадаетъ въ ущелье, со всѣхъ сторонъ занятое японцами. Раньше никто бы изъ казаковъ не вышелъ живымъ. Теперь на горкѣ появляется японскій офицеръ, съ улыбкою козыряетъ начальнику разъѣзда и указываетъ на выходъ. И казаки спокойно уѣзжаютъ.

Слухи объ отозваніи Витте оказались невѣрными. Онъ прибылъ въ Вашингтонъ, начались переговоры. Съ жадностью вниманіемъ всѣ слѣдили за ходомъ переговоровъ, «Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій» бранился съ бою. А здѣшнее начальство все старалось «поддержать духъ» въ войскахъ. Командиръ одного изъ нашихъ полковъ заявилъ солдатамъ, что мира желаютъ только жиды и студенты.

Недавно пріѣхавшій въ армію очень важный генералъ, въ своей рѣчи къ солдатамъ, говорилъ:

— Если кто вамъ скажетъ, что заключенъ миръ, бей того прямо въ морду!

«Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій» печаталъ стихи «Отъ солдатъ» въ такомъ родѣ:

Веди насъ, отецъ нашъ, въ рѣшительный бой,
Веди насъ на дерзкихъ враговъ!
Мы грозною тучей пойдемъ за тобой,
Сразимся съ врагами мы вновь.
Мы кровью своею омоемъ позоръ
За прежніе тяжкіе дни,
Намъ больно услышать отчизны укоръ...
Веди насъ, отецъ нашъ,—веди!

Телеграммы шли все самыя противорѣчивыя,—одна за миръ, другая за войну. Окончательное засѣданіе постоянно отсрочивалось. Вдругъ приносилась вѣсть: «миръ заключенъ!». Оказывалось, неправда. Наконецъ полетѣли черныя, зловѣщія телеграммы: Витте не соглашается ни на какія уступки, ему уже взято мѣсто на пароходѣ, Мартенсъ упаковываетъ свои чемоданы... Прошелъ слухъ, что командующіе арміями съѣхались къ Линевичу на военный совѣтъ, что на-дняхъ готовится наступленіе.

Никогда въ свою жизнь я не видѣлъ такой всеобщей, глубокой душевной подавленности. Офицеры сидѣли мрачные и задумчивые, изрѣдка перекидываясь замѣчаніями.

— Какое безуміе!.. Идутъ на гибель и не понимаютъ. Это прямо историческая Немезида!

— Да... Горизонты мрачные!.. Не сами только на погибель идутъ, а насъ посылаютъ.

— Страшно, что теперь самые лучшіе полки могутъ прямо положить оружіе, — слишкомъ ужъ всѣ сжились съ мыслью о мирѣ... Съ этакимъ духомъ вести въ бой!

Солдаты были угрюмы и злы. Они продавали китайцамъ послѣднія собственныя рубашки.

— Чего ихъ теперь беречь? Лучше выпьемъ! Думали, миръ будетъ, а теперь пусть казна заботится.

XI.

МИРЪ.

— Ура-а!—повсюду гремѣло въ напоенномъ солнцемъ воздухѣ.

По дорогѣ ѣхали въ фурманкѣ два солдата-артиллериста, высоко поднимали развѣвавшійся по вѣтру полулистъ «Вѣстника» и кричали:

— Миръ! Миръ!

— Ура-а!!.—неслось въ отвѣтъ.

Солдаты бросали въ воздухъ фуражки, обнимались, пожи-

мали другъ другу руки. Всѣ жадно читали телеграмму Витте къ царю:

Японія приняла Ваши требованія относительно мирныхъ условій, и такимъ образомъ миръ будетъ возстановленъ, благодаря мудрымъ и твердымъ рѣшеніямъ Вашимъ...

И опять, и опять перечитывали. За телеграммою шла передовая статья редакціи въ обычномъ напыщенномъ, фальшивомъ стилѣ:

Ближайшая вѣроятность заключенія мира смутитъ въ нѣкоторой степени нашихъ воиновъ, кои ожидали боевъ грядущихъ, дабы побѣдою снять тяжесть бывшихъ боевыхъ неудачъ. Всѣмъ этимъ достойнымъ воинамъ Русской Земли да будетъ вѣдомо, что, въ силу настойчиваго ихъ стремленія къ побѣдѣ, для Россіи создалась возможность, какъ и до днесь, оставаться великой державой на Дальнемъ Востокѣ.

И опять глаза перебѣгали къ драгоцѣнной телеграммѣ. Вездѣ было ликованіе, слышался веселый смѣхъ, «ура». «Вѣстникъ» съ телеграммою Витте рвали другъ у друга изъ рукъ, въ Маймакаѣ платили за номеръ по полтиннику.

Разсказываютъ, когда въ Харбинѣ была получена телеграмма о мирѣ, шелъ дождь. Въ одномъ ресторанѣ офицеръ обратился къ присутствовавшимъ, указывая на густо сыпавшіяся съ неба капли.

— Господа, посмотрите! Вы думаете, это идетъ дождь? Нѣтъ, это не дождь идетъ, это льются слезы интендантовъ, генераловъ и штабныхъ!

Закончилась великая борьба Христова воинства съ «дракономъ». Ханжи-публицисты могли и теперь еще говорить о святомъ подвигѣ, взятомъ на себя Россіей,—солдаты качество этого подвига оцѣнивали совсѣмъ иначе. Они облегченно говорили:

— Буде по полямъ шататься, грѣха копить. А то слава Богу, сколько грѣха накоплено!

Ждали ратификаціи договора. Перемирія заключено не было. На передовыхъ позиціяхъ все продолжались стычки, каждый день приходили вѣсти объ убитыхъ. Для чего теперь эти ненужныя жертвы? Офицеры въ отвѣтъ посмѣивались:

— Спѣшатъ всѣ дополучить награды, которыхъ не успѣли получить. Какъ только миръ будетъ ратификованъ, — конецъ: командующіе арміями теряютъ право собственною властью давать ордена... Вы бы посмотрѣли, что дѣлается,—ни одного теперь генерала не застанешь дома, всѣ торчатъ на передовыхъ позиціяхъ.

Штабы осаждались офицерами, пріѣзжавшими отовсюду хлопотать объ утвержденіи наградъ.

Были утверждены и медали нашихъ сестеръ. Младшія сестры получили золотыя медали на аннинскихъ лентахъ «за высокополезную и самоотверженную службу по уходу за ранеными и эвакуацію съ 12—20 февраля с. г.». Старшая сестра получила серебряную медаль съ надписью «за храбрость» на желанной георгіевской лентѣ, — «за самоотверженную работу по уходу за ранеными подъ огнемъ непріятеля въ февралѣ мѣсяцѣ 1905 года».

Сестры сіяли, всѣ поздравляли ихъ. Солдаты нашей команды съ удивленіемъ спрашивали меня:

— Ваше благородіе! За что это имъ медали? Ужъ по второй медали выдаютъ. Чтò онѣ, больше фельдшеровъ, что ли, работали? За что это имъ такъ?

Работали онѣ, дѣйствительно, никакъ ужъ не больше фельдшеровъ. Работали сестры добросовѣстно, но работа фельдшеровъ была гораздо труднѣе. Притомъ, въ походѣ сестры ѣхали въ повозкѣ, фельдшера, какъ нижніе чины, шли пѣшкомъ. Сестры на всемъ готовомъ получали рублей по восемьдесятъ въ мѣсяцъ, фельдшера, какъ унтеръ-офицеры, получали рубля по три.

Главный врачъ представилъ къ медалямъ человѣкъ восемь фельдшеровъ и госпитальныхъ надзирателей. Ему отвѣтили, что на каждый госпиталь для нижнихъ чиновъ будетъ выдано только по двѣ медали. Награды здѣсь были оптовыя и равномѣрныя,— по двѣ на госпиталь. У насъ медали получили фельдфебель и старшій фельдшеръ.

Сестры... Я ничего не имѣю сказать противъ нихъ. Онѣ были на войнѣ небезполезны, въ тыловыхъ госпиталяхъ были даже очень полезны. По онѣ служили необходимымъ украшеніемъ боевой сцены, были «бѣлыми ангелами, утоляющими муки раненыхъ воиновъ». Какъ такимъ «ангеламъ», имъ пѣлись всеобщія хвалы, каждый ужъ заранѣе былъ готовъ умиляться передъ ними, ихъ осыпали наградами. Сколько я знаю, ни одна сестра не воротилась съ войны безъ одной или двухъ медалей; достаточно было, чтобы за сотню саженъ прожужжала пуля или лопнула шрапнель, — и сестру награждали георгіевскою ленточкою. Сестрамъ же, имѣвшимъ знакомства въ верхахъ, не нужно было и этого: онѣ получали георгіевскія ленточки просто за знакомство съ власть имущими. Такъ получили, напр., эти цѣнныя ленточки Новицкая и другія сестры султановскаго госпиталя, ни разу не бывшія подъ огнемъ.

Пускай бы все это! Пускай бы русская публика, глядя на оранжево-черныя ленточки и на медали съ надписью «за храбрость», думала, что передъ нею—самоотверженныя героини,

безтрепетно работавшія подъ тучами пуль, шимозъ и шрапнелей. Истинному героизму противны ярлыки. Если публика этого не понимаетъ, то пусть ея духъ питается фальшивымъ героизмомъ, украшеннымъ пышными ярлыками.

Но невольно является желаніе умѣрить эти вздутые восторги, когда вспоминаешь о тысячахъ безвѣстныхъ, дѣйствительно героическихъ труженикахъ, — о фельдшерахъ, невидно тонувшихъ въ безкрайномъ, сѣромъ солдатскомъ морѣ. Имъ никто не пѣлъ хваленій, они не украшали собою яркихъ боевыхъ декорацій. Не обращая на себя ничьего вниманія, они скромно шагали слѣдомъ за ротами со своими перевязочными сумками; мерзли вмѣстѣ съ солдатами въ окопахъ; работали, дѣйствительно, подъ тучами пуль и шрапнелей, безстрашно ползали подъ огнемъ, перевязывая валяющихся раненыхъ. Объ этихъ герояхъ съ дѣйствительнымъ восторгомъ и уваженіемъ отзывались всѣ боевые офицеры. За свою работу въ госпиталѣ я тоже съ особенно-теплымъ чувствомъ вспоминаю не о сестрахъ, — хотя ничего не могу сказать противъ нихъ, — а о фельдшерахъ и палатныхъ служителяхъ, такъ удивительно добросовѣстно исполнявшихъ свое дѣло, такъ тепло и товарищески-участливо относившихся къ раненымъ и больнымъ.

Скажу, кстати, вообще о сестрахъ въ эту войну.

Сравнительно лишь очень небольшую часть ихъ составляли профессіональныя сестры, уже въ Россіи работавшія въ качествѣ сестеръ. Большинство—по крайней мѣрѣ, изъ видѣнныхъ мною—были волонтерки, наскоро обучившіяся уходу за ранеными передъ самымъ отъѣздомъ на войну. Что влекло ихъ на войну? Идущихъ изъ «идеи» было, повидимому, очень мало. Эта война не знала сестеръ-подвижницъ, какія были въ русско-турецкую войну, — подвижницъ, которыя такимъ ореоломъ окружили самый образъ сестры милосердія. И это понятно. Слишкомъ сама-то война была безыдейная. Въ русско-турецкую войну могли итти въ строй добровольцами-солдатами такіе люди, какъ Гаршинъ,—естественно, что и среди сестеръ были такія дѣвушки, какъ баронесса Вревская, воспѣтая Тургеневымъ и Полонскимъ. Теперь для каждой женщины, горѣвшей жаждою подвига и самопожертвованія, было достаточно дѣла и внутри Россіи.

Большинство сестеръ было изъ среды тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ такъ много во всѣхъ углахъ Руси: кончили учиться,— а дальше что? Живи у родителей, давай уроки, чтобъ имѣть деньги на карманные расходы, тупо скучай и жди случая выйти замужъ. Въ двадцать лѣтъ жизнь какъ будто окончена.

И вдругъ вдали открывается яркій, жутко-манящій просвѣтъ, гдѣ все такъ необычно, просторно и нескучно. Шли также вдовы и мужнія жены, задыхавшіяся въ тупой скукѣ и однообразіи жизни. Шли просто авантюристки. Шли женщины, которымъ была противна безопасная жизнь, безъ бурь и грозъ,— женщины съ соколиною душою, но съ слабою головою. Такова была мелькнувшая въ нашемъ госпиталѣ «сестра-мальчикъ», у которой глаза загорались хищнымъ огнемъ, какъ только надвигалась опасность. Но опасностей было мало, жизнь и здѣсь текла скучно, сѣро, и сестра-мальчикъ вскорѣ, еще до мукденскаго боя, уѣхала обратно въ Россію.

Можетъ-быть, въ арміи были и «идейныя» сестры разныхъ типовъ, но я лично ихъ не встрѣчалъ.

Далѣе, немало было сестеръ изъ аристократическихъ семей, съ большими связями. За немногими исключеніями, сестры эти являлись истинными бичами тѣхъ врачебныхъ учрежденій, гдѣ онѣ служили. Къ обязанностямъ сестры онѣ были приспособлены очень мало, исполняли только тѣ назначенія врачей, какія имъ было угодно, самихъ врачей не ставили ни въ грошъ и вертѣли всѣмъ учрежденіемъ, какъ хотѣли. Всю свою дѣятельность здѣсь онѣ превращали въ одинъ сплошной, веселый и оригинальный пикникъ со штабными генералами и офицерами.

Не меньшее зло представляли собою и сестры, жены офицеровъ, находившихся въ строю. Во время боя, когда сестры наиболѣе нужны, онѣ были ни на что негодны. Естественно, всѣ ихъ помыслы въ это время были только о мужѣ, — гдѣ онъ, живъ ли? Приходила вѣсть, что мужъ убитъ или раненъ,— и сестрѣ совсѣмъ ужъ было не до окружающихъ. Отдѣльныя изъ такихъ сестеръ могли очень добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ, но главное, что шли-то онѣ въ сестры вовсе не по влеченію, а только для того, чтобы быть поближе къ мужьямъ. Менѣе культурныя изъ нихъ были чрезвычайно обидчивы, замѣчаніе по поводу ихъ неисправности въ уходѣ за больными принимали за оскорбленіе, и работать съ ними было крайне трудно. Естественно было желаніе женъ находиться поближе къ мужьямъ, шедшимъ въ адъ этихъ ужасныхъ боевъ. Но было совершенно неестественно, что государство платило сравнительно очень немалое жалованіе (рублей восемьдесятъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ) женамъ за ихъ пребываніе поблизости отъ мужей.

Сестры были единственнымъ женскимъ элементомъ въ огромномъ скопищѣ здоровыхъ, крѣпкихъ, лишенныхъ женщины мужчинъ. Какъ всегда въ арміяхъ на войнѣ, голодъ по жен-

щинѣ былъ громадный. Простая возможность побыть полчаса въ женскомъ обществѣ цѣнилась офицерами чрезвычайно высоко. Полковой праздникъ никому былъ не въ праздникъ, если не удавалось пригласить на него хоть двухъ-трехъ сестеръ. Сестры, которыхъ, по ихъ развитію и общественному положенію, еле удостоилъ бы въ Россіи своимъ знакомствомъ какой-нибудь захудалый поручикъ, здѣсь настойчиво приглашались на обѣды командующими арміями, знакомства съ ними добивались блестящіе гвардейцы. Нашей сестрѣ, недурненькой собою, пришлось однажды поѣхать въ штабъ одного изъ нашихъ полковъ, гдѣ былъ зубной врачъ. Во всемъ полку поднялся переполохъ, офицеры смотрѣли въ щелки дверей, чтобъ увидѣть сестру. Одинъ изъ нихъ съ недоумѣвающимъ смѣхомъ разсказывалъ мнѣ:

— Ей-Богу, я человѣкъ вовсе не застѣнчивый, съ дамами имѣлъ весьма много дѣлъ. А тутъ,—повѣрите ли?—предложили мнѣ познакомиться съ этой сестрою, такъ пять минутъ за дверью стоялъ, волновался и не смѣлъ войти! Такъ отвыкъ отъ дамскаго пола!

Когда лѣтомъ мы гуляли по проѣзжимъ дорогамъ съ нашими сестрами, всѣ встрѣчные оборачивались на нихъ, оглядывали. Уѣдутъ ужъ далеко, а все смотрятъ назадъ, того и гляди, вывихнутъ себѣ шею.

Была уже половина сентября. Мы ждали ратификаціи мирнаго договора, чтобъ итти на зимнія стоянки за Куанчендзы. Еще въ началѣ августа насъ придвинули къ позиціямъ, мы развернули госпиталь и работали.

Чумиза на поляхъ была сжата, повсюду снимали каолянъ. Поля обнажались. Дни стояли солнечные и теплые, но ночи были очень холодныя, часто съ заморозками. Солдаты же имѣли только лѣтнія рубашки и шинели. Суконные мундиры и полушубки еще весною были отвезены на храненіе въ Харбинъ.

А жили солдаты въ палаткахъ. Они сильно мерзли по ночамъ, ходили съ угрюмыми, застуженными лицами. У кого были деньги, тѣ отправлялись въ Маймакай и покупали себѣ китайскія ватныя одѣяла. Но спросъ на одѣяла былъ громадный, и цѣна ихъ доходила до восьми рублей.

Нашъ каптенармусъ поѣхалъ въ Харбинъ за сданными на храненіе теплыми вещами. Черезъ день послѣ его отъѣзда пришла бумага изъ войскового склада, что наши вещи переданы изъ этого склада въ другой, № такой-то. А черезъ недѣлю воротился каптенармусъ — безъ вещей. Онъ доложилъ:

— Не выдали вещей. Бумага написана не на тотъ складъ.

— Такъ ты бы заявилъ въ прежнемъ складѣ! Пусть бы помѣтили на нашей бумагѣ, что вещи переданы въ другой складъ!

— Заявилъ. Отказали. Вамъ, говорятъ, объ этомъ была послана бумага.

Пришлось писать новую бумагу, снова посылать въ Харбинъ. Еще черезъ недѣлю вещи наконецъ пришли.

Многіе мундиры, полушубки и валенки были ужъ такъ заношены, что совершенно не годились въ дѣло. Написали требованіе на новыя вещи. И тутъ открылось поразительное обстоятельство: запаса теплой одежды въ арміи больше не было!

На инспекторскомъ смотру начальникъ дивизіи говорилъ солдатамъ:

— Имѣйте, братцы, въ виду: когда мы домой поѣдемъ, еще неизвѣстно. Зима здѣсь шибко лютая, а запасовъ теплой одежды нѣтъ. Берегите всякую теплую тряпку, ничего не бросайте,—сами потомъ пожалѣете!

Слушалъ я генерала,—и, холодя душу, всталъ передо мною вопросъ: ну, а если бы японцы не приняли послѣдняго ультиматума Витте, и война бы продолжалась?

Вспомнились мнѣ разсказы офицеровъ, пріѣзжавшихъ лѣтомъ изъ Владивостока. Они изумлялись, какъ вяло и медленно идетъ укрѣпленіе Владивостока; какъ будто и Владивостокъ, подобно Портъ-Артуру, ждетъ, когда его обложатъ японцы, чтобъ начать укрѣпляться энергично.

Да, здѣсь всему, всему приходилось вѣрить!

Исторія султановскаго госпиталя закончилась крупнымъ скандаломъ. Однажды, собираясь ѣхать въ гости къ корпусному, д-ръ Султановъ зашелъ къ своимъ младшимъ врачамъ выяснять какія-то недоразумѣнія, которыя постоянно возникали въ ихъ госпиталѣ. Во время ихъ объясненія старшій ординаторъ Васильевъ, говоря о Новицкой, назвалъ ее: «сестра Новицкая».

Султановъ вспыхнулъ. Онъ затопалъ ногами и закричалъ:

— Не смѣйте Аглаю Алексѣевну называть сестрой Новицкой!

Васильевъ изумленно вытаращилъ глаза.

— Позвольте, а кто же она? Она—сестра милосердія, и ея фамилія—Новицкая.

Султановъ въ бѣшенствѣ замахнулся на Васильева плеткою.

— Если вы еще разъ посмѣете назвать Аглаю Алексѣевну сестрой Новицкой, я васъ изобью нагайкой! — крикнулъ онъ и вышелъ изъ фанзы.

Дѣло было при многочисленныхъ свидѣтеляхъ. Васильевъ

подалъ рапортъ по начальству съ изложеніемъ всего происшедшаго. Начальникъ дивизіи назначилъ разслѣдованіе. Васильевъ, кромѣ того, поѣхалъ въ Гунчжулинъ къ уполномоченному Краснаго Креста, разсказалъ о происшедшемъ и ему. Уполномоченный съ своей стороны прислалъ посланца изслѣдовать дѣло. Заварилась каша. Уполномоченный Краснаго Креста смѣстилъ Новицкую съ должности старшей сестры и прислалъ на ея мѣсто сестру-старушку. Начальникъ дивизіи потребовалъ удаленія Султанова и заявилъ корпусному, что больше не потерпитъ присутствія Султанова въ своей дивизіи. Корпусный командиръ прилагалъ всѣ силы, чтобъ затушить дѣло, но начальникъ дивизіи стоялъ на своемъ. Онъ заявилъ корпусному:

— Когда я, ваше высокопревосходительство, принималъ дивизію, то вы меня не предупредили, что я буду ограниченъ въ своихъ правахъ начальника дивизіи.

Султанову пришлось подать рапортъ о болѣзни, и онъ, вмѣстѣ съ Новицкою, уѣхалъ въ Харбинъ. Черезъ мѣсяцъ Султановъ воротился обратно въ качествѣ главнаго врача госпиталя другой дивизіи нашего корпуса. Съ этихъ поръ рядомъ съ штабомъ корпуса стали ставить этотъ госпиталь. Что касается д-ра Васильева, то корпусный командиръ устроилъ такъ, что его перевели изъ его корпуса куда-то въ другой.

На мѣсто Султанова былъ назначенъ новый главный врачъ, суетливый, болтливый и совершенно ничтожный старикъ. Султановскія традиціи остались при немъ въ полной цѣлости. Графъ Зарайскій продолжалъ ѣздить къ своей сестрѣ, госпитальное начальство лебезило передъ графомъ. У его сестры былъ отдѣльный денщикъ. Она завела себѣ корову, — былъ назначенъ солдатъ пасти корову. Солдатъ заявилъ сестрѣ:

— Ищите себѣ другого человѣка, я вашу корову стеречь не хочу!

За такую наглость солдатъ былъ поставленъ подъ ружье. Султановская команда оказалась вообще чрезвычайно «распущенной». Однажды сестры приказали солдатамъ вытащить матрацы изъ госпитальнаго шатра. Солдаты отвѣтили:

— Мы не ломовики, чтобы матрацы таскать!

Солдаты не имѣли права такъ отвѣтить, но... шатеръ очищался для бала, который сестры давали штабнымъ офицерамъ.

Нашъ солдатъ, сколько мнѣ пришлось наблюдать его за войну, чрезвычайно добросовѣстенъ въ исполненіи того, что онъ считаетъ себя обязаннымъ дѣлать. Будетъ и коровъ стеречь, и матрацы таскать, будетъ чистить отхожія мѣста, дѣлать самую грязную работу, но лишь въ томъ случаѣ, когда

видитъ, что это — служба государству, «казнѣ». У насъ же усматривали вопіющее нарушеніе дисциплины въ томъ, что солдаты отказывались исполнять вопіюще-беззаконныя требованія начальства.

Однажды, когда графъ Зарайскій сидѣлъ у своей сестры, его вѣстовой доложилъ ему, что фуражиръ госпиталя выдалъ ихъ лошадямъ совсѣмъ гнилое сѣно (между прочимъ: госпиталь вовсе не былъ обязанъ кормить на свой счетъ лошадей чуть не ежедневно бывавшаго въ госпиталѣ графа). Графъ самъ пошелъ къ фуражиру и велѣлъ дать хорошаго сѣна. Фуражиръ отвѣтилъ, что сѣно поставлено интендантствомъ, и оно все такое. Тогда графъ велѣлъ выдать своимъ лошадямъ ячменю. Фуражиръ отказалъ.

— Я не имѣю права. Потрудитесь представить записку отъ смотрителя.

Графъ страшно оскорбился и избилъ фуражира стикомъ по лицу. Потомъ воротился, сказалъ смотрителю:

— Я сейчасъ о морду вашего фуражира изломалъ свой стикъ!

И уѣхалъ изъ госпиталя.

Все лицо и голова солдата были въ красныхъ полосахъ и кровоподтекахъ. Солдатъ былъ чрезвычайно дѣльный, честный и дисциплинированный. Мѣра терпѣнія смотрителя переполнилась. Онъ возмутился и подалъ на графа рапортъ съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ. Заварилась новая каша, было назначено разслѣдованіе. Графъ смѣялся въ глаза смотрителю и говорилъ:

— Дѣло кончится тѣмъ, что я еще разъ изобью вашего фуражира, только на этотъ разъ поосновательнѣе!

Дознаніе раскрыло полную корректность въ поведеніи солдата и полную виновность графа. Ждали, что графу будетъ, по крайней мѣрѣ, выговоръ въ приказѣ по корпусу. Но дѣло кончилось «словеснымъ выговоромъ» графу. Что это значитъ? Корпусный командиръ призвалъ его и сказалъ:

— Зачѣмъ вы, графъ, бьете солдатъ? Вы вѣдь знаете, что это запрещено.

Графъ заявилъ въ госпиталѣ, чтобъ фуражиръ не попадался ему на глаза, а то онъ спуститъ съ него всю шкуру. Знакомымъ же своимъ, весело посмѣиваясь, разсказывалъ:

— Вы знаете, я недавно получилъ отъ корпуснаго командира выговоръ за то, что причинилъ зубную боль одному нижнему чину.

Миръ былъ ратификованъ. Въ серединѣ октября войска пошли на сѣверъ, на зимнія стоянки. Нашъ корпусъ сталъ около станціи Куанчендзы.

Когда же домой? Всѣхъ томилъ этотъ вопросъ, всѣ жадно рвались въ Россію. Солдатамъ дѣло казалось очень простымъ: миръ заключенъ,—садись въ вагоны и поѣзжай. Между тѣмъ день шелъ за днемъ, недѣля за недѣлею. Сверху было полное молчаніе. Никто въ арміи не зналъ, когда его отправятъ домой. Распространился слухъ, что первымъ идетъ назадъ только-что пришедшій изъ Россіи тринадцатый корпусъ... Почему онъ? Гдѣ же справедливость? Естественно было ждать, что назадъ повезутъ въ той же очереди, въ какой войска приходили сюда.

Наконецъ, вышелъ приказъ главнокомандующаго, въ немъ устанавливалась очередь отправки корпусовъ. Очередь была самая фантастическая. Первымъ, дѣйствительно, уходилъ только-что прибывшій тринадцатый корпусъ, за нимъ слѣдовали—девятый, нѣсколько мелкихъ частей и первый армейскій корпусъ. На этомъ пока очередь заканчивалась. Когда пойдутъ другіе корпуса, въ какую, по крайней мѣрѣ, очередь,—приказъ не считалъ нужнымъ сообщить.

Настроеніе солдатъ было негодующее и грозное.

А въ Россіи и Сибири всѣ желѣзныя дороги уже стали. Въ Харбинѣ выдавались билеты только до станціи Маньчжурія. Вскорѣ прекратилось и телеграфное сообщеніе съ Россіей. Была въ полномъ разгарѣ великая октябрьская забастовка. Слухи доходили смутные и неопредѣленные. Разсказывали, что во всѣхъ городахъ идетъ рѣзня, что Петербургъ горитъ, что уже подписана конституція.

Наконецъ, въ арміи былъ полученъ манифестъ 17-го октября. Нашъ смотритель списалъ манифестъ въ штабѣ и привезъ его. Сталъ намъ читать. Въ фанзу вошли два денщика, копошились у кроватей, какъ будто что-то убирали, и прислушивались.

Смотритель опасливо покосился на нихъ.

— Что вамъ тутъ нужно? Ступайте вонъ! — строго крикнулъ онъ.

Денщики ушли.

Мы расхохотались.

— Да вы понимаете ли, Аркадій Николаевичъ, что вы читаете? Вѣдь это не прокламація, это манифестъ, высочайшій манифестъ! Его въ правѣ знать всякій.

— Такъ-то такъ, а все-таки... Не къ чему намъ это!

Все военное начальство, отъ мала до велика, было очень

смущено манифестомъ. «Незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ... Чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей»... До сихъ поръ все это писалось только въ подпольныхъ прокламаціяхъ, за отдаленные намеки на это конфисковались письма, приходившія солдатамъ съ родины. А тутъ вдругъ!..

Въ приказахъ главнокомандующаго манифестъ не печатался, солдатамъ его не читали. Но солдаты, конечно, и сами сумѣли тотчасъ же ознакомиться съ манифестомъ. Съ невиннымъ видомъ они спрашивали своихъ офицеровъ:

— Ваше благородіе, правду говорятъ, манифестъ какой-то отъ царя вышелъ?

Офицеры бѣгали глазами и уклончиво отвѣчали:

— Да, говорятъ, вышелъ какой-то... Самъ я не читалъ...

Солдаты почтительно выслушивали, а глаза ихъ смѣялись. Между собою солдаты говорили:

— Спрятать отъ насъ хотятъ, хотятъ, чтобъ солдатъ не зналъ! На дураковъ напали! Солдатъ раньше главнокомандующаго все узнаетъ!

Самъ собою родился и поползъ слухъ, что начальство скрываетъ еще два царскихъ манифеста: одинъ, конечно, о землѣ, другой о томъ, чтобы всѣ накопившіяся за войну экономическія суммы были подѣлены поровну между солдатами.

Офицеры, за немногими исключеніями, относились къ совершавшимся въ Россіи событіямъ либо вполнѣ равнодушно, либо съ насмѣшливою враждебностью. То, что, казалось бы, могло быть достояніемъ только лабазниковъ и сидѣльцевъ холодныхъ лавокъ, здѣсь съ апломбомъ высказывалось капитанами и полковниками:

— Это все жиды!

Въ громадныхъ, невиданныхъ въ исторіи мукахъ нарождалась на родинѣ новая жизнь, совершалось историческое событіе, колебавшее самую глубокую подпочву страны, милліоны людей боролись и рвали на себѣ цѣпи. Здѣсь отношеніе было одно:

— Все жиды! Все на жидовскія деньги дѣлается!

Шанцеръ, смѣясь, возражалъ:

— Господа, мнѣ очень лестно то, что вы говорите о евреяхъ, но, право, вы намъ дѣлаете ужъ слишкомъ много чести: и

свободу-то вамъ, оказывается, дали евреи, и на это у васъ не хватило собственныхъ способностей!

Арміи стояли на зимнихъ квартирахъ, изнывали въ бездѣльѣ. Шло непрерывное жестокое пьянство. Солдаты на послѣднія деньги покупали у китайцевъ мѣстную сивуху—ханьшинъ. Продажа крѣпкихъ напитковъ въ районѣ стоянки арміи была строго запрещена, китайцевъ арестовывали, но, конечно, ханьшину было, сколько угодно.

Всѣ томились однимъ неотвязнымъ, жадно ждавшимъ отвѣта вопросомъ: когда же наконецъ домой? Но сверху было все то же равнодушное молчаніе. Въ солдатахъ кипѣло глухое, злобное раздраженіе, имъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь такое, чтобы заставить наконецъ поскорѣе везти ихъ домой. Они грозили «забастовкой». Но какая забастовка могла быть тамъ, гдѣ люди все равно ничего не дѣлали?..

Линевичъ назначилъ смотръ войскамъ нашей арміи. Солдаты оживились, они считали дни до смотра. Всѣ ждали, что Линевичъ объявитъ, когда домой. Смотръ произошелъ. Линевичъ благодарилъ войска «за молодецкій видъ» и сказалъ рѣчь. Солдаты жадно, съ горящими глазами, вслушивались, ловили неясныя, шамкающія слова. Но передъ взорами главнокомандующаго были не живыя массы измученныхъ, истосковавшихся по родинѣ людей, а официально-молодецкіе полки «воиновъ, кои, ожидая боевъ грядущихъ» и т. д. И Линевичъ говорилъ, что не понимаетъ, зачѣмъ батюшка-царь заключилъ миръ; съ такими молодцами онъ, Линевичъ, погналъ бы японцевъ отъ Сыпингая, какъ зайцевъ...

Послѣ смотра Линевичъ далъ, для распредѣленія между наиболѣе отличившимися солдатами, по 800 Георгіевъ на каждый корпусъ. Шутники объясняли это пожалованіе тѣмъ, что Линевичъ не ждалъ мира, заказалъ двадцать тысячъ Георгіевъ и теперь не знаетъ, куда ихъ дѣвать.

— Восемьсотъ Георгіевъ за молодецкій видъ! — острили офицеры. — Раньше Георгія давали за воинскій подвигъ, а теперь вотъ оно какъ: за молодецкій видъ!

Настроеніе солдатъ становилось все грознѣе. Вспыхнулъ бунтъ во Владивостокѣ, матросы сожгли и разграбили городъ. Ждали бунта въ Харбинѣ. Здѣсь, на позиціяхъ, солдаты держались все болѣе вызывающе, они задирали офицеровъ, намѣренно шли на столкновенія. Въ праздники, когда всѣ были пьяны, ощущеніе было жуткое.

Наконецъ, и начальство увидѣло положеніе дѣлъ. Пока было тихо, оно не думало о справедливости, высокомѣрно игнори-

ровало интересы подчиненныхъ. Теперь оно вдругъ вспомнило о справедливости. Какъ будто начальство хотѣло внушить своимъ подвластнымъ: если ты что-нибудь хочешь отъ насъ получить, то требуй и борись, иначе ничего не дождешься. 10-го ноября вышелъ приказъ главнокомандующаго, отмѣнявшій прежнюю несправедливую очередь отправки корпусовъ.

При увольненіи въ настоящее время запасныхъ отъ службы на родину предписываю увольненіе произвести въ строгой справедливости прибытія корпусовъ на театръ войны, а также и по очереди призыва запасныхъ на укомплектованіе съ соблюденіемъ слѣдующаго (шло расписаніе очередей)... Такимъ образомъ,—заканчивался приказъ,—приняты всѣ мѣры, чтобы запасныхъ скорѣе доставить на родину.

Было объявлено также, что для скорѣйшей перевозки запасныхъ нанятъ рядъ пароходовъ.

Когда еще въ октябрѣ мы шли на зимнія стоянки, было уже рѣшено и извѣстно, что нашъ госпиталь больше не будетъ работать и расформировывается. Тѣмъ не менѣе мы уже мѣсяцъ стояли здѣсь безъ дѣла, насъ не расформировывали и не отпускали. Наконецъ вышелъ приказъ главнокомандующаго о расформировкѣ цѣлаго ряда госпиталей, въ томъ числѣ и нашего. У насъ недоумѣвали,—расформировывать ли госпиталь на основаніи этого приказа, или ждать еще спеціальнаго приказа ближайшаго начальства.

Было извѣстно также, что лошадей мы назадъ не повеземъ, а онѣ будутъ продаваться здѣсь съ аукціона. У насъ было семьдесятъ лошадей, содержаніе ихъ обходилось около 25 руб. въ день. Однажды изъ Харбина пріѣхалъ извозопромышленникъ, сталъ приторговываться къ лошадямъ и давалъ по 100 руб. за голову. Цѣна была очень хорошая: китайцы нашихъ крупныхъ лошадей не покупали, и на аукціонѣ онѣ должны были пойти за безцѣнокъ.

Смотритель поѣхалъ въ штабъ дивизіи спросить, можно ли продать лошадей. Генералъ отвѣтилъ уклончиво:

— Конечно, продавайте. Но предупреждаю, мое дѣло сторона. Если выйдутъ недоразумѣнія съ контролемъ, то раздѣлывайтесь сами, меня это не касается.

Смотритель написалъ спѣшную бумагу полевому контролеру нашего корпуса и запросилъ его. Бумагу отвезъ письмоводитель—и воротился назадъ съ нею же. На обратной сторонѣ бумаги контролеръ написалъ карандашомъ безъ своей подписи:

«Возвращается обратно. Отвѣтъ переданъ на словахъ».

А на словахъ отвѣтъ былъ: ничего не могу сказать, дѣлайте, какъ знаете.

Разумѣется, махнули рукою и продавать лошадей не стали. А черезъ мѣсяцъ, поѣвши еще корму рублей на шестьсотъ, лошади были проданы съ аукціона по пятнадцати рублей.

Желѣзныя дороги опять стали, почтово-телеграфное сообщеніе съ Россіей прекратилось. Но стачечные комитеты объявили, что перевозка войскъ съ Дальняго Востока будетъ производиться правильно. Волею-неволею начальству пришлось вступить въ сношенія съ харбинскимъ стачечнымъ комитетомъ. И воинскіе эшелоны шли аккуратно.

Дисциплина въ войскахъ со дня на день падала все больше. Въ штабахъ придупреждали офицеровъ, чтобъ они обращались съ солдатами какъ можно мягче, чтобъ не вступали въ пререканія изъ-за неотдачи чести. Солдатъ старались занимать на стоянкахъ гимнастикой, военными прогулками, играми. «Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій» пестрѣлъ письмами въ редакцію разныхъ ефрейторовъ, фейерверкеровъ и санитаровъ. Они писали, что стыдно намъ, братцы, огорчать нашего Царя-Батюшку, нужно намъ слушаться начальства, молиться Богу, первѣе же всего—не пить водки, отъ нея, проклятой, все зло бываетъ. Конечно, бываютъ и средь офицеровъ плохіе начальники, но въ общемъ начальство всею душою заботится о насъ, и мы должны быть ему благодарны.

Солдатъ читалъ, другіе слушали и смѣялись.

— Кто подписался?

— Аоанасій Гуревичъ.

— Дуракъ!.. Пиши, Максимка, письмо въ редакцыю: я, рядовой Максимъ Прохоровъ, заявляю, что писаны одинѣ глупости.

— Какъ откроютъ бунтъ большой, вотъ тогда и держись!— вздыхалъ другой.

По полкамъ у солдатъ отбирали патроны. Велѣно было строго слѣдить, чтобъ въ помѣщеніяхъ солдатъ не было никого постороннихъ, чтобъ даже въ сосѣднюю деревню не отпускать солдатъ безъ билетовъ, дѣлать внезапныя повѣрки и безбилетныхъ арестовывать.

Въ будни кое-какъ еще можно было ѣздить по дорогамъ, въ праздники, когда солдаты были пьяны, это было почти немыслимо.

. . . . . .

. . . . . .

Однажды я встрѣтилъ на дорогѣ шедшую подъ конвоемъ большую толпу обезоруженныхъ солдатъ. Всѣ были пьяны и грозны, осыпали ругательствами встрѣчныхъ офицеровъ. Конвойные, видимо, вполнѣ раздѣляли настроеніе своихъ плѣнни-

ковъ и нисколько имъ не препятствовали. Солдаты были изъ расформированнаго отряда Мищенки и направлялись въ одинъ изъ нашихъ полковъ. На разъѣздѣ они стали буйствовать, разнесли лавки и перепились. Противъ нихъ была вызвана рота солдатъ.

Арестованные разсказывали, что они два дня не ѣли, не пили, что ихъ обѣщали отпустить домой въ сентябрѣ, а держатъ до сихъ поръ.

— Мы покажемъ! Мы еще покажемъ!—угрожающе твердили они, въ опьянѣніи отъ водки и отъ злобы.

Какъ-то вечеромъ, въ праздникъ, я гулялъ съ двумя сестрами. Солнце сѣло. По узкой дорогѣ вдоль кустовъ навстрѣчу намъ шелъ подвыпивній бородатый солдатъ въ короткомъ полушубкѣ. На околышѣ его фуражки былъ номеръ одного изъ нашихъ полковъ.

— Ваше благородіе! Какъ тутъ пройти въ штабъ дивизіи?—спросилъ онъ меня.

— Вонъ она деревня, за кустами. Ты не на ту дорогу свернулъ, нужно было прямо итти.

— Благодаримъ.

Солдатъ стоялъ и загадочно смотрѣлъ на меня.

— А ты самъ откуда?—спросилъ я.

— Изъ штаба дивизіи,—поспѣшно отвѣтилъ онъ. Но околышъ фуражки показывалъ, что онъ говоритъ неправду. — Ваше благородіе, дайте папироску!

Я далъ. Мы закурили.

— Когда же наконецъ, ваше благородіе, мы домой пойдемъ?

— Не знаю,—вздохнулъ я.—Говорятъ, въ январѣ.

— Мы на это несогласны, мы забастовку сдѣлаемъ! Вонъ мнѣ жена изъ дому пишетъ: лошадь продала, корову; все проѣла, ничего нѣтъ. Нужно все къ сѣву добывать, а это что же? Ноябрь, декабрь, февраль, январь,—эва! Мы несогласны, какъ вамъ угодно!

— Голубчикъ, я-то тутъ при чемъ же? Вѣдь и мнѣ самому такъ же хочется домой, какъ и тебѣ.

— Вамъ что! Вамъ какое жалованье идетъ, — живи и не тужи! Я бы съ этакимъ жалованьемъ десять лѣтъ сталъ ждать! А намъ жалованье сорокъ три съ половиной копейки было, да и то теперь, по мирному времени, сократили. Вамъ ждать—нажива, а намъ—разоренье, сума!

Возразить на это было нечего: конечно, получая около двухсотъ рублей въ мѣсяцъ, ждать было легче.

— Когда же насъ отправятъ? Ваше благородіе!—угрожающе приставалъ солдатъ.

— Вѣдь по очереди теперь отправляютъ, приказъ былъ. Кто раньше пришелъ, тотъ раньше и уходитъ.

— Ви-идишь ты! Это какъ же такъ по очереди? Тринадцатый корпусъ только-что пришелъ, ему телеграмма была отъ Линевича, чтобъ остановился въ Читѣ,—а онъ до Харбина доѣхалъ, а потомъ назадъ? Девятый корпусъ тоже недавно пришелъ, а ужъ опять-таки ушелъ. Это что же такое? Мы несогласны!..

Было ясно,—солдатъ всячески старался вызвать меня на столкновеніе.

— Ну, такъ вотъ она дорога въ штабъ!—прервалъ я его и пошелъ съ сестрами.

— Дорога! Я и безъ васъ ее зналъ!.. Пойду ужъ домой. Шелъ къ земляку, да не стоитъ: поздно!

— Куда домой?—засмѣялись сестры.

— Въ ** полкъ.

— Ты же сказалъ, ты изъ штаба!

Солдатъ усмѣхнулся, махнулъ рукою и пошелъ по полю черезъ каоляновыя гряды.

— Спутаешься такъ, иди по дорогѣ, она прямо ведетъ.

— Э, солдатъ вездѣ найдетъ дорогу!..

Онъ прошелъ сотни три шаговъ, потомъ въ сумеркахъ круто повернулъ къ дорогѣ и остановился подъ деревомъ у китайской могилы. Мы прошли мимо. Солдатъ стоялъ и молча смотрѣлъ на насъ, потомъ пошелъ по дорогѣ слѣдомъ.

— Да-а... Кто воюетъ, а кто горюетъ!... — вызывающе, съ угрозою въ голосѣ, говорилъ онъ, и слѣдовали циническія ругательства.

Сестры волновались. Мы замедлили шагъ, чтобъ пропустить солдата впередъ. Онъ обогналъ насъ и медленно шелъ, пошатываясь и все ругаясь. Были уже густыя сумерки. Дорогу пересѣкала поперечная дорога. Чтобы избавиться отъ нашего спутника, мы тихонько свернули на нее и быстро пошли, не разговаривая. Вдругъ наискось по пашнѣ пробѣжала въ сумракѣ пригнувшаяся фигура и остановилась впереди у дороги, поджидая насъ.

Дѣлать было нечего. Мы повернули назадъ и пошли къ деревнѣ. Солдатъ бѣгомъ нагналъ насъ.

— Такъ-то вы воюете, а?—задыхаясь, заговорилъ онъ.— Съ сестрами тутъ по ночамъ безобразничаете (такъ-то васъ и такъ-то)?

Я мигнулъ сестрамъ, чтобъ онѣ шли къ деревнѣ, а самъ остановился съ солдатомъ.

— Послушай, голубчикъ, ну, какъ тебѣ не стыдно такъ скандалить?

— Нѣтъ, вы что̀ тутъ такое дѣлали, а?! Въ одну сторону, въ другую, — думали, спрячетесь отъ меня?.. Се-естры!.. Милосердныя!.. Что̀ вы такое дѣлали?

Онъ напиралъ на меня лѣвымъ плечомъ, отмахнувъ назадъ сжатый кулакъ.

— Вотъ вы какъ воюете? Давай пять рублей, с-су-кинъ сынъ!.. А то сейчасъ васъ раскрою!

— Пяти рублей ты, конечно, не получишь. А отчего мы отъ тебя уходили,—попробуй-ка, сообрази самъ.

— Я зна-аю!.. Я все понимаю!

— Ничего, братъ, ты не понимаешь! Отошли мы отъ тебя, потому что ты пьянъ.

— Нѣтъ, я не пьянъ!

— Ну, а по совѣсти,—сколько сегодня выпилъ?

— Дѣйствительно, какъ я именинникъ, то двѣ чарки ханьжи (ханьшину) выпилъ, а я не пьянъ!

— Ну, хочешь вотъ что̀: пойдемъ въ деревню, спросимъ перваго встрѣчнаго, пьянъ ты или нѣтъ. Если скажутъ—нѣтъ, я плачу тебѣ десять рублей.

— Пойдемъ!

Мы пошли къ деревнѣ.

— Богъ съ вами! Давайте три рубля! — вдругъ сказалъ онъ.

— Что̀?.. Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ; спросимъ раньше.

— И рублевки не дадите?

— Не дамъ.

— Ла-адно! — угрожающе произнесъ солдатъ. — Не долго погуляешь! Дай время,—со всѣми вами раздѣлаемся!

И онъ свернулъ въ кусты.

То, что̀ уже ясно почувствовалось во время мукденскаго разгрома, что̀ съ каждымъ мѣсяцемъ росло все больше, теперь достигло мѣры, превзойти которую было невозможно.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Восьмого декабря мы, младшіе врачи госпиталя, получили бумагу. Въ ней объявлялось, что мы отчисляемся отъ госпиталя и командируемся въ Россію, въ распоряженіе московскаго военно-медицинскаго управленія. Собственно говоря, это было увольненіе въ запасъ. Но въ такомъ случаѣ намъ должны бы были выдать прогонныя деньги до мѣста нашего

призыва. Чтобъ избѣжать этого, насъ здѣсь не увольняли, а «командировали» въ Россію.

Итакъ,—конецъ! Скоро опять—свободные люди, скоро опять отношеніе твое къ окружающимъ будетъ опредѣляться свободною оцѣнкою, а не видомъ погоновъ на плечахъ, количествомъ на нихъ полосокъ и звѣздочекъ. Конецъ!

Почти полтора года пробыли мы въ Маньчжуріи. Много было лишеній, много пережито тяжелаго. Являлось желаніе подвести итогъ, дать себѣ отчетъ,—что же ты тутъ сдѣлалъ? Итогъ получался печальный. Оборудованіе нашего подвижного госпиталя стоило около полутораста тысячъ, ежемѣсячный бюджетъ его былъ въ шесть-семь тысячъ; сто двадцать пять человѣкъ было оторвано отъ своего дѣла въ Россіи и придано къ госпиталю. Что же мы тутъ дѣлали? Въ промежуткѣ между боями по цѣлымъ мѣсяцамъ стояли свернутыми или принимали единичныхъ больныхъ, чтобы сейчасъ же отправить ихъ дальше. Когда наступалъ бой, мы почти въ самомъ началѣ его свертывались и поспѣшно уходили назадъ. Если бы насъ здѣсь не было, если бы нашъ госпиталь совсѣмъ не существовалъ, рѣшительно никто отъ этого не пострадалъ бы, никто бы даже не замѣтилъ нашего отсутствія.

XII.

ДОМОЙ.

Гречихинъ, Шанцеръ и я, мы выѣхали вмѣстѣ изъ Куанчендзы на Харбинъ. Ѣхало много офицеровъ и врачей, также отправляющихся въ Россію. Подвыпившіе солдаты входили въ купэ, садились, не спрашиваясь, рядомъ съ офицерами, закуривали.

Наутро мы пріѣхали въ Харбинъ. Здѣсь настроеніе солдатъ было еще болѣе безначальное, чѣмъ на позиціяхъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вспыхивали страшныя драмы. Въ Владивостокѣ артиллерійскій капитанъ П—цкій встрѣтился на улицѣ съ солдатомъ: два Георгія на груди, руки въ бока, въ зубахъ папироска. П—цкій остановилъ солдата и сдѣлалъ ему замѣчаніе, что тотъ не отдалъ чести. Солдатъ, ни слова не говоря, съ размаху ударилъ его кулакомъ въ ухо. П—цкій, по обычной офицерской традиціи, выхватилъ шашку и раскроилъ обид-

чику голову. Это увидѣли солдаты, помѣщавшіеся въ чуркинскихъ казармахъ. Они выбѣжали изъ казармъ и погнались за Н—цкимъ. Н—цкій вбѣжалъ въ офицерское собраніе и заперся, солдаты стали ломиться. Въ собраніи было еще нѣсколько офицеровъ. Н—цкій застрѣлился. Ворвавшіеся солдаты жестоко избили остальныхъ офицеровъ. Били полѣньями и каблуками, преимущественно по головѣ. Два офицера черезъ нѣсколько дней умерли въ госпиталѣ. Объ этомъ тогда было разсказано въ газетахъ.

Въ приказѣ главнокомандующаго предписывалось, чтобы посадка въ вагоны офицерскихъ чиновъ, ѣдущихъ въ Россію одиночнымъ порядкомъ, производилась въ строгой послѣдовательности, по предварительной записи. Но въ Харбинѣ мы узнали, что приказъ этотъ, какъ и столько другихъ, совершенно не соблюдается. Попадаетъ въ поѣздъ тотъ, кто умѣетъ энергично работать локтями. Это было очень непріятно: лучше бы ужъ подождать день-другой своей очереди, но сѣсть въ вагонъ навѣрняка и безъ боя.

Въ двѣнадцатомъ часу дня подали поѣздъ. Офицеры, врачи, военные чиновники высыпали на платформу. Каждый старался стать впереди другого, чтобы раньше попасть въ вагонъ. Каждый враждебно и внимательно косился на своихъ сосѣдей.

Поѣздъ подошелъ и остановился. Мы ринулись къ вагонамъ. Но вагоны были заперты, у каждой двери стояло по жандарму.

— Отпирай двери!

— Когда первый звонокъ будетъ, тогда отопрутъ.

Всѣ тѣснились къ ступенькамъ вагоновъ. Каждый старался протиснуться красшкомъ плеча, потомъ выпрямлялъ плечо и оказывался впереди.

— Послушайте! Вы же видите, тутъ стоятъ! Куда вы лѣзете?

— Да не толкайтесь, что за безобразіе!

Пассажиры крѣпко цѣплялись за ручки и перила, чтобы ихъ не оттиснули. Поручикъ-саперъ заглянулъ въ промежутокъ между вагонами и увидѣлъ, что ведущая въ вагонъ дверь не заперта. Когда жандармъ отвернулся, онъ быстро вскочилъ на буферъ, перепрыгнулъ на другой и исчезъ въ вагонѣ. Высокій военный врачъ старался поймать сапера за полы и въ негодованіи кричалъ:

— Эй, эй, поручикъ! Куда?!. Какое вы имѣете пра...

Но вдругъ и самъ врачъ вскочилъ на буферъ и тоже исчезъ въ вагонѣ.

Изъ вагона назадъ вышелъ поручикъ.

— Господа! Оказывается, весь вагонъ ужъ полонъ!

— Какъ полонъ?!

Жандармъ отлетѣлъ въ сторону. Пассажиры, грубо и озлобленно работая локтями, стали вскакивать на буфера. Толкались, перепрыгивали черезъ упавшихъ. Было противно, не мелькнула мысль: «прозѣваешь,—и завтра, и послѣзавтра будетъ то же самое!». И я рванулся вслѣдъ за другими на буфера.

Въ узкомъ коридорчикѣ вагона тѣснились, сталкивались, ругались. Около меня немного пріотворилась запертая дверь купэ. Я быстро сунулъ ногу въ отверстіе и протиснулся въ купэ. Въ немъ были Шанцеръ и четыре незнакомыхъ офицера.

— Виноватъ, тутъ все уже занято! — встрѣтилъ меня офицеръ.

— Будьте покойны, все равно, не уйду!—возразилъ я.

— То-есть, какъ это не уйдете?.. Купэ на четыре человѣка, а насъ тутъ и такъ шесть!

— Гдѣ же шесть? Васъ пять.

— Мы заняли мѣсто еще для одного товарища, онъ на платформѣ при вещахъ.

— Ну, это меня не касается! Его тутъ нѣтъ, я и сажусь.

Голоса повышались. И по всему вагону, во всѣхъ купэ и въ коридорчикѣ, кричали, препирались и ругались. Въ наше купэ ломились новые пассажиры.

— Господа, давайте ужъ лучше кончимъ!—предложилъ я.— Уйти отсюда я, все равно, ужъ не уйду, а, вы видите, ломятся новые пассажиры. Давайте лучше заключимъ общій оборонительный союзъ, а тамъ какъ-нибудь устроимся.

Всѣ разсмѣялись, и союзъ былъ заключенъ.

Кругомъ все еще ругались и кричали. Сосѣднее купэ оказалось занятымъ какимъ-то негромъ въ блестящемъ цилиндрѣ, въ дорогой мѣховой шубѣ, и изящною, накрашенною дамою съ подведенными глазами. Эта парочка танцовала въ харбинскихъ кафе-шантанахъ кэкъ-уокъ и теперь ѣхала на гастроли на станцію Маньчжурія.

Штабсъ-капитанъ въ потертыхъ погонахъ кричалъ на жандарма:

— Я тебя спрашиваю, какъ тутъ очутилась эта эоіопская харя?! Мы ихъ въ толпѣ не видѣли, когда у вагоновъ стояли... Съ той стороны ихъ впустилъ, на часокъ получилъ?.. Мы здѣсь кровь проливали, намъ нѣту мѣста, а они кэкъ-уокъ танцовали, имъ нашлось отдѣльное купэ?!

Наконецъ поѣздъ двинулся. Всѣ разсаживались и устраивались на взятыхъ съ бою мѣстахъ. Слава Богу! Какъ-никакъ, а наконецъ поѣхали. Впереди—Россія

Поѣздъ мчался по пустыннымъ равнинамъ, занесеннымъ снѣгомъ. Въ поѣздѣ было три классныхъ вагона; ихъ занимали офицеры. Въ остальныхъ вагонахъ, теплушкахъ, ѣхали солдаты, возвращавшіеся въ Россію одиночнымъ порядкомъ. Всѣ солдаты были пьяны. На остановкахъ они пѣли, гуляли по платформѣ, сидѣли въ залахъ перваго и второго классовъ. На офицеровъ и не смотрѣли. Если какой-нибудь солдатъ по старой привычкѣ отдавалъ честь, то было странно и необычно.

И во всѣхъ эшелонахъ было то же. Темная, слѣпая, безначально-бунтующая сила прорывалась на каждомъ шагу. Въ Иркутскѣ проѣзжіе солдаты разнесли и разграбили вокзалъ. Подъ Читою солдаты остановили экспрессъ, выгнали изъ него пассажировъ, сѣли въ вагоны сами и ѣхали, пока не вышли всѣ пары.

Намъ разсказывалъ это ѣхавшій въ нашемъ поѣздѣ мелкій желѣзнодорожный служащій, въ фуражкѣ съ малиновыми выпушками. Всѣ жадно обступили его, разспрашивали. Впервые мы увидѣли представителя осіяннаго всемірною славою желѣзнодорожнаго союза, первымъ поднявшаго на свои плечи великую октябрьскую забастовку. У него были ясные молодые глаза. Онъ съ недоумѣвающею улыбкою говорилъ о непониманіи офицерами происходящаго освободительнаго движенія, разсказывалъ о стачечныхъ комитетахъ, о выставленныхъ ими требованіяхъ.

— А скажите, какъ у васъ, всѣ слушаются стачечныхъ комитетовъ?

Желѣзнодорожникъ сдержанно улыбнулся.

— Да, у насъ дисциплина не то, что у васъ. Одно слово стачечнаго комитета,—и всѣ сразу бросятъ работу, отъ инженера до послѣдняго стрѣлочника.

Онъ говорилъ еще, что раньше они требовали реформъ; теперь же, когда поведеніемъ послѣ 17-го октября правительство показало свою неискренность, они уже *требуютъ революціи*...

На слѣдующій день къ вечеру мы прибыли на станцію Маньчжурія. Предстояла пересадка, а поѣздъ нашъ запоздалъ. Пришлось ночевать на станціи.

Здѣсь было уже полное царство стачечнаго комитета. Все выглядѣло такъ ново, необычно и невидано, какъ будто передъ глазами развернулся какой-то буйно-фантастическій сонъ. Рядомъ съ пожелтѣвшимъ, загаженнымъ мухами объявленіемъ военнаго губернатора Забайкалья ярко бѣлѣло новенькое объявленіе отъ «Комитета служащихъ и рабочихъ Забайкальской желѣзной дороги». Въ объявленіи сообщалось, что посадка въ

вагоны возвращающихся съ Дальняго Востока воинскихъ чиновъ будетъ производиться въ строгомъ порядкѣ записи; записываться тамъ-то; никакого различія между генералами, офицерами и нижними чинами дѣлаться не будетъ; въ вагоны перваго класса внѣ записи будутъ сажаться сестры милосердія и больные; остальныя мѣста перваго класса, второго и такъ далѣе до теплушекъ заполняются по порядку записи. Въ концѣ заявлялось, что, кто не будетъ подчиняться распоряженіямъ стачечнаго комитета, того не повезутъ совсѣмъ.

Мы пошли записываться. Въ концѣ платформы, рядомъ съ пустыннымъ, бездѣятельнымъ теперь управленіемъ военнаго коменданта, было небольшое зданіе, гдѣ дежурные агенты производили запись. На стѣнѣ, среди желѣзнодорожныхъ расписаній и тарифовъ, на видномъ мѣстѣ висѣла телеграмма изъ Иркутска; въ ней сообщалось, что «войска иркутскаго гарнизона перешли на сторону народа». Рядомъ висѣла соціалъ-демократическая прокламація. Мы записались на завтра у дежурнаго агента, вѣжливо и толково дававшаго объясненія на всѣ наши вопросы.

Въ залахъ вокзала вездѣ было оживленіе, лица смотрѣли свѣтло и празднично. Желѣзнодорожный машинистъ, окруженный кучкою солдатъ, читалъ имъ требованія, предъявленныя главнокомандующему читинскимъ гарнизономъ. Солдаты жадно слушали, задерживая дыханіе. Проходившіе офицеры молча косились на нихъ.

Официанты сообщили намъ, что завтра у нихъ официантскій митингъ; они собираются «экспропріировать» буфетъ и вести его впредь на артельныхъ началахъ, безъ хозяина... Вошелъ радостно-взволнованный рабочій, съ черными отъ желѣза руками, и крикнулъ на всю залу:

— Товарищи! Делегаты вѣсти привезли: въ Россіи въ *шестнадцати* губерніяхъ войска перешли на сторону народа!

Передавались и другія вѣсти: въ Севастополѣ всѣ броненосцы захвачены возставшими матросами, адмиралъ Чухнинъ съ офицерами атакуетъ ихъ на миноносцахъ, крѣпостные форты разрушены артиллерійскимъ огнемъ, убито десять тысячъ человѣкъ...

Былъ кругомъ обыкновенный россійскій большой вокзалъ. Толклись обычные носильщики, кондукторы, ремонтные рабочіе, телеграфисты. Но не видно было обычныхъ тупо-дѣловыхъ, усталыхъ лицъ. Повсюду звучалъ радостный, оживленный говоръ, читались газеты и воззванія, всѣ лица были обвѣяны вольнымъ воздухомъ свободы и борьбы. И были передъ нами не одиночные люди, не кучки «совращенныхъ съ пути»,

встрѣчающихъ кругомъ темную вражду. Сама стихія шевелилась и вздымалась, полная великой творческой силы.

Что это,—юности лучшіе сны?
Вижу—и вѣрить глазамъ не рѣшаюсь...

Тамъ, въ Маньчжуріи, я про это читалъ, но все было далекимъ, трудно-вообразимымъ. Здѣсь впервые широко развернулось передъ глазами то, о чемъ я читалъ, вдругъ стало видно глубоко вдаль, и сдѣлалось ясно, что, за два года нашего отсутствія, въ Россіи, дѣйствительно, родилась свѣтлая свобода. Ее могли теперь бить, душить, истязать. Но, разъ рожденная, она была безсмертна. Убить и положить ее въ гробъ было уже невозможно.

Утромъ подали поѣздъ. Пришли два желѣзнодорожника со спискомъ. Произошла посадка. Агентъ выкликалъ по списку фамилію, вызванный входилъ въ вагонъ и занималъ предназначенное ему мѣсто. Кто былъ недоволенъ вагономъ или своимъ мѣстомъ, могъ остаться ждать слѣдующаго поѣзда,—по этой же записи онъ имѣлъ право попасть туда однимъ изъ первыхъ.

Толстый, краснолицый капитанъ, отдуваясь, раскладывалъ вокругъ себя свои вещи и говорилъ:

— Нѣтъ, ей-Богу, молодцы забастовщики!.. Ни толкотни, ни спѣшки, ни ругани. У каждаго свое мѣсто... А то, какъ изъ Харбина выѣзжали: первое,—чуть руку себѣ не сломалъ, второе,—спалъ въ коридорѣ, какъ собака...

Пріѣхали мы въ Читу. Здѣсь революція царствовала. Читинскій губернаторъ Холщевниковъ былъ подъ арестомъ, городомъ управлялъ революціонный комитетъ.

На вокзалѣ намъ разсказали про курьезный случай, происшедшій здѣсь нѣсколько дней назадъ. Ѣхалъ въ Россію командиръ одного корпуса съ тремя генералами изъ своего штаба. Одинъ изъ генераловъ обругалъ на вокзалѣ помощника начальника станціи, грозилъ побить его, кричалъ, что онъ продался японцамъ и жидамъ. Генералы поужинали на вокзалѣ, воротились въ свой вагонъ, пьютъ чай. Показалось имъ странно,—что это поѣздъ стоитъ такъ долго? Выглянули,—ихъ вагонъ отцѣпленъ, стоитъ одинъ; вокругъ часовые съ винтовками. Въ вагонъ входятъ три офицера безъ погоновъ и двое статскихъ.

— Одинъ изъ васъ оскорбилъ сейчасъ помощника начальника станціи,—объявилъ генераламъ статскій.—Потрудитесь передъ нимъ извиниться. Если извинитесь, то вы просидите въ вашемъ вагонѣ сутки подъ арестомъ и поѣдете дальше. Если не извинитесь,—совсѣмъ не поѣдете.

Мялись, мялись генералы. Нечего дѣлать, пошли, извинились. Отсидѣли свои сутки и поѣхали дальше.

До Читы мы ѣхали довольно скоро и ровно. Отъ Читы помчались дальше быстрѣе любого экспресса. Дѣло вскорѣ объяснилось: къ нашему поѣзду прицѣпили вагонъ, въ которомъ ѣхали на съѣздъ въ Иркутскъ желѣзнодорожные делегаты.

— Ну, слава Богу, теперь можно быть спокойнымъ: съ начальствомъ ѣдемъ!—острили офицеры и съ ироническою почтительностью поглядывали на вагонъ, въ который не допускался никто посторонній.

На станціяхъ мы встрѣчали вооруженныхъ милиціонеровъ. На одномъ разъѣздѣ насъ обогналъ поѣздъ съ боевой дружиной, мчавшійся на сосѣднюю станцію, гдѣ черносотенцы напали на рабочихъ.

Проѣхали мы Кругобайкальскую дорогу. На Мамаевомъ разъѣздѣ, когда нашъ поѣздъ обгонялъ воинскій эшелонъ, изъ солдатской теплушки съ силою полетѣлъ въ нашъ вагонъ большой камень; оба оконныя стекла разлетѣлись въ дребезги, одному офицеру ушибло колѣно. Всю ночь мы мерзли.

Въ Иркутскѣ намъ предстояла новая пересадка. Садиться въ вагоны такъ, какъ въ Маньчжуріи, было куда пріятнѣе, чѣмъ такъ, какъ въ Харбинѣ. Мы обошли вагоны и предложили пассажирамъ заблаговременно составить списокъ всѣхъ ѣдущихъ, чтобы въ Иркутскѣ не бѣгать записываться каждому отдѣльно, а прямо представить списокъ тому «начальству», какое окажется въ Иркутскѣ,—стачечному комитету или коменданту. Всѣ съ удовольствіемъ согласились. Порядокъ записи былъ опредѣленъ жеребьевкой, мы составили списокъ и выбрали для представленія списка депутацію изъ одного штабъ-офицера, одного военнаго врача и одного прапорщика запаса.

Мы были верстъ за сорокъ изъ Иркутска. Въ вагонъ вошелъ взволнованный кондукторъ и сообщилъ, что на станціи Иркутскъ идетъ бой, что нѣсколько тысячъ черкесовъ осаждаютъ вокзалъ.

— Какіе-такіе черкесы? Откуда?

Около Иркутскаго вокзала расположенъ поселокъ, населенный кавказцами, — черкесами, армянами и грузинами. Нѣсколько дней подъ рядъ въ этомъ поселкѣ шелъ погромъ. Ѣхавшіе съ нами два иркутскихъ обывателя разсказывали, что кавказцы поселка—профессіональные грабители; кто вечеромъ зайдетъ въ поселокъ, исчезаетъ безслѣдно; полиція боится кавказцевъ, и всѣ грабежи остаются нераскрытыми. Недавно нашли въ поселкѣ трупъ зарѣзаннаго солдата. Солдаты съ эшелоновъ и рабочіе бросились громить поселокъ и избивать

черкесовъ. При разгромѣ лавокъ будто бы нашли массу солдатскихъ шинелей, винтовокъ и еще теплый трупъ унтеръ-офицера. Черкесы созвали изъ окрестностей своихъ земляковъ и напали на вокзалъ, чтобы отомстить.

Въ этихъ разсказахъ о еще теплыхъ трупахъ и безцѣльныхъ убійствахъ солдатъ звучало что-то странное и знакомое, чувствовались за кулисами чьи-то предательскія, кровавыя руки. Пассажиръ, нѣсколько дней назадъ проѣзжавшій черезъ Иркутскъ, видѣлъ самый погромъ. Онъ вышелъ на крыльцо вокзала. Поселокъ горѣлъ, изъ лавокъ расхищались товары; на его глазахъ солдатъ-погромщикъ размозжилъ желѣзною полосою голову бѣжавшему черкесу. А около вокзала стояла, выстроившись, рота солдатъ подъ командою офицера и спокойно смотрѣла. Пассажиръ спросилъ офицера, отчего онъ не остановитъ погрома.

— Мнѣ не приказано вмѣшиваться. Велѣно только охранять вокзалъ.

Поѣздъ мчался. Впереди на черномъ небѣ чудился отсвѣтъ далекаго зарева, сквозь грохотъ вагоновъ какъ будто слышались выстрѣлы. Всѣ осматривали и заряжали свои револьверы

Мы пріѣхали въ Иркутскъ поздно ночью. На вокзалѣ все было тихо и спокойно.

Посадкою въ вагоны здѣсь завѣдывало военное начальство. Наша депутація со спискомъ отправилась къ коменданту. Онъ жилъ тутъ же у платформы, въ вагонѣ второго класса. Депутацію принялъ маленькій, худенькій офицеръ съ серебряными штабсъ-капитанскими погонами, съ маленькою головкою и взлохмаченными усиками. Депутація вручила ему списокъ. Съ безмѣрнымъ, величественнымъ негодованіемъ офицеръ отодвинулъ отъ себя списокъ концами пальцевъ.

— Виноватъ! Тутъ функціонируетъ не стачечный комитетъ! Никакихъ списковъ я принять не могу, каждый долженъ записываться у меня лично... И затѣмъ,—что это за списокъ? Волковъ, Айзенбергъ, Филипповъ... Кто такой Волковъ? Что это за Айзенбергъ?.. Должны писаться чинъ и званіе... Предпочтеніе при посадкѣ будетъ отдаваться штабъ-офицерамъ...

— Когда же мы поѣдемъ?

— А это, какъ выйдетъ по записи. Ужъ на два дня впередъ запись заполнена.

Всѣ толпою хлынули въ вагонъ записываться. Въ узкомъ коридорчикѣ шла давка, выходъ былъ одинъ; тотъ, кто записался, протискивался къ выходу, съ трудомъ продираясь сквозь напиравшія навстрѣчу тѣла. Дѣло происходило 18-го

декабря. Первыхъ человѣкъ пять комендантъ записалъ на 20-е, человѣкъ по десяти на 21-е и 22-е. На 23-е никого не записалъ. Я съ товарищами попалъ на 24-е,—почти черезъ недѣлю!

— Позвольте, что же это за запись такая? По пять, по десять человѣкъ на день!..

Комендантъ, не удостоивая насъ отвѣтомъ, говорилъ, пуская слова черезъ носъ:

— Будьте добры быть на вокзалѣ къ тому времени, когда подадутъ поѣздъ. Я буду вызывать записавшихся по списку и сажать въ вагоны... Впрочемъ, господа, вы, можетъ-быть, попадете и раньше записи: многіе изъ записавшихся уѣхали другими способами. Совѣтую вамъ приходить къ каждому поѣзду, можетъ-быть, попадете... Тѣмъ болѣе, что трудно поручиться, удастся ли ужъ кому-нибудь вообще-то уѣхать отсюда дня черезъ три-четыре. Сегодня вечеромъ мы отбили отъ вокзала нападеніе черкесовъ. Говорятъ, ихъ теперь собирается тысячъ десять. Если сожгутъ вокзалъ и перервутъ сообщеніе, то запасные съ эшелоновъ все кругомъ разнесутъ, насъ перебьютъ, и что вообще будетъ, трудно сказать...

Мы вышли отъ коменданта, злые и раздраженные. Куда направиться? Поселокъ у вокзала сожженъ, въ городъ попасть нельзя, потому что по Ангарѣ идетъ шуга, и перевоза нѣтъ; да и опасно ѣхать ночью изъ-за черкесовъ.

Въ дорогѣ мы хорошо сошлись съ однимъ капитаномъ Николаемъ Николаевичемъ Т., и двумя прапорщиками запаса. Шанцеръ, Гречихинъ, я и они трое,—мы рѣшили не ждать и ѣхать дальше хоть въ теплушкахъ. Намъ сказали, что солдатскіе вагоны поѣзда, съ которымъ мы сюда пріѣхали, идутъ дальше, до Челябинска. Въ лабиринтѣ запасныхъ путей мы отыскали въ темнотѣ нашъ поѣздъ. Забрались въ теплушку, гдѣ было всего пять солдатъ, познакомились съ ними и устроились на нарахъ. Была уже поздняя ночь, мы сейчасъ же залегли спать.

Поѣздъ двинулся и пошелъ. Нашъ вагонъ прыгалъ, трясся, словно въ припадкѣ жестокаго озноба, мы подлетали на своихъ ложахъ, какъ только-что обезглавленные цыплята. Наконецъ заснули.

Утромъ проснулись,—бодрые, выспавшіеся. Поѣздъ стоитъ.

— Однако что значитъ привычка! — удивленно замѣтилъ Шанцеръ.—Сначала, какъ мы только-что поѣхали, я думалъ, ни за что не засну. А выспался великолѣпно, даже не слышалъ тряски.

— И я тоже,—отозвался капитанъ Т.

Вдругъ дверь теплушки съ шумомъ отодвинулась, кто-то крикнулъ:

— Есть тутъ кто? Вылѣзай! Дальше вагоны не пойдутъ!

— А гдѣ мы?

— На станціи Иннокентьевской.

На Иннокентьевской... Это всего за семь верстъ отъ Иркутска!.. То-то мы такъ хорошо проспали ночь: поѣздъ все время стоялъ на мѣстѣ.

Вылѣзли мы, пошли отыскивать мѣстнаго коменданта. Въ комендантскомъ управленіи тѣснилась большая толпа штабъ- и оберъ-офицеровъ. Всѣ требовали мѣсть.

— Устройте насъ хоть въ теплушку въ какомъ-нибудь проходящемъ эшелонѣ!

Помощникъ коменданта бѣгалъ, суетился, ежеминутно звонилъ въ телефонъ, повелъ всѣхъ на одну платформу, на другую. Человѣкъ десять онъ помѣстилъ въ вагонъ четвертаго класса къ персоналу проходящаго эшелона, на пятнадцать человѣкъ далъ теплушку, мы шестеро и еще трое остались за штатомъ.

— Подождите, господа, полчаса, тогда опредѣлится, пойдетъ ли сегодня № 11, я вамъ дамъ въ немъ теплушку.

Наконецъ, въ только-что пришедшемъ эшелонѣ нашлась теплушка, изъ которой солдаты сходили на этой станціи. Начальникъ эшелона обѣщалъ намъ очистить ее черезъ часъ. Теплушка была очень грязная и холодная, но нечего дѣлать, спасибо и на томъ.

Мы пошли на станцію закусить. За длиннымъ столомъ обѣдали полный, важный полковникъ съ окладистою бородой и высокій, рыхлый капитанъ съ лицомъ добраго малаго. Гречихинъ и Шанцеръ пошли еще поискать чего-нибудь получше данной намъ теплушки. Они воротились оживленные и радостные.

— Господа, вотъ стоитъ эшелонъ! Прекрасный пульмановскій вагонъ второго класса, и въ немъ всего три офицера, а остальныя купэ заняты солдатами. Начальникъ эшелона, намъ сказали, обѣдаетъ здѣсь въ залѣ.

Сидѣвшіе за столомъ полковникъ и капитанъ уткнули носы въ тарелки. Мы подошли къ полковнику и попросили его пріютить насъ въ его вагонѣ.

— Да, да! Пожалуйста, пожалуйста! Съ удовольствіемъ!— поспѣшно отвѣтилъ онъ.

— Васъ шесть человѣкъ?—спросилъ его помощникъ, рыхлый капитанъ.—Вѣдь съ васъ довольно будетъ одного купэ? Я вамъ его очищу, солдатъ переведу въ теплушку, а вы имъ за это дайте по трешницѣ. Они будутъ очень рады.

— Конечно! Съ величайшимъ удовольствіемъ!

Шесть солдатъ перешли въ теплушку, мы имъ за это заплатили восемнадцать рублей и размѣстились въ великолѣпномъ, просторномъ купэ.

— А тѣ-то всѣ несчастные! Въ теплушкахъ ѣдутъ!—смѣялись мы.

Было очень пріятно, что мы поладили съ солдатами полюбовно,—но вотъ оно, это тщательное отдѣленіе даже оберъ-офицеровъ отъ штабъ-офицеровъ!.. Полковники трясутся въ грязныхъ, холодныхъ теплушкахъ, а мимо въ прекрасныхъ купэ проносятся нижніе чины!

Впослѣдствіи, въ Челябинскѣ, насъ нагнало нѣсколько офицеровъ и врачей, которые въ Иркутскѣ сѣли въ поѣздъ по записи коменданта. Они разсказывали, какъ происходила посадка. Подали поѣздъ, статскіе пассажиры устремились въ вагоны. Военные стояли и, посмѣиваясь, смотрѣли, какъ устраивались въ вагонахъ статскіе. Преимущество отдавалось военнымъ,—придетъ сейчасъ комендантъ, очиститъ вагоны и по списку помѣститъ военныхъ, а оставшіяся мѣста предоставитъ частнымъ пассажирамъ. Первый звонокъ. Коменданта нѣтъ. Второй звонокъ. Его все нѣтъ. Офицеры бросились въ управленіе.

— Гдѣ же комендантъ?

Коменданта не было. Съ предыдущимъ поѣздомъ пріѣхала какая-то хорошенькая дама, комендантъ познакомился съ нею и вмѣстѣ съ дамою укатилъ въ городъ... И пришлось офицерамъ ѣхать, сидя на своихъ чемоданахъ, спать на полу въ проходахъ.

— Забастовка идетъ! Гляди, ребята!

— Вонъ они, красные флаги!

— Игдѣ? Это фуражка начальника станціи!

— У-у, дура! Фура-ажка!.. Вонъ трепыхается!..

Среди солдатъ была суетня и оживленіе. Мы вышли на площадку. Всѣ тѣснились и смотрѣли вправо. Черезъ полотно дороги черпѣла и медленно двигалась большая толпа.

Но мы поднимемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло...

Порожній паровозъ, свистя, промчался мимо и на мигъ закрылъ все.

Толпа окружила поѣздъ, только-что пришедшій съ запада. На площадкѣ вагона стоялъ смертельно-блѣдный, растерянный жандармскій офицеръ и что-то говорилъ толпѣ.

— Врешь, подлецъ!—кричали ему.

— Убійца! Каинъ!

— Кровопійца!.. Насосался христіанской крови?

Нашъ поѣздъ двинулся, угрожающе свистя на кипѣвшую, взмахивавшую руками толпу.

Проводникъ вагона на ходу вскочилъ на ступеньку. Мы набросились на него съ разспросами, — что это было, въ чемъ дѣло?

— Это *ратмистръ* пріѣхалъ съ пассажирскимъ поѣздомъ изъ Нижне-Удинска. Тамъ по его приказу была стрѣльба. Двадцать рабочихъ пострѣлялъ. Вотъ мы и хотѣли посмотрѣть, что это за человѣкъ, который въ людей стрѣляетъ. И у насъ есть *ратмистръ*, и въ Читѣ, а нигдѣ въ народъ не стрѣляли.

— Что же они, бить его пришли?

— Не бить, а сдѣлать ему позоръ.

Были у проводника такіе хорошіе, ясные глаза. Они съ недоумѣніемъ широко раскрывались при разсказѣ о стрѣльбѣ по безоружнымъ людямъ. Что это? Откуда у всѣхъ, съ кѣмъ мы теперь встрѣчались, эти свѣтлыя, чѣмъ-то изнутри осіянныя лица, какъ будто совсѣмъ люди были изъ другой породы, чѣмъ два года назадъ?

Эшелонъ, съ которымъ мы теперь ѣхали, везъ изъ Владивостока запасныхъ сибиряковъ. На каждой большой станціи съ поѣзда сходило по нѣсколько десятковъ человѣкъ. Въ купэ полковника, начальника эшелона, все время толпились солдаты, которымъ онъ производилъ денежный расчетъ.

По всѣмъ вагонамъ шло безпросвѣтное пьянство. На распоряженія своихъ офицеровъ солдаты не обращали никакого вниманія. Полковникъ, такой важный и внушительный на видъ, на дѣлѣ былъ вялою тряпкою. Бросалось въ глаза, какъ сильно онъ трусилъ передъ своими подчиненными. Много солдатъ уже сошло на станціяхъ, въ теплушкахъ было просторно, а поѣздъ былъ огромный, паровозъ съ трудомъ тащилъ вереницу вагоновъ. Полковникъ распорядился перевести солдатъ изъ заднихъ теплушекъ въ переднія, чтобъ можно было отцѣпить нѣсколько вагоновъ. Пришелъ фельдфебель и доложилъ:

— Ваше высокоблагородіе! Солдаты не хотятъ переходить!

Полковникъ дѣлалъ видъ, что занятъ своими бумагами. Онъ на минуту оторвался отъ нихъ и нетерпѣливо отвѣтилъ:

— Что такое?.. Хорошо, подожди! Потомъ!

«Потомъ» ничего не послѣдовало. Солдаты такъ и остались въ своихъ теплушкахъ.

При солдатахъ, наполнявшихъ коридоръ вагона, полковникъ громко говорилъ намъ:

— Что съ ними подѣлаешь? Сейчасъ все разнесутъ! Вѣдь это такой народъ...

И все-таки онъ продолжалъ играть съ солдатами роль важнаго начальника, даже не допускавшаго мысли о неповиновеніи. Всего, что дѣлалось кругомъ, онъ словно не замѣчалъ и думалъ, что и всѣ убѣждены, будто онъ вправду не замѣчаетъ.

Его помощникъ, рыхлый, рыжебородый капитанъ съ лицомъ добраго малаго, держался другой тактики: онъ изо всѣхъ силъ любезнлъ передъ солдатами, фамильярничалъ съ ними, угощалъ папиросами.

Нашъ спутникъ, капитанъ Т., смотрѣлъ на все это и покусывалъ свои рѣдкіе усы. Это былъ боевой офицеръ, съ большимъ рубцомъ на шеѣ отъ японской пули. Ни въ какихъ взглядахъ мы съ нимъ не сходились, но все-таки онъ мнѣ ужасно нравился; чувствовался цѣльный человѣкъ, съ настоящимъ мужествомъ въ груди, съ достоинствомъ, которое ни передъ чѣмъ не сломится. Во всемъ, что онъ говорилъ, чуялась искренность и, главное, исканіе.

На станціяхъ все были новыя, необычныя картины. Вездѣ былъ праздникъ очнувшагося раба, почувствовавшаго себя полноцѣннымъ человѣкомъ. На станціи Зима мы сошли пообѣдать. Въ залѣ I—II класса сидѣли за столомъ ремонтные рабочіе съ грубыми, мозолистыми руками. Они обѣдали, пили водку. Всѣ стулья были заняты. Рабочіе украдкою слѣдили смѣющимися глазами, какъ мы оглядывали залу, ища свободныхъ стульевъ.

Я и рыхлый капитанъ спросили себѣ въ буфетѣ рябчиковъ. Сѣсть было негдѣ, мы стояли у стола и ѣли. Вдругъ я услышалъ, — кто-то намъ что-то говоритъ. За столомъ, наискось отъ насъ, стоялъ старикъ съ крючковатымъ носомъ, съ сѣдой, курчавой бородой. Онъ смотрѣлъ на насъ и, простирая руку, говорилъ:

— Господа! Объясните мнѣ, пожалуйста, почему рябчики летаютъ у насъ только для господъ офицеровъ и буржуазіи?.. Почему мы, трудовые люди, не можемъ ѣсть рябчиковъ? Я работалъ сорокъ лѣтъ, трудился потомъ и кровью, а вотъ, посмотрите, — кромѣ мозолей на рукахъ, ничего не нажилъ. Развѣ вы трудились въ жизни больше, нежели я? А вотъ ѣдите рябчиковъ, а я не имѣю возможности... Почему это такъ случилось, господа офицеры? Можетъ-быть, вы мнѣ объясните!..

Другіе рабочіе выжидающе поглядывали на насъ и чуть замѣтно посмѣивались. Мы молчали, стыдливо опустивъ глаза, и дѣлали своихъ рябчиковъ.

Старикъ подошелъ къ стоявшему у окна прапорщику:

— Скажите, пожалуйста, почему вотъ вы, напр., стали офицеромъ? У вашихъ родителей были средства, и они вамъ дали образованіе...

Молодой прапорщикъ слушалъ, сконфуженно улыбаясь, и старался выразить на лицѣ, что ему весело и интересно наблюдать старика.

— А если бы у меня родители были богатые, я бы, можетъ, былъ бы теперь генераломъ, — продолжалъ старикъ. — Можетъ, былъ бы много умнѣе васъ. Вы бы передо мною во фронтъ стояли... Почему такъ, позвольте узнать?.. Сколько съ меня полагается драть шкуръ?

— Одну,—увѣренно отвѣтилъ прапорщикъ, чуть-чуть улыбаясь.

— Одну?—Старикъ подумалъ.—Вѣрно, одну!.. А почему съ меня одну шкуру деретъ казна, другую инженеры, третью купецъ? Можно все это терпѣть, или нѣтъ?

Старикъ весь до краевъ былъ полонъ тѣмъ неожиданно-новымъ и свѣтлымъ, что раскрылось передъ нимъ въ послѣдніе мѣсяцы. Какъ будто живою водою вспрыснуло его ссохшуюся, старческую душу, она горѣла молодымъ, восторженнымъ пламенемъ, и этотъ пламень неудержно рвался наружу.

— Не желаете ли сѣсть съ нами?

Старикъ острыми глазами смотрѣлъ на прапорщика и указывалъ ему на столикъ у окна.

— Отчего же? Съ удовольствіемъ.

За столикомъ сидѣли три рабочихъ и унтеръ-офицеръ изъ нашего эшелона.

— Садитесь, пожалуйста! — вѣжливо пригласилъ старикъ и испытующе ждалъ, сядетъ ли офицеръ за одинъ столъ съ солдатомъ.

Прапорщикъ сѣлъ.

— Вотъ! Это такъ! Хорошо! —дѣтски-радостно воскликнулъ старикъ.—Васъ можно уважать! Онъ вотъ—солдатъ, вы—офицеръ. На службѣ онъ вамъ обязанъ дисциплиной, а тутъ вы оба люди, больше ничего. И никакого отъ этого вреда нѣту! Вонъ у японцевъ солдаты вмѣстѣ съ офицерами сидятъ, вмѣстѣ курятъ,—а ка-акъ они васъ лупили!..

Мы возвращались въ вагонъ съ рыхлымъ капитаномъ. Онъ негодовалъ и возмущался.

— Чортъ знаетъ, — какое холуйство! Сидятъ, развалились, пьянствуютъ въ первомъ классѣ, а пассажирамъ негдѣ сѣсть. Разъ они рабочіе, передовые люди, то должны бы понимать, что мы здѣсь не офицеры, не буржуазія, а просто проѣзжіе... Изволите видѣть,—вотъ какая у насъ революція!

На платформѣ стояла древняя, трясущаяся старуха. Падалъ снѣгъ. Старуха опиралась на палку, укоризненно смотрѣла на насъ и шамкала:

— Съ чѣмъ назадъ-то ѣдете?.. Стыда нѣту!.. А какъ мы васъ провожа-али!..

Что дѣлается въ Россіи, никто не зналъ. Газеты содержали только мѣстныя свѣдѣнія. Встрѣчные пассажиры, ѣхавшіе изъ Россіи, разсказывали, что вся Москва покрыта баррикадами, что на улицахъ идетъ непрерывная артиллерійская стрѣльба.

Въ солдатскихъ вагонахъ нашего эшелона продолжалось все то же безпробудное пьянство. Солдаты держались грозно и вызывающе, жутко было выходить изъ вагона. У всѣхъ было нервное, прислушивающееся настроеніе. Темною ночью выйдешь на остановкѣ погулять вдоль поѣзда, — вдругъ съ шумомъ откатится дверь теплушки, выглянетъ пьяный солдатъ:

— Эй, ты, горнистъ!.. Чего ясные погоны на плечи нацѣпилъ?.. Иди сюда, дай, я тебѣ въ шею накладу... У-у, с-сукинъ сынъ!.. Фью-у-у!..

На станціяхъ солдаты прямо шли въ залу перваго-второго класса, разсаживались за столами, пили у буфета водку. Продажа водки нижнимъ чинамъ, сколько я знаю, была запрещена, но буфетчики съ торопливою готовностью отпускали солдатамъ водки, сколько они ни требовали. Иначе дѣло кончалось плохо: солдаты громили буфетъ и все кругомъ разносили въ дребезги. Мы проѣхали цѣлый рядъ станцій, гдѣ ужъ ничего нельзя было достать: буфеты разгромлены, вся мебель въ залѣ переломана, въ разбитыя окна несетъ сибирскимъ морозомъ.

Офицеры украдкою шмыгали мимо сидѣвшихъ за столами солдатъ, торопливо вышивали у стойки рюмку водки и исчезали.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

По великому сибирскому пути, на протяженіи тысячъ верстъ, медленно двигался огромный, мутно-пьяный, безначально-бунтовской потокъ. Потокъ этотъ, полный слѣпой и дикой жажды разрушенія, двигался въ берегахъ какого-то совсѣмъ другого міра. Въ этомъ другомъ мірѣ тоже была великая жажда разрушенія, но надъ нею царила свѣтлая мысль, она питалась широкими, творческими цѣлями. Былъ ясно сознанный врагъ, былъ героическій душевный подъемъ.

Обѣ эти стихіи были глубоко чужды другъ другу, пониманія между ними не было. Солдаты жили одною безмѣрною своею злобою, и для злобы этой всѣ были равны. Били офицеровъ,— били желѣзнодорожниковъ; разносили казенныя зданія, — разносили и толпы демонстрантовъ, привѣтствовавшихъ войска дружественными кликами.

Одинъ солдатъ съ благодушною улыбкою разсказывалъ мнѣ, какъ подъ Иркутскомъ они проломили голову помощнику начальника станціи.

— За что?

— Да такъ. Не знаю... Всѣ били.

Здѣсь, на возвращавшихся войскахъ, можно было видѣть, что̀ такое подлинная анархія. Была война противъ всѣхъ и другъ противъ друга. Солдаты рвались домой, и на станціяхъ происходили жестокія побоища изъ-за паровозовъ и изъ-за права ѣхать впередъ первымъ. На одной станціи мы нагнали эшелонъ: у него былъ одинъ паровозъ, и онъ двигался медленно. У насъ было два паровоза. Солдаты съ того эшелона стали отцѣплять у насъ одинъ паровозъ для себя. Увидѣли это наши солдаты и бросились на защиту. Нашихъ было больше, они отбили свой паровозъ, и мы съ криками «ура!» покатили впередъ.

На одной большой станціи въ купэ къ начальнику эшелона вошелъ жандармъ.

— Ваше высокоблагородіе! Солдаты вашего эшелона избили желѣзнодорожнаго агента!

Полковникъ сердито и взволнованно закричалъ въ отвѣтъ:

— Они и всю станцію вашу разнесутъ!.. И вашу станцію разнесутъ, и всѣхъ перебьютъ, если вы насъ тутъ будете держать!.. Сейчасъ же отправляйте насъ дальше, сейчасъ же!..

И нашъ поѣздъ, дѣйствительно, не въ очередь былъ пущенъ впередъ, при негодующихъ крикахъ и ругательствахъ другихъ эшелоновъ.

И солдаты пили, пили. Они вываливались на ходу изъ поѣзда и замерзали въ тайгѣ; вскакивали въ двигавшіеся вагоны, срывались, и колеса рѣзали ихъ на-двое.

Однажды подъ вечеръ къ полковнику явился старшій по вагону № 4 и доложилъ, что одинъ солдатъ у нихъ сильно напился пьянъ, бунтуетъ, выбросилъ изъ вагона желѣзную печку.

Полковникъ накричалъ на старшаго.

— Васъ тамъ двадцать человѣкъ трезвыхъ, — какъ же вы не смогли ему помѣшать, чего вы его не связали? Что̀ жъ, самъ я, старикъ, пойду его вязать?.. Подѣломъ, ѣзжайте теперь въ холодномъ вагонѣ!

На слѣдующей остановкѣ въ нашъ вагонъ ворвался окровавленный, пьяный солдатъ,—босой, голый по поясъ, плачущій.

— Ваше благородіе! Меня тамъ избили, сейчасъ убьютъ.

Капитанъ сплавилъ его въ сосѣднее купэ, занятое солдатами.

— Иди сюда, проспись! Завтра я разберу!

Солдаты въ купэ очень мало обрадовались нежданному гостю. Они стояли въ коридорѣ и говорили громко, чтобъ слышали полковникъ и капитанъ:

— Это что же? Намъ, значитъ, тоже ждать, чтобъ онъ и насъ всѣхъ, какъ печку, изъ вагона повыбросилъ?

— Самого бы его выбросить вонъ. Пусть замерзаетъ, пьяная собака!

Въ купэ два солдата поучающимъ голосомъ говорили пьяному:

— Ты погляди на себя, что ты есть такое? Тебя дома жена ждетъ, дѣти, а ты пьянствуешь.

— Дай, Господи, тебѣ всегда такъ пьянствовать, какъ я пьянствую!—возражалъ пьяный.—Дай руку!... Дай тебѣ, Господи, всегда такъ пьянствовать!.. Ну, дай же, тебѣ говорятъ,—давай руку сюда!

— Ну, вотъ тебѣ рука.

— Вотъ!.. Дай, я говорю, тебѣ, Господи, такъ пьянствовать, какъ я пьянствую!.. Сукинъ ты сынъ, проклятый человѣкъ! А я не такъ, чтобъ желалъ бы утопить тебя, уязвить тебя, чтобъ ты пропалъ вѣчно!..

— Не кричи!

— Имѣю право кричать!! Я имѣю право кричать! Я супротивъ японца сражался, я пять разъ раненъ!

— Ладно, молчи! Авось и мы не за японца сражались.

Пьяный долго бушевалъ въ купэ.

— Ничего я не боюся, ни огня, ни пламя!—кричалъ онъ зловѣще-воющимъ голосомъ, и была въ этомъ голосѣ угроза и какая-то дикая, щедшая изъ темныхъ глубинъ скорбь.—Я ничего не боюся, погоди, что еще будетъ!.. Что въ Владивостокѣ было,—по всей Сибири пойдетъ, по всей Рассеѣ пойдетъ!.. Всю Рассею полымемъ пустимъ!

Утромъ, когда солдатъ проспался, его перевели назадъ въ теплушку. Но онъ тотчасъ же напился снова. А послѣ обѣда старшій по вагону пришелъ доложить, что этотъ самый солдатъ на полномъ ходу поѣзда открылъ дверь теплушки и голый выскочилъ наружу. Было 32° мороза; если и не разбился, то все равно замерзнетъ.

Глаза старшаго, когда онъ докладывалъ, были странные, и онъ избѣгалъ взглядовъ. И у всѣхъ мелькнула одна мысль:

солдатъ не самъ выскочилъ, а его выбросили спутники, наскучивъ его буйствомъ.

Жизнь человѣческая стала не дороже гнилой картошки.

Верстъ за десять до Красноярска мы увидѣли на станціи нѣсколько воинскихъ поѣздовъ необычнаго вида. Пьяныхъ не было, вездѣ расхаживали часовые съ винтовками; на вагонахъ-платформахъ высовывали свои тонкія дула снаряженные пулеметы и какъ будто молчаливо выжидали. На станціи сбирался шедшій изъ Маньчжуріи Красноярскій полкъ; поджидали остальныхъ эшелоновъ, чтобы тогда всѣмъ полкомъ пѣшимъ порядкомъ двинуться на мятежный Красноярскъ.

Пріѣхали мы въ Красноярскъ. Мѣстный гарнизонъ вмѣстѣ съ народомъ демонстрировалъ на улицахъ съ красными флагами; по городу въ сопровожденіи двухъ казаковъ разъѣзжалъ новый революціонный губернаторъ, прапорщикъ Кузьминъ; шли выборы въ городскую думу на основѣ четырехчленной формулы. На вокзалѣ, разграбленномъ запасными матросами, продавались номера соціалъ-демократической газеты «Красноярскій Рабочій», печатанные въ губернской типографіи. Еще держалось свѣтлое опьянѣніе свободы, но черныя, тяжелыя тучи уже заволакивали горизонтъ. Всѣ знали о стягивающихся подъ городомъ правительственныхъ войскахъ.

Здѣсь же мы впервые подробно узнали о подавленномъ московскомъ возстаніи, о разрушенныхъ снарядами кварталахъ и о сковавшемъ Москву военномъ положеніи.

Бастовавшій телеграфъ опять началъ дѣйствовать. Со станціи Обь мы послали домой телеграммы съ извѣщеніемъ, что ѣдемъ.

Насталъ сочельникъ. Попрежнему въ эшелонѣ шло пьянство. На станціяхъ солдаты избивали начальниковъ станцій и машинистовъ, сами переговаривались по телефону объ очисткѣ пути, требовали жезла и, если не получали, заставляли машиниста ѣхать безъ жезла. Мы жестоко мерзли въ нашемъ пульмановскомъ вагонѣ. Наканунѣ ночью, когда на дворѣ было 38° морозу, мальчикъ-истопникъ заснулъ, трубы водяного отопленія замерзли и полопались. Другого вагона мы нигдѣ не могли получить.

Рыхлый капитанъ, помощникъ начальника эшелона, былъ задумчивъ и вздыхалъ.

— Изобьютъ завтра солдаты нашего полковника! Мнѣ сегодня говорили нижніе чины. Дѣйствительно, тоже и ихъ положеніе! Полковнику выданы деньги на удовлетвореніе солдатъ только за проѣздъ по желѣзной дорогѣ, остальное они должны

получить у мѣстнаго воинскаго начальника. А отъ станціи до воинскаго начальника двѣсти верстъ! Они и говорятъ: «Что же, пѣшкомъ намъ итти двѣсти верстъ по этакому морозу? Снѣгомъ, что ли, питаться?..» Вѣдь правильно все!.. Я имъ объясняю, что полковникъ не виноватъ,—откуда же онъ возьметъ денегъ, если ему не выдали? «Мы это понимаемъ, а все-таки его изобьемъ.... Что же это за порядки!..» Ну, что съ ними подѣлаешь?—Рыхлый капитанъ задумался.—Меня-то они не тронутъ. Меня они любятъ...

Нашъ спутникъ, капитанъ Т., быстро поднялъ голову и пристально взглянулъ въ глаза рыхлому капитану.

— То-есть, позвольте!—рѣзко и значительно произнесъ онъ.—Вы вѣдь, я думаю, знаете обязанности офицера? Если полковника тронутъ хоть пальцемъ, мы съ вами, какъ офицеры, *обязаны* заступиться за товарища!

— Ну, да, да! Конечно! Какъ же иначе?—поспѣшно согласился рыхлый капитанъ и успокоительно прибавилъ:—Бить они его не будутъ, только поругаютъ.

Но въ разговорѣ онъ неожиданно все задумывался и замолкалъ. Нечаянно онъ выдалъ свою тайную думу:

— Напрасно я вчера далъ женѣ телеграмму, что пріѣду. Можетъ-быть, еще убьютъ завтра...

Рано утромъ, только-что стало свѣтать, рыхлый капитанъ собралъ свои вещи, и денщикъ понесъ ихъ вонъ изъ вагона.

— Куда это вы?

— Невозможно, господа, у васъ тутъ спать, такой морозище! Перехожу къ солдатамъ въ теплушку!

Но было ясно,—храбрый капитанъ уходитъ отъ непріятной исторіи и спасаетъ свою шкуру...

Къ счастью, исторіи никакой не вышло. Солдаты не тронули полковника. Вскорѣ намъ дали новый вагонъ, и капитанъ перешелъ къ намъ обратно.

Поѣздъ нашъ былъ громадный, въ тридцать восемь вагоновъ. Онъ шелъ теперь почти пустой, въ каждой теплушкѣ ѣхало не больше пяти-шести солдатъ. Хотѣли-было отцѣпить вагоновъ пятнадцать, чтобъ облегчить поѣздъ, но опять никто изъ солдатъ не соглашался уходить изъ своей теплушки. Уговаривали, убѣждали,—напрасно. И почти пустые вагоны продолжали бѣжать тысячи верстъ. А тамъ, назади, они были нужны для тѣхъ же товарищей-солдатъ.

Отъ Каинска мы всю ночь бѣшено мчались почти безъ остановокъ. Къ утру были уже въ Омскѣ. Нашъ капитанъ гордо потиралъ руки.

— Меня, господа, благодарите! Это я такого хорошаго машиниста досталъ. Смотрите, какъ гонитъ.

Утромъ мы узнали, что капитанъ нашъ здѣсь совсѣмъ ни при чемъ. Вчера вечеромъ на паровозъ взобрались три сильно пьяныхъ солдата и заявили машинисту, чтобы онъ гналъ во всю, иначе они его сбросятъ съ паровоза. Проѣхавъ три пролета, солдаты озябли и ушли къ себѣ въ теплушку. Но, уходя, сказали машинисту, что, если онъ будетъ ѣхать медленнѣе, чѣмъ сейчасъ, то они опять явятся и проломятъ ему полѣномъ голову.

И во всѣхъ эшелонахъ дѣлалось такъ же. Одинъ машинистъ, подъ угрозою смерти отъ пьяныхъ солдатъ, былъ принужденъ выѣхать со станціи безъ жезла, на вѣрное столкновеніе со встрѣчнымъ поѣздомъ, долженъ былъ гнать поѣздъ во всю мочь. И столкновеніе произошло. Рядъ теплушекъ разбился въ дребезги, десятки солдатъ были перебиты и перекалѣчены.

Вообще то и дѣло происходили крушенія отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ.

Въ самомъ концѣ декабря мы наконецъ пріѣхали въ Челябинскъ. Тутъ только въ первый разъ почувствовалось, что желанная, далекая Россія, до которой, казалось, никогда не доберешься,—ужъ близко, сейчасъ здѣсь, за Уральскимъ хребтомъ.

Дальше мы поѣхали съ почтовымъ поѣздомъ. Но двигался поѣздъ не быстрѣе товарнаго, совсѣмъ не по расписанію. Впереди насъ шелъ воинскій эшелонъ, и солдаты зорко слѣдили за тѣмъ, чтобъ мы не ушли впередъ ихъ. На каждой станціи поднимался шумъ, споры. Станціонное начальство доказывало солдатамъ, что почтовый поѣздъ нисколько ихъ не задержитъ. Солдаты ничего не хотѣли слушать.

— Пускай всѣ ровно идутъ. Чтобъ по справедливости!

Они клали шпалы передъ нашимъ поѣздомъ, отцѣпляли паровозъ, взбирались къ машинисту и грозили бросить его въ печку, если онъ двинетъ поѣздъ. Офицеры эшелона посмѣивались и тайно поощряли своихъ солдатъ. Препирательства тянулись полчаса, часъ. Въ концѣ концовъ ихъ поѣздъ, при побѣдномъ «ура!» солдатъ, двигался впередъ первымъ. На слѣдующей остановкѣ повторялось то же самое.

Отъ военнаго начальника дороги пришла грозная телеграмма съ требованіемъ, чтобъ почтовый поѣздъ шелъ точно по расписанію. Но телеграмма, конечно, ничего не измѣнила. До самой Самары мы ѣхали слѣдомъ за воинскимъ эшелономъ, и только у Самары эшелонъ обманнымъ образомъ отвезли на

боковую вѣтку, арестовали офицеровъ эшелона и очистили путь почтовому поѣзду.

Мы переѣхали Волгу и ѣхали уже по самой настоящей, подлинной Россіи.

На одной станціи сходилъ съ поѣзда денщикъ капитана Т. Капитанъ Т. вышелъ на платформу и, прощаясь, горячо расцѣловался съ денщикомъ. Толпившимся на платформѣ солдатамъ это очень понравилось.

— Ваше благородіе! Позвольте, мы васъ на рукахъ донесемъ до вашего вагона!

— Лучше подъ колеса его!—послышалось изъ толпы.

Забастовка прекратилась. Повсюду уже ходили поѣзда. Желѣзнодорожники и телеграфисты были сумрачны, понуры и задумчивы.

Пиръ свободы кончился. Начиналось похмелье. Со всѣхъ сторонъ вздувались кроваво-черныя, мстительныя волны.

1906—1907.

Оглавленіе

IV тома.

Разсказы о войнѣ.

стр.

I. Издали 3
II. Враги 14
III. Ломайло 19
IV. На отдыхѣ 29
V. Въ мышеловкѣ 41
VI. Исполненіе земли 56
VII. Подъ кедрами 67

На войнѣ. Записки.

I. Дома 74
II. Въ пути 88
III. Въ Мукденѣ 117
IV. Бой на Шахе 133
V. Великое стояніе: октябрь—ноябрь 162
VI. Великое стояніе: ноябрь—февраль 196
VII. Мукденскій бой 226
VIII. На Мандаринской дорогѣ 249
IX. Скитанія 271
X. Въ ожиданіи мира 292
XI. Миръ 306
XII. Домой 323

460105

LR
S6396

Smidovich, Vikenty Vikentievich

Полное собраніе сочиненій В.В. Вересаева

[pseud.] т.4

[Transliterated: Polnoe sobranie sochineny ... v.4.]

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED